

ИЗДАНИЕ

12-11-01

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

А. Н. Гей

НОВОТИТОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА

**МОСКВА
2000**

ББК 63.4
Г29

*Книга напечатана при содействии
АНЭО «Экоток»*

*Ответственный редактор
доктор исторических наук Н. Я. Мерперт*

*Рецензенты:
кандидат исторических наук С. Н. Корневский
научный сотрудник ИА РАН М. В. Андреева*

Гей А. Н.

Г29 Новотиторовская культура. – М.: ТОО «Старый сад», 2000. – 224 с.: ил.
ISBN 5-89930-035-3

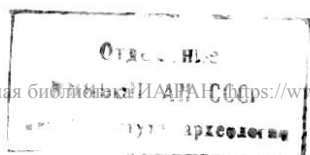
Книга посвящена одной из интереснейших археологических культур эпохи ранней бронзы (III тысячелетие до н.э.) в степях Предкавказья – новотиторовской. В ней излагается история открытия и осмысления новотиторовских памятников, публикуется ряд ярких погребальных комплексов, сопровождавшихся находками древнейших в Восточной Европе деревянных повозок, анализируется погребальный обряд и материальная культура древнего скотоводческого населения. Особое место уделено выяснению исторического места новотиторовской культуры в системе причерноморских и кавказских древностей, а также реконструкции по археологическим данным отдельных черт традиционной культуры (костюм, транспортные средства).

ББК 63.4

ISBN 5-89930-035-3

8228
V20

© А. Н. Гей, 2000 г.
© ТОО «Старый сад», 2000 г.
© Институт археологии РАН, 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что археологические исследования памятников эпохи энеолита и бронзового века Северного Кавказа и предкавказских степей имеют свою более чем вековую историю, наши знания об этих памятниках и стоящих за ними исторических реалиях никак нельзя назвать полными и всесторонними. Об этом недвусмысленно говорят продолжающиеся открытия принципиально новых как по своему характеру, так и по культурно-хронологической специфике, видов и типов памятников. Достаточно назвать такие яркие открытия, как энеолитический предмайкопский пласт, представленный, в частности, укрепленными поселениями вроде Свободного [Нехаев А.А., 1987; 1989], выразительный культурный массив подкурганых захоронений с чертами новосвободненской и нижнемихайловской культур, выявленный в степной части Северного Кавказа [Гей А.Н., 1991б; 1999], катакомбные памятники батуринаского типа в Восточном Приазовье, представляющие, по сути, особую, яркую позднекатакомбную культуру [Трифонов В.А., 1983; 1983б], оригинальные кладбища эпохи поздней бронзы в прямоугольных каменных оградах на Ставрополье [Андреева М.В., Дервиз П.Г., 1989] и многие другие.

К подобным открытиям без всяких оговорок может быть причислена и получившая название новотиторовской своеобразная курганная культура, относящаяся к раннему – началу среднего этапа бронзового века, существовавшая в Восточном Приазовье и на правобережье среднего и нижнего течения Кубани. Первые выразительные памятники ее были раскопаны только в 1970 г. В.И.Козенковой и Н.В.Анфимовым, выделение в качестве самостоятельной культурно-исторической и таксономической единицы произошло в 1979–1980 гг., а интенсивное изучение и накопление материалов продолжались на протяжении 80-х гг., в связи с развертыванием новостроечных работ на строительстве мелиоративных объектов и оросительных систем в Краснодарском крае.

В итоге к 1990 г. источниковая база культуры достигла 877 погребений, что позволяет дать достаточно подробную ее характеристику с самых разных точек зрения и на базе чисто археологических методов анализа сформулировать ряд исторических выводов и заключений, важных для восстановления исторических, этнических и социальных процессов, протекавших в III тысячелетии до н. э. на просторах степной полосы Восточной Европы и частично затронувших Кавказский регион. Эти события и процессы связаны с обширным кругом кочевых и полукочевых скотоводческих культур бронзового века, принадлежавших безусловно различным и даже разноэтничным племенам и народностям древности, но вместе с тем отмеченных печатью вполне определенного хозяйственно-культурного и исторического единства и осуществлявших оживленные разнопорядковые связи в самых широких пределах – от Подунавья на западе до Приуралья на востоке и Закавказья на юге.

Настоящая работа была задумана еще в начале 80-х гг. как монографическое исследование, призванное ввести в научный оборот новую культуру, продемонстрировать правомерность ее выделения из общей массы синхронных памятников Предкавказских степей и предгорий Северного Кавказа и вместе с тем определить

ее место и историческую роль на достаточно широком фоне, включив в определенный исторический контекст. По мере накопления материалов и в ходе работы замысел этот претерпел изменения. Культурологические, этнокультурные и хронологические моменты естественно дополнились разработками хозяйственно-экономического и социологического плана, поскольку и развитие теоретических аспектов отечественной археологии, и эволюция собственных взглядов автора неизменно подвели к пониманию тесных внутренних связей между этнокультурными и социально-хозяйственными факторами функционирования общества.

Не мне судить, насколько удачной оказалась реализация весьма разветвленного замысла; “мысль изреченная есть ложь”, а потому многие существенные моменты отражены либо недостаточно, либо не совсем так, как хотелось автору. Но и помимо этих, отвлеченных, на первый взгляд, факторов, я столкнулся с рядом вполне конкретных трудностей.

Одна из них – почти полное отсутствие публикаций новотиторовских памятников, как, впрочем, и памятников других культур бронзового века в Восточном Приазовье и степном правобережье Кубани, т. е. отсутствие введенных в научный оборот и доступных всем без исключения исследователям научных источников. К настоящему времени в литературе представлены, и то в самом лаконичном виде, результаты раскопок всего лишь 10 курганов, содержащих 76 захоронений эпохи ранней – средней бронзы, из которых только 35 могут быть отнесены к новотиторовской культуре [Козенкова В.И., 1973; Шарафутдинова Э.С., 1983; Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991]. Единичны публикации даже отдельных, вырванных из контекста археологического памятника погребений, как собственно новотиторовских [Гей А.Н., 1986], так и в основном предшествующих им майкопско-новосвободненских [Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988] или приходящих им на смену катакомбных [Трифонов В.А., 1983а; Динков А.Б., 1988]. Не являются источниками и приводимые в некоторых работах данные, представленные в виде списка или в табличной форме и снабженные крайне неинформативными иллюстрациями [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. С. 56–58]. Такое положение послужило одной из причин включения в данную книгу чисто публикационной части. Хотя она и не вписывается в работу в целом, вряд ли существует иной путь донести до читателей специфику и непосредственное ощущение памятников региона, а значит, и сделать понятными многие из высказанных положений.

Второй момент связан с тем, что, несмотря на отсутствие полноценной источниковой базы и соответствующих источниковедческих разработок, данные о памятниках Степного Прикубанья с различной степенью полноты и обоснованности многократно использовались в ряде работ проблемного и даже обобщающего характера. Такое их использование предопределило значительный разнобой как в терминологической, так и в концептуальной сферах, а в ряде случаев способствовало распространению недостоверных или прямо ошибочных, но не поддающихся проверке положений, с неизбежностью обреченных на дальнейшее тиражирование. Разбираться в таких хитросплетениях всегда сложно, а подчас – там, где выводы слишком воспарили и утратили всякую связь с базой источников, – и вовсе бесполезно. Именно поэтому я старался не углубляться в скрупулезный разбор всех положений, высказанных по поводу памятников, объединяемых в рамках новотиторовской культуры, а сосредоточиться по возможности на позитивных построениях, предоставляя читателю самому решать, что есть истина.

Наконец, третья трудность связана с тем, что из-за крайней неоперативности отечественной полиграфии в археологии Предкавказья и Прикубанья, как, впрочем, очевидно, и других регионов, сложилась своеобразная “устная традиция” – определенный комплекс терминов, понятий и идей, используемых в процессе общения специалистами, ведущими полевые работы в данном регионе. Будучи многократно проверенными и подтвержденными материалами разных экспедиций, они приобрели на данный момент даже аксиоматический характер, однако крайне слабо отражены в литературе и потому плохо понятны коллегам, работающим по сходной тематике в соседних областях.

В ряде случаев закрепленные в “устной традиции” положения диаметрально расходятся с отраженными в литературе и потому общепринятыми на протяжении десятилетий. В иных случаях они сопоставимы с ранее известными лишь частично, организуя всю сумму материалов по новым принципам, при этом подтверждая одни из известных гипотез и начисто разрушая другие, а иногда вообще не соотносятся с разработками предшественников, поскольку многие аспекты истории и жизни древних обществ стали (и становятся) доступными для научного осмысления лишь по мере накопления материалов. И если новые термины “устной традиции” можно кратко прокомментировать или хотя бы обозначить, какие реалии за ними стоят, то концептуальные моменты, косвенно соотносимые с темой исследования, нельзя снабдить ни развернутой аргументацией, ни соответствующими ссылками. Вместе с тем, обойтись без них невозможно, вот почему такие положения буквально вкраплены в ткань данного исследования. Их отбор и достоверность – целиком на совести автора. Могу сказать только, что одним из важнейших критериев истинности для меня является системность материала как такового и всех научных положений, основанных на этом материале.

* * *

Завершая преамбулу, должен подчеркнуть, что данная книга в известной степени подводит итоги 12 лет работы Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР (1979–1990) в Северо-Западном Предкавказье в том, что касается исследований памятников бронзового века. Поэтому хочу выразить глубокую признательность постоянным и временным сотрудникам экспедиции, без самоотверженной и часто тяжелой работы которых написание ее было бы просто невозможно. Автор благодарен сотрудникам ИА АН СССР Е.И.Савченко, О.А.Ульяновой, В.И.Мельнику, И.А.Сорокиной, Л.Б.Орловской, В.Я.Стеганцевой (Рябовой), Я.М.Паромову, Г.Г.Пятым, О.И.Сатееву, руководившим отрядами и группами экспедиции на раскопках степных курганов; постоянным сотрудникам экспедиции В.И.Голышкиной, Е.Е.Сырневой, О.Н.Якубовской, помимо участия в полевых работах проводившим и основной объем камеральной обработки; водителям экспедиционной автобазы АН СССР И.Д.Кушнареву, А.Г.Дорофееву, А.М.Якушину.

Большую помощь экспедиции в организации полевых работ оказывали начальник функционировавшей в 80-е гг. производственной группы по охране памятников истории и культуры Краснодарского крайисполкома О.П.Куликова и ее сотрудники Д.Э.Василиненко и Н.В.Волкодав.

Автор благодарен коллегам, в общении с которыми оттачивалась аргументация многих положений работы, а подчас возникали и новые, неожиданные аспекты исследования; тем, кто предоставил материалы своих раскопок, прежде всего

коллективу Кубанской экспедиции ЛОИА – В.С.Бочкареву, Э.С.Шарафутдиновой, В.А.Трифонову, А.Д.Резепкину, Г.Н.Бестужеву, Е.В.Избицер; сотрудникам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника А.В.Кондрашову, В.А.Тарабанову и Е.А.Ярковой (Хачатуровой); коллективу Краснодарской экспедиции Кубанского госуниверситета А.М.Ждановскому, И.И.Марченко, Н.Ю.Лимберис, А.В.Дроздовой; сотруднику производственной группы Управления культуры Краснодарского крайисполкома О.Ф.Жупанину и многим другим.

Ряд ценных советов и консультаций по методическим вопросам автор получил у И.С.Каменецкого, а по вопросам археологии Закавказья – у Т.О.Тенейшвили, которым он также глубоко признателен.

Данная работа была завершена в 1990 г. За истекшие 9 лет темпы накопления археологических материалов на юге Европейской России значительно снизились. За это время было раскопано буквально несколько курганов с новотиторовскими материалами (в частности, И.И.Марченко и Н.Ю.Лимберис в 1990 г. у ст. Новокорсунской, В.А.Тарабановым в 1990 и 1992 гг. у ст. Брюховецкой, Н.Ф.Шевченко и С.Урайкиным в 1992 г. у хут. Кавказский). Некоторые материалы из этих раскопок привлечены в качестве аналогий, но не учитывались при статистических подсчетах, поскольку не содержат информации, принципиально отличной от той, которой располагал автор.

ГЛАВА 1

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИЗУЧЕНИЯ НОВОТИТОРОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Памятники эпохи бронзы на территории Степного Прикубанья¹ – основного района распространения новотиторовской культуры, – в отличие от многих других районов европейских степей, долгое время оставались сравнительно плохо изученными. Лишь на Таманском п-ове и в прилегающих к нему районах раскопки курганов велись довольно регулярно начиная с середины XIX в. (Карейша Д.В., Бегичев К.Р., Тизенгаузен В.Г., Кондаков Н.П., Гросс Ф.И. и др. [Трифонов В.А., 1983б; 1991. С. 92–95]). Всего несколько курганов было вскрыто собственно в Восточном Приазовье, в междуречье Бейсуга и Еи и на самой р. Ее (Бранденбург Н.Е., Чуйко Д.Я.). Беспрецедентные по продолжительности и результативности работы Н.И.Веселовского затронули в основном Закубанье, где его привлекали богатейшие курганы майкопской, как мы теперь говорим, культуры и меотские железного века, и в меньшей степени – правый берег самой Кубани (станции Елизаветинская, Пашковская, Усть-Лабинская, Ладожская, Казанская). Севернее несколько насыпей было вскрыто им у станций Роговской и Брюховецкой в 1911–1912 гг.

Уровень раскопок того времени и подробность фиксации материалов таковы, что судить о культурной принадлежности, стратиграфических позициях и хронологии раскопанных комплексов практически невозможно. Им суждено навеки остаться “скорченными и окрашенными костяками” эпохи ранней и средней бронзы, по терминологии А.А.Спицына [1899]. Из 27 охарактеризованных им погребений Тамани (относившейся к правобережью до искусственного изменения русла Кубани в XIX в.) лишь 2, открытых Н.П.Кондаковым в 1880 г. у ст. Курчанской и в 1885 г. у ст. Титоровской, предположительно могут связываться с новотиторовской культурой по таким признакам, как наличие специфической скорченной позы на боку с разворотом на спину в первом случае и шесть ямок по краям могилы “от деревянного навеса” – во втором. К новотиторовской культуре, возможно, следует отнести и отдельные находки из дореволюционных раскопок, вроде сосуда с ушками из кургана 1 у ст. Усть-Лабинской (раскопки Н.И.Веселовского в 1903 г. [ОАК за 1903 г.]), однако элемент неопределенности здесь достаточно велик, поскольку аналогичные и сходные предметы часто присутствуют как в новотиторовских, так и в ямных, северокавказских и катакомбных комплексах, что объясняется в одних случаях сосуществованием и тесными контактами, в других – генетическими связями названных культур между собой. Для более или менее надежной атрибуции комплексов даже сейчас необходимо учитывать всю сумму обрядовых характеристик, облик инвентаря и стратиграфическое

¹ Так, с некоторой долей условности, в данной работе именуются степи Восточного Приазовья к северу от р. Кубань, в отличие от Степного Закубанья, занимающего левобережье Кубани до предгорий Кавказа.

положение. Приемы фиксации ряда показателей не были отработаны или сами показатели оставляли без внимания вплоть до середины нашего столетия.

В течение полувека после революции раскопки курганов в степном правобережье Кубани практически не производились, единичные насыпи были вскрыты у станиц Тимашевской, Пластуновской и Сергиевской [Анфимов Н.В., 1949; б/г*¹]. Уровень фиксации и безынвентарность и в этих случаях позволяют определить открытые погребения как относящиеся к эпохам ранней и средней бронзы без дальнейшей детализации. И только с начала 70-х гг., в связи с развертыванием мелиоративных работ на Кубани, начинается планомерное исследование степных курганов в регионе.

В 1970 г. при раскопках курганной группы у западной окраины ст. Новотиторовской В.И.Козенковой были открыты и тщательно документированы первые новотиторовские захоронения с повозками. Тогда же, в 1970–1971 гг., аналогичные захоронения были раскопаны Н.В.Анфимовым в курганах у ст. Роговской. К первой половине 70-х гг. относятся раскопки курганов у хут. Бойко-Понура, пос. Найдорф, ст. Динской и в совхозе “Приазовский” возле Приморско-Ахтарска, проведенные сотрудником Краснодарского музея Е.А.Ярковой, и нескольких крупных насыпей у ст. Ивановской, при которых был открыт ряд интересных новотиторовских комплексов.

Широкомасштабное строительство рисовых чеков и оросительных систем, угрожавшее сохранности археологических памятников на территории целых районов Краснодарского края, привело к созданию для их спасения крупных новостроечных экспедиций. С 1977 по 1981 г. раскопки курганов в Красноармейском и Калининском р-нах вела Северокавказская экспедиция Северо-Осетинского государственного университета, фактическим руководителем которой являлся В.А.Сафронов. Отряды этой же экспедиции проводили раскопки восточнее, в Кавказском р-не, возле границ со Ставрополем. С 1978 по 1982 г. в Динском, Выселковском и Кореновском р-нах работала совместная экспедиция Краснодарского музея и Управления культуры Краснодарского крайисполкома под руководством А.А.Нехаева. С 1978 по 1987 г. в Кореновском, Динском, Брюховецком, Тимашевском и Приморско-Ахтарском р-нах вела раскопки Кубанская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством В.С.Бочкарева. С 1979 по 1989 г. раскопки в Калининском, Красноармейском, Динском и Кавказском р-нах осуществляла Северо-Кавказская экспедиция ИА АН СССР.

В разные годы отдельные курганы и курганные группы были раскопаны сотрудниками Кубанского университета (А.М.Ждановским, И.И.Марченко, Н.Ю.Лимберис и др.), археологами Краснодарского музея (И.Н.Анфимовым, В.Н.Каминским, А.В.Кондрашовым, А.В.Пьянковым, В.А.Тарабановым, Н.Ф.Шевченко и др.), привлекаемыми к новостроечным работам археологами из других городов страны (А.С.Скрипкиным, М.П.Чернопицким; Ю.А.Шаталиным и др.).

В результате за последние двадцать лет изученность Степного Прикубанья достигла примерно такого же уровня, как Нижнего Подонья или Нижнего Поднепровья, исследовавшихся на протяжении многих десятилетий. Впрочем, Восточное Приазовье и Прикубанье изучены не совсем равномерно, основная масса раскопанных памятников расположена в Прикубанской зоне, между долинами Кубани и Бейсуга (рис. 1), тогда как срединные районы Доно-Кубанского между-

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены архивные материалы.

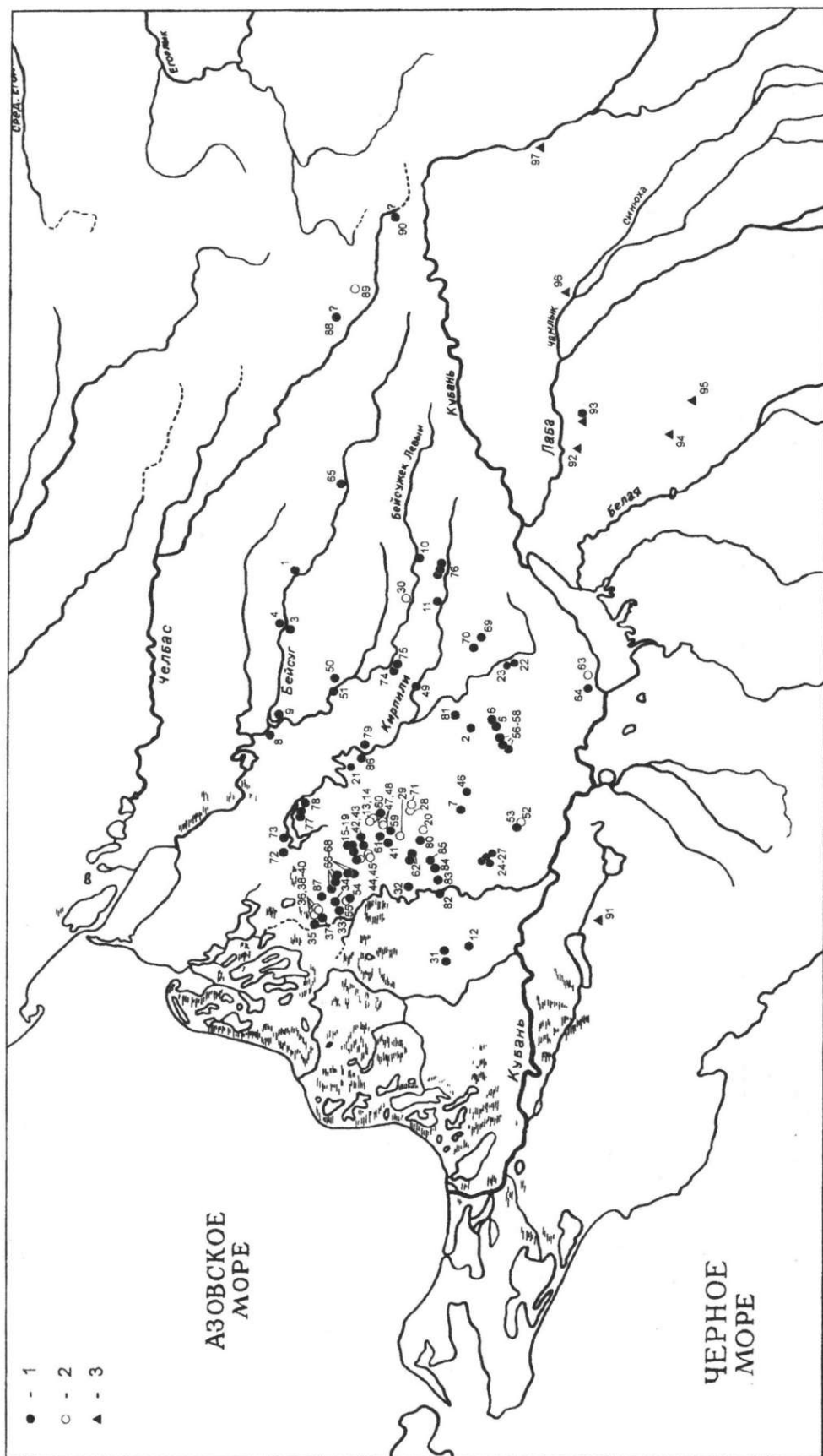

Рис. 1. Карта памятников новотитовской культуры

1-87 – соответствуют перечню памятников в табл. 1; 88 – Хоперская; 89 – Стелный I; 90 – Челбас I; 91 – Мингрельский I; 92 – Уляп; 93 – Чернышев I; 94 – “МТФ к-за им. Ленина”; 95 – Келермес; 96 – Большой Петропавловский; 97 – Новокубанский. Условные обозначения: 1 – курганные могильники, содержащие новотитовские материалы; 2 – курганные могильники эпохи ранней и средней бронзы, не содержавшие новотитовских материалов; 3 – памятники петропавловской группы

Таблица 1. Общие данные о курганных могильниках побережья Кубани (Краснодарский край)

№	Памятник	Местоположение	Год раскопок	Всего курганов ЭН-СБ	Всего погребений ЭН-СБ	МК	НС	ЭН	Я	НТ				ВП	БАТ	РБ-СБ	Источники
										I	II	III	Всего				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	Анапская I	Кореновский р-н	1982	11	58	-	1	-	3	1	3	8	13	15	9	17	Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983*
2	Балка Текучка	Динской р-н	1986	3	11	-	-	-	-	-	-	2	2	9	-	-	Бочкарев В.С., 1987*
3	Батури- нская I	Брюховец- кий р-н	1979	14	70	-	-	-	5	1	9	13	23	19	10	13	Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Трифонов В.А. и др., 1980*
4	Батури- нская II	- « -	1980	4	33	-	4	4	1	-	4	10	14	3	1	6	Бочкарев В.С., 1981*; Шарафутдинова Э.С., 1985
5	Белевцы I	Динской р-н	1985	4	21	-	1?	-	-	-	4	3	7	10	-	3	Бочкарев В.С., 1986*
6	Белевцы II	- « -	1985	2	16	-	2	-	2?	-	5	4	9	3	-	-	Пьянков А.В., 1986*
7	Бойко- Понура	Калинин- ский р-н	1973	1	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	Ярковая Е.А., 1973а*
8	Брюховец- кая I	Брюховец- кий р-н	1978	5	33	-	-	-	-	8	1	3	12	19	-	2	Бочкарев В.С., 1979; Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991
9	Брюховец- кая II	- « -	1981	8	44	-	1	-	-	3	10	6	21	14	3	5	Бочкарев В.С., 1982*
10	Бураков- ский	Коренов- ский р-н	1983	4	14	-	-	-	-	1	2?	5	8	3	1	2	Тарабанов В.А., 1984*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
11	Верхний (разные группы)	Коренов- ский р-н	1978, 1982	17	60	-	-	-	6	1	2	38	42	5	3	4	Нехаев А.А., 1979*; 1983*
12	Водный	Красноар- мейский р-н	1981	1	6	-	-	-	-	-	3?	?	3?	?	?	?	Шаталин Ю.А., 1982*
13	Восточно- малайский I	Калинин- ский р-н	1987	3	12	-	-	-	-	-	-	-	-	9	2	1	Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А., 1988*
14	Восточно- малайский II	- « -	1986, 1987	3	19	-	-	-	-	-	-	?	?	12	4	3	- « - ; Лимберис Н.Ю., 1989*
15	Греки I	- « -	1981	3	14	-	3?	-	-	-	-	2	2	5	3	1	Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И., 1985*
16	Греки II	- « -	1981	3	11	-	-	-	-	-	3	1?	4	2	1	4	- « -
17	Греки III	- « -	1981	1	7	-	-	-	-	-	3?	-	3?	1	-	3	- « -
18	Греки IV	- « -	1982	2	7	-	-	-	3?	-	-	-	-	1	1	2	Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1983*
19	Греки V	- « -	1982	2	7	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	4	- « -
20	Гришков- ские I-III	- « -	1981	5	12	-	-	-	1	?	?	?	?	2?	1?	3	Железчиков Б.Ф., 1982*
21	Днепров- ская I	Тимашев- ский р-н	1982	4	19	1?	9	-	-	1	1	2	4	-	1	4	Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983*
22	Динская (пер. Ставского)	Динской р-н	1987	1	9	-	-	-	-	-	1	6	7	1	1?	-	Чернопицкий М.П., 1988*
23	Динской курган	- « -	1973	1	19	-	2	-	2	-	4	8	12	-	-	3	Ярковая Е.А., 1973г*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
24	Ивановская	Красноар- мейский р-н	1971	1	1?	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	Баков Г., 1971*
25	Ивановская	- « -	1974	1	1?	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	Ждановский А.М., 1974*
26	Ивановская	- « -	1975	1	2?	-	-	-	-	-	1?	-	1?	-	1	-	Тарабанов В.А., 1975*
27	Ивановская	- « -	1977	1	4	-	-	-	-	-	2	-	2	-	1	1	Пятых Г.Г., 1978*
28	Калинин- ский III	Калинин- ский р-н	1983	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	4	Савченко Е.И., Мельник В.И., 1984*
29	Карстовый	- « -	1986	4	15	-	-	-	-	-	-	-	-	12	3?	-	Гей А.Н., Сатеев О.И., 1987*
30	Коренов- ский VII	Коренов- ский р-н	1989	3	10	-	-	-	2	-	-	-	-	4	-	4?	Жупанин О.Ф., 1990*
31	Красноар- мейская	Красноар- мейский р-н	1983	2	3	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	-	Анфимов И.Н., 1984*
32	Крупской	- « -	1978	13	40	1	-	1	-	17	11	2	32	4?	-	2	Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 19796*
33	Лебеди I	Калинин- ский р-н	1979, 1980	11	60	-	-	-	-	16	16	6	38	12	1	9	Гей А.Н., 1980*, 1981*
34	Лебеди II	- « -	1979, 1980	8	24	-	-	1	1	?	4	?	6	7	2	7	Рябова В.Я., 1981*
35	Лебеди IV	- « -	1980	3	16	-	4?	-	2	2	?	-	2?	-	-	8	Скарбовенко В.А., 1981*
36	Лебеди VII	- « -	1980	2	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7?	Скарбовенко В.А., 1981*
37	Лебеди VIII	- « -	1980	3	11	-	-	-	1	1	-	-	1	2	3	4	- « -
38- 40	Лебеди V, VI, IX	- « -	1980	35	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	Упоминание см.: Скарбовенко В.А., 1981*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
41	Магистраль- ный	- « -	1986	1	15	-	-	-	-	-	-	11?	11?	2	-	2?	Дроздова А.В., 1989*
42	Малаи I	- « -	1981, 1982	15	99	-	-	-	-	1	15	4?	20	74	4?	1	Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И., 1985*; Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1983
43	Малаи II	- « -	1982	1	12	-	-	-	-	-	3	2	5	7	-	-	- « -
44	Малаи III	- « -	1982	1	4	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	- « -
45	Малаи	- « -	1988	5	6	-	-	-	-	-	-	-	-	5?	-	1	Анфимов И.Н., 1989*
46	Найдорф	Динской р-н	1973	5	13	-	1	1	1	1	-	2	3	3	-	4	Ярковая Е.А., 1973а*
47	Недоступ- ный	Калинин- ский р-н	1987	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А., 1988*
48	Незаметный	- « -	1986	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	Лимберис Н.Ю., 1989*
49	Нижний	Коренов- ский р-н	1960-е гг.	1	8	-	-	-	1	2	1	2	5	-	-	2	Анфимов Н.В., б/г*
50	Новокор- сунская	Тимашев- ский р-н	1980	3	23	-	1?	-	-	4	4	-	8	8	5	1	Бочкарев В.С., 1981*; Шарафутдинова Э.С., 1983
51	Новокор- сунская	- « -	1985	2	32	-	7	-	10	2	4	7	13	1	1	-	Кондрашов А.В., Тарабанов В.А., 1986*
52	Новомышас- товская	Динской р-н	1974	1	2	-	?	-	?	?	?	?	?	-	-	-	Тарабанов В.А., 1974*
53	Новомышас- товская	Калинин- ский р-н	1975	9	22	-	-	-	-	-	10?	5	15	3	-	4	Ярковая Е.А., 1975*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
54	Новониколаевский I	- « -	1979	2	27	-	-	-	?	8	7	-	15	7	-	5	Гей А.Н., 1980*
55	Новониколаевский II	- « -	- « -	1	4	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	- « -
56	Новотиторовская	Динской р-н	1970	3	11	-	-	-	-	1	6	4	11	-	-	-	Козенкова В.И., 1971*, 1973
57	Новотиторовская	- « -	1973	14	33	-	-	-	1	1?	1	2	4	12	3	15	Ярковая Е.А., 1973*
58	Новотиторовская	- « -	1980	10	59	-	-	2	5	-	10	4	14	29	2	9	Нехаев А.А., 1982*
59	Овальный	- « -	1986	2	21	-	-	-	-	-	7	-	7	8	-	6	Лимберис Н.Ю., 1989*
60	Олений I	Калининский р-н	1987	3	38	2	2	-	4	-	-	15	15	14	1	-	Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А., 1988*
61	Останний	- « -	1985	2	25	-	-	-	-	5?	7	7	19	3	1	2	Ульянова О.А., Сатеев О.И., Гей А.Н., 1986*
62	Павлоград Чапаи	- « -	1978	10	22	1	-	-	-	7	5	3	17	2	-	2?	Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979*
63	Пашковский	г. Краснодар	1977	1	4	-	-	-	-	-	-	-	?	2	-	?	Тарабанов В.А., 1978*
64	Пашковский	- « -	1981	2	12	-	-	-	2?	1	3	-	4	5	-	1	Лесков А.М., Балнский И.М., Днепровский К.А. и др., 1982*
65	Первомайский	Выселковский р-н	1979	4	20	1	1	-	6	2	1	9	12	-	-	-	Нехаев А.А., 1980*
66	ПКОС (неск. групп)	Калининский р-н	1979	50	175	1?	-	-	7	27	45	17	99	26	17	25	Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
67	ПКОС (неск. групп)	- « -	1980	5	27	-	-	-	-	1	12	-	13	10	-	4	Николаев Г.А., 1981*
68	ПКОС (неск. групп)	- « -	1980	3	20	-	-	-	-	1	14	-	15	4	-	1	Гиджрати Н.И., 1981*
69	Пластунов- ский (XXXVI- XXXVII)	Динской р-н	1977	2	4	-	-	1	-	-	?	?	3	-	-	-	Нехаев А.А., 1978*
70	Пластунов- ский I	- « -	1988	2	58	-	15	-	5	2	9	9	20	15	3	-	Гей А.Н., 1990*
71	Поповичев- ский II	- « -	1983	1	7	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	6?	Савченко Е.И., Мельник В.И., 1984*
72	Приазов- ский	Приморско- Ахтарский р-н	1973	1	8	-	-	-	-	4	3	-	7	-	-	1	Ярковая Е.А., 1973в*
73	Приазов- ская I	- « -	1983	10	68	-	-	-	-	10	15	3	28	32	6	2	Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Избищев Е.В., Чернопицкий М.П., Смирнов А.М., 1984*
74	Пролетар- ская I	Коренов- ский р-н	1982	3	25	-	-	-	4	2	8	-	10	7	3	1	Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983*
75	Пролетар- ский (неск. групп)	- « -	1984, 1986	13	86	-	3?	1	8	6	15	16	37	13	16	8	Шевченко Н.Ф., 1985*, 1987*
76	Раздольная (неск. групп)	- « -	1977- -1980	19	100	-	3	-	11	6	21	34	61	7	6	12	Нехаев А.А., 1978*, 1979*, 1980*, 1982*
77	Роговская (неск. групп)	Тимашев- ский р-н	1970- -1971	16	38	-	-	-	-	14	14	2	30	3	-	5	Анфимов Н.В., 1974*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
78	Роговская	- « -	1972	3	13	-	-	-	2	4	4	-	8	1	-	2	Сафронов В.А., 1973*
79	Садовод	- « -	1985	2	5	-	-	1	-	-	-	1?	1?	1	1	1	Шаталин Ю.А., 1986*
80	Северный	Калинин- ский р-н	1981	1	2	-	-	-	-	-	2?	-	2?	-	-	-	Скрипкин А.С., 1982*
81	Старомышас- товская	Динской р-н	1984	3	6	-	-	-	-	-	1	-	1	1	2	2	Бочкарев В.С., 1985*
82	Староние- стеблиевская	Красноар- мейский р-н	1982	1	25	-	?	4	-	9	3	3	15	2	2	?	Шаталин Ю.А., 1983*
83	Староние- стеблиевская	- « -	1986	5	64	2?	13	1	9	16	21	1	38	-	1	-	Анфимов И.Н., 1987*, 1987
84	Староние- стеблиев- ская I, II	- « -	1988	6	24	-	4?	-	-	-	2	4	6	9?	1	4	Паромов Я.М., 1989*
85	Староние- стеблиев- ская III	Красноар- мейский р-н	1989	1	7	-	-	-	-	-	2	-	2	4	-	1	Савченко Е.И., 1990*
86	Тимашевский курган	г. Тима- шевск	1984	1	12	-	3?	-	3?	3	-	1	4	-	1	1	Каминский В.Н., 1985, 1985*, Динков А.Б., 1988
87	Царский	Калинин- ский р-н	1981	2	4	-	-	-	1	2	-	-	2	1	-	-	Пятых Г.Г., 1982*
ВСЕГО:				441	1997	9	80	17	109	194	372	288	877	508	128	260	

Примечание: БАТ – батурийская культура; ВП – восточноприазовская культура; МК – майкопская культура; НС – новосовободненская культура; НТ – новотиторовская культура (I, II, III – периоды); РБ – эпоха ранней бронзы; СБ – эпоха средней бронзы; ЭН – энеолит; Я – ямная культура. Те же сокращения приняты в тексте.

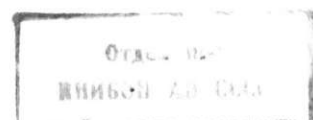
речья, важные для уточнения вопросов, касающихся взаимоотношений культур и племен обеих областей, почти не затронуты раскопками.

Всего к началу 1990 г. в степном Правобережье раскопано более 400 курганов с погребениями энеолита – среднего бронзового века; около 2000 таких захоронений и составили источниковую базу настоящего исследования (табл. 1; рис. 1). В таблице приводятся основные сведения о работах отдельных исследователей, а также данные о культурно-хронологическом составе погребальных комплексов разных курганов и курганных групп, детализирующие представления о характере источников. Комплексы при подсчетах отнесены к тем или иным культурно-хронологическим группам в соответствии с представлениями автора. Опираясь на определения, содержащиеся в отчетах, можно далеко не всегда, среди них достаточно часто встречаются ошибочные; многие исследователи – из осторожности или не считая себя специалистами по эпохе бронзы – предпочитают говорить о погребениях эпохи ранней или средней бронзы без дальнейших уточнений. До выделения новотиторовской культуры относящиеся к ней материалы обычно фигурировали как ямные или древнеямные, иногда их продолжали именовать так и после выяснения культурного своеобразия этих памятников [Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 19796*; 1980*; Шаталин Ю.А., 1982*; Анфимов И.Н., 1984* и др.]. Встречаются экстравагантные определения новотиторовских комплексов как “погребений культуры шнуровой керамики” и “погребений культуры шаровидных амфор” [Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 19796*; Гиджрати Н.И., 1981*]. Не существует четких правил различения энеолитических, майкопских и новосвободненских захоронений.

Проанализировав всю серию из 1997 погребений, известных к 1990 г., считаю, что с разной степенью вероятия к новотиторовской культуре и смешанным типам, отражающим взаимодействие носителей этой культуры с соседями, могут быть причислены 877 захоронений. Эта выборка и подвергнута подробному исследованию; прочие комплексы, принадлежащие иным, более ранним, более поздним и синхронным культурным типам, привлекались в качестве сравнительного материала для воссоздания целостной картины.

Осмысление материалов эпохи бронзы Степного Прикубанья, в том числе и выразительных новотиторовских находок, происходило параллельно и симметрично увеличению фонда источников. До начала 70-х гг. нашего столетия единственным, по сути, источником для каких-либо суждений служили недостаточно информативные материалы дореволюционных раскопок, весьма ограниченных и по объему. На их основании В.И.Марковин включил часть правобережья Кубани в территорию распространения северокавказской культуры, перенеся, впрочем, на карте на правый берег и некоторые левобережные памятники (например, Некрасовскую [Марковин В.И., 1960. Рис. 30]), однако скромные находки отсюда практически не повлияли на характеристику особенностей этой культуры и ее этапов. Находки круглодонных сосудов в раскопках Н.И.Веселовского, Д.Я.Чуйко, а затем и при раскопках К.Ф.Смирнова у ст. Пашковской, позволили говорить о заселении Прикубанья племенами ямной культуры [Формозов А.А., 1965; Мерперт Н.Я., 1968*].

Оценивая первые открытые ею в 1970 г. новотиторовские погребения с повозками, В.И.Козенкова отметила, что в них присутствуют черты ямной, северокавказской и катакомбной культур, что отражается как в ритуале, так и в инвентаре, и датировала их на этом основании началом II тысячелетия до н. э. [Козенкова В.И., 1973]. Бесспорное влияние на это заключение, как явствует из текста от-

чета [Козенкова В.И., 1971*], оказало то обстоятельство, что в Предкавказье до тех пор находки повозок были известны только в катакомбных захоронениях Калмыкии и Нижнего Дона. Ряд интересных деталей, отмеченных при раскопках, не вошел в публикацию и отражен только в отчете (заключение о возможности формирования родовых кладбищ, сделанное на основании сходства новотиторовских, как бы мы сейчас сказали, погребений одного кургана между собой; наблюдения, касающиеся роли огня в ритуале и появления в поздних комплексах трупосожжений; предположение о ритуальном, а не практическом, характере самих повозок, о чем якобы свидетельствует их непрочность, выражающаяся, в частности, в использовании составных колес, и т. д. [Там же]). Близкую оценку, правда уже опираясь на статью В.И.Козенковой, дал результатам своих раскопок у ст. Роговской Н.В.Анфимов, указавший, в частности, на принадлежность раскопанных им погребений одной культуре, примыкающей к ямной КИО, на повозки как на характерную черту этой культуры, и датировавший их концом III – началом II тысячелетия до н. э. [Анфимов Н.В., 1974*].

Начиная с 1980 г., когда накопление курганных материалов пошло особенно быстрыми темпами, своеобразие группы захоронений с повозками или отдельных ее вариантов обратило на себя внимание целого ряда исследователей. В.А.Сафронов в хронологической схеме памятников эпохи бронзы Степного Прикубанья отметил, что между майкопскими памятниками, отнесенными к XXV–XXIV вв. до н. э., и раннекатакомбной культурой, датированной начиная с середины XVIII в., в низовьях Кубани существует культурная группа, представляющая собой степную филиацию новосвободненской культуры, для которой характерны левобочные слабоскорченные захоронения с повозками [Сафронов В.А., 1980]. Н.А.Николаева дополнила характеристику, указав на наличие в погребениях этой филиации правобочных захоронений в характерной позе с отклонением на спину, находок чернолощеной посуды и керамики с шнуровым орнаментом. Обозначив ее как культуру с повозками и новосвободненской керамикой, она правильно сопоставила кубанские находки с памятниками старосельского типа в Поднепровье, объединив их в рамках единого черноморско-азовского явления. Сложение его связывалось с движением к югу культуры шаровидных амфор [Николаева Н.А., 1980], что полностью отвечало духу предшествующих работ исследователей [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974] и неоднократно повторялось в последующих [Сафронов В.А., 1989], однако не было подкреплено серьезными разработками и потому не встретило понимания [Марковин В.И., 1994].

Набросок культурно-хронологического разделения памятников правобережья Кубани был предложен А.А.Нехаевым на основании его раскопок в Динском, Кореновском и Выселковском р-нах [Нехаев А.А., 1983]. Не вводя новых терминов, он отделил значительную часть захоронений в скорченном на спине, правом боку и вытянутом на спине положении с западной ориентировкой от погребений известных к тому времени культур, справедливо подчеркнув их сходство с местными катакомбными памятниками. Повозки рассматривались как отдельное явление, присутствующее в захоронениях разных групп, в том числе и в ямных, и датировались промежутком времени от новосвободненской до раннекатакомбной культуры. Подтверждалось наличие в регионе ямных памятников, которые частично синхронизировались с новосвободненскими, а частично объявлялись более ранними (вероятно, из-за распространенной тогда поздней датировки НС, поскольку непосредственно из материалов это никак не следовало). Это заключение не подтвердилось впоследствии, однако архаизм ямных памятников центральных

и восточных зон степного Правобережья по сравнению с вышеназванными безымянными обрядовыми группами был отмечен верно.

Стройная картина смены различных обрядово-стратиграфических групп погребений энеолита – среднего бронзового века была разработана В.А.Трифоновым. Опубликованная в тезисной форме [Трифонов В.А., 1982], она была конкретизирована в коллективном труде сотрудников Кубанской экспедиции ЛОИА [Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983]. Весь массив погребений энеолита – ранней бронзы был разбит на 8 групп на основании обрядовых признаков, ведущая роль среди которых отводилась позе и ориентировке погребенных. Последовательность этих групп во времени определялась с учетом данных стратиграфии. Древнейшими в курганах Степного Прикубанья оказались комплексы, обозначенные как памятники позднего энеолита степей (группа 1) и связанные с новосвободненской культурой (группа 2). Частично синхронными группе 2 или несколько более поздними признавались скорченные на спине с восточной ориентировкой захоронения группы 3, отнесенные к ямной культуре. Близки им по времени лево- и правобочные захоронения с восточной ориентировкой (группа 4), локализованные преимущественно в западных районах Прикубанья. На смену им приходят группы 5 и 6, сохраняющие те же обрядовые особенности (скорченность на спине у первых и на боку – у вторых) и локализацию, но приобретающие в обоих случаях западную ориентировку и более поздние типы инвентаря, а также группа 7, с вытянутыми головой на запад костяками. Находки повозок в погребениях групп 3–7, общность многих черт ритуала и инвентаря, по мысли авторов, свидетельствуют о возможности объединения их в “один общий культурный блок” [Там же. С. 86]. Замыкают раннебронзовую колонку скорченные на правом боку головой к западу захоронения группы 8, сменяемые, в свою очередь, раннекатакомбными комплексами.

Подробное изложение этой же системы, с приведением всей суммы доказательств, более дробной разработкой классификации обрядовых групп и вариантов, культурно-историческая характеристика и датировка памятников эпохи бронзы Прикубанья составили содержание кандидатской диссертации В.А.Трифорова [1983б], опубликованной затем в несколько переработанном виде [Трифонов В.А., 1991]. Наибольший интерес здесь представляет переход от обрядово-стратиграфических групп захоронений на уровень культурных групп и культур, определение их места в системе древностей степной полосы, историческая интерпретация и абсолютная датировка.

Древнейшие подкурганные захоронения Прикубанья рассматриваются в системе хвалынско-среднестоговской КИО и датируются второй половиной IV тысячелетия до н. э. Сменяющие их комплексы собственно майкопской культуры, ее новосвободненского варианта и позднейшие энеолитические захоронения, сопоставимые с позднесреднестоговскими и нижнемихайловскими, отнесены к первой половине III тысячелетия, с учетом общей передатировки майкопских древностей, предпринятой сравнительно недавно [Андреева М.В., 1977; 1979; Кореневский С.Н., 1981, 1993; Нехаев А.А., 1987; Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988]. Начиная с середины этого периода (примерно с XXVII в. до н. э.) в центральных и восточных районах Прикубанья появляются памятники ямной культуры, существующие до последних веков III тысячелетия и проходящие в своем развитии два этапа. К раннему отнесены скорченные на спине погребения с восточной ориентировкой, к позднему – такие же с западной, а также часть погребений в вытяну-

том положении на спине с признаками тугого пеленания трупа и западной ориентировкой. Одновременно с ними в западных районах существует культурная группа, для обозначения которой используется предложенный мною термин “новотиторовская”. Ранний новотиторовский этап, представленный скорченными захоронениями на правом и левом боку с разворотом туловища на спину и восточной ориентацией, синхронизируется с раннеямным этапом. Поздний, с такими же захоронениями, ориентированными головой к западу, сопоставлен с поздним этапом ямной культуры Прикубанья. На этом позднем этапе происходит распространение новотиторовских памятников в Закубанье. В конце III тысячелетия обе культурные группы, ямная и новотиторовская, вытесняются особой “предкатакомбной” группой, представленной вытянутыми на спине и слабоскорченными на правом боку захоронениями с западной ориентировкой, что, по мнению В.А.Трифонова, связано с частичной сменой населения. Одновременно на смену новотиторовским памятникам в Закубанье приходят северокавказские первого этапа развития этой особой общности. Наконец, на рубеже III и II или в самом начале II тысячелетия до н. э. в Прикубанье появляются раннекатакомбные погребения, а в Закубанье продолжается развитие северокавказской культуры, вступившей во второй этап развития.

Оценивая предлагаемую последовательность, можно сказать, что мы имеем дело с хорошо аргументированной схемой развития обрядово-стратиграфических групп памятников определенного региона, логично соотнесенной с такими же локальными схемами других территорий, однако далеко не безупречной, прежде всего в той части, где речь идет о культурной атрибуции и историческом истолковании таких групп. Хотя автор заявляет, что при составлении периодизации учитывались связи между типами погребений и типами погребального инвентаря, простое сравнение таблиц инвентаря показывает наличие значительного числа общих типов в трех культурных группах: ямной, новотиторовской и предкатакомбной. Не меньше сходжений оказывается и среди признаков, характеризующих погребальную обрядность этих групп. Элементарный подсчет показывает, что примерно из 30 разнопорядковых признаков и показателей, используемых для характеристики групп и их этапов, две трети оказываются идентичными или близкими. Более того, тенденции их изменения от этапа к этапу оказываются общими для так называемых ямных и новотиторовских памятников (изменение ориентировки, изменение доли могил с жертвенниками или колышками по углам ямы). Более или менее четко по этим показателям отделяются лишь явно инокультурные майкопская и северокавказская группы. Создается впечатление, что для культурного определения автору достаточно одного, бесспорно важного, но не исчерпывающего признака – позы погребенного. Впрочем, логика его применения также не всегда понятна. Почему, например, скорченные на спине и вытянутые захоронения отнесены к числу ямных, а скорченные на правом боку с той же ориентировкой и аналогичными инвентарем и обрядовыми деталями – к новотиторовским, тогда как часть вытянутых и часть правобочных все с той же западной ориентировкой оторваны от “ямных” и “новотиторовских” и объединены в группу “предкатакомбных”? Из-за различий в локализации, которые имеют вид тенденции, а не непреложного закона, или из-за разницы стратиграфических позиций? Но последние могут отражать и какие-то нюансы развития единой культуры и одного массива населения.

Приходится так подробно останавливаться на этих вопросах, потому что они имеют самое прямое отношение к проблеме выделения новотиторовской культу-

ры, ее разграничения с очень близкой по целому ряду параметров и особенностей ямной культурой, а значит, и к определению круга источников для данного исследования. С моей точки зрения, отказ В.А.Трифорова от понятия “единого культурного блока”, охватывающего, условно говоря, “ямные” и “новотиторские” памятники, неправилен; более того, этот культурный блок, с добавлением “предкатакомбной” группы, и заслуживает обособления в рамках единой новотиторской культуры, прошедшей в своем развитии ряд этапов и включавшей несколько локальных вариантов. Этим, в первую очередь, и различается распределение по культурам всего массива прикубанских памятников у В.А.Трифорова и у автора данной работы (у него учтено 242 ямных, 106 новотиторских и около 100 предкатакомбных комплексов; в данной работе – 109 чисто ямных и 877 новотиторских).

Чтобы закончить эту тему, добавлю, что строгость и жесткость принципов отбора материалов и исследовательских операций, о необходимости которых так долго твердили археологи, не всегда являются благом и чаще всего приводят к излишнему схематизму построений. Одним из главных принципов отбора и первичного определения материалов я считаю анализ археологического контекста, места этих материалов в как можно большем числе разнопорядковых систем координат, индивидуальный подход в каждом конкретном случае.

К примеру, наличие скорченных на спине или вытянутых захоронений в составе единого кольцевого кладбища с преобладанием типичных новотиторских правобочных захоронений может – даже при наличии дополнительных черт сходства между всеми этими комплексами – быть истолковано формально, когда комплексы эти разведены по положению покойника, как у В.А.Трифорова, а может рассматриваться как свидетельство сосуществования нескольких разновидностей обряда у единого новотиторского коллектива. Еще более очевидным свидетельством в пользу второй трактовки служат коллективные захоронения, в которых сочетаются разные варианты позы погребенных (рис. 2, 4, 5), не привлекавшие, кстати сказать, пристального внимания В.А.Трифорова. Естественно, будучи сторонником именно второго подхода, я все подобные комплексы относил к числу новотиторских, сходным образом поступая и в других близких ситуациях.

Отсюда различия в определении источниковой базы, отсюда же и значительные расхождения в трактовке вопросов о сущности и характере новотиторской культуры. Добавлю, что стратиграфическое разграничение некоторых обрядовых групп в работе В.А.Трифорова (особенно в той части, где “позднеямные”, “поздненотиторские” и “предкатакомбные” комплексы соотнесены друг с другом) отражает не только их хронологическую последовательность, но и правила формирования единых подкурганых кладбищ (когда определенные разновидности захоронений совершаются в определенной последовательности и на вполне определенных местах, тогда как сами эти кладбища могут быть совершенно разновременными).

Вызывает возражения и система синхронизации разных культурных типов между собой. В первую очередь это касается положения о частичной синхронности раннеямной и ранненотиторской групп с майкопско-новосвободненской, основанного, прежде всего, на сопоставлении типов металлических орудий, которые, как показывают наблюдения, имеют свои темпы эволюции, не совпадающие с этапами общекультурного развития.

Второй сомнительный момент – время распространения новотиторской культуры в Закубанье и продолжительность ее существования там. У В.А.Трифорова

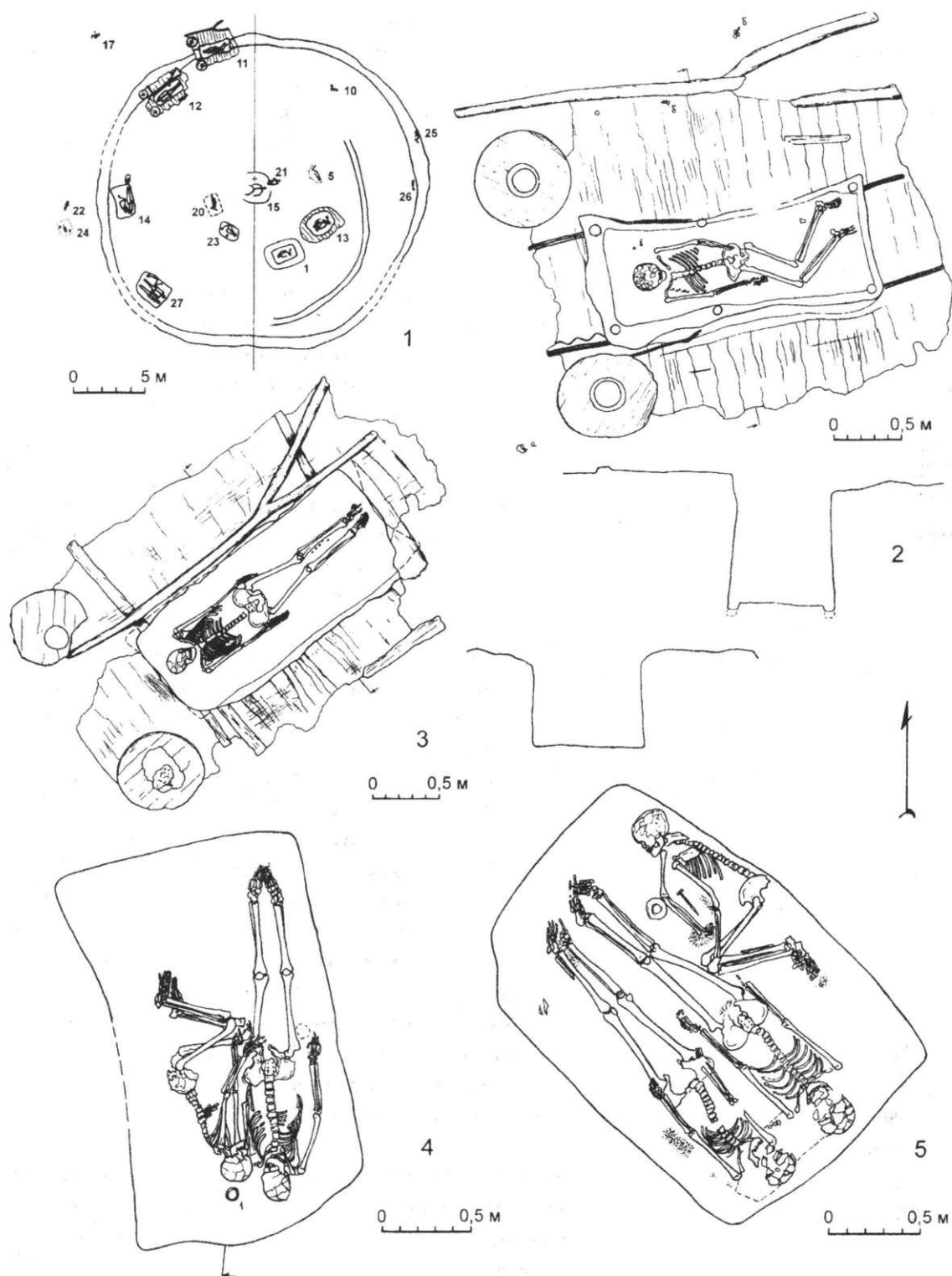

Рис. 2. Погребения кольцевого кладбища Динского кургана (у "Транссельхозтехники", 1973 г.) с сочетанием различных форм обряда

1 - план центральной части кургана; 2 - погр. 11; 3 - погр. 12; 4 - погр. 14; 5 - погр. 27

нова этот период совпадает с поздним этапом развития “новотиторовского типа”. Предпринятая в данной книге разработка относительной хронологии типов и вариантов костяных булавок свидетельствует о синхронизации экспансии новотиторовцев в Закубанье с концом раннего – первой половиной развитого этапа этой культуры и о крайней непродолжительности их присутствия на левобережье.

В прямой связи с этим стоит и вопрос о синхронизации культур правобережья Кубани с северокавказскими памятниками, пришедшими в левобережье на смену новотиторовским. Есть веские основания полагать, что древнейшие северокавказские памятники распространяются на Северо-Западном Кавказе ранее “предкатакомбной” группы В.А.Трифенова (моей поздненовотиторовской стадии), уже на втором новотиторовском этапе, т. е. не в конце, а ближе к середине III тысячелетия до н. э.

Параллельно с разработками ленинградских археологов развивали, совершенствовали и аргументировали свою концепцию “степной филиации новосвободненской культуры”, иначе – “культуры погребений с повозками”, Н.А.Николаева и В.А.Сафронов. В большой работе [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983] они включили соответствующие материалы Прикубанья в состав особой днепрокубанской или кубано-днепровской культуры (КДК), отнесенной на этот раз к XXIII – второй половине XVIII в. до н. э. Детальный разбор этой концепции предельно затруднен нечеткостью методических приемов и подходов этих авторов, произвольным и слабоаргументированным подбором памятников и материалов, связываемых с новой культурой, путаным изложением своих (и чужих) взглядов.

Отмечу верные в целом положения о причастности данной культуры к распространению колесного транспорта в Европе, об относительной хронологической ее позиции между майкопской и катакомбной культурами, о доминировании этого культурного типа в Прикубанье, при эпизодических проникновениях сюда собственно ямных памятников. А вместе с тем – странную избирательность при определении состава КДК, куда не включены многие нижнеднепровские и донские материалы сходного облика и все аналогичные памятники к западу от Буга, положение о распространении культуры с запада на восток, без сравнения и соотнесения между собой памятников разных регионов, ошибочное подключение сюда инокультурных комплексов (позднеэнеолитических, типа погребения из Танкового в Крыму), наконец, явственное смешение в рамках КДК собственно новотиторовских, чисто новосвободненских и даже позднекатакомбных батуринских комплексов, заметное уже по иллюстрациям.

Не прибавляют ясности и окончательные выводы, согласно которым, “с 23 в. до н. э. по вторую половину 18 в. до н. э. от низовий Буга и Днестра до низовий Кубани приморская полоса была занята одной культурой, которая на этой же территории переросла в ПКК (приазовскую катакомбную культуру. – А. Г.) под влиянием злотского компонента, но продолжала существовать (sic! – А. Г.) на этой территории до 16 в. до н. э. (до 17 в. до н. э. на Нижнем Дону)” [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. С. 67]. С одной стороны, общность намечена вроде бы верно, с другой – неполно, схематично и с привлечением явно разнородных материалов. Участие ее в сложении катакомбных культур несомненно, но никоим образом не вяжется с продолжением существования до немыслимо поздних сроков. И так на каждом шагу – прозрения сменяются заблуждениями и наоборот, что, кстати сказать, напрямую вытекает из крайней упрощенности методик и логических процедур, используемых при решении достаточно сложных про-

блем. Не способствуют выяснению истины и заранее заданные варианты решений, вытекающие из общих концепций и установок авторов.

Без кардинальных изменений та же концепция КДК вошла и в следующее, столь же интересное, сколь и спорное, исследование В.А.Сафронова об индоевропейских прародинах [Сафронов В.А., 1989]. Разбор такого масштабного исследования требует совершенно другого уровня, замечу только, что разрыв между глобальностью построений и удручающей неразработанностью конкретных тематик, проблем, массивов источников выглядит в этой работе еще более зияющим. Подобные труды, бесспорно, служат катализаторами научной мысли, но при явной диспропорции индуктивных и дедуктивных методов и приемов исследования содержат в лучшем случае столько же ошибочных выводов и заключений, сколько и верных. Претензия на системность построения в данной ситуации играет совсем не ту роль, что кажется автору. Вместо того чтобы создавать своего рода "переходные мостики" при движении от одного доказанного положения к другому по пересеченной местности, изобилующей "белыми пятнами", предлагаемая "система" сама начинает разваливаться по мере обнаружения противоречий и неточностей в отдельных ее звеньях, а таких противоречий в указанной работе более чем достаточно.

В заключение укажу, что мои тезисы, заметки и статьи по новотиторовской тематике [Гей А.Н., 1983; 1985а; 1985б; 1986; 1987; 1991а; 1991б; 1991в] служили как бы промежуточными этапами при подготовке данной книги. В них предваряются, а иногда и более подробно рассматриваются многие из высказанных ниже положений и гипотез. Кроме того, многие вопросы, касающиеся сложения новотиторовской культуры, ее хозяйственного уклада, палеодемографии, уровня социального развития, реконструкции некоторых аспектов идеологических представлений, достаточно подробно освещены в серии статей [Гей А.Н., 1989; 1990; 1993; 1994; 1999б], а потому в данной работе специально не рассматриваются. По сути, эти разработки являются продолжениями данной книги, высказанные в них мысли в значительной степени базируются на ее материалах и, как представляется автору, развивают и детализируют многие из ее положений.

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ НОВОТИТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Известные к настоящему времени памятники НТ культуры занимают довольно компактную территорию в пределах восточного и даже, более узко, юго-восточного Приазовья. Отдельные курганы и целые курганные группы НТ времени раскопаны в пределах т. н. Большой дельты Кубани (на Протоке и Ангелинском Ерике), в долинах таких степных рек и рек, как Понура, Кирпили, Бейсуг с Левым Бейсужком, несущих свои воды непосредственно в Азовское море (рис. 1). Восточная половина этого района представляет собой волнистую равнину, пересеченную пологими балками, сухими, за исключением дождливых периодов, западная же – низменную влажную и даже заболоченную равнину, непосредственно переходящую в приазовские плавни.

Приуроченность курганных памятников к степным речкам и крупным балкам делает наглядным анализ плотности размещения по территории, при этом видны повышенная концентрация их в приморской полосе и нижнем течении рек и постепенное убывание вверх по долинам [Гей А.Н., 1990]. Поскольку, по данным многолетних раскопок, не менее 95 % всех курганов на этой территории возведено в раннем и среднем периодах бронзового века и не менее 45 % содержат НТ захоронения, ясно, что такая их группировка отражает и особенности группировки собственно НТ памятников.

В более широком плане можно констатировать существование зон с пониженной плотностью и даже отсутствием курганных памятников. В их число входит 15–25-километровая полоса вдоль правого возвышенного берега Кубани, где нет ни ее притоков, ни крупных балок, а также обширные пространства степей в верховьях рек Челбас и Ея, в среднем течении Еи и на водоразделе Еи и Кагальника. Все это позволяет говорить об особой *прикубанской*, или *восточноприазовской курганной “стране”*, отделенной зонами с пониженной концентрацией курганов от своеобразных курганных массивов Закубанья на юге, от ставропольских массивов на востоке, от доно-манычской курганной “страны” на севере. Таким образом, можно говорить о естественных природных границах, способствовавших культурной монолитности данного образования, и реальной группировке НТ памятников в Прикубанье, отражающей структуру расселения и хозяйственного освоения территории.

Хотя раскопками на данный момент охвачены лишь южные и, в меньшей степени, центральные районы этой прикубанской курганной “страны”, в перспективе можно ожидать, что НТ памятники будут открыты в немалом количестве и в северной части ареала, в курганных “массивах” долин Челбаса и Еи, поскольку никаких природных границ здесь не существует.

Что касается южной границы по Кубани, то она оставалась реальной на всем протяжении существования НТ культуры. Лишь на очень небольшое время, приблизительно в конце раннего НТ этапа, граница эта сместилась в Закубанье, где появляются сравнительно немногочисленные памятники с яркими НТ чертами (Большой Петропавловский, Мингрельские I и II могильники, курган между Ги-

агинской и Белореченской, неверно определенный как северокавказский, Уляп, Чернышев I и др. [Савченко Е.И., 1985*; Ульянова О.А., 1986*; Черных Е.Н., 1992; Лесков А.М., Балинский И.М., Днепровский К.А. и др., 1982*; Днепровский К.А., 1988]). До этого момента Закубанье, скорее всего, было занято поздними группами синкретической майкопско-новосвободненской культуры, после него – древнейшими памятниками северокавказской культуры вытянутых захоронений, носители которой появляются внезапно и буквально поглощают немногих рискнувших пересечь Кубань ямных и НТ мигрантов.

Более “прозрачными” оставались восточные и северо-восточные границы прикубанской “страны”. Отдельные сходные с новотиторовскими комплексы встречаются и в верховьях Челбаса, и далее к востоку, уже в пределах Ставрополя (например, Старо-Михайловка [Минаева Т.М., 1965]). Однако определить, относятся ли они собственно к НТ культуре или же к кругу близких НТ культурных образований, существовавших и на Нижнем Дону, и в Ставрополье, и в Калмыкии, достоверно нельзя, поэтому их существование никак не влияет на предлагаемые границы основного ядра НТ культуры. Отдельные НТ группы на протяжении своей истории, бесспорно, могли перемещаться в очень широких пределах.

Известные памятники НТ культуры – исключительно погребальные – представляют собой захоронения, впущенные в более древние курганы (энеолитические, майкопско-новосвободненские и ямные раннего и развитого этапов), а также собственные курганы и курганные могильники, включающие до 6–7 насыпей. В западных (приазовских) районах НТ территории могильники имеют вид бессистемных скоплений (курганных полей) или цепочек курганов, изгибающихся по берегам болотистых западин, блюдц, старых русел ериков. В восточных – как бы встроенные участки в составе крупных курганных цепей, тянущихся по берегам степных рек и балок и гребням водоразделов между ними.

Прежде чем обратиться к характеристике культуры в целом и классификации материалов, имеет смысл рассмотреть некоторые выразительные НТ памятники. Знакомство с ними дает представление о характере и особенностях НТ памятников, археологическом контексте их залегания, о целом ряде особенностей и признаков, важных для дальнейшего изложения.

Курганный могильник Лебеди I

Памятник расположен в 7 км к востоку от хут. Лебеди Калининского р-на Краснодарского края и на таком же расстоянии от Ангелинского Ерика – крайнего восточного дельтового русла р. Кубань. Местность эта представляет собой низменную, изобилующую болотистыми западинами и блюдцами равнину у кромки приазовских плавней. Включает 13 разновеликих насыпей, составляющих бессистемное скопление с намечающимися рядами, расходящимися по краям блюдц в разных направлениях от самого крупного кургана 2.

В 1979–1980 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в группе раскопано полностью 10 и частично 2 кургана (один целиком, а другой отчасти были разрушены “мелиораторами”). Выяснилось, что составляющие центральное ядро могильника курганы 2–8 возведены над НТ захоронениями и содержат ряд таких же впускных могил. При этом основными в курганах 2, 4–7 были захоронения на левом боку с восточной ориентировкой, в курганах 3 и 8 – правобочные захоронения, ориентированные также на восток, а среди впускных наряду с такими же широко были представлены преимущественно правобочные с западной ориенти-

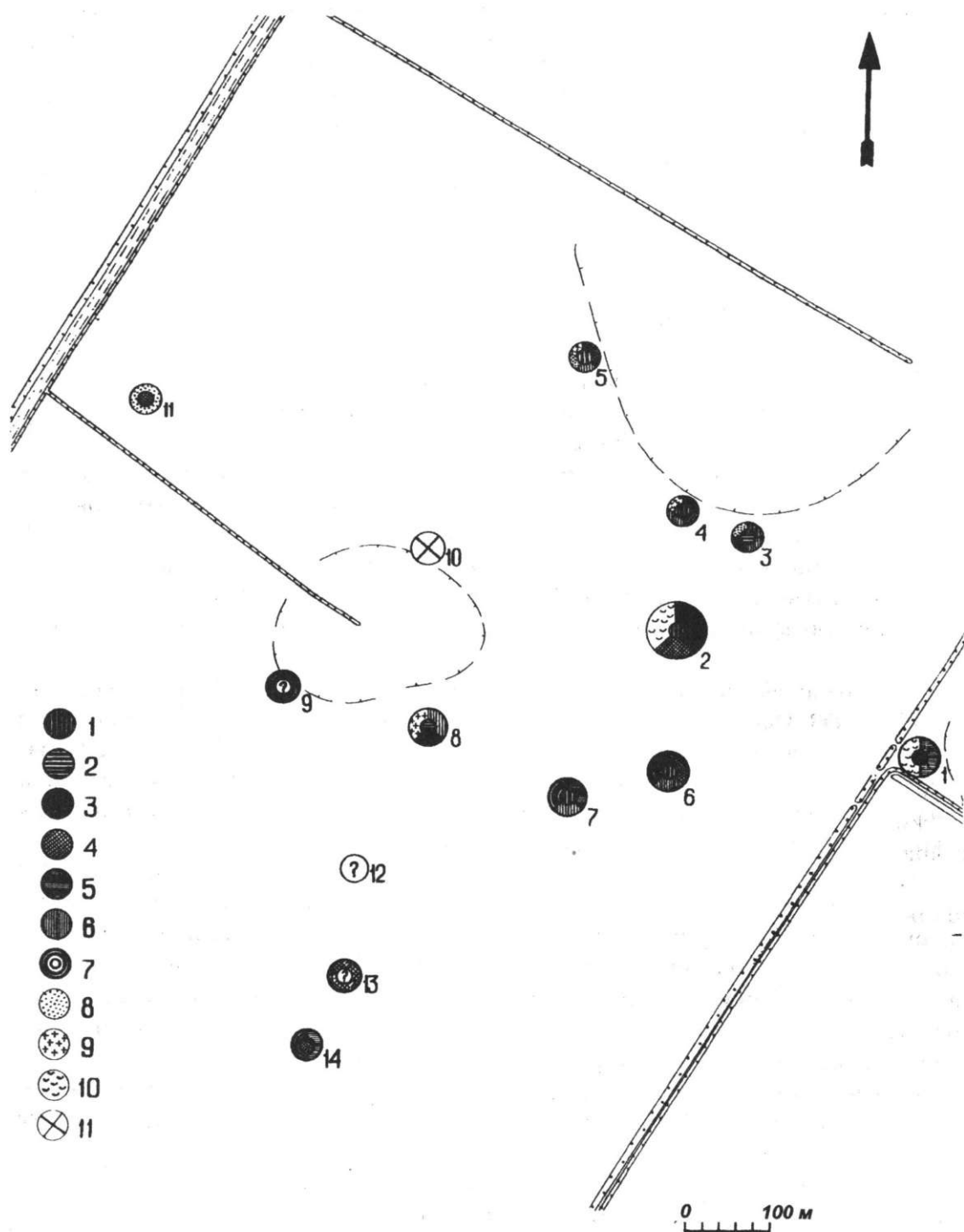

Рис. 3. План курганного могильника Лебеди I и состав захоронений в нем.

Основное погребение показано в центре, а впускные - на периферии каждого кружка. Условные обозначения: 1 - новотиторовские захоронения I этапа (скорченные на левом боку головой к востоку); 2 - новотиторовские захоронения конца I этапа - начала II этапа (скорченные на правом боку головой к востоку); 3 - новотиторовские погребения II-III этапов (скорченные на правом боку головой к западу); 4 - раннекатакомбные; 5 - позднекатакомбные (батуринские); 6 - "срубные"; 7 - сарматские; 8 - поздние кочевники; 9 - "христианские" (XIX-XX вв.); 10 - "мусульманские" (XVII-XVIII вв.); 11 - ложный курган

ровкой (рис. 3), что легло в основу первых опытов по хронологическому расчленению НТ древностей [Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986; Гей А.Н., 1986; 1991a].

В настоящей работе публикуются материалы из самого крупного кургана 2, давшего наиболее яркие комплексы и самую сложную стратиграфическую картину.

Курган 2. Насыпь конической формы, высотой 4,2 м и диаметром до 50 м по профилю центральной бровки и до 85 м – по данным нивелировки. Сооружен в четыре приема, причем все этапы сооружения связаны с НТ захоронениями. Под центром кургана открыты два основных захоронения (116 и 119), располагавшиеся в ряд по линии север–юг. Впускных погребений эпохи ранней и средней бронзы было 13 (рис. 4, 1).

Погребение 119 – основное, новотиторовское (рис. 5, 1). Могила выкопана с уровня древнего горизонта, выкид – к югу от ямы. Поверхность вокруг нее на площади около 4,60 x 3,35 м выстлана горелым камышом или циновкой. К западу от ямы на камыш поставлен плохо сохранившийся кузов деревянной повозки, изготовленный из досок или брусьев шириной 6–8 см. Размеры рамы – 2,0 x 1,1 м. Прослежены продольные дроги по краям и в средней части, косая крестовина в центре, две поперечные связи-нахлестки к северу и три – к югу от крестовины. Возле кузова на настил плашмя положены деревянные колеса (прослежены только два, что связано, скорее всего, с условиями сохранности) диаметром 70–72 см со ступицами диаметром 20–22 см. На примере южного колеса видно, что оно трехчастное, с рельефной ступицей в средней доске. Колесо измазано мелким серым песком.

Могильная яма размером 1,80 x 1,35 м и глубиной 1,05 м ориентирована по оси ВСВ–ЗЮЗ. Перекрыта жердями или досками, уложенными вдоль и поперек и застеленными сверху камышом или циновкой. О том, что циновка была раскрашенной, свидетельствует наличие узора в виде зигзагообразной полосы красной краски, заключенной между двумя тонкими белыми линиями, осевшего на одну из крайних восточных досок перекрытия (рис. 5, 1б).

Захоронение мужчины (?) в возрасте 30–40 лет¹ совершено в слабоскорченном положении на левом боку с отклонением на спину и ориентировано на ВСВ. Череп обращен влево и приподнят теменем вверх, что, наряду с неестественным изгибом позвоночного столба, указывает на элементы полусидячей позы с опорой на высокую подушку. Правая рука согнута и лежит поперек живота, левая направлена к середине бедренных костей, обе кисти – ладонями вниз. Ноги лежат на боку, левая стопа даже вывернута подошвой вверх.

Дно ямы покрыто черным волокнистым тленом от подстилки, под ногами и тазом – следы белого тлена. Слабые следы красной краски видны на подстилке возле головы погребенного.

Под костями ног найдено 14 астрагалов мелкого рогатого скота, 2 из них имели сверлины для нанизывания (рис. 9, 1, 2).

Погребение 116 – основное, новотиторовское (рис. 5, 2). Могила выкопана в 2,5 м к северу от погребения 119, выкид – к северу и югу от нее. Вокруг, на площади 4,10 x 3,50 м, настил из горелого камыша с включениями дерева, с южной стороны он сливается с настилом погребения 119. С восточной стороны настил отсутствовал, здесь прямо на землю поставлена разобранный повозка хорошей сохранности. Решетчатый кузов размером 2,85 x 1,25 м составлен из досок или бру-

¹ Все приводимые в книге половозрастные определения выполнены Г.П.Романовой, которой автор выражает глубокую признательность.

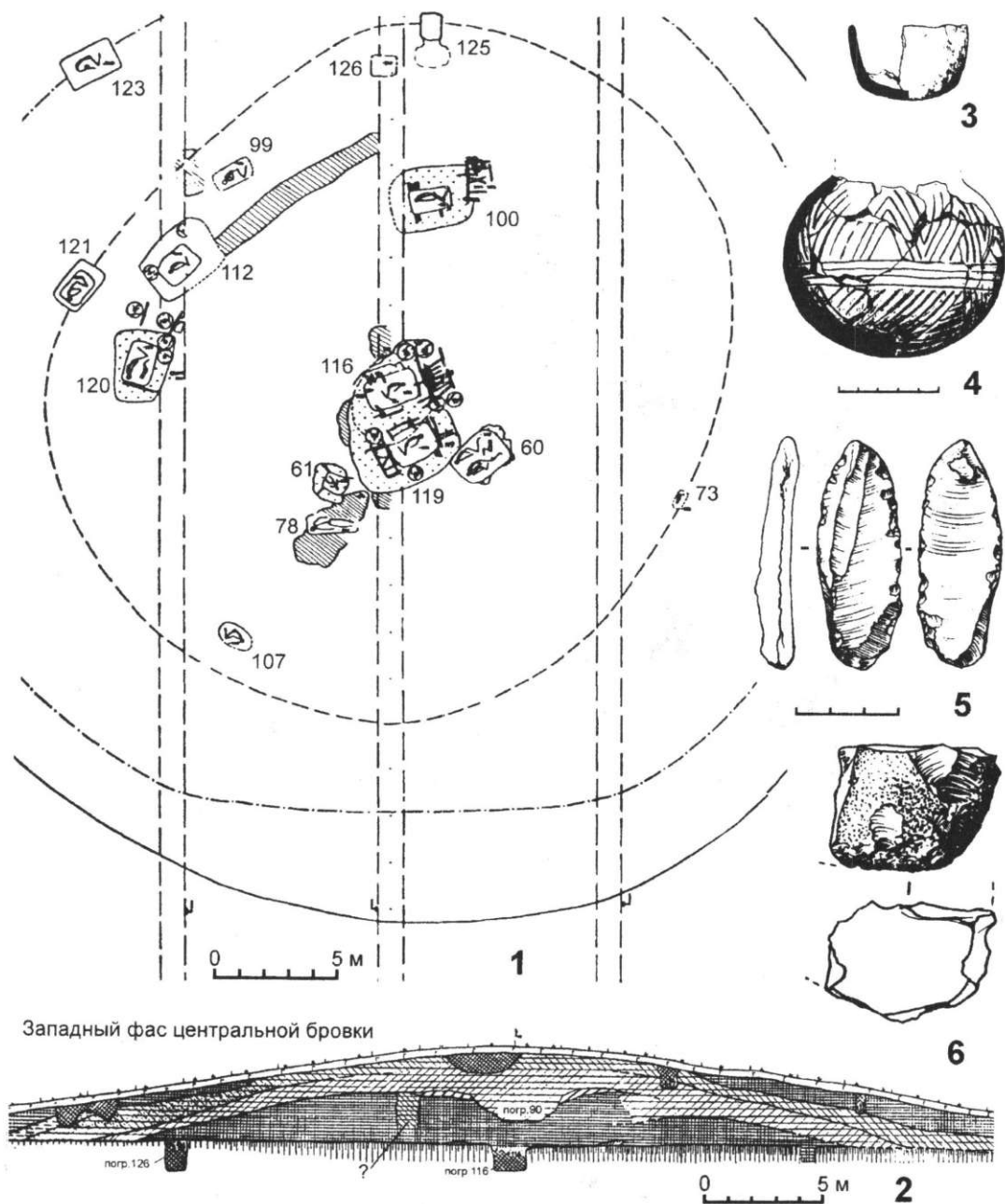

Рис. 4. Лебеди I, курган 2

1 – общий план кургана; 2 – западный фас центральной бровки; 3, 4 – сосуды из насыпи (комплекс CLXIX); 5, 6 – кремневые изделия из насыпи (комплексы CLV и CXLIII). Условные обозначения к планам курганов и профилям бровок см. на с. 222

сьев шириной 7–10 см, расположенных в несколько ярусов. В восточном борту различаются 2 продольные дроги, а в западном – 3 или даже 4, одна над другой. Между собой они скреплены целым рядом поперечных нахлесток (не менее 10) и косой крестовиной в центре. Одна из длинных поперечин нижнего уровня с южной стороны определенно является остатками оси. По всей площади кузова поверхность большинства нахлесток идет настил из длинных продольных прутьев толщиной 1–2 см, образывавший платформу кузова. Выше настила лежит только поперечная доска длиной 1,8 м, далеко выходящая за его края. Сверху весь кузов перекрыт тонким коричневым тленом от покрыва (ткань, кожа?).

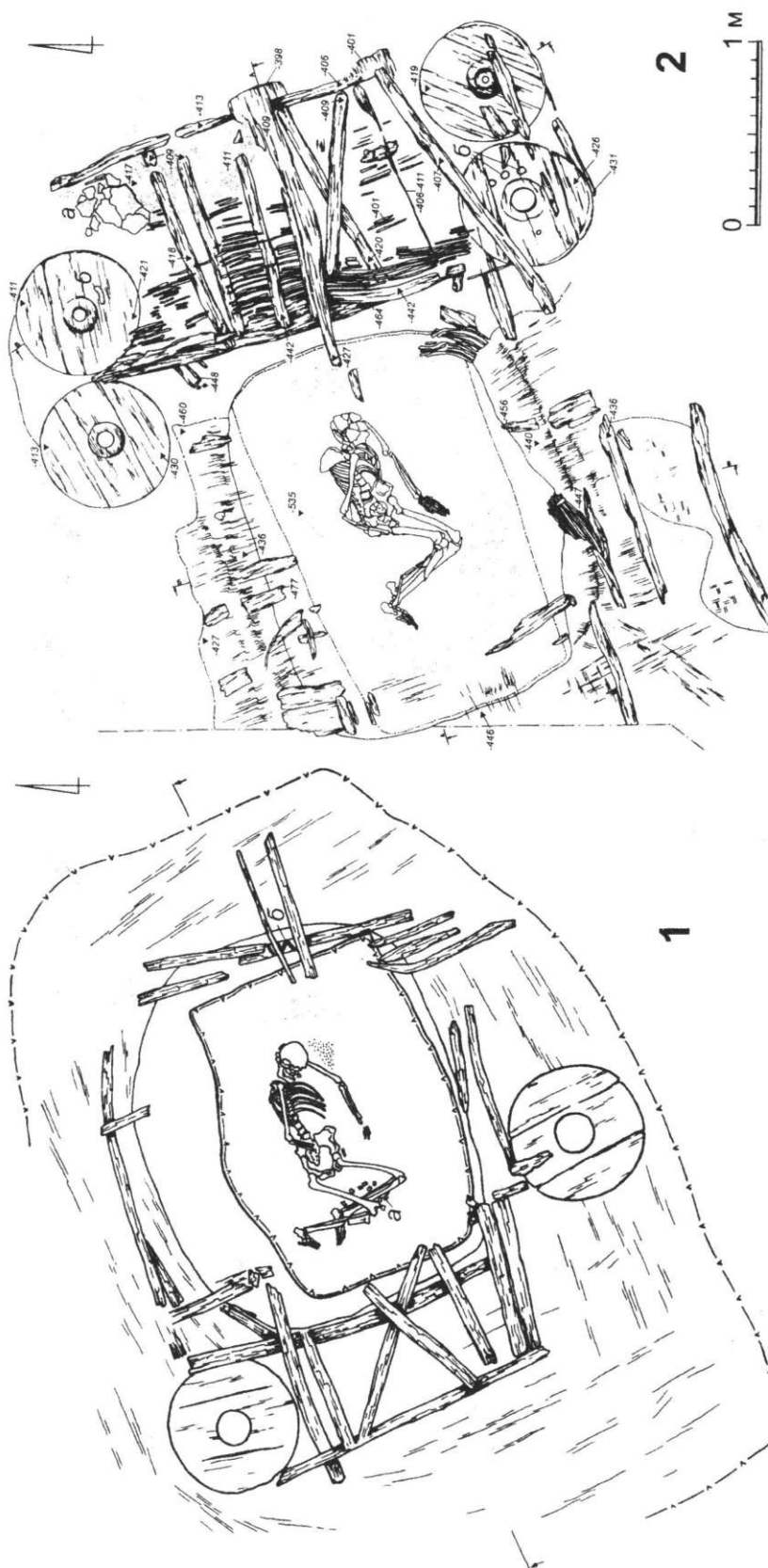

Рис. 5. Лебеди I, курган 2

1 – погр. 119 (а – астрагалы; б – рисунки охрой); 2 – погр. 116 (а – жаровня; б – скопления серого песка). Условные обозначения к планам погребений см. на с. 222

У торцов кузова положено по 2 снятых с осей сплошных трехчастных колеса диаметром 70–74 см. Диаметр ступиц – 20–24 см, диаметр отверстий для осей – 5–6 см. На СВ и ЮЗ колесах имелись небольшие округлые скопления серого мелкого песка.

На СВ углу кузова лежала жаровня из боковины крупного сосуда, напоминающего по форме реповидный (рис. 9, 3). Поверхность с обеих сторон покрыта грубыми заматыми расчесами, в тесте – крупнодробленый шамот. Диаметр венчика – до 26 см, а тулова – до 52 см. Под крестовиной кузова найдены обломки ребер и расколота трубчатая кость особи крупного рогатого скота.

Прямоугольная могильная яма размером 2,15 x 1,23 м и глубиной 0,85 м ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие состояло из досок, уложенных вдоль и поперек, застеленных камышом или циновкой. На перекрытии отмечены пятна красной краски.

Захоронение мужчины в возрасте 35–45 лет совершено в слабоскорченном положении на левом боку и ориентировано головой на ВСВ. Грудная клетка и череп приподняты над дном ямы, череп как бы стоит на основании и частично перекрывает кости грудной клетки, под ними прослежена “подушка” из черного тлена. Все это указывает на полусидячее положение погребенного. Правая рука согнута и перекрывает правое бедро, левая протянута к коленям. Обе кисти обращены ладонями вниз. Ноги подогнуты, обращены влево и лежали изначально.

На всех костях имеется слабый красновато-коричневый налет. Дно ямы выстлано черным органическим тленом. По периметру дна видна посыпка яркой оранжево-красной краской, особенно заметная возле южной стенки. Возле левого плеча погребенного – яркое пятно краски от расплзшегося комка.

В районе тазовых костей и живота погребенного – скопление черного горелого тлена (частичное трупосожжение?).

Погребения 116 и 119, похоже, не совсем одновременны. Вероятно, худшая сохранность повозки в погребении 119 связана с тем, что она какое-то время стояла незасыпанной, и только после совершения погребения 116 обе могилы были перекрыты черноземной насыпью 1, диаметром 25 м и высотой 1,20 м. Затем на северном склоне этой насыпи было совершено погребение 100.

Погребение 100 – новотиторовское (рис. 6, 1). На уровне поверхности насыпи 1 открыт настил перекрытия в виде подпрямоугольного пятна черно-коричневого волокнистого тлена, скорее всего от камыша, вытянутое с запада на восток. Размеры его – 3,4 x 2,7 м. У восточного края настила стоял кузов повозки, ориентированный по линии север–юг. Рама размером не менее 2,25 x 1,20 м изготовлена из досок шириной 5–8 см. Две продольные дроги соединены двумя поперечными нахлестками в северном конце, двумя в южном и косой крестовиной в центре. Не исключено, что длинные поперечины, выходящие за пределы рамы, являются осями. В северной половине, под досками и поверх них, площадь кузова покрыта слоями белесо-желтого полосчатого тлена, напоминающего остатки настила из прутьев. Вдоль южного борта кузова проходит узкая полоса костного тлена. Колес не было. На кузове лежал обточенный со всех сторон сферосидерит (рис. 9, 5).

Прямоугольная могильная яма размером 1,65 x 1,00 м и глубиной 0,89 м от уровня настила ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ. В составе перекрытия – не менее 7 плах, уложенных поперек ямы и укрытых сверху камышом.

Захоронение мужчины в возрасте 30–35 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и ориентировано головой к

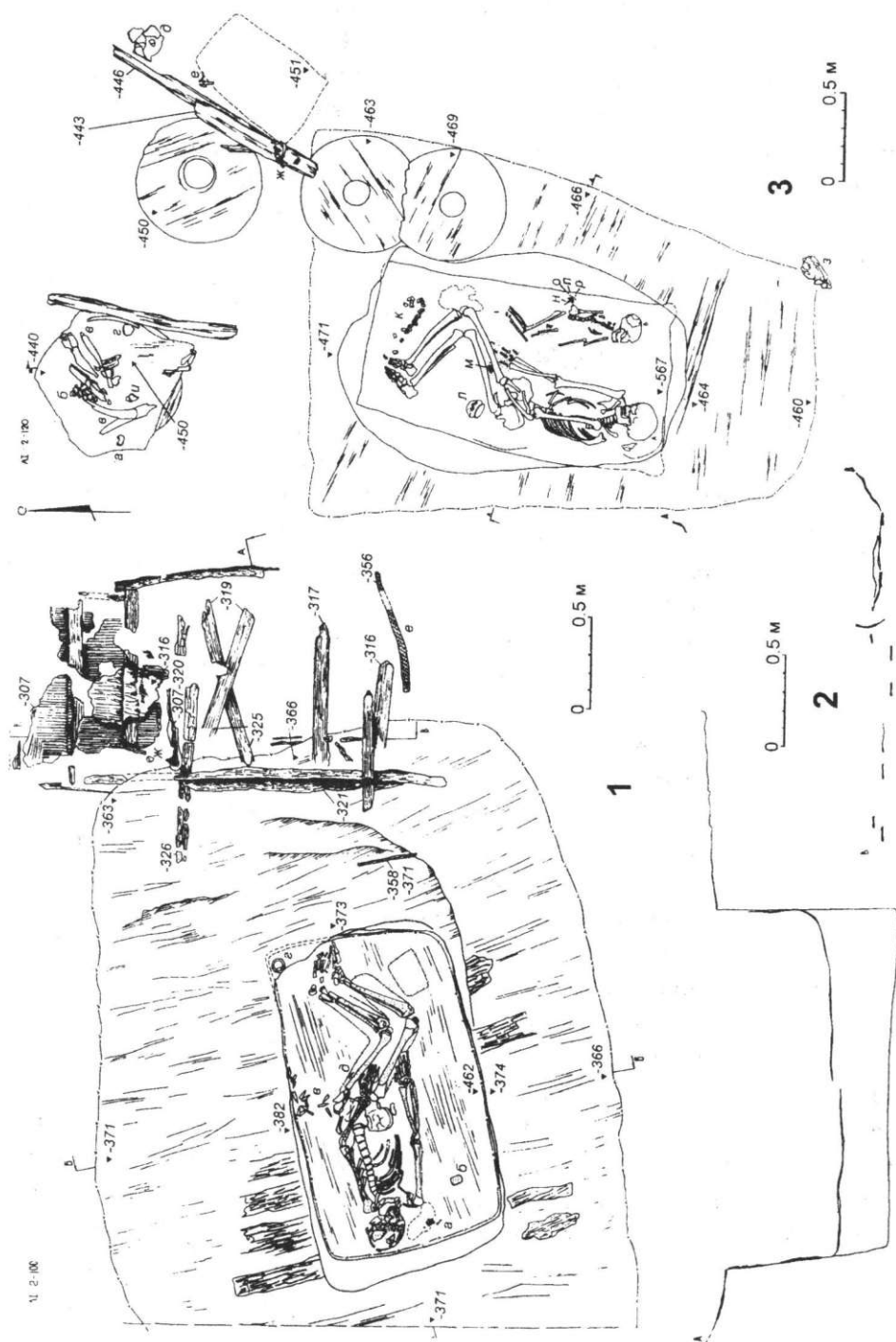

Рис. 6. Лебеди I, курган 2

1 – погр. 100 (а – костяные бусы; б – ком охры; в – костяные проколки-“колки”; г – сосуд; д – резец лошади (?); е – полоса костного (?); ж – кусок песчаника); 2 – разрез повозки из погр. 100; 3 – погр. 120 (а – астрагал большой; б – астрагал МРС; в – кости крупного животного; г – терочник; д – жаровня; е – кости МРС (?); ж – челюсть МРС; з – череп и конечности МРС; и – фрагмент керамики; к – связка астрагалов; л – сосуд; м – костяное кольцо; н – молоточковидные булавки; о – подвески из клыков; п – подвеска из челюсти хищника; р – костяные бусы)

западу. Правая рука направлена к середине бедер, а левая слегка согнута и лежит между бедренных костей, кисти обращены ладонями вниз. Ноги обращены вправо, стопы на боку. Костяк целиком окрашен красной краской, особенно яркая полоса краски проходит поперек лицевой части черепа (остатки шапочки?).

Дно ямы покрыто черным волокнистым тленом от подстилки. На ней, под ногами погребенного и вокруг них, видны четкие участки светло-коричневого цвета – возможно, остатки кожаных изделий и одежды.

У правого плеча покойника лежал прямоугольный ком ярко-алой охры. Перед лицом – низка из 18 костяных бусин, вырезанных из тонких трубчатых костей (рис. 9, б). Слева от таза погребенного, под стенкой ямы, найдено 17 острий из расколотых вдоль трубчатых костей с поперечными нарезками на широком конце. Длина их – от 6,1 до 7,8 см, заостренные концы заполированы в процессе использования (рис. 9, 7–18). Под левым бедром погребенного найден резец лошади (рис. 9, 19), а в СВ углу ямы стоял миниатюрный глиняный сосудик (рис. 9, 4). Изготовлен из оранжевой отмученной глины с примесью мелкого кварцевого песка, на поверхности – следы красной краски. Высота его – 3,1, наибольший диаметр – 7,0 см.

После совершения погребения 100 (или 100 и 120 вместе взятых) сооружена насыпь 2 из чернозема, увеличившая размеры кургана до 2,3 м в высоту и 30 м в диаметре¹.

Погребение 120 – новотиторовское (рис. 6, 3). Над погребением, на поверхности насыпи 2, открыт жертвенник из костей мелкого рогатого скота: рядом с черепом лежали две нижние челюсти и две кости конечности; по соседству с ними – костяная бусина (рис. 7, 11). Само погребение пристроено к поле первой насыпи и перекрыто второй, однако в толще насыпи 2, на 0,3 м выше уровня древнего горизонта, замечены контуры как бы трапецевидной ямы, заполненной материковым суглинком. Ее размеры – 2,85 х 2,15–1,30 м. Ниже, точно на уровне древнего горизонта, в пределах пятна открыты заплечики, выстланные черным тленом, ниже них шла яма меньших размеров, – т. е. картина вполне соответствует представлению о яме с уступом. Вместе с тем, на горизонте, уже за пределами заплечиков, вокруг могилы разложен инвентарь, причем отдельные предметы лежат частью в яме, а частью – за ее пределами. В этих условиях следует признать, что яма погребения 120 выкопана с уровня древнего горизонта возле края насыпи 1, после чего вокруг нее сооружены жертвенники и разложен инвентарь. Затем, при сооружении насыпи 2, над могилой оставлен колодец, обеспечивавший доступ к

¹ Позиция погребения 100 определена – по залеганию настила перекрытия и стоявшей рядом с ним повозки – на уровне поверхности насыпи 1, а специальные зачистки профиля не выявили следов перекопа выше уровня настила. Впоследствии у меня возникли сомнения в безусловной истинности этих доводов. После открытия серии могил с асимметричными уступами, в деталях сходных с погребением 100 (например, в могильнике Олений, отстоящем всего на несколько километров от Лебедей I), являвшихся, по стратиграфии, практически всегда позднейшими в своих курганах и перекрывавшихся уже захоронениями в катакомбах, возникло подозрение, что погребение 100 относится именно к этой разновидности поздних НТ комплексов. Тем не менее, при описании стратиграфии кургана 2 сохранен порядок, зафиксированный в полевой отчетности. Прежде всего для того, чтобы избежать препарирования полевых наблюдений в угоду конкретной гипотезе. Склоняясь к мысли о принадлежности погребения 100 к числу захоронений в ямах с асимметричными уступами и, соответственно, к финалу НТ, думаю, что элемент дискуссионности в этом определении следует все-таки сохранить. Тем более что изъятие его из общей последовательности захоронений в кургане 2 никак не меняет установленной последовательности остальных НТ комплексов.

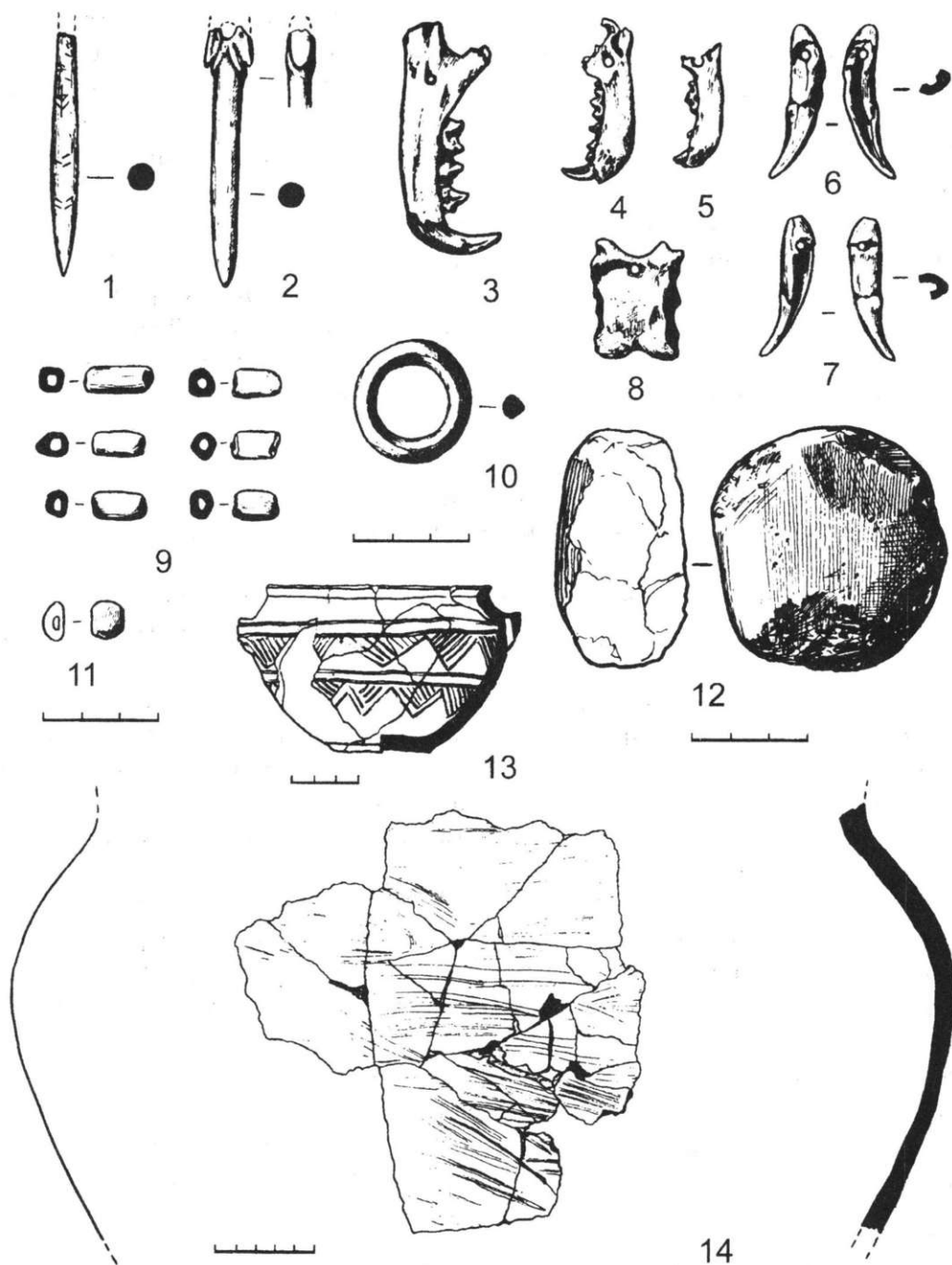

Рис. 7. Лебеди I, курган 2, погр. 120

1-11 – кость; 12 – камень; 13, 14 – керамика

могильной камере в течение некоторого времени, а впоследствии засыпанный. Размеры колодца были, соответственно, меньше, чем размеры площадки, занятой инвентарем.

На горизонте, к ЮВ от ямы, находился жертвенник из черепа, нижней челюсти и двух костей конечности мелкого рогатого скота. Возле СВ угла ямы на подстилке лежат плашмя два колеса от повозки, третье лежит севернее, за пределами "уступа". Поверх колес проходят две доски и планка. Возле них – челюсть, лопатка и ребро мелкого рогатого скота, жаровня из стенки крупного грубого

сосуда с желтовато-серой поверхностью и примесью шамота в тесте, покрытого расчесами с обеих сторон, высотой более 20 см и диаметром тулова – 24 см (рис. 7, 14). Здесь же – “коврик”, прямоугольный участок плотного белого тлена (70 x 46 см). К западу от третьего колеса расчищена еще доска и овальное “блюдо” из коричневатого-желтовато-белесого тлена (90 x 70 см), на котором лежали ребра и лопатки крупного рогатого скота, терочник со следами охры (рис. 7, 12), половинка челюсти собаки, 9 астрагалов мелкого и 1 – крупного рогатого скота, мелкий фрагмент стенки сосуда с расчесами. Под “блюдом” находилось четвертое колесо. Все колеса – трехчастные, диаметром 70 см, со ступицами диаметром 21–28 см. Похоже, что доски являются частями кузова или его имитацией.

Могильная яма ниже горизонта – прямоугольная, размером 1,65 x 0,95 и глубиной 1,13 м. Ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Перекрыта досками или плахами поперек. Стенки тщательно выровнены, в углах – желобки, заполненные тленом от столбиков или жердей. В яме открыто парное захоронение мужчины 20–25 лет и ребенка 3–4 лет.

Костяк мужчины лежит ближе к западной стенке в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ЮЮЗ. Правая рука протянута к середине бедренных костей, левая слабо согнута в локте и зажата между бедер, кисти – ладонями вниз.

Костяк ребенка лежит ближе к восточной стенке в слабоскорченном положении на левом боку, головой к ЮЮЗ. Левая рука протянута к коленям, правая слабо согнута и зажата между ног.

Дно ямы покрыто черно-коричневым тленом от подстилки, у колен взрослого – пятно белесого тлена. Между погребенными на подстилке – полоса красной краски. Оранжевато-красной краской покрыты череп, ребра и кисти рук мужчины. Все кости ребенка – красновато-коричневые, череп окрашен светлой охрой.

На палец левой руки мужчины было надето полированное костяное кольцо диаметром 2,65 см (рис. 7, 10). Возле его таза лежал на боку плоскодонный сосудик красновато-оранжевого цвета с двумя ручками-выступами, имевшими вертикальные отверстия. Дно сосуда выделено проглаженной каннелюрой, снизу на нем отпечаток рогожки, на тулове – прочерченный орнамент (рис. 7, 13). В тесте – мелкодробленый шамот, высота – 7,4, наибольший диаметр – 12,4 см.

За спиной ребенка найдены две подвески из расколотых вдоль клыков хищника (собака, волк?), три половинки нижних челюстей небольшого хищника (куница?) с отверстиями для подвешивания (рис. 7, 3–7), 7 бусин из трубчатых костей (рис. 7, 9), позвонок рыбы, костяная булава, близкая молоточковидным, но с уплощенной головкой (рис. 7, 2), и костяная молоточковидная булава с веретенообразным стержнем, украшенным беспорядочным рисунком (“елочка”, треугольники, шевроны), выполненным едва заметными линиями (рис. 7, 1), похожая на детское подражание “взрослым” булавам. Длина булавок соответственно более 6,7 и 6,4 см. На фалангах руки ребенка – медная зелень.

В ногах обоих погребенных в одну линию, т. е. связкой, лежали 25 просверленных астрагалов мелкого рогатого скота (рис. 7, 8).

Погребение 90. Так условно обозначено сооружение, открытое в центре кургана на поверхности насыпи 2, представлявшее собой настил из коричневого тлена с белыми прожилками. Очертания его овальные, размеры – 4,4 x 2,9 м, ориентировка – с ССВ на ЮЮЗ. Края настила перекрывают выкиды серого суглинки, лежащие на поверхности насыпи 2 (рис. 4, 2), а центральная часть как бы просела в какую-то яму, причем границы провала в целом совпадают с ямой основно-

го погребения 116. У СЗ края настила найдены кость и астрагал мелкого рогатого скота.

Интерпретация комплекса допускает несколько вариантов. Это может быть: а) могила-кенотаф, контуры ямы которой не прослежены в насыпи (в пользу этой версии говорит наличие выкидов); б) некая ритуальная площадка, застеленная камышом, в этом случае провал мог образоваться при обрушении перекрытия нижележащего погребения 116, а т. н. выкиды являются следами особых подсыпок для выравнивания или обвалования площадки на вершине насыпи 2; в) колодец, обеспечивавший доступ в погребение 116 после сооружения насыпи над ним, как и в погребении 120, на что может указывать и наличие в профиле центральной бровки к северу от погребения 116 вертикальной “стенки” из плотного серо-желтого суглинка (рис. 4, 2).

Вероятно, после совершения “погребения 90” насыпь кургана была еще раз увеличена за счет подсыпки коричневым суглинком (насыпь 3), после чего высота его достигла 3,3 м, а диаметр – 36 м. Других погребений, достоверно предшествующих этой досыпке, выделить не удастся. В насыпь 3, в свою очередь, скорее всего были впущены две группы захоронений: погребения 60, 61 и 73 недалеко от центра и 99, 112, 121, а также, возможно, 126, в северо-западном секторе насыпи.

Погребение 60 – новотиторовское (рис. 8, 1). На глубине 0,7 м от поверхности насыпи 3 открыты остатки черного горелого деревянного перекрытия могилы, состоявшего из продольных и поперечных плах. Никаких следов могильной ямы выше него в насыпи не прослеживалось, похоже, что захоронение совершено в процессе сооружения насыпи 3. Возле перекрытия найдена челюсть мелкого рогатого скота. Ниже расчищена прямоугольная яма с округлыми углами размером 2,15 x 1,55 м и глубиной 0,70–0,80 м, ориентированная с СВ на ЮЗ. По периметру дна ямы выкопана канавка шириной до 15 см и глубиной до 10 см.

Коллективное захоронение содержало останки двух взрослых и двух детей. Вдоль СЗ стенки лежал костяк мужчины 20–30 лет, похороненного в слабоскорченном положении на правом боку, ориентированный на ЮЗ. Правая рука протянута к коленям, левая – согнута, проходит поперек живота, кисть ее – возле правой кисти.

Костяк женщины (?) 20–25 лет лежал параллельно первому в ЮВ половине могилы. Он очень слабо скорчен на правом боку с завалом на живот, головой ориентирован к ЮЗ. Правая рука вытянута к середине бедренных костей и обращена ладонью вверх, левая согнута в локте, проходит поперек живота и перекрывает правую кисть. Левая нога слабо согнута, правая почти вытянута.

Под стенкой, перед грудью женщины, лежал костяк ребенка 6–7 лет, слабоскорченный на спине с отклонением на правый бок. Череп на затылке, лицом вверх. Правая рука протянута к середине бедренных костей, кисть ее вывернута вбок. Левая – согнута в локте и проходит поперек живота. Ноги обращены вправо и лежали изначально.

В северном углу ямы, между ногами взрослых, лежит костяк ребенка 5–6 лет, слабоскорченный на правом боку, головой к ССВ. Правая рука слегка согнута и уходит под бедренные кости, левая согнута в локте, кисть ее – на центре тазовых костей. Ноги слегка подогнуты вправо.

Дно ямы покрыто желтовато-коричневым тленом от подстилки. Поверх него лежит слой белого тлена с продольной волокнистой структурой, напоминающий камышовую циновку. На ней, возле правого локтя мужчины и первого ребенка, – ярко-красные пятна охры. Слабые следы охры – у коленей и берцовых костей всех

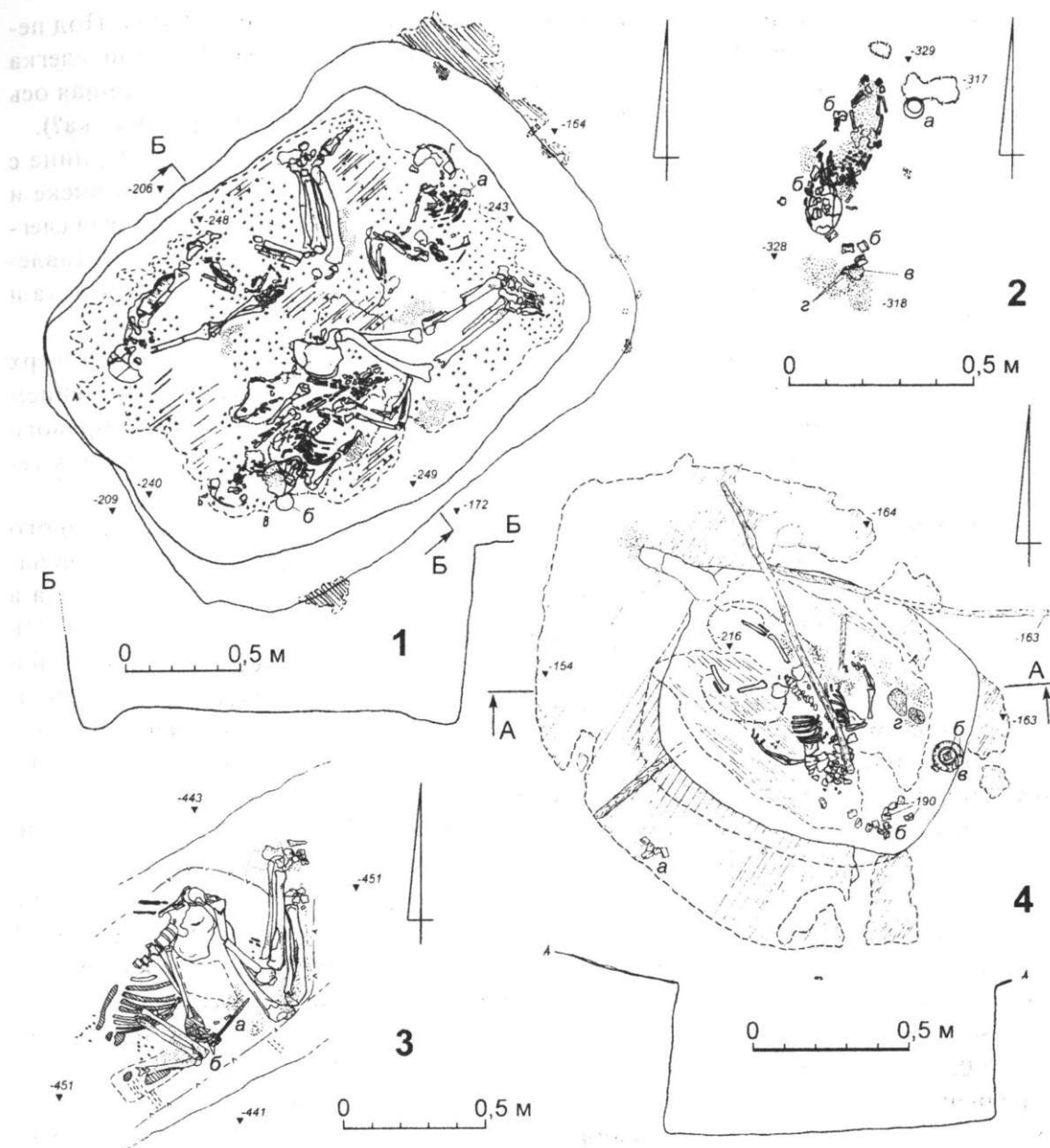

Рис. 8. Лебеди I, курган 2

1 – погр. 60 (а – сферосидерит; б – фрагмент сосуда); 2 – погр. 73 (а – сосуд; б – астрагалы МРС; в – ком охры; г – костяные бусины); 3 – погр. 99 (а – молоточковидная булавка; б – клыки хищника); 4 – погр. 61 (а – связка сверленных астрагалов; б – астрагалы со сверлинами и без; в – сосуд; г – комки охры)

погребенных. Костяки почти не окрашены, охра отмечена лишь на черепках детей.

Поверх охры все дно ямы засыпано слоем мела толщиной несколько сантиметров (хотя нельзя полностью исключить возможность того, что это – соли естественного происхождения). Подстилки и подсыпки заходят и в канавку.

Возле левого плеча второго ребенка лежал обточенный сферосидерит, а у правого виска старшего ребенка – обломок стенки плоскодонного сосуда.

Погребение 61 – новотиторовское (рис. 8, 4). На той же глубине в толще насыпи 3 обнаружено перекрытие в виде овального пятна серо-белого тлена размером 1,90 x 1,35 м, ориентированное с ЗСЗ на ВЮВ. Под слоем камыша расчище-

ны жерди, проходившие вдоль, поперек и по диагонали могильной ямы. Под перекрытием находилась прямоугольная могильная яма с округлыми углами, слегка расширяющаяся ко дну. Её размеры – 1,05 х 0,95 м, глубина – 0,50 м, длинная ось ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. На стенках – черный тлен (драпировка?).

Костяк ребенка 2,5–4 лет лежит в слабоскорченном положении на спине с отклонением влево и ориентирован головой на ЮВ. Череп – на левом виске и перекрывает верхнюю часть грудной клетки, как если бы верх туловища был слегка приподнят. Руки вытянуты и отставлены в стороны от тела. Ноги расставлены, правая почти вытянута и развернута коленом вправо, левая слабо согнута и развернута влево.

На дне, под ногами ребенка, – пятна желтовато-коричневого тлена. Поверх него все дно выстлано белым камышовым тленом с продольным направлением волокон. По подстилке справа от костяка проходит полоса охры, возле правого плеча – пятно кирпично-красного цвета. Еще одно пятно – на перекрытии, у северного угла ямы.

На перекрытии, ближе к ЮЗ стенке могилы, лежало 5 астрагалов мелкого рогатого скота со сверлинами для нанизывания. Еще одна связка астрагалов находилась на перекрытии возле южного угла и при истлевании жердей попала в заполнение. Здесь найдено 15 астрагалов со сверлинами и 1 без таковой (рис. 9, 21).

Возле головы ребенка стоял плоскодонный сосудик с пластинчатой ручкой и прочерченным зигзагообразным орнаментом (рис. 9, 24). Высота его – 8 см, наибольший диаметр – 9,8 см. Поверхность – серо-коричневая, подлощенная, в тесте примесь раковины и шамота. В целом сосуд не похож на гончарный, но на внутренней поверхности видны четкие круговые полосы, напоминающие следы вращения. Над сосудом лежали 2, а внутри него – еще один астрагал со сверлинами. Внутри сосуда – желтовато-коричневый тлен.

В пятне охры у правого плеча найдены плоский скол с гальки (рис. 9, 23) и половина круглого каменного терочника диаметром 5,5 см и высотой 2,9 см (рис. 9, 22), густо окрашенные в малиновый цвет. Возле левого предплечья, с внутренней его стороны, на дне ямы находилось небольшое скопление древесных угольков.

Погребение 73 – новотиторовское (рис. 8, 2). В толще насыпи 3, на глубине около 0,4 м от ее поверхности, расчищен жертвенник из двух черепов, лопатки и передней конечности молодых (не старше двух лет) особей овцы-козы, а в 20–25 см ниже – остатки перекрытия в виде слоя белесого тлена, как бы просевшего в узкую яму. На 10–15 см ниже уровня просевшего перекрытия расчищено захоронение. Хотя контуры самой ямы не прослежены, похоже, что погребальное сооружение представляло собой яму с уступом, глубиной около 0,8–1,0 м, впущенную в насыпь 3 и ориентированную по линии ССВ–ЮЮЗ. В этом случае жертвенник находился на уступе в западном углу могилы.

Захоронение новорожденного (?) младенца совершено в вытянутом положении на спине с отклонением влево и ориентировано на ЮЮЗ. Череп – на основании, верх туловища наклонен влево, руки вытянуты вдоль тела и лежат ладонями вниз, правая кисть заходит под крыло таза. Правая нога вытянута, левая слегка согнута влево.

Костяк и дно ямы под ним, особенно за головой, слегка окрашены охрой, самая интенсивная окраска отмечена в районе ног (от бедренных костей до стоп). Справа от тазовых костей – небольшое яркое пятно охры. Инвентарь включал не менее 11 астрагалов мелкого рогатого скота (рис. 9, 26), находившихся в заполнении над верхней частью костяка и, вероятно, упавших с перекрытия. Возле стоп

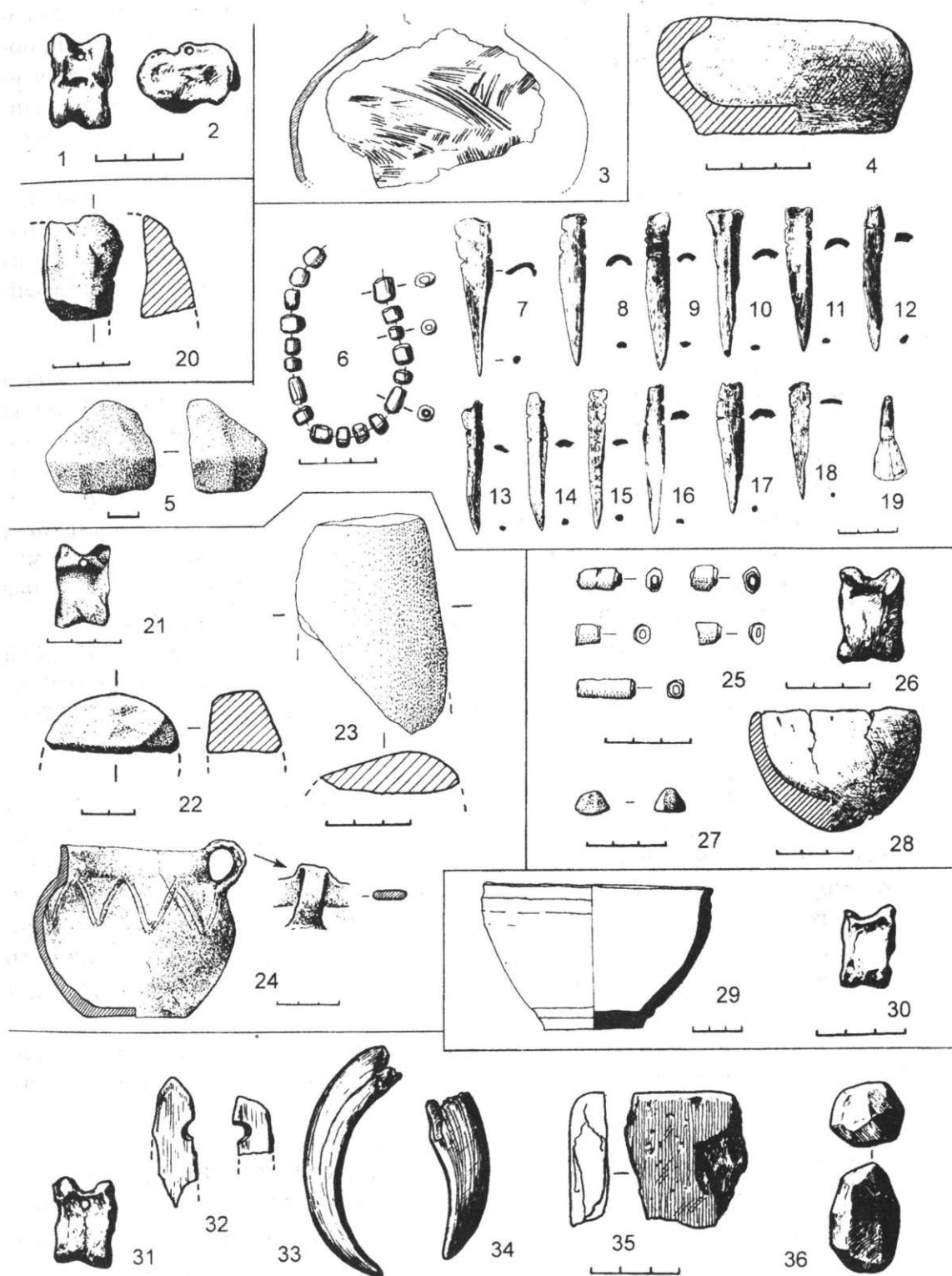

Рис. 9. Лебеди I, курган 2

1, 2 – погр. 119; 3 – погр. 116; 4–19 – погр. 100; 20 – погр. 60; 21–24 – погр. 61; 25–28 – погр. 73; 29, 30 – погр. 112; 31–36 – погр. 126. (1, 6–19, 21, 25, 26, 30–34 – кость; 3, 4, 24, 28, 29 – керамика; 5, 20, 22, 23, 27, 35, 36 – камень, минерал)

стояла миниатюрная остродонная чашечка (рис. 9, 28) высотой 4,6 и диаметром 6,8 см, с грубо сглаженной поверхностью и без видимых примесей в тесте. За головой ребенка, под расползшимся куском красной охры, лежали небольшой, обточенный на манер пирамидки кусок охры (рис. 9, 27) и костяные бусы, полученные путем обламывания тонкой трубчатой косточки по предварительно сделанным кольцевым нарезкам (4 шт.). Еще 2 не были разделены и имели вид прони-зи (рис. 9, 25).

Погребение 99 – новотиторовское (рис. 8, 3). Открыто под северной полой насыпи 3 в толще погребенной почвы. Контуры могилы не прослежены, но, по аналогии с погребениями 112 и 121, можно думать, что прослежена нижняя часть ямы с уступом. Погребение сильно испорчено скрепером. Судя по контуру, замеченному на уровне костей, нижняя яма-камера была прямоугольной и имела ширину 0,85 м.

Костяк взрослого человека захоронен в скорченном положении на правом боку и ориентирован на ЗЮЗ. Правая рука согнута в локте, кисть ее ладонью вниз положена на грудь. Левая согнута в локте под прямым углом, проходит поперек живота, кисть – возле правого локтя, пальцы согнуты и как бы обхватывают находившиеся здесь булавку и подвески. Ноги обращены вправо. Дно могилы выстлано черно-коричневым сажистым тленом с вкраплениями угольков и обугленных стеблей (сожженная циновка?). Погребение засыпано слоем (до 8 мм) буро-коричневой охры, покрывающей костяк и подстилку. Ярче всего окрашены правая рука, левая кисть и инвентарь возле нее, голени и стопы костяка.

Костяная молоточковидная булавка длиной 18 см лежала острием к ногам покойника. Верхняя часть стержня украшена резным узором в виде заштрихованных зигзагообразных полос (рис. 11, 1). Возле головки булавки найдена костяная бусина и две просверленные подвески из клыков хищника с односторонними сверлинами (рис. 11, 2, 3).

Погребение 121 – новотиторовское (рис. 10, 2). Открыто под СЗ полой насыпи 3. Уже в насыпи замечены очертания верхней части ямы с уступом, заполненной смесью желтого материкового и коричневого суглинка. Верхняя часть могилы – прямоугольная с округлыми углами, размером 1,95 x 1,30 м, стенки расширяются вниз. На глубине 1,80 м от поверхности насыпи 3 имеется уступ шириной 0,2–0,4 м, а на нем – остатки перекрытия в виде слоя черного тлена, просевшего по центру в нижнюю яму. Возле ЮЗ стенки на уступе – жертвенник из черепа и костей конечностей одной особи мелкого рогатого скота.

Нижняя яма-камера, размером 1,35 x 0,95 и глубиной 0,90 м от уступа, ориентирована, как и верхняя, по линии СВ–ЮЗ. Она – прямоугольная, с четкими проработанными углами и гладкими стенками.

На дне – костяк женщины 18–20 лет, захороненной в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ЮЗ. Руки протянуты к коленям, но при этом вывернуты локтями наружу и производят впечатление связанных. Ноги обращены вправо, стопы на боку. Дно могилы покрыто коричневым тленом от подстилки, на нем, возле черепа и стоп погребенной, имелись яркие пятна охры. Сам костяк не окрашен. Под предплечьем левой руки, острием к голове женщины, лежала роговая молоточковидная булавка длиной 19,3 см, с резным узором в виде заштрихованных треугольников и шевронов в верхней части стержня (рис. 11, 4).

Погребение 112 – новотиторовское (рис. 10, 1). Открыто в СЗ поле насыпи 3. Совершено в обширной яме с уступом, вырытой с поверхности насыпи 3 и углуб-

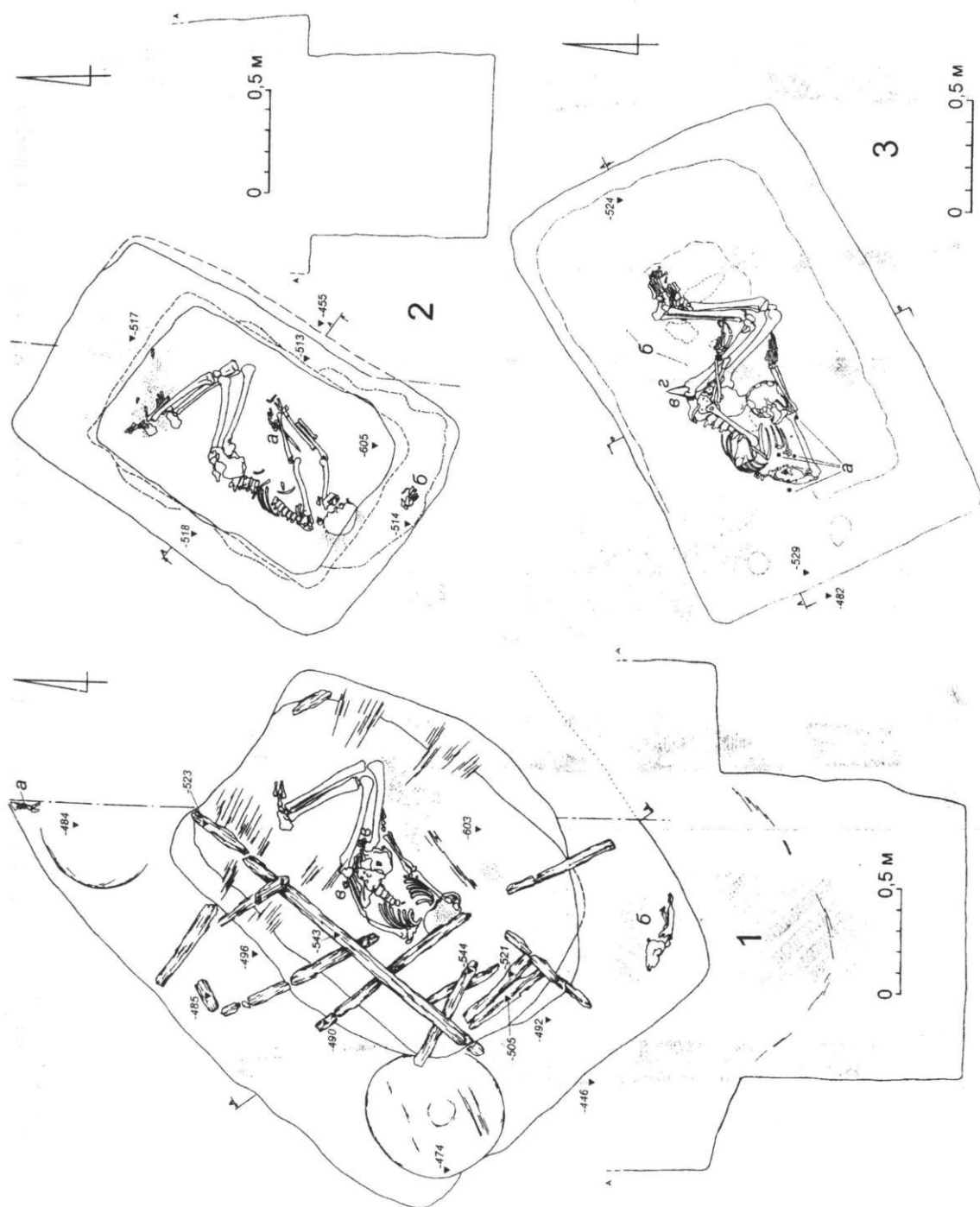

Рис. 10. Лебеди I, курган 2

1 – погр. 112 (а – сосуд;
б – череп МРС; в – сверле-
ные астрагалы); 2 – погр.
121 (а – роговая булава;
б – череп МРС);
3 – погр. 123 (а – серебря-
ные височные кольца;
б – бусы из зубов ископае-
мой рыбы; в – бронзовая
молоточковидная булава;
з – роговая булава)

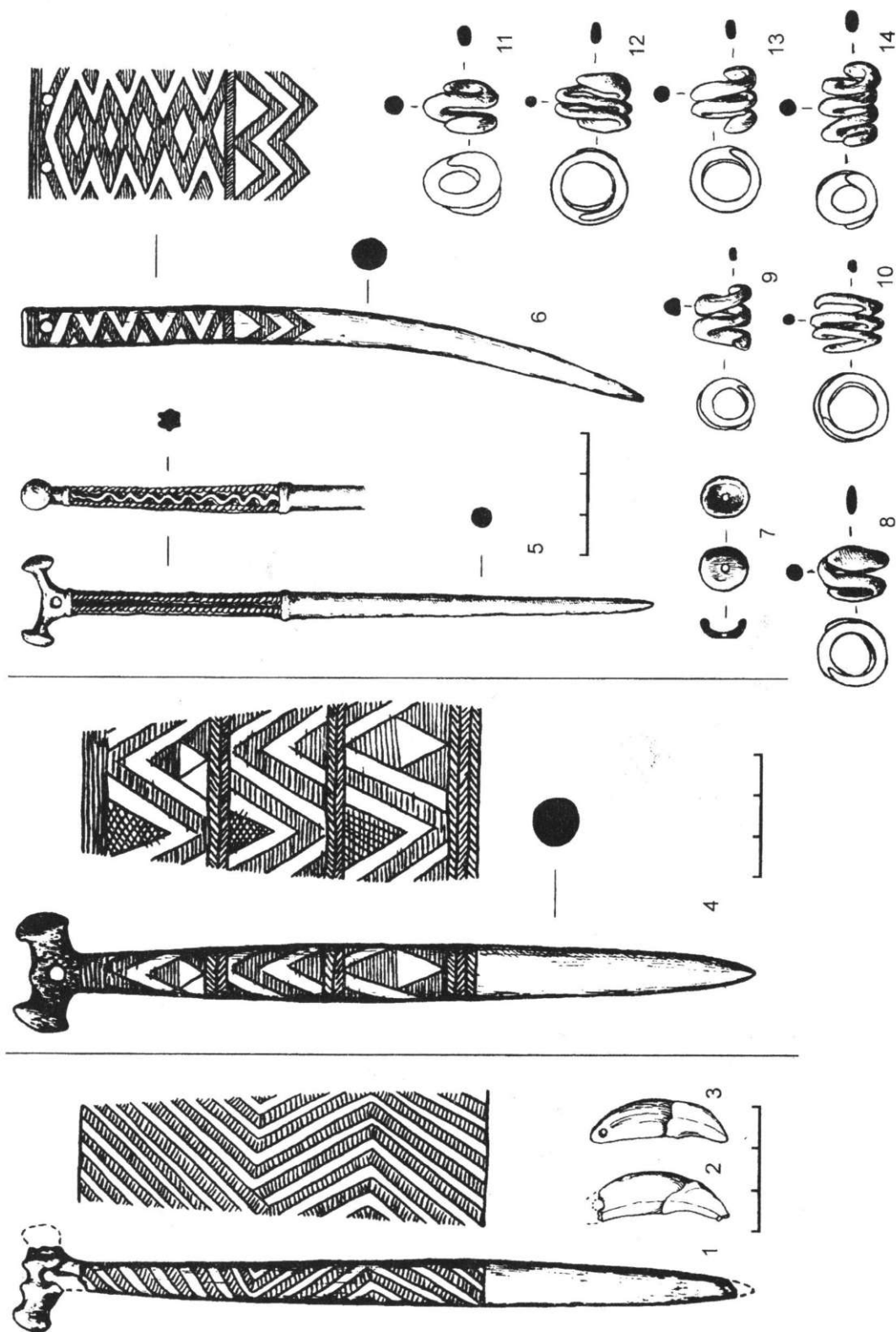

Рис. 11. Лебеди I, курган 2

1-3 - погр. 99; 4 - погр. 121; 5-14 - погр. 123 (1-4, 6 - кость/рог; 5 - бронза; 7 - зуб рыбы; 8-14 - серебро)

ленной в материк. Верхняя часть ямы – прямоугольная с округлыми углами, размером 3,0 x 2,3 м, ориентирована с СВ на ЮЗ. Глубина до уступа – 2,50 м. Заполнение – прослойки пестроцвета и желтой материковой глины. Стенки неровные, расширяются вверх. Это может указывать на то, что к моменту сооружения погребения 112 насыпь была еще довольно рыхлой и сыпучей.

На уступ опиралось перекрытие, состоявшее не менее чем из 8 поперечных и 2 продольных жердей, уложенных со значительными промежутками. Сверху перекрытие и вся площадь уступа застелены сплошным слоем черного тлена (горелый камыш?). В западном углу на уступе лежало плохо сохранившееся трехчастное колесо диаметром 55–60 см. Такое же колесо было и в северном углу ямы. Под этим колесом стоял плоскодонный сосуд типа миски, диаметром 14,2 и высотой 9,1 см, с проглаженными каннелюрами под венчиком и у дна (рис. 9, 29). Поверхность его – шероховатая, оранжевая с серыми пятнами, в тесте – примесь шамота, особенно заметная в придонной части. В южном углу колеса не замечено, здесь на уступе располагался жертвенник из черепа и костей конечности молодой особи мелкого рогатого скота (до трех лет). Восточный угол могилы срезан скрепером. Наличие колес позволяет ставить вопрос о том, не является ли решетчатое перекрытие камеры кузовом повозки или его имитацией. Ниже уступа могила приобретает размеры 1,8 x 1,2 м, глубина ее от уступа – 1,1 м. Форма прямоугольная с округлыми углами, ориентировка та же, что и в верхней части.

На дне – костяк мужчины 20–25 лет, захороненный в слабоскорченном полусидячем положении с завалом на правый бок и ориентированный спиной к ЮЗ. Череп и грудная клетка приподняты над дном и как бы опираются на высокую подушку, лицо обращено к ЮВ. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть ее ладонью вниз лежит под серединой бедренных костей. Левая направлена вдоль тела, предплечье сместилось при истлевании связок, но кисть – на лобковых костях таза. Ноги подогнуты вправо.

Дно ямы покрыто слоем черно-коричневого тлена. Костяк и дно частично окрашены охрой, самые яркие ее следы – на лобной и правой скуловой костях черепа, а на дне – справа от головы и возле коленей. Перед лицом погребенного – кусок красной охры.

На тазе и между бедренных костей покойника лежало 9 просверленных и 1 несверленный астрагал овцы-козы, а также половина нижней челюсти куницы (?), еще один сверленный астрагал найден возле левого предплечья (рис. 9, 30). Левая половина нижней челюсти погребенного пропитана медными окислами, сам предмет не обнаружен, скорее всего, это была височная подвеска.

На поверхности насыпи 3 хорошо сохранился выкид из погребения 112, показывающий, что после этого захоронения насыпь кургана была досыпана еще раз и приобрела современные размеры. Уже после этого в курган были впущены погребения 123 и, очевидно, 125.

Погребение 123 – позднее новотиторовское или раннекатакомбное (рис. 10, 3). Открыто в СЗ поле насыпи 4. Очертания прямоугольной ямы размером 2,25 x 1,45 м, ориентированной с ВСВ на ЗЮЗ, прослежены уже ниже уровня древнего горизонта, поэтому неясно, имела ли она уступ или нет. Яма – прямоугольная со слегка округленными углами, глубина ее от поверхности насыпи 4 доходила до 2 м. В заполнении – просевшие остатки перекрытия из досок или плах, лежавших поперек могилы.

Костяк женщины 25–35 лет захоронен в полусидячем слабоскорченном положении с разворотом на правый бок и ориентирован спиной к ЗЮЗ. Верхняя часть

туловища и голова погребенной занимали первоначально вертикальное положение и при истлевании тканей завалились вперед, на живот и тазовые кости. Таз слегка наклонен вправо, ноги обращены вправо и лежали изначально. Правая рука вытянута и касается правого колена, левая – согнута в локте, проходит поверх туловища, перекрывает ноги и касается голеней. Обе ладони обращены вниз.

Почти все дно могилы покрыто слоем коричневого тлена. Под ногами и тазом костяка – пятна желтовато-коричневого “кожаного” тлена. Возле берцовых костей – участок волокнистого белесого тлена. Костяк не окрашен, но на подстилке, в головах и справа от тела, – следы пропитки темно-красной охрой, а возле ног – мелкие крупинки яркой флюоресцентной охры.

Возле шеи и верхней части туловища найдено 7 массивных серебряных подвесок в полтора, два с половиной, три и три с половиной оборота с расширенными, уплощенными концами (рис. 11, 8–14), диаметром от 1,4 до 2,0 см. Первоначально они находились, скорее всего, возле головы погребенной. С левой стороны таза лежали бронзовая молоточковидная булавка длиной 16,7 см, с рельефным орнаментом в виде шнура и змеек на стержне (рис. 11, 5), и костяная стержневидная, слегка изогнутая булавка длиной 15,5 см, с отверстием в верхней части стержня, орнаментированная резными заштрихованными ромбами и зигзагами (рис. 11, 6). Булавки были как будто подвешены к поясу. На тазовых костях, возле левого предплечья, расчищена низка из 5 бусин, изготовленных из капсул зубов ископаемой рыбы, еще 4 такие бусины рассеяны по дну возле таза и ног (рис. 11, 7).

Погребение 125 – катакомбное (рис. 4, 1). Открыто в северной поле насыпи. На уровне древнего горизонта замечено пятно прямоугольной входной шахты катакомбы, заполненной материковым суглинком. Размеры ее – 1,25 x 0,90 м, длинная ось ориентирована с севера на юг. Глубина шахты – 2,54 м от уровня горизонта и около 4 м от уровня поверхности насыпи 4. В северной половине шахты – поперечная ступенька шириной 0,65 и высотой 0,86 м. Вход в камеру находился под южной стенкой, камера направлена к центру кургана и углублена по сравнению с дном входной шахты. Расчистить ее не удалось, т. к. она была затоплена грунтовыми водами.

В третью или четвертую насыпь кургана (точнее не определяется) впущено погребение 126. Не ясно в стратиграфической колонке место погребения 107, также относящегося к эпохе бронзы.

Погребение 126 – новотиторовское. Открыто в северной поле кургана. Уже в толще погребенной почвы замечено пятно прямоугольной ямы с пестроцветным желто-коричневым заполнением. Ее размеры – 1,2 x 1,0 м, длинная ось ориентирована с запада на восток, глубина – 1,10 м от уровня горизонта.

Захоронение грудного младенца сохранилось плохо, ясно только, что оно имело западную ориентировку. Дно могилы застелено черным тленом, а в центре поверх него – желто-коричневым “кожаным”. Вся площадь подстилки, кроме краев, покрыта охрой.

У западной стенки, возле головы младенца, находилась связка не менее чем из 40 астрагалов мелкого рогатого скота со сверлинами для нанизывания (рис. 9, 31), два расколотых вдоль кабаньих клыка с нарезками для подвешивания (рис. 9, 32–34), челюсть мелкого хищника и крупный позвонок рыбы (?). Рядом – яркое красное пятно от расплзшегося комка охры, обломок каменной плитки (рис. 9, 35) размером 4,7 x 4,1 x 1,3 см со следами охры на ней и обточенный сферосидерит (рис. 9, 36).

В восточной части, возле ног, – жертвенник из черепа и костей конечности мелкого рогатого скота и еще один астрагал со сверлиной.

Погребение 107 – катакомбное (?). Открыто под ЮЗ полый насыпи, уровень, с которого оно впущено, не установлен. В толще погребенной почвы обнаружены костяк и придонная часть могильного сооружения. Контуры последнего овальные, размеры – 1,40 x 0,95 м, дно несколько вогнуто к центру, длинная ось ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Не исключено, что это камера катакомбы, вход в которую находился с ЮЗ стороны.

Костяк ребенка лежал в сильноискороченном положении на левом боку, головой на ЮВ. Левая рука согнута в локте и направлена к коленям, касаясь их кистью. Правая проходит поверх тела, пересекает бедренные кости и покоится кистью на берцовых правой ноги. Ноги обращены влево.

На дне под костяком – толстый слой черно-коричневого углистого тлена, а под тазовыми костями – следы белого камышового (?) тлена с продольной слоистостью. Слева от черепа, перед лицом погребенного, на подстилке слабое пятно бурой охры. Костяк не окрашен, вещей нет.

Кроме описанных погребений, в насыпи кургана сделаны следующие находки, датируемые эпохой бронзы:

- фрагмент венчика реповидного сосуда с резко отогнутым наружу краем и пальцевыми вдавлениями по внешнему бортику венчика; диаметр венчика – 14 см, поверхность оранжевая, в тесте – пустоты от выгоревших частиц примеси (найден в 14,5 м к СЗ от центра, на глубине 2,35 м, т. е. примерно на уровне поверхности насыпи 4);

- нуклевидный кусок серого кремня, служивший в качестве отбойника или ретушера (рис. 4, 6), из западной полы насыпи;

- кремневый нож на пластине серого кремня (рис. 4, 5), найденный во вторичном залегании в заполнении могилы XVIII в.;

- залегавшие совместно миниатюрная чашечка с круглым дном, высотой 3,8 и диаметром 6,0 см, с бурой поверхностью и белыми включениями в тесте (рис. 4, 3), и сферический сосуд с отбитым цилиндрическим или раструбовидным венчиком, украшенный по всей поверхности прочерченным узором из проникающих заштрихованных треугольников и зигзагов, высотой более 9 и наибольшим диаметром – 11,5 см, с серой поверхностью и белыми включениями в тесте (рис. 4, 4). Оба сосуда – типично новотиторовские. Залегали они в насыпи над погребением 121 и скорее всего являются остатками тризны над этой могилой.

Курганный могильник Малаи I

Курганная группа Малаи I находилась в срединной части междуречья Понуры – Ангелинского Ерика и Гречаной Балки, в 1,5 км к СЗ от хут. Малаи и в 2–3,5 км к ЮЗ от хут. Греки Калининского р-на Краснодарского края. Местность, где расположен памятник, представляет собой низменную равнину, такую же, как в районе Лебедей. Могильник состоит из 15 разновеликих курганов, вытянутых в одну извилистую цепочку по линии ЮЗ–СВ. Центральная группа (курганы 3–11), в состав которой входят и наиболее крупные насыпи (6, 7, 9, 11), изгибается по краю обширной болотистой западины, остальные курганы (1, 2, 12–15) отделены от основной группы заметными интервалами.

Могильник раскопан полностью в 1981–1982 гг. Понурским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР. При этом установлено, что подавляющее

большинство открытых захоронений эпохи бронзы относится к катакомбному времени, тогда же сооружена и большая часть курганов (1, 4, 5, 10, 14, 15 насыпаны над захоронениями в катакомбах, а 2, 3, 8, 13 – над погребениями в ямах, относящимися, скорее всего, к раннекатакомбному времени). Памятник в целом может быть признан эталонным для изучения специфической раннекатакомбной культуры Степного Прикубанья, и прежде всего древнейшей ее стадии, во многом аналогичной т. н. “преддонецкому” горизонту. Лишь в наиболее крупных курганах (6, 9, 11, 12) древнейшими оказались новотиторовские захоронения.

В связи с тем что предполагается полное издание этого интересного памятника, в данной работе помещены результаты раскопок лишь одного крупного кургана 9, содержавшего ряд выразительных и, главное, стратифицированных относительно друг друга новотиторовских захоронений.

Курган 9 – “Беспалькова могила”. Несколько округленная подконическая насыпь высотой 4,60 м над уровнем древнего горизонта и диаметром до 48 м по профилю центральной бровки и до 75–90 м – по данным нивелировки. Сооружена не менее чем в пять приемов, кроме того, некоторые из выделяемых подсыпок включают по несколько конструктивных слоев. Первичная насыпь и все подсыпки, кроме последней, связаны с новотиторовскими захоронениями, последняя насыпь возведена, очевидно, над катакомбными могилами. Всего в кургане открыто 11 достоверных новотиторовских могил, 1 предположительно новотиторовская, 3 катакомбные и 3 предположительно катакомбные (рис. 12).

Погребение 26 – основное, новотиторовское (рис. 13, 1). Открыто под центром кургана. Совершено в яме, вырытой с уровня древнего горизонта. Выкид из нее – на северном краю могилы. Яма прямоугольная, чуть расширяющаяся ко дну, размеры – 2,08 x 1,42 м, длинная ось ориентирована по линии запад – восток, глубина – 1,10 м. В углах ямы проработаны круглые желобки, как для вертикальных кольев. Перекрытие состояло из 14–16 досок или плах шириной 12–14 см, уложенных поперек ямы. Четыре самые массивные доски, уложенные через равные промежутки, покрыты сверху бело-розовыми разводами, вероятно являющимися остатками узора с циновки или покрывала, застилавшего перекрытие. Ближе к южному краю ямы видны остатки продольной доски или плахи. Сверху деревянное перекрытие застелено сплошным слоем желтовато-белого плотного тлена (кора, кожа?). Восточная стенка ямы “завешена” вертикальным слоем черного тлена. Дно могилы несколько понижается к стенкам, образуя подобие сглаженной канавки по периметру.

На дне могилы, ближе к западному ее концу, находился костяк женщины (?) 25–35 лет. Положение его – сильноискорченное на правом боку, головой к западу. Череп – на правом виске, перекрывает задранное правое плечо и, очевидно, опирался на высокую подушку. Правая рука протянута к коленям, левая проходит поверх тела, кисть ее лежит на середине берцовых костей. Ноги подогнуты и обращены вправо.

Все дно могилы покрыто черным тленом от подстилки с вкраплениями мелких, а в северной половине – и крупных, углей. Вся подстилка пропитана красной охрой. Под черепом и коленями погребенной отмечены скопления углей и сажистой массы (от подушек?). Поверх черного тлена под костяком расчищена прямоугольная подстилка (1,0 x 0,95 м) желто-коричневого тлена (кожа?). Под телом и справа от него на подстилках отмечена меловая подсыпка. Яркие пятна охры имелись под правой рукой, ногами погребенной и в восточной части ямы. У локтя и кисти правой руки – следы комьев краски. Слабая окраска отмечена на всех ко-

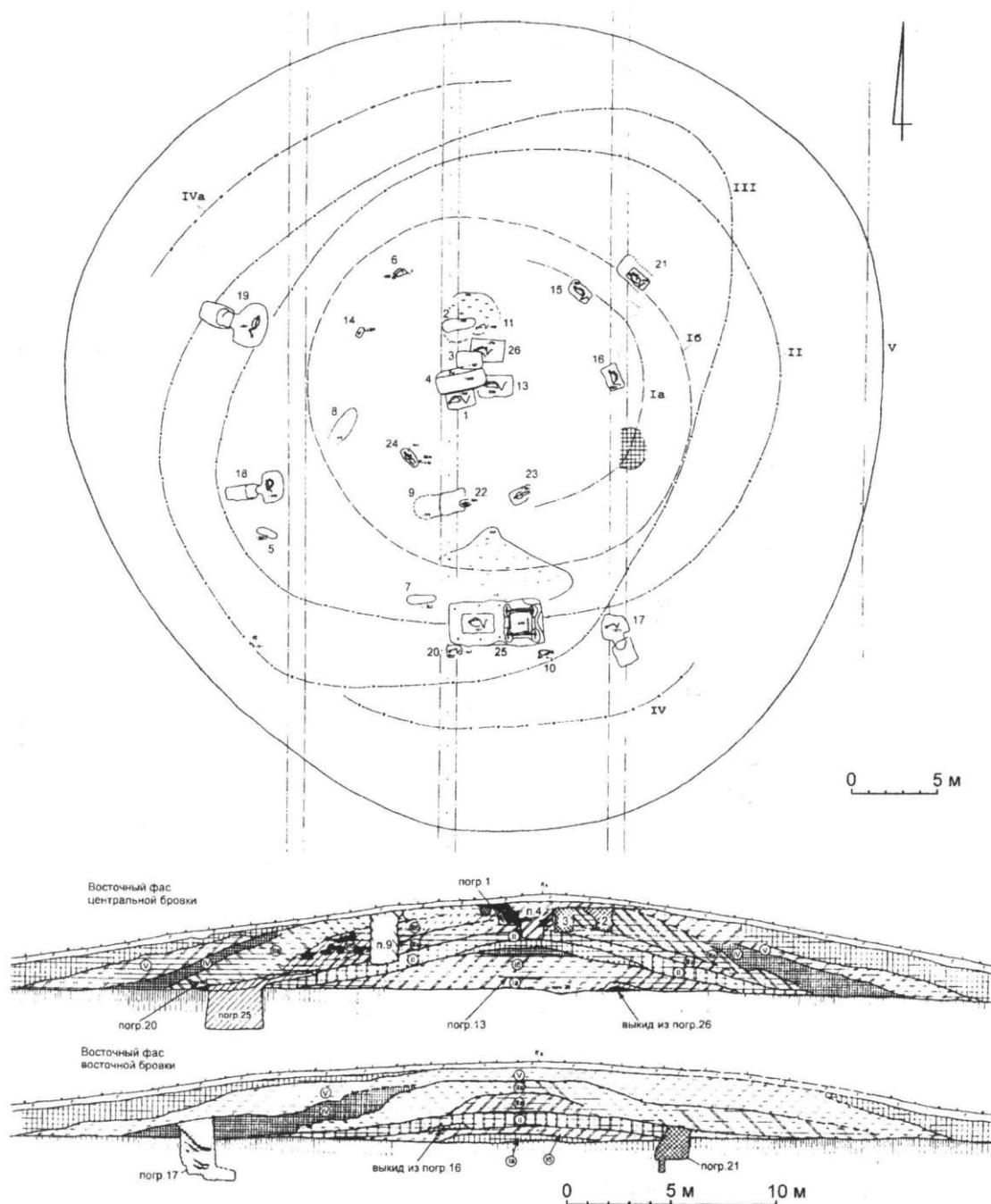

Рис. 12. Малаи I, курган 9. Общий план кургана и профили бровок

стях, четкие следы охры – на правой плечевой и на черепе. Инвентаря нет. На уровне древнего горизонта, в 3,5 м к ЮЗ от погребения 26, находились два жертвенника из черепов и костей конечностей мелкого рогатого скота, очевидно, связанные с данной могилой.

Над погребением 26 сооружена черноземная насыпь диаметром около 15 и высотой 0,5 м (насыпь Ia), в центральную часть которой впущено следующее погребение – 13.

Погребение 13 – новотиторовское (рис. 13, 2). Располагалось южнее погребения 26, параллельно ему. Совершено в прямоугольной яме размером 2,15 x 1,25 и

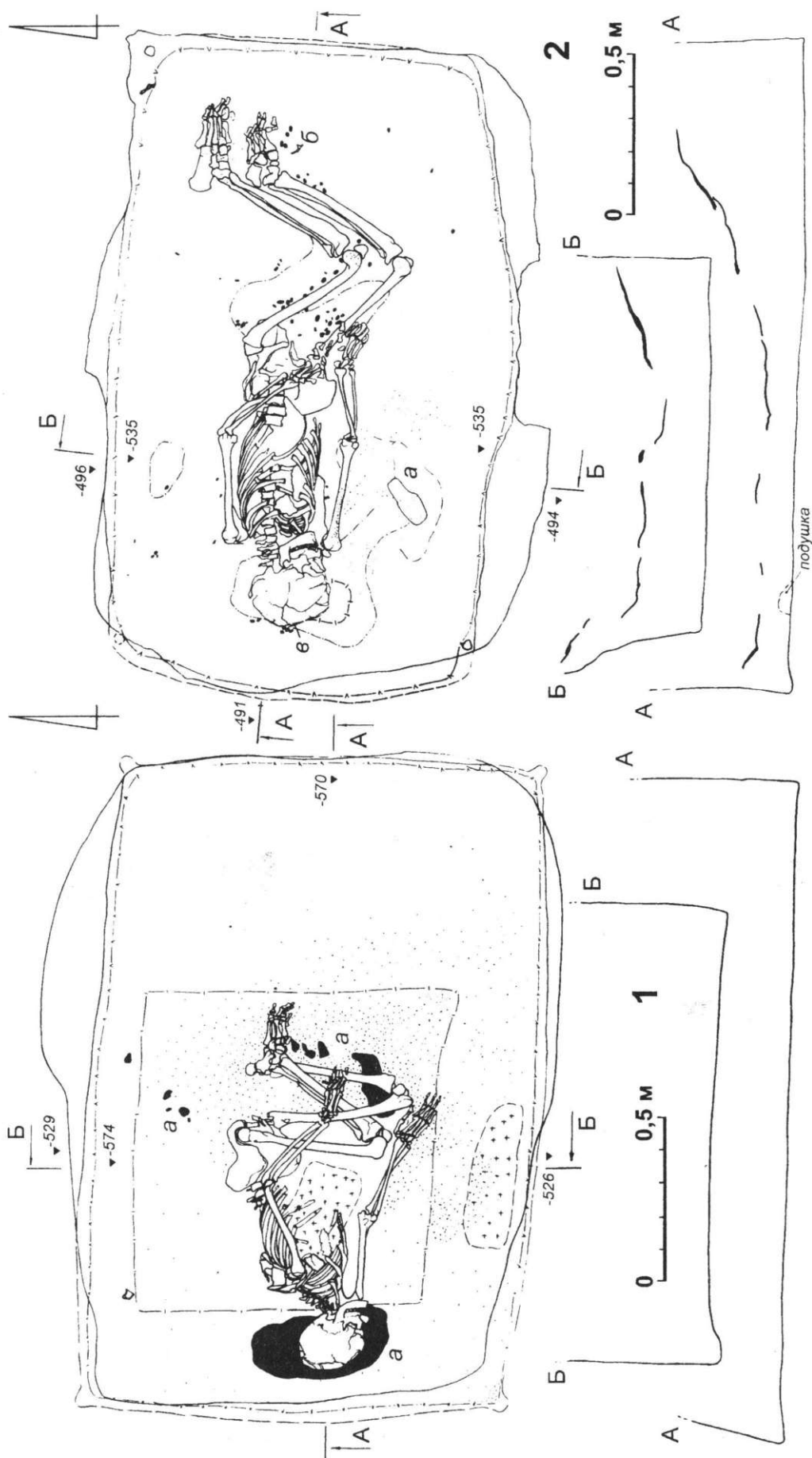

Рис. 13. Малаи I, курган 9

1 - погр. 26 (а - сажа, углистая масса); 2 - погр. 13 (а - каменный пест; б - челюсть мелкого животного; в - костяная булава)

глубиной 1,30 м от перекрытия, лежавшего, в свою очередь, на 0,4 м выше уровня древнего горизонта, т. е. на уровне поверхности насыпи 1а. Яма ориентирована по линии запад – восток. Перекрытие состояло не менее чем из двух продольных и семи поперечных досок или плах, застеленных волокнистым черным тленом (горелый камыш?). В СВ углу могилы прослежен вертикальный столбик диаметром 3 см, на существование таких же колеи в других углах указывает четкая их проработка в нижней части и наличие ямок в дне в ЮЗ и СВ углах могилы.

Захоронение крупного мужчины 25–35 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением туловища на спину и ориентировано головой к западу. Череп обращен лицом вправо и приподнят, опирается на подушку из рыхлого коричневого тлена толщиной 5 см. Правая рука протянута к середине бедренных костей, левая согнута в локте и положена кистью на таз. Ноги согнуты, обращены вправо и лежали изначально, правая вывернута подошвой вверх.

Поверх костяка проходил слой черно-коричневого тлена от покрывала. Таким же тленом выстлано все дно ямы. Поверх подстилки под костяком видны следы желто-коричневого тлена (кожа?) и вкрапления мелких растительных углей от жженных стеблей или соломы. Справа от костяка на подстилке отмечены пятна яркой красной охры, отмечена она и под стопами. Слегка окрашены также кости правой руки, колени и стопы погребенного.

Под черепом, в слое тлена от подушки, найдена миниатюрная костяная булавка с обломанной головкой. Стержень ее – веретенообразный с круглым сечением, поверхность не заполирована, длина сохранившейся части – 4 см (рис. 15, 6). Возле правого плеча лежал массивный каменный пест с прямоугольным поперечным сечением и выделенной рукоятью, изготовленный из серого песчаника, размером 17,3 x 7,0 x 3,7 см (рис. 15, 9). Возле стоп обломок челюсти мелкого грызуна, зашлифованный от долгого ношения, – возможно, амулет или подвеска (рис. 15, 7).

После совершения погребения 13 курган был досыпан – до размеров 21 м в диаметре и 1,65 м в высоту – и приобрел форму четкого конуса с плоскосрезанной вершиной (рис. 12). Размеры горизонтальной площадки на вершине насыпи 1б достигают 5 м в поперечнике. Затем насыпь 1б еще дважды подсыпалась, скорее всего, без связи с какими-либо новыми захоронениями. Первая подсыпка перекрыла только горизонтальную площадку, придав кургану форму четкого конуса высотой 2 м. Следующая подсыпка перекрыла всю вершину этого конуса и довела высоту кургана до 2,40 м. Все эти досыпки состояли из чернозема или темного гумусированного суглинка.

В первую насыпь кургана было впущено еще 7 новотиторовских могил. Определить точнее их стратиграфическую позицию и последовательность совершения трудно. Шесть могил, размещенных в соответствии с принципом кольцевой планировки (14–16, 22–24), сходны и по глубине ям. Похоже, они очень близки по времени. Одна из них (16) достоверно впущена в насыпь 1б, две других (22 и 24) допускают разные толкования. Если они представляют собой простые ямы, то должны быть выкопаны с уровня древнего горизонта у края насыпи 1а и перекрыты насыпью 1б. Если же прослеженная часть их представляет собой нижние части ям с уступами, то они могут быть выкопаны с поверхности насыпи 1б. Седьмое захоронение (11) впущено в центральную часть кургана; нельзя полностью исключить вероятность того, что одна из досыпок на вершине насыпи 1б связана именно с ним.

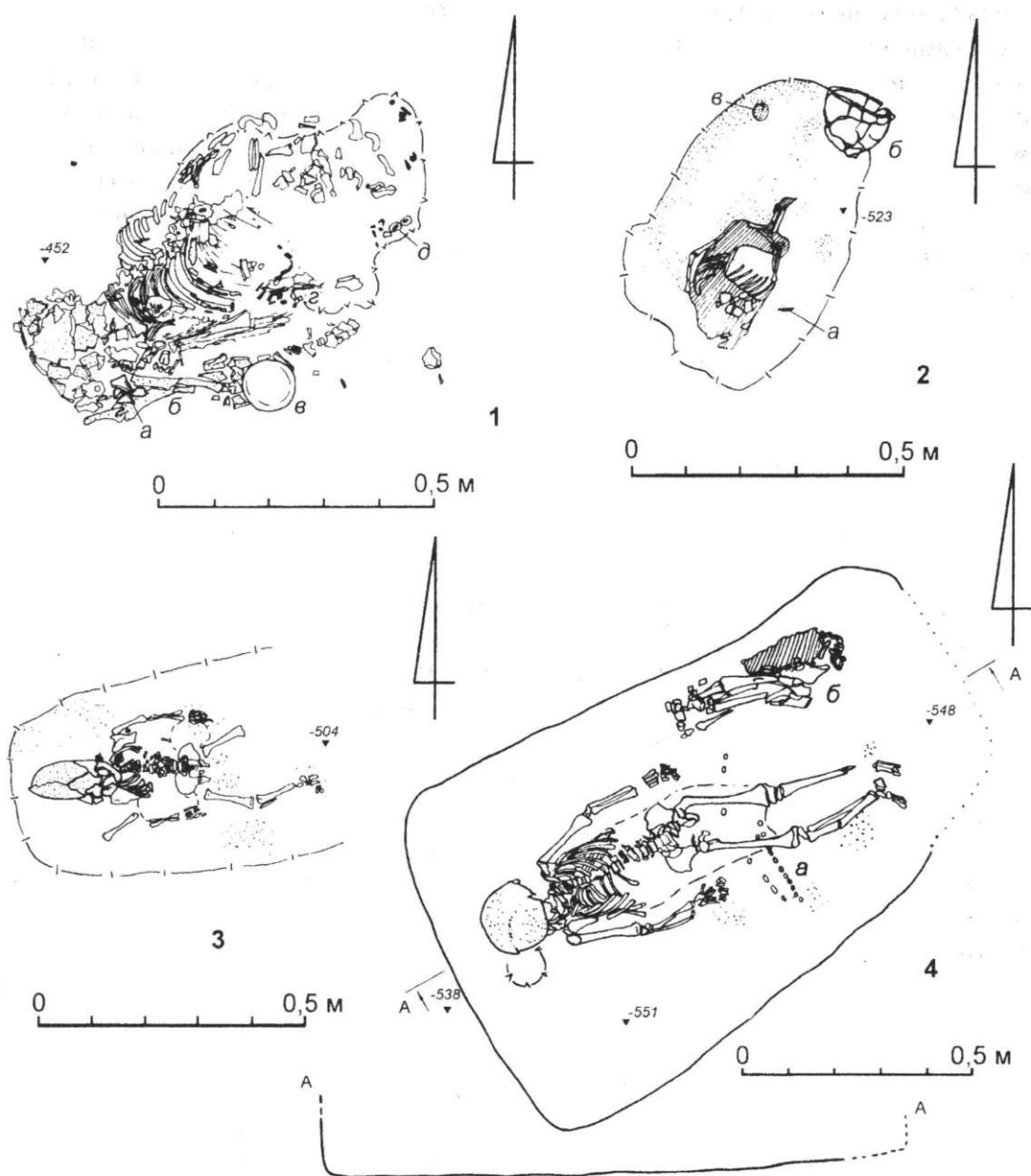

Рис. 14. Малаи I, курган 9

1 – погр. 11 (а – обломки керамики; б – кости МРС; в – терочник; г – глиняное изделие; д – костяные бусы); 2 – погр. 14 (а – бронзовое шило; б – сосуд; в – ком охры); 3 – погр. 22; 4 – погр. 23 (а – костяные бусы; б – кости МРС)

Погребение 11 – новотиторовское (рис. 14, 1). Открыто в центре кургана, севернее основного погребения 26, располагалось параллельно ему. Контуры могильного сооружения не прослежены.

Костяк ребенка в возрасте 2 лет $\pm$ 8 месяцев залегал в насыпи на глубине 4,58 м, что составляет 1,2 м от поверхности насыпи 2, в которую, скорее всего, и впущена могила. Захоронен он в скорченном положении на правом боку с завалом корпуса на живот и ориентирован головой к ЗЮЗ. Левая рука протянута к коленям или бедренным костям, остатки костей правой руки находились под грудной клеткой, возможно, она была согнута в локте.

Под костяком – черный тлен от подстилки, а среди костей и возле них – отдельные угольки и их скопления, особенно заметные у затылка, ребер и тазовых костей. Череп, ребра и левая плечевая кость густо покрыты красной краской, она же покрывала большую часть найденных в могиле предметов.

Справа от черепа ребенка находилась фрагментированная лепная чашечка с плоским дном (рис. 15, 3). Бурая поверхность ее покрыта расчесами от заглаживания травой, в тесте – органика и шамот. Диаметр – 6,0 см, высота – 3,6 см. Рядом с ней лежали кости конечности молодой особи мелкого рогатого скота, густо окрашенные темно-вишневой охрой, а возле них – уплощенно-цилиндрический каменный терочник диаметром 9,0 и высотой 5,0 см (рис. 15, 5). У левого предплечья ребенка найдено глиняное изделие очень плохого обжига, вероятно – остатки глиняной таблетки.

В районе тазовых и бедренных костей, среди разбросанных фаланг левой руки, найдено 5 бусин из распиленной трубчатой кости (рис. 15, 1), возможно, входивших в связку на левом запястье. Под черепом – серебряная подвеска в полтора оборота со слегка уплощенными концами (рис. 15, 2) и комок темно-коричневой минеральной краски, сохранивший форму мешочка, в котором лежал.

В восточной половине могилы (точное место не установлено) находился лепной сосуд с уплощенным дном и следами от двух отломанных в древности петлевидных ручек (рис. 15, 4). Бурая поверхность его покрыта расчесами от пучка травы и следами сглаживания пальцами. В тесте – крупный шамот, пустоты от выгоревшей органики и белые включения. Высота – 9,7 см, наибольший диаметр – 10,0 см.

Погребение 14 – новотиторовское (рис. 14, 2). Открыто в 7 м к СЗ от центра, входит в кольцевое кладбище. Могильное сооружение не прослежено. Захоронение новорожденного младенца открыто на глубине 5,23 м, что составляет 0,65 м от древней поверхности и 1,65 м от поверхности насыпи 16. С равными основаниями здесь можно предполагать простую яму, вырытую у края насыпи 1а, либо яму с уступом, впущенную в насыпь 16.

Совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и ориентировано на ЮЮЗ. Необычность проекции грудной клетки может указывать на первоначально полусидячее положение погребенного. Правая рука протянута к коленям, левая согнута в локте и положена на живот или тазовые кости. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Под костяком расчищено подпрямоугольное пятно коричневого тлена от подстилки (0,40 х 0,60 м), очевидно, повторяющее форму дна могилы. Над костяком по линии север – юг проходили полосы саж, как от сгоревшей соломы (остатки перекрытия?). Вокруг костяка по периметру подстилки проходит полоса красной краски, пятно такой же краски имеется в районе стоп. Охрой окрашен череп младенца.

У правого плеча погребенного найдено четырехгранное бронзовое шило длиной 2 см (рис. 15, 9). В ногах лежала на боку миниатюрная лепная чашечка, покрытая расчесами травой (рис. 15, 10). Поверхность бурая, в тесте шамот. Высота – 7,5 см, наибольший диаметр – 9,2 см. Неподалеку от нее – крупный обточенный кусок ярко-красной краски.

Погребение 15 – новотиторовское (рис. 16, 1). Впущено в СВ полу первой насыпи, в 6 м к СВ от центра, входит в кольцевое кладбище. Могила в виде четкой прямоугольной ямы размером 1,40 х 0,75 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, прослежена с уровня древнего горизонта. Стенки ее вертикальны, нижняя часть

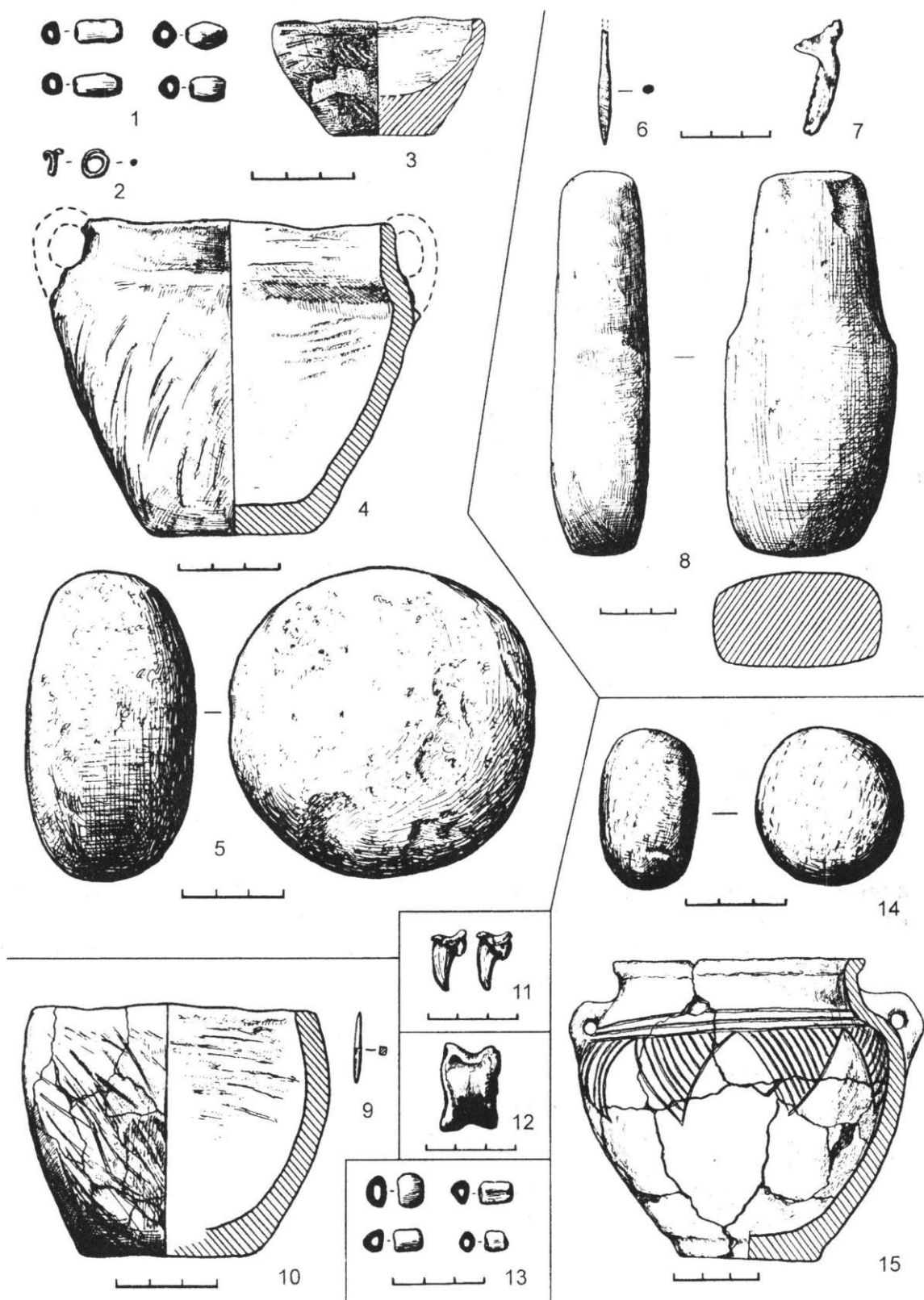

Рис. 15. Малаи I, курган 9

1-5 - погр. 11; 6-8 - погр. 13; 9, 10 - погр. 14; 11 - погр. 15; 12 - погр. 22; 13 - погр. 23; 14, 15 - погр. 24 (1, 6, 7, 11-13 - кость; 2 - серебро; 3, 4, 10, 15 - керамика; 5, 8, 14 - камень; 9 - бронза)

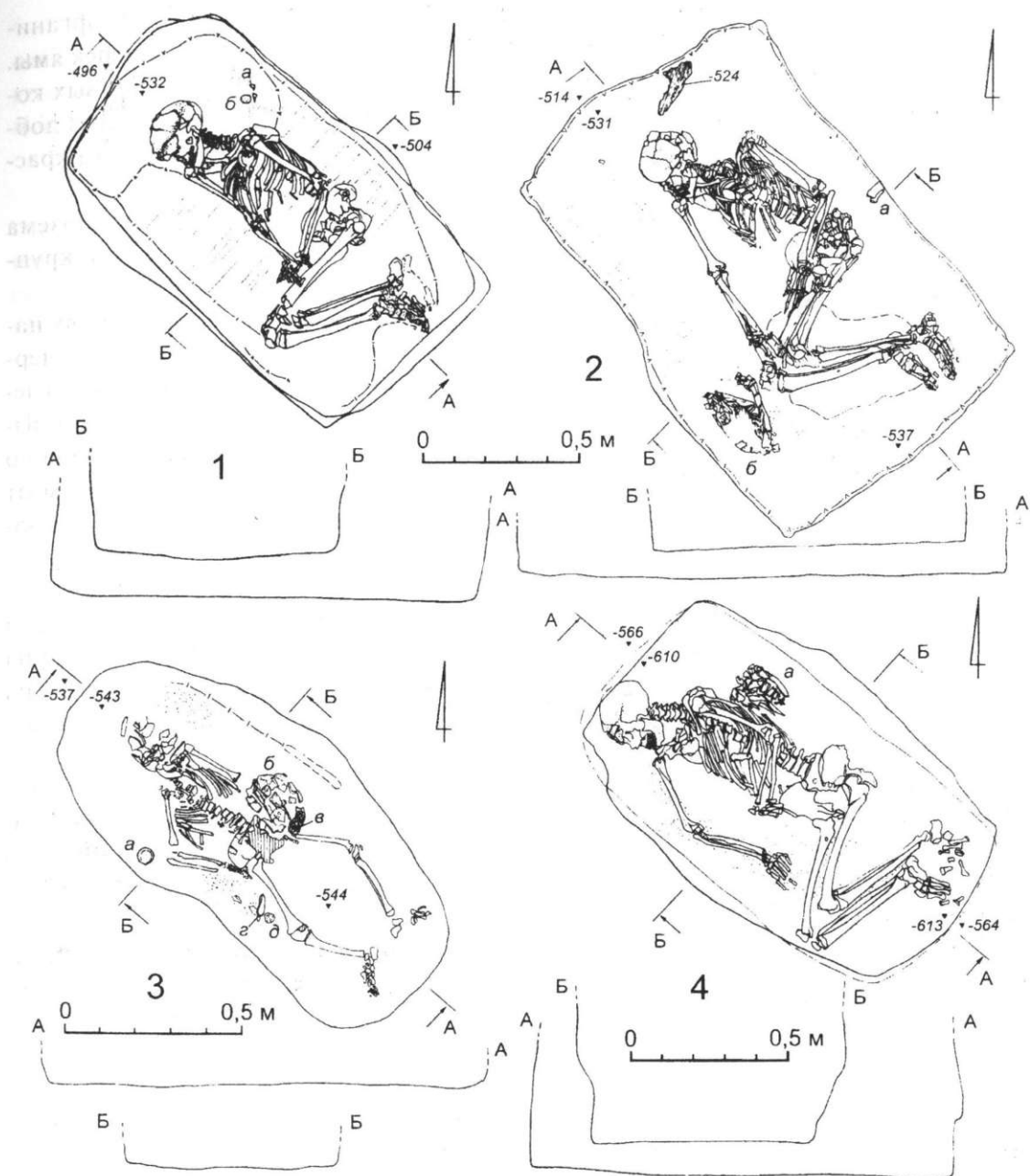

Рис. 16. Малаи I, курган 9

1 – погр. 15 (а – когти животного; б – ком земли, окрашенный охрой); 2 – погр. 16 (а – ребра животного; б – череп и кости ног МРС); 3 – погр. 24 (а – терочник; б – сосуд; в – глиняное изделие; г – расколотая галька; д – ком охры); 4 – погр. 21 (а – кости МРС)

заполнена черноземным затеком, показывающим, что она имела перекрытие и заполнилась землей после его истлевания. Глубина от уровня горизонта – 0,70 м, а от поверхности насыпи 2 – 1,0–1,2 м.

Захоронение женщины 16–20 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к СЗ. Череп на правом виске. Правая рука протянута к середине бедренных костей, пальцы ее охватывают левое бедро. Левая рука согнута в локте, проходит поперек живота, кисть – под правым предплечьем. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Все дно ямы покрыто слоем желто-коричневого с розовым оттенком органического тлена от подстилки. Заметна слоистость тлена, проходящая поперек ямы. В тлен вкраплены белые крошки (мел?). На подстилке, у середины берцовых костей, – пятно красной краски, слабые ее следы есть и на костях стоп. Через лобную, височную и затылочную доли черепа проходит четкая круговая полоса красной краски от т. н. венка или шапочки.

Слева от черепа, почти за спиной костяка, лежит плотный ком чернозема диаметром около 3 см, густо окрашенный охрой, а возле него – два когтя крупного животного (волк, медведь?: рис. 15, 11).

Погребение 16 – новотиторовское (рис. 16, 2). Впущено в восточную полу насыпи 16 в 7 м к востоку от центра. На поверхности насыпи 16 зафиксирован черноземный выкид из этой могилы (рис. 12). Входит в кольцевое кладбище. Прослежена придонная часть прямоугольной могильной ямы с четкими, проработанными под колья углами. Размеры ямы – 1,60 x 1,00 м, длинная ось ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Стенки несколько расширяются вниз, глубина ямы – 1,30 м от поверхности насыпи 2. В заполнении – остатки рухнувшего перекрытия из продольных и поперечных досок или плах. На СЗ и СВ стенках ямы отмечены вертикальные слои черного тлена от облицовки.

Захоронение человека в возрасте 20–23 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и ориентировано головой на СЗ. Череп – на правом виске. Правая рука протянута к коленям и перекрывает их кистью, левая согнута в локте и проходит поперек живота. Ноги обращены вправо.

Все дно ямы застелено циновкой с четкой поперечной рубчатостью, от которой сохранился коричневатый-черный тлен. Под ногами погребенного на циновке – пятно светло-коричневого, местами белесо-желтого тлена с фактурой кожи (?). Подстилка вокруг стоп, колен, а также каймой вдоль стен окрашена красной краской. Так же окрашены череп и стопы погребенного.

Инвентарь включал кости животных. К середине СВ стенки ямы прислонены два ребра крупного животного (бык?), а возле колен находился жертвенник из черепа и отчлененной в локтевом суставе и лишенной копыта передней ноги особи мелкого рогатого скота.

Погребение 22 – новотиторовское (рис. 14, 3). Впущено либо у края, либо в южную полу первой насыпи, в 8 м к югу от центра. Входит в кольцевое кладбище. Открыта придонная часть небольшой прямоугольной ямы (около 0,65 x 0,40 м), ориентированной по линии запад – восток. В заполнении над костяком – следы древесного тлена от рухнувшего перекрытия. В 1 м к СВ от могилы на уровне древнего горизонта расчищен жертвенник, состоявший из черепов и костей передних конечностей взрослой особи мелкого рогатого скота и ягненка. Череп взрослой особи лежит мордой к западу и перекрывает челюсть и ножки ягненка. Если жертвенник помещался у края ямы, то погребение 22 сооружено у края насыпи 1 и его глубина не превышает 0,50 м. Не исключено, что расчищена лишь нижняя часть ямы с уступом, на котором и находился жертвенник. В этом случае погребение 22 могло быть впущено в насыпь 2 и его общая глубина должна составить 1,2 м.

Захоронение младенца в возрасте до 1 года совершено в слабоскорченном положении на спине и ориентировано головой к западу. Череп стоит на основании, лицом к востоку. Вытянутые вдоль тела руки слегка отставлены, кисти лежат ладонями вниз. Ноги слегка согнуты и раздвинуты ромбом.

Дно могилы покрыто коричневым тленом от подстилки, а поверх него, под скелетом, – желто-коричневым тленом. Слабые следы красной краски на подстилке отмечены справа и слева от тела и возле стоп. Самое яркое пятно краски – между бедренных костей. У костяка окрашен только череп.

На перекрытии ямы найден астрагал мелкого рогатого скота.

Погребение 23 – новотиторовское (рис. 14, 4). Впущено либо с уровня древнего горизонта у края насыпи 1а, либо в южную полу насыпи 1б, в 8 м к югу от центра. Входит в кольцевое кладбище. Расчищена придонная часть подтрапцевидной ямы длиной 1,30 м и шириной от 0,55 до 0,85 м. Длинная ось ее ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ, широкий конец обращен к ЗЮЗ. Глубина составляет около 1 м от древней поверхности и 1,60 м от поверхности насыпи 2.

Захоронение ребенка 3–4 лет совершено в слабоскорченном, почти вытянутом положении на спине с наклоном туловища вправо и ориентировано головой на ЗЮЗ. Череп лежит на основании, лицом к востоку. Руки вытянуты вдоль тела и слегка отставлены от него. Ноги слегка согнуты и развернуты вправо, стопы на боку.

Под костяком прослежено пятно желтоватого тлена, а под черепом – участок коричневого тлена от подстилки. Слабые следы красной краски отмечены на дне справа от ног и на костях стоп погребенного; ярко-красной краской обведен круг вокруг черепа ребенка, особенно яркое пятно – на лобной кости (остатки венчика или головного убора?).

Вокруг бедренных костей погребенного, несколько выше колен, проходили два ряда удлиненных костяных бусин (15 шт.), выпиленных из трубчатой кости и зашлифованных (рис. 15, 13). Расположение их показывает, что бусы были нашиты на подол одежды.

У северной стенки ямы находился жертвенник из черепа и костей конечностей особи мелкого рогатого скота. Череп обращен мордой к ЮЗ.

Погребение 24 – новотиторовское (рис. 16, 3). Впущено либо у края насыпи 1а, либо в полу насыпи 1б, в 7 м к ЮЗ от центра. Входит в кольцевое кладбище. Расчищена придонная часть подпрямоугольной могильной ямы с округленными торцами, размером 1,30 х 0,60 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. На уровне древнего горизонта возле восточного угла могилы расчищен жертвенник, включавший череп, нижнюю челюсть и кости передней конечности особи мелкого рогатого скота. Череп обращен мордой к ССЗ, у конечности отсутствует копыто. Как и в предыдущих случаях, возможны два варианта. Если жертвенник лежал на краю ямы, то глубина ее составляла около 0,7 м и выкопана она у края насыпи 1. Но не исключено, что жертвенник мог находиться на уступе, тогда могила впущена в насыпь 2 и глубина ее достигала 2,2 м. В заполнении прослеживались следы рухнувшего перекрытия в виде продольных полос древесного тлена.

Захоронение ребенка 6–7 лет совершено в слабоскорченном положении на спине и ориентировано на СЗ. Череп лежит на затылке, лицо обращено к востоку. Руки протянуты вдоль тела, при этом правая слегка согнута и отставлена, а левая прижата к корпусу. Ноги слегка подогнуты и развернуты ромбом.

На дне – следы коричневого тлена от подстилки, а слева от черепа и справа от таза – пятна темно-малиновой краски. Сам костяк не окрашен.

У правого локтя погребенного найден каменный терочник диаметром 4,8 и высотой 3,0 см (рис. 15, 14). На костях левой руки лежал на боку, устьем к телу, лепной красно-оранжевый сосудик с двумя ручками-выступами, имевшими горизонтальные проколы, украшенный прочерченным орнаментом из трех горизон-

тальных полос на плечиках, от которых спускаются вниз 9 косозаштрихованных треугольников (рис. 15, 15). Поверхность его грубо заглажена и покрыта красно-коричневым ангобом, в тесте – примесь известковистых частиц. Высота – 10,0, наибольший диаметр – 11,5 см. Возле сосуда – следы плохо обожженного круглого глиняного изделия, скорее всего – глиняной таблетки или лепешки. Глина черная, с примесью шамота. Возле правой бедренной кости лежали скол с гальки или шлифованного каменного орудия и небольшой ком плотной охры, засыпанные сверху слоем красной краски.

После устройства кольцевого кладбища насыпь кургана была увеличена до высоты 2,80 м и достигла 27 м в поперечнике (насыпь 2). Досыпка состояла из темного гумусированного суглинка и чернозема. Не исключено, что позднейшими в кольцевом кладбище являлись могилы 15 и 16, т. к. на поверхности насыпи 16 сохранился выкид из погребения 16 (рис. 12). Следующим по времени является погребение 21, впущенное в СВ полу насыпи 2.

Погребение 21 – новотиторовское (рис. 16, 4). Совершено в яме с уступом, верхняя часть которой прослежена только в профиле восточной бровки, поэтому размеры ее не определены. Стенки верхней части могилы заметно расширялись вниз, уступ находился на глубине 1,60 м от уровня впуска, т. е. от поверхности насыпи 2. Яма ниже уступа имела прямоугольную форму, ее размеры – 1,37 x 0,73 м, длинная ось ориентирована с СЗ на ЮВ. Глубина от уступа – 0,60 м, общая глубина – 2,20 м. Стенки нижней ямы также расширялись вниз.

Захоронение женщины 25–35 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к СЗ. Из-за небольших размеров ямы череп, стопы и колени костяка упираются в стенки. Череп – на правом виске. Правая рука слегка согнута и направлена к середине бедренных костей, левая согнута и проходит поперек живота. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

На дне ямы – следы черно-коричневого тлена от подстилки, а под ногами погребенной – желтый тлен (кожа?). Костяк и дно засыпаны красной краской кирпичного оттенка (слой до 5–7 мм), самые яркие пятна – справа от костяка и под его ногами. Костяк окрашен практически целиком. На черепе краска проходила полосой по лобной и височной костям (остатки венка или шапочки?).

За спиной погребенной в яме находился череп особи мелкого рогатого скота, направленный мордой к ЮВ и густо засыпанный краской.

Погребение 25 – поздненовотиторовское (рис. 17, 1). Совершено в большой яме с уступом, имевшей довольно сложную конструкцию. Могила выкопана с уровня древнего горизонта возле южной полы насыпи 2. Обширный выкид из желтой материковой глины – в основном на северном краю ямы; лежит на склоне насыпи 2. Верхняя часть могилы до уступа имела четкую прямоугольную форму и округленные углы. Ее размеры – 5,30 x 2,70 м по верхнему контуру и 5,60 x 2,70 м на уровне уступа, длинная ось ориентирована с запада на восток. Глубина верхней части – 1,9–2,0 м от древней поверхности. Стенки вертикальные, со следами гладкого желобчатого землекопного орудия (ширина следа 4, длина – до 40 см).

Заполнение состоит из смеси желтой глины и чернозема. В нем встречались расколотые трубчатые кости крупного животного, одна из них стерта по краю и напоминает обломок орудия типа кирки (рис. 17, 2). Найдена и лопатка мелкого рогатого скота, край которой заточен, ему придана зигзагообразная форма (рис. 17, 3). Похоже, что эти орудия использовались для обработки стенок могилы. В СВ углу верхней части могилы имелась угловая ступенька (0,90 x 0,35 м) высотой 0,35 м.

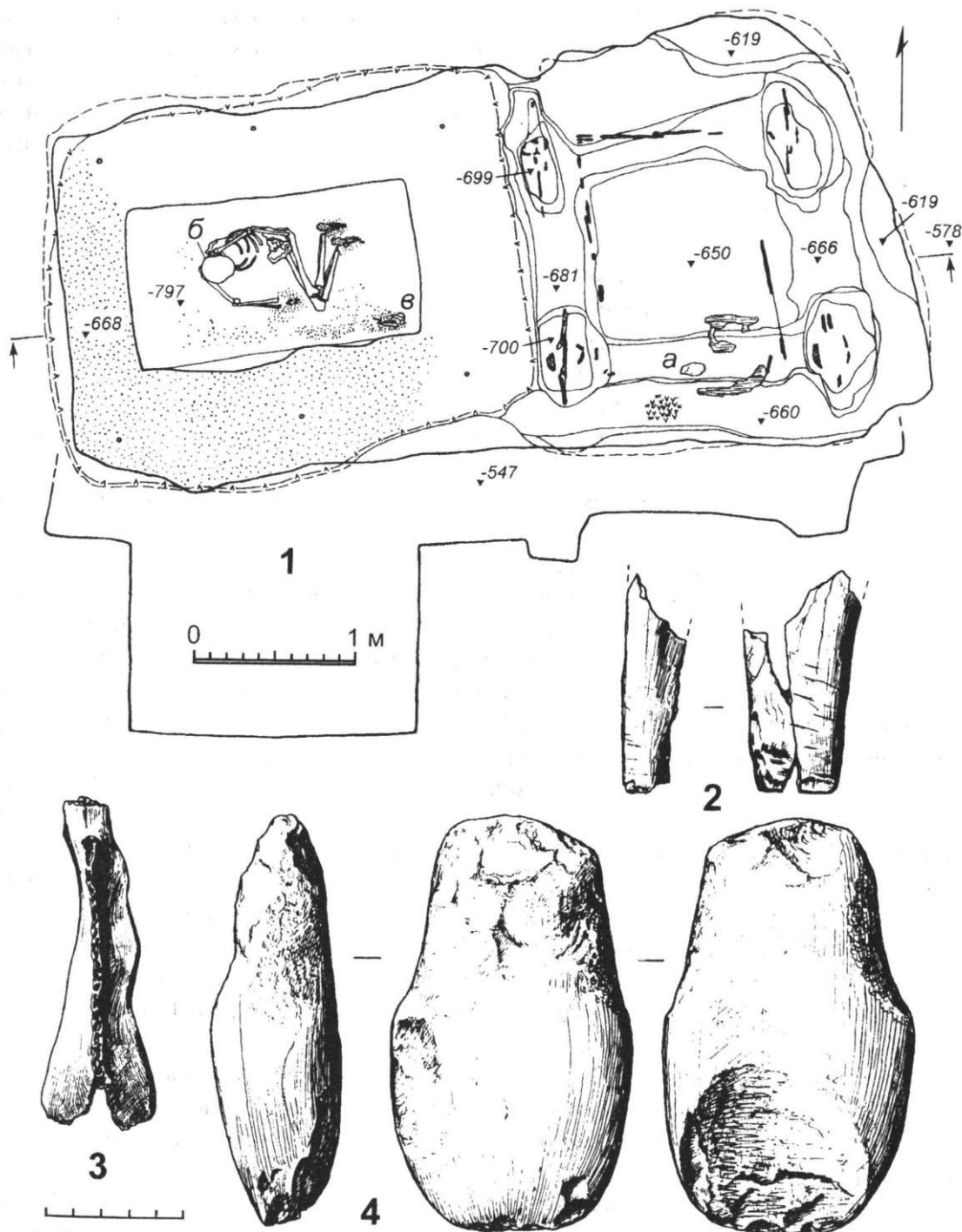

Рис. 17. Малаи I, курган 9, погр. 25

1 – план и сечение могилы (а – каменная мотыга; б – височное кольцо; в – кости МРС); 2, 3 – костяные орудия; 4 – каменная мотыга

В целом же верхняя часть могилы разделена небольшими выступами на северной и южной стенках как бы на две части – восточную и западную, причем дно восточной части выше общего уровня уступа в западной половине на 0,2 м. Обработка стенок в восточной части небрежная, в западной – тщательная. В западной половине большой ямы вырыта яма меньших размеров – собственно погребальная камера; восточная половина предназначена для установки деревянной

четырехколесной повозки. Вдоль всей восточной стенки верхней ямы проходила ступенька шириной до 0,45 м и высотой до 0,15 м над уровнем уступа. В ЮВ углу она поворачивала и тянулась на 2,60 м вдоль южной стенки. Ниже ступеньки в дне восточной половины большой ямы сделаны четыре глубоких сегментовидных углубления для колес повозки (размером от 0,60 x 0,40 м до 0,85 x 0,45 м, при глубине до 0,55 м от уровня уступа), соединенных между собой канавками, предназначенными для осей и продольных связей кузова (ширина канавок 0,25–0,35 м, при глубине до 0,30 м от уровня уступа). Восточная канавка мельче западной, поэтому вставленная в них повозка стояла с некоторым наклоном к западу.

Повозка была опущена в могилу в собранном виде. Расстояние между канавками для осей оказалось меньше, чем расстояние между осями, а расстояние между канавками для кузова – больше ширины кузова, поэтому повозка не села точно в канавки, а зависла на их краях. К тому же южный конец кузова уперся в южную стенку ямы и тоже завис. Хотя повозка и была засыпана землей, как и вся верхняя часть ямы после совершения погребения, при истлевании она сильно просела вниз, колеса опустились в предназначенные для них врезки, связи между дровами и нахлестками разных уровней кузова нарушились.

Повозка имела прямоугольный кузов размером не менее 1,08 x 1,55 м. Нижний уровень его, опиравшийся на оси, изготовлен из досок или брусьев шириной около 5 см, такую же толщину имели и оси (рис. 17, 1). Верхний уровень кузова (рис. 55, 2), собственно, его платформа, лежавшая в заполнении на 0,2–0,6 м выше уровня уступа, представлял собой площадку шириной около 1 м. В длину он сохранился на 1,25 м, весь северный конец разрушен норами грызунов. Платформа застелена циновкой (черный тлен с ярко выраженной волокнистостью), под которой проходит настил из частых продольных прутьев. Под прутьями прослеживаются поперечные нахлестки (не менее 4) и косая крестовина из досок шириной до 9 см. Продольные связи не читались. С боков к этой платформе примыкали два участка желтовато-коричневато-белого плотного тлена (кожа?). Размеры западного участка – 0,35 x 0,80, восточного – 0,32 x 0,80 м. Под ними – следы досок и черный тлен. Местами на платформе кузова видны следы красно-коричневой охры. Колеса были надеты на оси. Они составные, но число частей в колесе не определяется. Их диаметр – 60–65 см, втулки имели диаметр около 14 см и выступали на 5–8 см.

Сверху на кузов положена массивная каменная мотыга из гальки, лезвие ее подправлено грубыми сколами, размеры – 15,5 x 8,8 x 4,0 см (рис. 17, 4). На уступе у ЮЗ колеса повозки имелось скопление древесных углей и пятно прокала от небольшого культового кострища диаметром 0,2 м.

В западной половине большой ямы вырыта малая яма-камера прямоугольной формы с четкими углами, размером 1,75 x 1,05 и глубиной 1,19 м от уровня уступа, таким образом, общая глубина могилы – 3,35 м. Ориентирована малая яма также с запада на восток. Стенки ее тщательно заглажены, буквально отшлифованы.

Весь уступ вокруг малой ямы покрыт черным рыхлым тленом с вкраплениями углей и бледной красной охры. Очевидно, это остатки циновки, застилавшей перекрытие камеры. Характер деревянной конструкции, поддерживавшей циновку над камерой, не установлен. Возле углов и середины длинных сторон малой ямы на уступе имелось 6 ямок диаметром 1,5–2,0 см и глубиной 15–20 см от колея т. н. “шалаша”. Следы дерева в этих ямках отсутствовали. Вместе с тем, дерево от вертикальных колея сохранилось в углах малой ямы, хотя ни желобков,

ни ямок в дне здесь не было. Вся площадь уступа под циновкой окрашена красной краской, особенно яркой у южного края малой ямы.

На дне малой ямы находилось захоронение мужчины 20–35 лет с неестественно сросшимися позвонками шейного и поясничного отделов. Оно совершено в слабоскорченном полусидячем положении с разворотом на правый бок и ориентировано спиной к западу. Череп приподнят на 0,3 м выше дна и завалился лицом на грудь погребенного. Грудная клетка и тазовые кости развернуты вправо, верхняя часть грудной клетки приподнята, лопатки стоят вертикально. Правая рука протянута к коленям, левая согнута и положена кистью на таз. Ноги подогнуты и обращены вправо, стопы на боку.

Дно ямы устлано черным тленом от подстилки. Под костяком – пятна светло-коричневого тлена с характерной для дерева слоистостью (кора, луб?). Подстилка посыпана красной краской, особенно яркой вдоль южной стенки. Окрашены и стопы костяка.

У шейных позвонков погребенного найден обломок серебряного колечка из круглой в сечении проволоки, а на левой височной кости имеется пятно зеленого медного окисла, очевидно, от второго височного колечка.

В ЮВ углу ямы находился жертвенник из черепа, повернутого мордой к западу, и костей ног мелкого рогатого скота.

После совершения погребения 25 размеры кургана были заметно увеличены. Подсыпка (насыпь 3) перекрыла почти весь курган и была особенно мощной с южной стороны, непосредственно над погребением. Высота кургана почти достигла современной – 4,60 м, а размеры насыпи составили 35 x 45 м, при этом она оказалась вытянутой с ССВ на ЮЮЗ. В конструктивном отношении насыпь 3 неоднородна: если в северной половине она достаточно монотонная, то в южной выделяются 4 прослойки. Нижняя – из серо-коричневого суглинка с примесью чернозема (3А), следующая – из такого же суглинка с вкраплением глыб чернозема (3Б), затем просто светло-коричневый суглинок (3В) и, наконец, мощный панцирь из чистого чернозема (4). Ни одна из этих прослоек не может быть увязана с каким-либо иным погребением, кроме 25.

Получается, что досыпка возводилась по крайней мере в 3 приема, возможно, с перерывами. После третьего слоя устроен черноземный панцирь, сложенный из крупных кусков нарезанного дерна (т. н. “вальков”, известных для целого ряда новотиторовских и раннекатакомбных курганов, среди которых назовем расположенный неподалеку курган 1 могильника Карстовый [Гей А.Н., Сатеев О.И., 1987*]). Затем в курган впущены погребения 17–20, относящиеся уже к катакомбной культуре.

Погребение 17 – катакомбное (рис. 18, 1). Впущено в ЮЮВ полу панциря 4 и является наиболее ранним достоверно катакомбным захоронением в кургане. Прямоугольная входная шахта катакомбы размером 1,60 x 1,30 м ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. Северный конец ее имел четкие углы, южный округлен. Заполнение состояло из желтой материковой глины с прослойками чернозема, наклонно падающими к северу, в сторону камеры. Глубина шахты – 1,9 м от поверхности панциря 4. Вдоль ЮВ и ЮЗ стенок шахты проходит нечеткая ступенька шириной 0,10–0,15 и высотой 0,37 м. Под СЗ стенкой в дне шахты вырыто углубление размером 0,5 x 0,7 и глубиной 0,10–0,25 м, из которого начинается дромос в виде асимметричной арки высотой 0,60 и шириной 0,80 м. Длина его – до 0,30 м. Лаз забит черноземной пробкой, здесь же были вертикальные полоски древесного угля (остатки обгоревшего заклада?). Подпрямоугольная камера размером 1,55 x

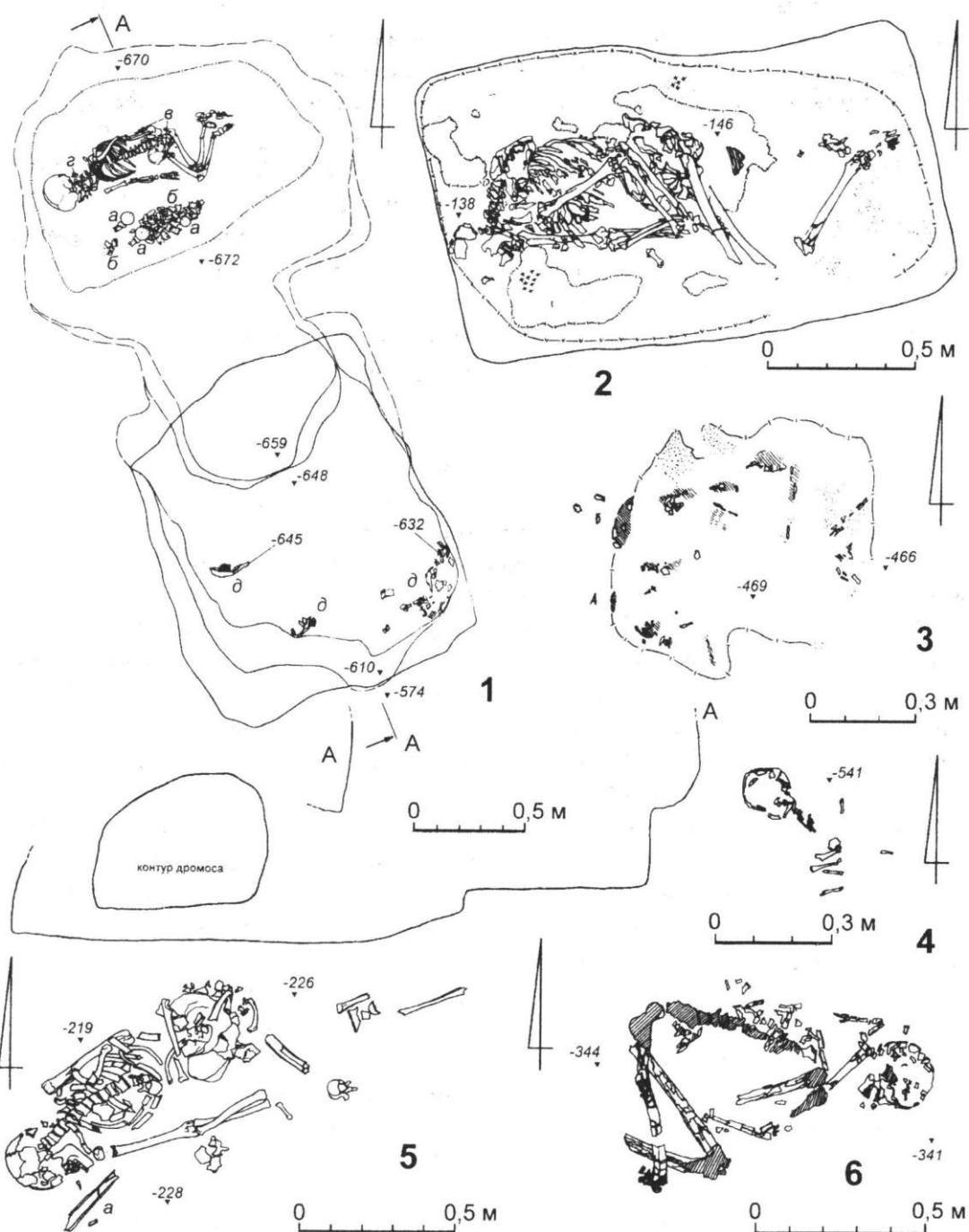

Рис. 18. Малаи I, курган 9

1 – погр. 17 (а – терочки; б – астрагалы МРС; в – бронзовые подвески; г – височное кольцо; д – кости черепа и челюсть МРС); 2 – погр. 1; 3 – погр. 20; 4 – погр. 12; 5 – погр. 6 (а – кость животного); 6 – погр. 10

1,30 м и высотой не менее 0,8 м ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ, но не совсем перпендикулярна длинной оси шахты. Восточный конец камеры несколько округлен, дно – на глубине 2,13 м от верха шахты. На стенках – горизонтальные следы гладкого орудия шириной 2,5–3,0 см.

Ближе к дальней стенке камеры лежал костяк ребенка 8–12 лет, захороненный в слабоскорченном положении на правом боку головой к ЗЮЗ. Череп на правом

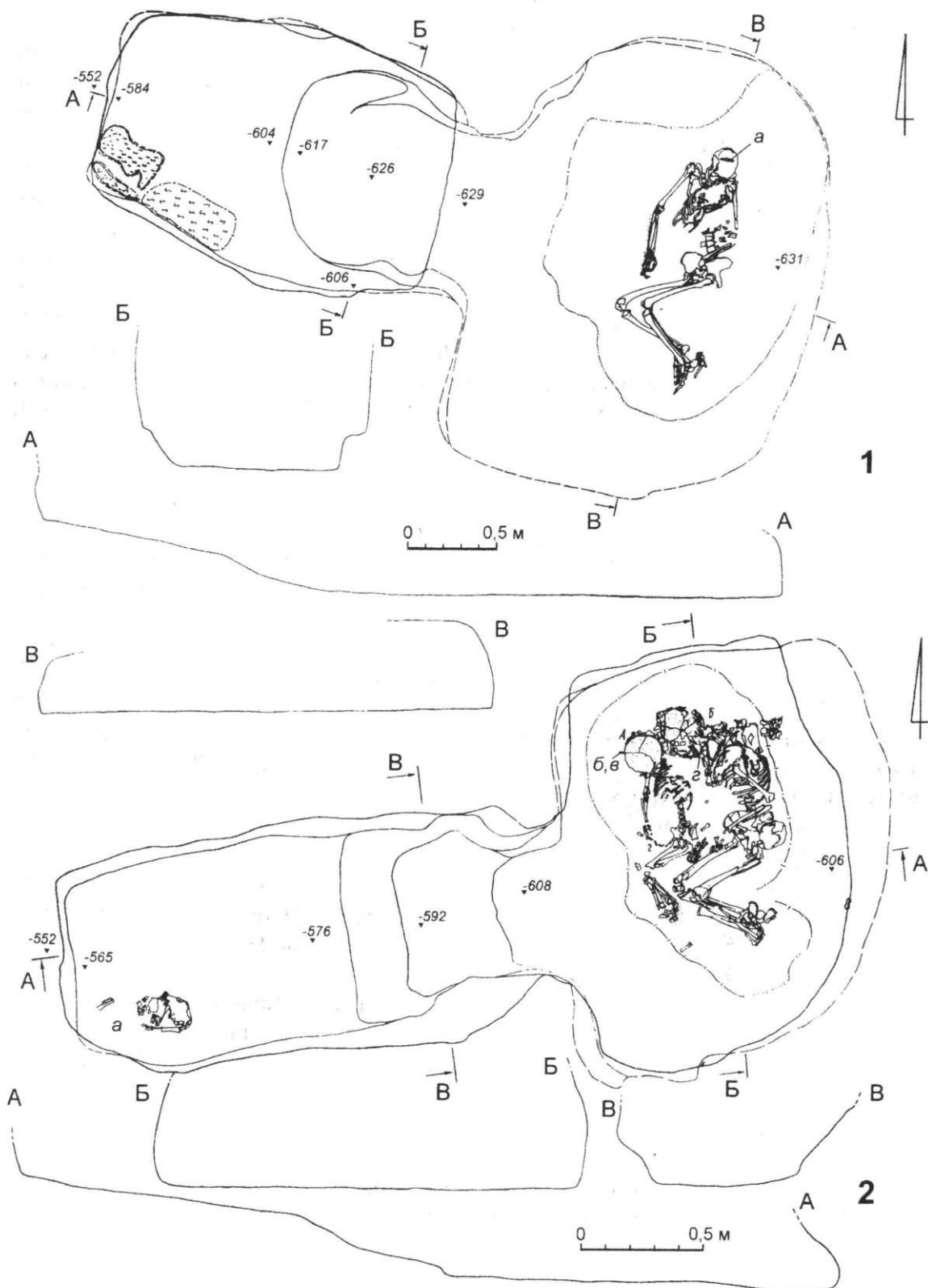

Рис. 19. Малаи I, курган 9

1 – погр. 19 (а – бронзовое долото); 2 – погр. 18 (а – кости МРС; б – костяные бусы; в – бронзовое височное кольцо; г – серебряное височное кольцо)

виске. Правая рука протянута к середине бедренных костей, левая проходит по верх тела, кисть ее на тазе. Ноги обращены вправо.

Почти все дно камеры покрыто рыхлым коричневым тленом от подстилки, поверх которой насыпана яркая красная охра. Выделяются полосы и пятна краски справа и слева от костяка и в ногах его. Слабые следы охры есть на черепе. Пятно охры в ногах является, скорее всего, расплывшимся комком краски.

У левого виска погребенного найдено серебряное височное кольцо в полтора оборота с уплощенными концами (рис. 20, 2), а под черепом – серебряное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 20, 1). У левого запястья – 13 бронзовых жгутиковых подвесок с капелькой на конце (рис. 20, 4). Справа от тела – скопление астрагалов мелкого рогатого скота, включавшее не менее 39 штук, два крупных и один небольшой каменные терочники размерами соответственно 6 х 6 х 3 см, 6,5 х 6,5 х 2,2 см и 4,5 х 4,5 х 2,8 см (рис. 20, 5–7). Астрагалы и терочники сверху густо засыпаны охрой. Кроме того, на дне входной шахты находились обломки нижних челюстей, зубы и обломки костей передней конечности от двух особей мелкого рогатого скота.

Погребение 18 – катакомбное (рис. 19, 2). Впущено в ЮЗ полу кургана. Данные планиграфии и сходство с погребением 19 свидетельствуют о том, что могила выкопана не с поверхности панциря 4, а скорее всего с уровня плохо прослеженной насыпи 4а (рис. 12). Прямоугольная входная шахта катакомбы размерами 0,95 х 2,00 м ориентирована по линии запад – восток. Углы ее округлены. Дно шахты понижается к восточной стенке, т. е. в сторону камеры, и находится на глубине 2,65–2,75 м от поверхности насыпи 4а. В 0,75 м от восточной стенки начинается пологая пандусообразная ступенька высотой 0,20 м, вторая ступенька, высотой 0,07 м, находится уже в дромосе. Свод камеры и верх дромоса обрушились в древности. Ширина дромоса – 0,60 м. Камера размером 1,90 х 1,40 м ориентирована с севера на юг, т. е. перпендикулярно шахте. Форма ее – неправильно-прямоугольная, северный конец имел четкие углы, южный округлен. Глубина дна камеры – около 3 м от поверхности насыпи 4а.

В камере находилось парное захоронение ребенка 4–6 лет и подростка 13–16 лет. Костяк ребенка лежал ближе к входу в слабоскорченном положении на правом боку, головой к северу. Череп на правом виске и склонен к правому плечу. Правая рука протянута к коленям, левая не сохранилась. Ноги слабо подогнуты вправо, стопы на боку.

Подросток лежал ближе к задней стенке в слабоскорченном положении на правом боку и был ориентирован головой на ССЗ. Череп на правом виске и касается затылка ребенка. Правая рука протянута к середине бедренных костей, кисть ее под тазом ребенка. Левая рука согнута в локте и проходит поперек живота. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Дно под костяками покрыто темно-коричневым, местами черным, тленом от подстилки, окрашенной по периметру яркой красной краской, особенно интенсивно в головах и в ногах погребенных. Окрашены также черепа и кости стоп обоих костяков.

Под черепом подростка найдены два серебряных височных кольца с несомкнутыми заостренными концами (рис. 20, 9, 10). Внутри черепа ребенка найдена бронзовая подвеска в полтора оборота, изготовленная из уплощенного прутка с расплюснутыми концами (рис. 20, 11). Под черепом ребенка расчищено 6 бочонковидных и цилиндрических костяных бусин, вырезанных из трубчатой косточки (рис. 20, 8). Низка таких же бусин, включавшая не менее

11 штук, тянулась от крестца до пальцев руки ребенка. Похоже, они украшали конец пояса (?).

Кроме того, в ЮЗ углу входной шахты, на 0,2 м выше ее дна, расчищен жертвенник из черепа и ножек мелкого рогатого скота и полоса прокаленной оранжевой глины. Череп обращен мордой к западу. Похоже, что жертвенник помещен в шахту некоторое время спустя после сооружения могилы, когда на дне шахты уже образовался слой затечной земли.

Погребение 19 – катакомбное (рис. 19, 1). Впущено в ЗСЗ полу насыпи 4а, обширный выкид лежит на ее поверхности. Совершено в катакомбе. Входная шахта размером 1,45 x 2,00 м имеет форму прямоугольника с сильно выгнутыми продольными стенками и ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Заполнение ее состоит из желтовато-коричневого суглинка с вкраплениями материковой глины. Дно наклонено к ВЮВ, т. е. в сторону камеры, глубина шахты – 2,75–2,95 м от поверхности насыпи 4а. В 0,8 м от восточной стенки уклон дна становится более сильным, спуск сужается и по бокам его оставлены неширокие боковые ступени высотой до 0,22 м. Пол шахты в ЮЗ углу на площади 1,0 x 0,3 м прокален до оранжевого цвета, покрыт сажой и угольками, прокалена и нижняя часть стенок. Очевидно, здесь находился культовый костер. Дромос имел ширину 0,95 м, верх его и плоский потолок камеры обрушились в древности. Подовальная с четко выделенным ЮЗ углом камера имела размеры 2,6 x 1,9 м и была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, т. е. перпендикулярно шахте. Высота ее доходила до 0,5 м, дно – на глубине 3,20 м от уровня впуска.

Захоронение женщины 25–35 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и ориентировано головой к ССВ. Череп лежит на основании и развернут лицом влево. Правая рука слегка согнута и направлена к середине бедренных костей, левая согнута и положена кистью на лобковые кости. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Дно камеры под костяком и вокруг него покрыто коричневым тленом от подстилки с отдельными пятнами красной охры. Сам костяк не окрашен. Верхняя часть туловища и череп погребенной были закрыты каким-то покрывалом, от которого сохранился коричневый тлен, окрашенный охрой. На подстилке вокруг костяка многочисленные следы костного тлена в виде прямоугольных пятен – возможно, остатки костяных пластинок или бляшек (?).

Внутри черепа – массивное бронзовое долото с прямоугольным поперечным сечением и обломанными концами (рис. 20, 12). Размеры сохранившейся части – 8,5 x 1,6 x 0,9 см. Боковые грани орудия подвергались проковке, в результате чего на лицевой и оборотной сторонах образовались наплывы. Причины попадания предмета внутрь черепа установить не удалось.

Погребение 20 – эпохи средней (?) бронзы (рис. 18, 3). Впущено в южную полу кургана. В насыпи, на глубине 1,25 м от поверхности панциря 4, расчищена прямоугольная площадка (0,7 x 0,4 м), устланная коричневым тленом от подстилки и ориентированная по линии запад – восток.

Захоронения двух детей сохранились очень плохо. Один из них, в возрасте 3–4 лет, лежал ближе к южному краю, а второй – 7–8 лет – ближе к северному. Предположительно оба ребенка скорчены на правом боку и ориентированы головами к западу. Крупинки красной краски отмечены вдоль северного края подстилки и у стоп старшего из детей. Инвентаря нет.

Вероятно, расчищена придонная часть могильной ямы. Соотношение данного погребения с прочими не совсем ясно; оно может предшествовать катакомб-

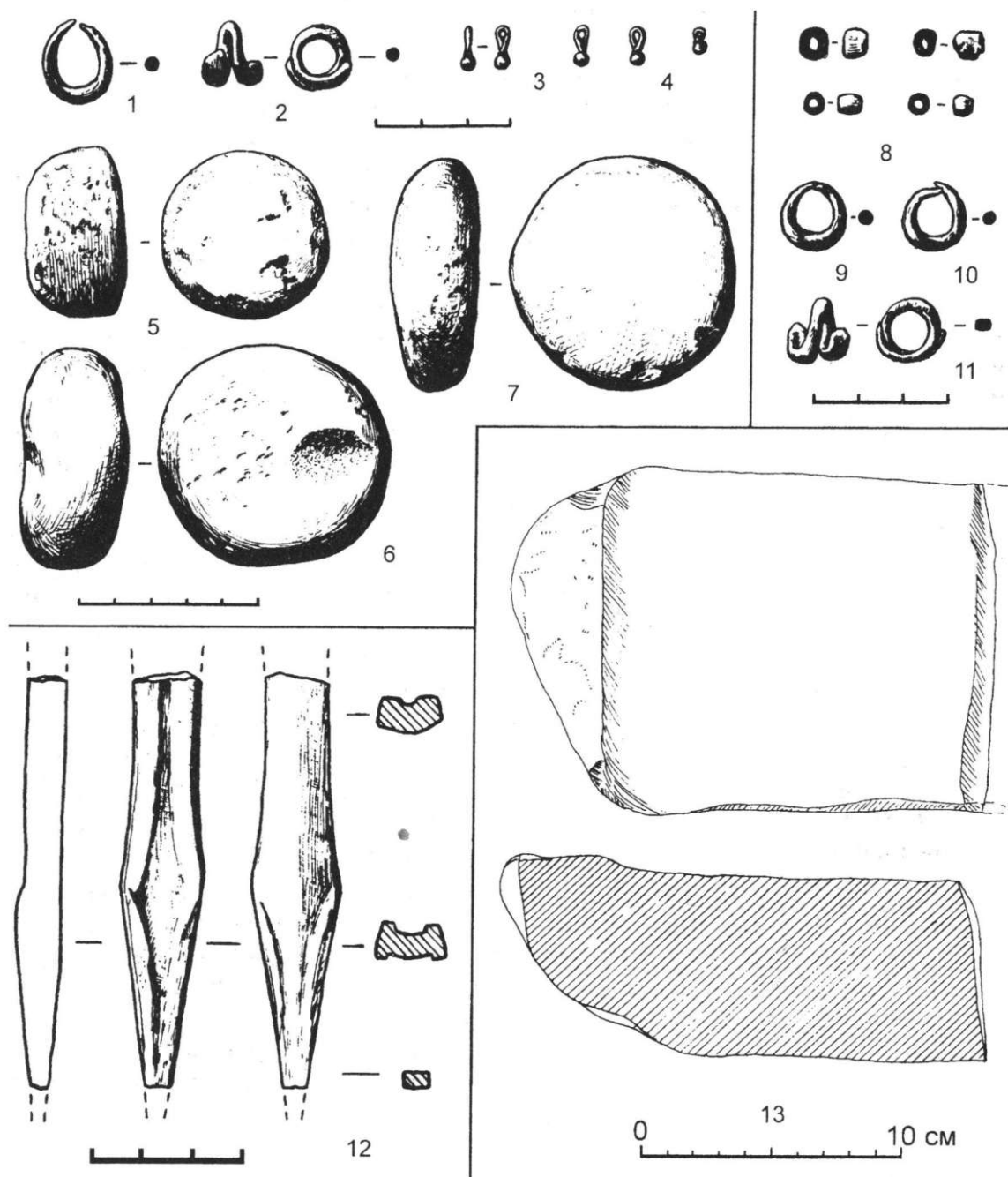

Рис. 20. Малаи I, курган 9

1-7 – погр. 17; 8-11 – погр. 18; 12 – погр. 19; 13 – находка в насыпи (комплекс XVII)

ным могилам, впущенным в насыпь 4а, а может быть, и одновременным с ними.

После завершения группы катакомбных захоронений насыпь кургана была увеличена до современных размеров (насыпь 5), досыпка при этом велась с боков, высота кургана осталась прежней. Судя по выкиду, непосредственно предшествовало досыпке погребение 19.

Кроме того, в кургане открыты еще 4 погребения, вероятно, датируемые эпохой ранней и средней бронзы, определение культурной принадлежности и датировка которых затруднены из-за сохранности или положения в насыпи.

Погребение 1 – поздненовотиторовское или катакомбное (рис. 18, 2). Впущено в насыпь на самой вершине кургана. Совершено в прямоугольной яме с округленными углами, размером 1,05 x 1,70 м и глубиной 1,40 м от современной поверхности. Ориентирована она с запада на восток. В заполнении – остатки провалившегося перекрытия из двух продольных жердей и положенных на них семи поперечных досок или плах шириной 12–15 см.

Захоронение мужчины 25–35 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к западу. Череп на правом виске. Правая рука вытянута, кисть ее зажата между бедренными костями, левая согнута, проходит поперек живота, кисть ее – на правом запястье. Ноги обращены вправо.

Все дно ямы покрыто коричневым, местами переходящим в черный, тленом от циновки с преобладающим продольным направлением волокон. Поверх циновки – пятна желто-коричневого тлена (кожа?), а возле таза – участок белого тлена от циновки (?) с поперечным направлением волокон, лежавшей выше дна могилы. На коричневой циновке, в основном вокруг ног погребенного, – густая посыпка красно-малиновой краской. Имеются слабые следы белой (меловой?) посыпки. Инвентаря нет.

Погребение впущено в курган не ранее завершения насыпи 3-4. По обряду оно близко новотиторовским и вполне может быть сочтено таковым. Однако в расположенном неподалеку кургане 1 могильника Карстовый аналогичные по обряду захоронения оказались впускными при основном раннекатакомбном захоронении, совершенном в классической катакомбе, что заставляет осторожно отнестись к определению их возраста и культурной принадлежности.

Погребение 6 – эпохи бронзы (рис. 18, 5). Совершено на СЗ склоне кургана, в 6,7 м от центра. Находится на глубине 1,5 м от современной поверхности и, очевидно, впущено в уже готовый курган. Контуры могилы не прослежены.

Захоронение человека 25–35 лет совершено на правом боку, предположительно в слабоскорченном положении, головой к ЗЮЗ. Правая рука вытянута к середине бедренных костей, от левой сохранилась только плечевая кость. Кости ног сдвинуты с места.

Перед лицом погребенного лежала расколота вдоль трубчатая кость крупного животного. Подстилок и посыпок нет.

Погребение 10 – эпохи бронзы (рис. 18, 6). Впущено в ЮЮЗ склон кургана в 17 м от центра. Находилось на глубине 1,5 м от современной поверхности, откуда, скорее всего, и впущено. Контуры могилы не прослежены.

Захоронение человека 25–35 лет совершено в сильноскорченном положении на левом боку, головой к востоку. Туловище слегка завалено на грудь. Руки протянуты к ногам. Инвентаря, подстилок и посыпок нет. Не исключено, что данное погребение относится уже к эпохе поздней бронзы.

Погребение 12 – эпохи бронзы (рис. 18, 4). Впущено в ЮЗ полу кургана в 19,6 м от центра. Находилось на глубине 3 м от современной поверхности, не исключено, что впущено еще в насыпь 4 и может быть сопоставлено с погребением 20. Контуры могилы не прослежены.

Захоронение ребенка совершено в сильноскорченном положении на правом боку головой к СЗ. Инвентаря нет. У головы и в ногах погребенного отмечены следы красной краски.

Еще одно погребение (3) датируется переходным временем от эпохи средней к эпохе поздней бронзы (опубликовано [Сорокина И.А., 1985]). Остальные могилы относятся уже к железному веку и новому времени.

Курганный могильник Останний

Курганная группа находится в средней части междуречья Понуры (точнее, уже Понурского лимана) и Гречаной Балки, на расстоянии 13 км к СЗ от ст. Калининской и 4 км к югу от хут. Малаи Калининского р-на Краснодарского края. Представляет собой цепочку из 5 курганов, вытянутую почти строго по линии север – юг по гребню невысокой гряды, возвышающейся на 1–2 м над уровнем окружающей равнины (в отличие от двух предыдущих могильников, расположен на участке местности, формирование которого относится еще к третичному, а не четвертичному периоду, т. е. на большем удалении от района плавней и лиманов). В 1985 г. Понурским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в группе раскопаны две наиболее крупные насыпи (1 и 2).

Курган 1 (рис. 21). Насыпь довольно правильной конической формы, несколько вытянутая по линии ЗЮЗ–ВСВ, высотой 6,90 м над уровнем древнего горизонта и диаметром до 60 м по профилям и до 75 м – по данным нивелировки поверхности. Сооружена в три приема, причем все этапы сооружения связаны с новотиторовскими захоронениями. В кургане открыты 11 достоверно новотиторовских, 3 раннекатакомбных восточноприазовских, 1 позднекатакомбное батуринское захоронения, еще одна могила предположительно относится к периоду средней бронзы.

Погребение 150 – основное, новотиторовское (рис. 22). Находилось в 7–11 м к югу от геометрического центра насыпи. Совершено в простой яме, вырытой с уровня древнего горизонта и окруженной на этом уровне обширной площадкой (4,30 x 5,00 м), застеленной толстым слоем камыша. Края камышового слоя несколько задираются вверх, т. к. частично перекрывают выкид из могилы, разложенный кольцом вокруг ямы на некотором расстоянии от ее краев. Мощность выкида – до 0,35 м.

У восточного края площадки на древней поверхности установлены две деревянные четырехколесные повозки. Повозка 1 стояла прямо напротив восточного конца могильной ямы в собранном виде, с надетыми на оси колесами. Колеса деформированы землей, однако удалось установить, что они были сплошными трехчастными, с выступающими ступицами в средней доске. Диаметр их – от 70 до 78 см, толщина – 5–6 см, диаметр ступиц – до 25 см, с внешней стороны они выступали на 5, а с внутренней – на 13 см. Кузов имел сложную решетчатую конструкцию, в которой прослеживается не менее четырех горизонтов; каждый из них составлен из продольных (дроги и грядки) и поперечных (нахлестки) досок или брусьев шириной 5–10 см. Между собой уровни соединены вертикальными круглыми столбиками, вставленными в отверстия в местах пересечения грядок и нахлесток. Размеры кузова – 2,20 x 1,00 x 0,35 м. Северный его конец, площадью 100 x 80 см, окружен по периметру как бы перильцами с такими же вертикальными балясинами, как и в остальной конструкции (т. н. “место возницы”). Дно кузова в пределах этого участка образовано настилом из продольных параллельных прутьев, опирающихся на настилки нижнего уровня и застеленных слоем белой “кожи”. Такой же “кожей” обиты сами перильца. На перильцах по северному краю кузова установлены три вертикальных полукружия из согнутых дугой деревянных (?) планок. В центральной части кузова среди досок верхнего уровня, кроме нахлесток, видна косая крестовина, обычная для всех новотиторовских повозок. Сами нахлестки верхнего уровня далеко выступают по бокам за края кузова, образуя платформу размером до 2,60 x 2,20 м (более подробное описание см. ни-

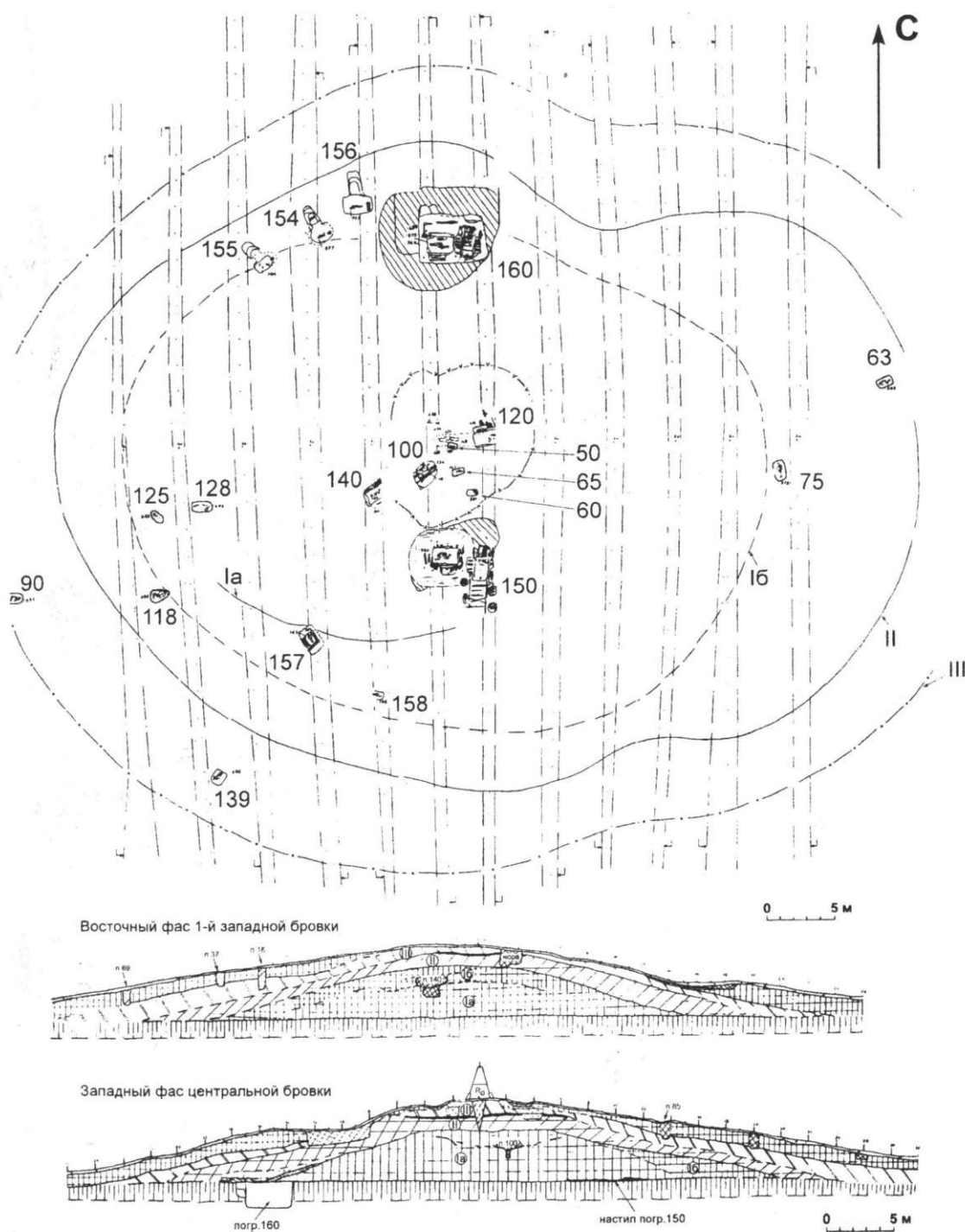

Рис. 21. Останний, курган 1. Общий план и профили бровок

же, в гл. 4). Платформа, в свою очередь, застелена толстой камышовой циновкой Т-образной формы с различной фактурой переплетения на разных участках. Цино́вка была окрашена: по периметру ее проходила черная кайма шириной 3–4 см, а на восточном и западном боковых выступах – узор в виде трех поперечных лент, каждая из которых состоит из узких (1 см) полосок, нанесенных яркой красной краской. Крайние ленты состоят из двух полосок, а средние – из четырех. На южном выступе циновки виден участок такой же ленты из трех полосок, имеющей

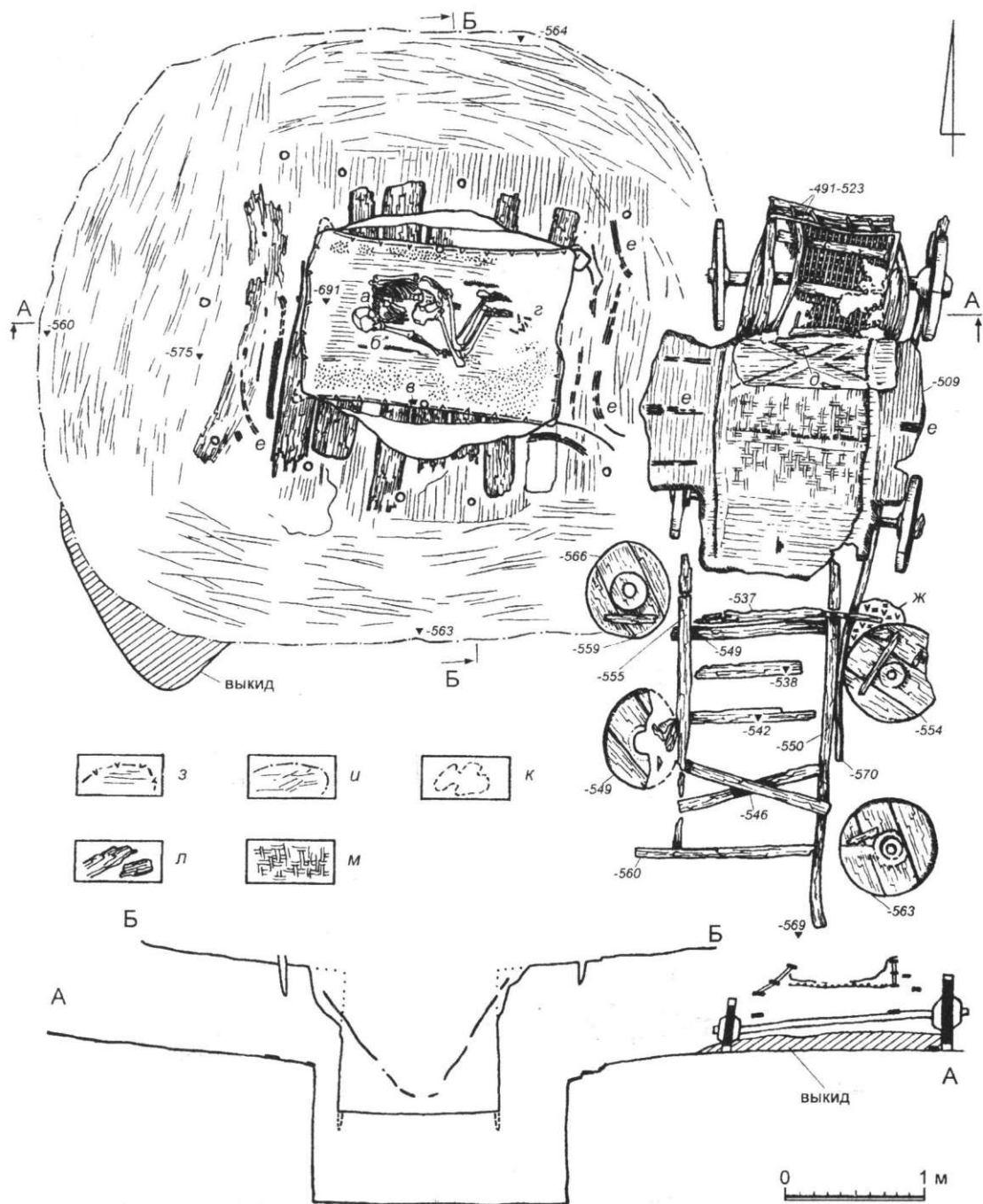

Рис. 22. Останний, курган 1, погр. 150. План и разрезы

а – височное кольцо; б – позвонок рыбы; в – рыбья чешуя; г – “флейта Пана”; д – кости животного; е – росписи красной краской; ж – кострище; з – черный тлен, камыш; и – белый тлен, камыш; к – белый тлен, “кожа”; л – дерево; м – циновочное плетение

продольное (север – юг) направление. Поверх этой циновки возле “места возни-цы” брошен ярко-белый камышовый мат (без следов плетения) размером 110 x 30 см, а на западном выступе циновки – прямоугольный кусок бело-желтой “кожи” размером 70 x 45 см. Под камышовым матом на циновке лежало несколько костей и обломков ребер крупного животного. Непосредственно под повозкой на древней поверхности лежало дышло в виде рогатины длиной 3,80 м и толщиной 6 см, раздвоенный задний конец его обращен к северу.

Повозка 2 была разобрана и положена на древний горизонт непосредственно к югу от повозки 1. Кузов ее, размером не менее чем 1,14 x 2,60 м, изготовлен из досок или брусьев шириной 7–10 см, причем уверенно прослежен только один уровень продольных и поперечных связей, хотя в северном конце расчищены небольшие участки продольных грядок, лежавших выше остальных досок (указание на второй горизонт?). В северной половине кузова продольные грядки соединены четырьмя нахлестками, в центре – косой крестовиной, в южном конце – одной нахлесткой. Крайние южная и северная нахлестки имели длину не менее 1,70 м, выходили за края кузова и, возможно, служили опорой для такой же широкой платформы, как у повозки 1. Колеса были сняты с осей и разложены плашмя сбоку от кузова. Все они сплошные, трехчастные, диаметром 70 см, с выступающими ступицами диаметром 20–24 см и отверстиями для осей диаметром 6,0–6,5 см. На СВ и ЮВ колесах прослежены поперечные планки шириной по 4 см, служившие для скрепления составных частей колеса. Кроме того, колеса были раскрашены: на ЮВ и ЮЗ по краю вдоль обода была нанесена кайма черной краской, а на СЗ – такая же кайма белой. Сами колеса слегка обуглены.

Даже с учетом того фактора, что повозка 2 сохранилась хуже, т. к. расположена ближе к краю насыпи и консервирующие свойства чернозема сказывались здесь слабее, бросается в глаза более простое ее устройство. Нельзя полностью исключить возможность того, что повозка 2 была либо частично демонтирована, либо, что менее вероятно, представляет собой только имитацию кузова из нескрепленных досок.

Пространство под кузовом повозки 1 и колеса ее по ступицу засыпаны выкидом из могильной ямы. Повозка 2, как и дышло повозки 1, целиком лежит в толще выкида. Под СВ колесом повозки 2 и под выкидом на горизонте открыто круглое кострище диаметром 60 см. Очевидно, сначала на месте будущего кургана был разведен костер, затем установлены обе повозки (на одной из них, вероятно, и был привезен умерший) и только после этого начато рытье могильной ямы.

Настил вокруг могильной ямы сложен из охапок камыша, набросанных по касательным к яме. Под ними расчищено перекрытие, состоявшее не менее чем из 8 поперечных досок или плах шириной до 31 см, уложенных с промежутками и застеленных сверху циновкой размером 2,55 x 3,30 м. Циновка украшена красным охристым узором из продольных и поперечных лент, большая часть которых состоит из трех параллельных узких полосок. Местами ленты изгибаются, не исключено, что узор был довольно сложным, с элементами изобразительности.

Вокруг могилы на настиле расчищено 11 столбовых ямок глубиной 20–25 и диаметром 4–5 см от т. н. “шалаша”. Следов дерева в них нет, сами ямки строго вертикальны или даже развернуты наружу, поэтому правильнее говорить не о “шалаше”, а о некоей вертикальной деревянной конструкции, устроенной над могилой на одном из этапов погребального цикла, а затем разобранной.

Могильная яма – прямоугольная с четкими углами, размером 1,90 x 1,15 м и глубиной 1,10 м от древней поверхности. Ориентирована по линии запад – восток. Стенки ямы облицованы деревом или корой, закрепленными с помощью вертикальных кольев, установленных в углах и у середины длинных сторон ямы. Колья диаметром 3–5 см забиты в дно на глубину 15 см, в данном случае древесный тлен сохранился.

На дне лежал костяк мужчины (?) 25–35 лет (по определению автора – мужчины 45–55 лет), захороненного в полусидячем слабоскорченном положении с разворотом на правый бок. Ориентирован спиной к западу. Верх туловища при

истлевании осел на дно. Череп обращен лицом к ЮВ. Правая рука протянута к коленям, левая слегка согнута, предплечье ее перекрывает бедренную кость, а кисть лежит под левым бедром. Ноги обращены вправо, правая стопа плашмя, левая неестественно изогнута. Первоначальное положение ног неясно. Нарушение костей левой руки произошло при оседании верха туловища, в исходном положении она была зажата между бедер.

Дно целиком застелено циновкой с характерной фактурой плетения, от которой остался черный тлен. Сверху она посыпана красной краской, густые пятна которой имелись под тазом, коленями и стопами погребенного, а также шли полосой по периметру ямы, особенно ярко вдоль южной стенки. Справа и слева от костяка проходили две продольные черные полосы, похожие на обугленные плашки, но, по аналогии с другими погребениями могильника, скорее являвшиеся полосами черной сажистой краски.

Сам костяк не окрашен. Поверх циновки под туловищем и головой шел толстый рыхлый слой коричневого (древесного?) тлена от "подушки", подпиравшей погребенного. Местами поверхность костей отмечен черный тлен от покрывала (?). Сверху все засыпано коричневым древесным тленом, скорее всего, от упавшей облицовки стен.

Под черепом и внутри него найдены два серебряных височных кольца в полтора оборота (рис. 27, 1, 2). Возле правого плеча – позвонок крупной рыбы. У середины южной стенки – скопление рыбьей чешуи. В ногах погребенного лежали 7 опиленных с двух концов трубочек из птичьих костей, каждая из которых украшена четырьмя поперечными полосками яркой охры. Длина трубочек – 5,0–5,2 см. Лежат они в беспорядке. Рядом с ними две нити, окрашенные яркой "флюоресцентной" краской.

Над погребением 150 возведена насыпь 1, состоявшая из чернозема с вкраплениями комьев желтой материковой глины. Она имела овальную форму, размеры 38 x 47 м, высоту 3,75 м и была вытянута в широтном направлении. Грунт насыпи отличался на отдельных участках, что может указывать на неединовременность ее сооружения, однако целостной картины эти отличия не дают, членить эту насыпь на несколько оснований нет. В целом складывается впечатление, что сооружение насыпи было начато не над погребением 150, а к северу от него, видимо, одновременно с ритуальными действиями в могиле и вокруг нее. Лишь после завершения обрядовых действий насыпь стали увеличивать в южном направлении и перекрыли ею яму и повозки. Кроме того, в профиле первой восточной бровки возле северного края погребения 150 в насыпи 1 замечен очень нечеткий размытый вертикальный бортик, позволяющий предполагать, что в течение определенного времени и внутри насыпи сохранялся вертикальный колодец или лаз к захоронению (ср. с погребениями 90/116 и 120 в кургане 2 Лебедей I). Не исключено, что на завершающем этапе погребальной церемонии функцию крепления стенок такого лаза могла выполнять и конструкция, которую мы называем "шалашом".

В вершину насыпи 1 были впущены три детских новотиторовских захоронения в ямах с уступом (100, 120 и 140), расположенные на одной линии (ВСВ–ЗЮЗ) и, судя по деталям обряда, синхронные либо очень близкие по времени. Контуры ни одной из трех могил не прослежены в профилях до поверхности насыпи 1, поэтому не исключено, что они впущены с некоторого промежуточного уровня на завершающем этапе ее строительства, на что указывают и плохо различимые горизонтальные прослойки у вершины этой насыпи. В этом случае хронологический

разрыв между данными погребениями и основной могилой должен быть относительно небольшим.

В юго-западную полу насыпи I впущены еще две или три новотиторовские детские могилы (157, 158 и, вероятно, 125), расположенные по дуге вдоль края насыпи. Скорее всего, именно с ними связана плохо различимая локальная досыпка к южной поле насыпи I.

Погребение 100 – новотиторовское (рис. 23, 1). Впущено в самую вершину насыпи I. Совершено в яме с уступом, расчищенной начиная с уровня уступа. Верхняя часть могилы, судя по контурам перекрытия, имела прямоугольную форму, глубина ее от поверхности насыпи I – около 1,10 м, а если принять гипотезу о промежуточном уровне, то несколько меньше. Вся площадь на уровне уступа выстелена циновкой (коричневый тлен), основная масса волокон которой ориентирована поперек ямы и скреплена продольными вязками, отстоящими друг от друга на 10–12 см. Циновка была раскрашена. Ближе к ее углам находятся подпрямоугольные пятна серо-белого тлена. Возле них в северном и южном углах проходят диагональные полосы ярко-белой краски с розовато-желтоватым оттенком. Вдоль циновки проходят три ленты, нанесенные красной охристой краской и состоящие из узких параллельных полосок (крайние – из двух, средняя – из четырех). Такие же три ленты проходят и поперек циновки. В целом узор выглядит как прямая красная клетка в сочетании с косым белым крестом.

Под циновкой расчищено перекрытие малой ямы размером 1,15 x 1,05 м, состоявшее из шести широких досок или плах, лежавших вплотную друг к другу поперек могилы. Поверх них проходили три узкие продольные доски шириной до 10 см, отстоящие на 15 см одна от другой. От дерева сохранился черный, как бы горелый, тлен.

Нижняя яма – прямоугольная, слегка расширяющаяся к СВ. Ее размеры – 1,00 x 0,45–0,55 м, глубина – 0,70 м от уступа. Стенки слегка расширяются вниз, тщательно сглажены и покрыты слоем солей (или побелки?). В углах ямы вырублены глубокие желоба для толстых вертикальных кольев, забитых в дно (столбовые ямки в углах). Коля крепил облицовку, которая в виде черного тлена (кора, луб?) сохранилась на всех четырех стенках.

На дне могилы лежал сильно истлевший костяк ребенка в возрасте 2 лет $\pm$ 8 месяцев, захороненный в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и ориентированный головой к ЮЗ. Череп на правом виске, правая рука протянута к правому колену, левая не сохранилась. Левая нога вытянута, но могла быть и сдвинута, т. к. нарушено сочленение в коленном суставе. Правая нога согнута, развернута коленом вправо, стопа на боку. В целом положение близко к позе “ноги ромбом”.

Все дно покрыто толстой рубчатой плетеной циновкой желтовато-коричневого цвета, украшенной двумя полосами черной краски, идущими вдоль оси ямы в 20 см друг от друга и состоящими из 4–5 параллельных узких полосок шириной по 0,5–0,7 см.

По циновке вдоль всей ЮВ стенки идет полоса ярко-алой охры с вкраплениями “флуоресцентных” крупинок. Слабые следы краски – у головы и стоп ребенка, несколько крупинки краски – на его черепе.

На левом виске погребенного – серебряное височное колечко в полтора оборота, возле правого виска – плоское серебряное височное кольцо с заходящими концами (рис. 27, 3). Перед лицом – высушенная, но не обожженная, круглая глиняная лепешка диаметром 8 см. Справа от правого предплечья в пятне краски –

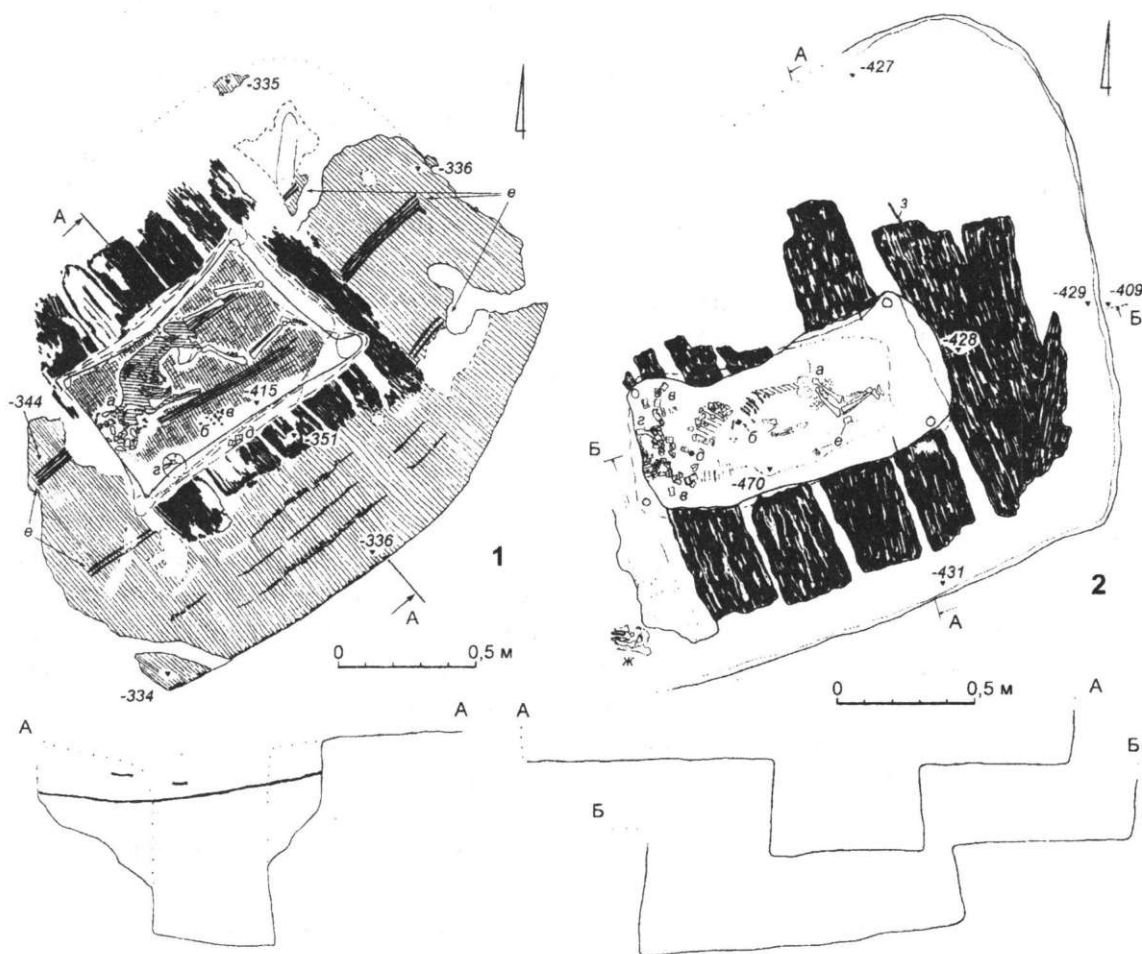

Рис. 23. Останний, курган 1

1 – погр. 100 (а – серебряное височное кольцо; б – бронзовые бусы; в – костяные бусы; г – глиняная лепешка; д – астрагалы; е – роспись охрой); 2 – погр. 120 (а – костяные бусы; б – височное кольцо; в – связка астрагалов; г – кабаньий клык; д – сферосидерит; е – астрагалы; ж – кости МРС; з – желтый отпечаток на настиле)

2 астрагала мелкого рогатого скота и скопление асимметричных бронзовых бусин диаметром от 0,35 до 0,60 см, лежавших без видимого порядка (11 шт.).

Погребение 120 – новотиторовское (рис. 23, 2). Впущено в насыпь в 6 м к ВСВ от погребения 100. Совершено в яме с уступом. Верхняя часть ее – прямоугольная с округленными углами, размером 1,90 x 2,05 м, ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ. Глубина ее – 1,70 м от поверхности насыпи 1 или несколько менее того, как и в предыдущем случае. На уровне уступа могила перекрыта 4 широкими (до 20–25 см) досками, уложенными с небольшими промежутками. Еще 2–3 доски лежат на уступе возле восточного края ямы. Длина досок – 1,35 м. Доски обгорели, но слабее, чем в погребении 100. Сверху и уступ, и перекрытие застелены циновкой (сетка светлых полос и характерная рубчатая фактура). В ЮЗ углу на уступе – жертвенник из черепа и костей передней и задней конечностей мелкого рогатого скота. Морда и дистальные концы длинных костей обращены к западу. В СВ углу на одной из досок видна желтая полоса длиной до 20 см, как бы состоящая из отдельных кружочков. Не совсем ясно, нанесена ли она краской, или же осталась от истлевших костяных предметов (может быть, позвоночник змеи?).

Под перекрытием расчищена прямоугольная яма с округленными углами, размером 1,10 x 0,50 м и глубиной 0,36–0,43 м от уступа. Дно полого понижается к ЮЗ концу. Стенки расширяются вниз и покрыты белым налетом. В углах стояли колья диаметром 3–4 см, забитые в дно ямы на 18–25 см. От них сохранились ямки в дне и желобки с древесным тленом в углах.

Ребенок в возрасте 1 года $\pm$ 4 месяца захоронен в слабоскорченном положении на правом боку и ориентирован головой на ЗЮЗ. Череп на правом виске, правая рука протянута к коленям, левая согнута в локте и направлена к лицу. Подогнутые ноги и стопы обращены вправо.

Дно могилы на площади 1,0 x 0,35 м застелено черно-коричневым тленом от циновки, посыпанной красной краской у таза, коленей, стоп и за головой ребенка. Крупинки малиновой “флюоресцентной” краски рассеяны за спиной и у ног. У костяка окрашены череп, таз и стопы.

У правого виска находилось серебряное височное кольцо диаметром 2,5 см (рис. 27, 7); распавшееся бронзовое колечко (рис. 27, 6) и следы окислов серебра имелись и под нижней челюстью. Поперек бедренных и тазовых костей проходила низка не менее чем из 17 костяных бусин (рис. 27, 4, 5), очевидно, украшавших подол одежды или пояс. За головой, в густом пятне охры, лежали связка из 58 просверленных астрагалов мелкого рогатого скота (на одном из них – медные окислы), 2 астрагала без сверлин и 2 расколотых вдоль кабаньих клыка. У лобной части черепа – обточенный сферосидерит (рис. 27, 8). Еще 2 астрагала без сверлин лежали у колен погребенного.

Погребение 140 – новотиторовское (рис. 24). Впущено в насыпь 1 в 3,5 м к ЗЮЗ от погребения 100. Совершено в яме с уступом. Верхняя часть ее прямоугольная, размером 1,85 x 1,85 м, ориентирована углами по сторонам света. Глубина от 0,7 до 1,4 м – в зависимости от того, выкопана могила с некоего промежуточного уровня или же с поверхности насыпи 1.

На уступ опиралось перекрытие из 12–13 поперечных досок или плах шириной от 6 до 26 см и длиной 1,20 м. Наряду с досками в перекрытие входило не менее 3 толстых жердей, а также продольная доска, проходившая поверх поперечных, и продольная жердь, подсунутая под них. Часть досок имеет следы обожженности. В северном углу на доске – пятно серого плотного тлена, а в южном – диагональная полоса ярко-белой краски. Очевидно, перекрытие было застелено сверху циновкой, украшенной диагональным белым крестом, хотя и без красных полос, как в других могилах.

Нижняя часть ямы была прямоугольной с четкими, проработанными под колья углами. Размеры ее – 1,30 x 0,90 м, длинная ось ориентирована с СВ на ЮЗ, глубина – 0,70 м от уступа, стенки расширяются вниз. В дне вдоль длинных стенок вырыты четкие канавки шириной 0,1 м и глубиной до 0,14 м.

Захоронение ребенка в возрасте 5 лет $\pm$ 6 месяцев совершено в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ЮЗ. Череп на правом виске. Характерен перекокс плечевого пояса, указывающий на некоторую приподнятость верхней части туловища. Правая рука протянута к коленям, левая согнута и направлена к середине бедренных костей, перекрывая их кистью. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Все дно покрыто толстым слоем коричневого тлена, сохранившего фактуру циновки. Под головой погребенного – тонкая “подушка” из древесного тлена, за спиной – слой тлена, залегавший выше дна (возможно, упал со стенок ямы). По периметру дна на циновке – пятна красной охры, еще одно такое пятно – под

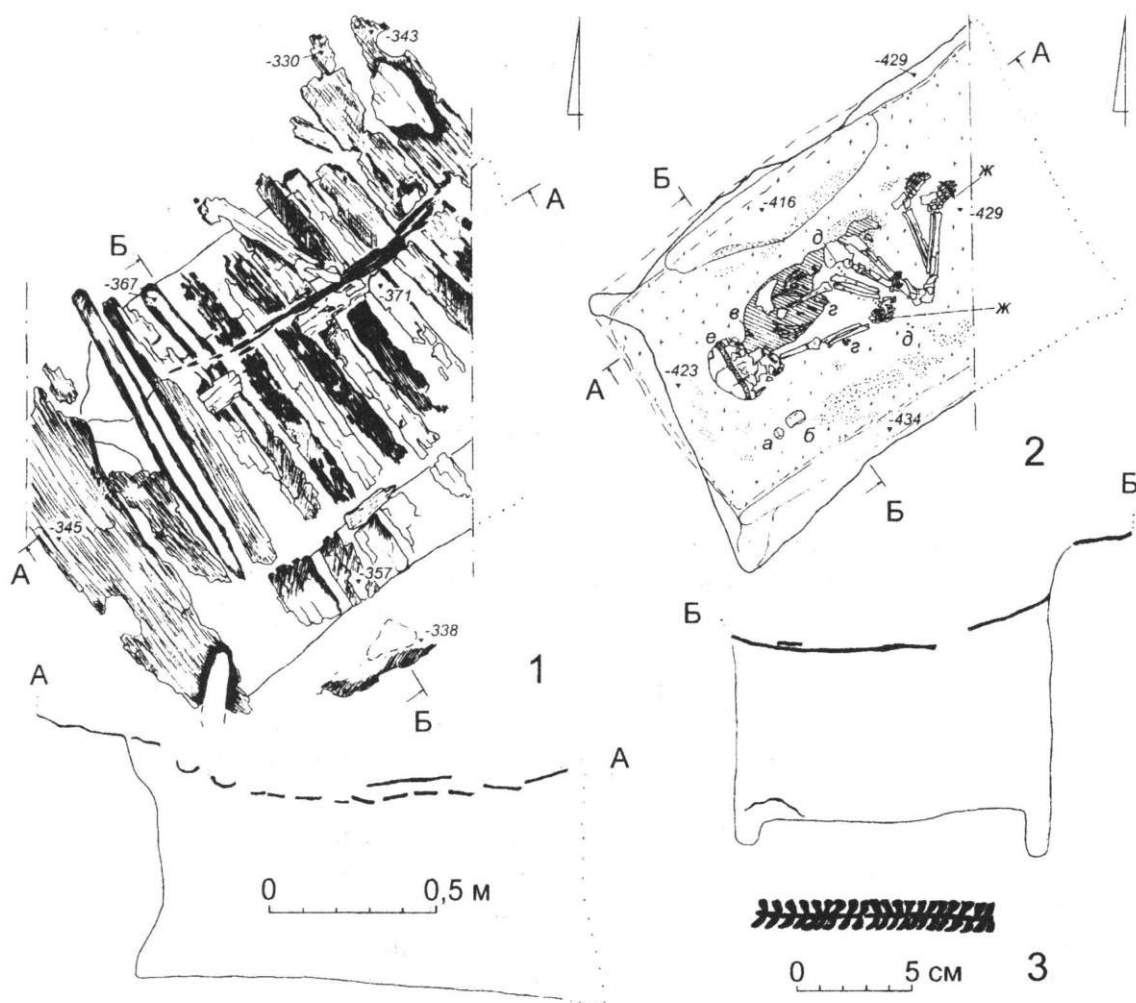

Рис. 24. Останний, курган 1, погр. 140

1 – перекрытие; 2 – план дна ямы-камеры (а – сферосидерит; б – расколотая галька; в – серебряное височное кольцо; г – костяные бусы; д – бронзовые бусы; е – полоса яркой охры на черепе; ж – “нити” яркой охры на кистях и стопах); 3 – рисунок ленты на черепе

тазовыми костями. Местами встречались крупинки “флюоресцентной” краски. Все дно ямы и нижняя часть заполнения содержат обильную меловую посыпку.

Сам костяк, особенно череп его, окрашен коричневой охрой. Кроме того, через лобную, височную и затылочную кости проходит яркая полоса “флюоресцентной” охры шириной 12–13 мм. Она не сплошная, а узорчатая. Рисунок выполнен в виде узкой полосы, от которой под углом в обе стороны отходят поперечные отростки, напоминающие листья (рис. 24, 3). Это явно остатки ленты-венчика или головного убора. Тонкие риски “флюоресцентной” охры проходили поперек фаланг пальцев рук и ног. Они похожи на окрашенные нити, которыми могли быть украшены обувь и обшлага одежды или “варежки”.

Возле левого виска погребенного найдено массивное серебряное височное кольцо в полтора оборота (рис. 27, 9), а под правым виском – серебряное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 27, 10). У левого локтя одна, а у правого – три костяные бусины. В районе пояса расчищена низка из 22 бронзовых бусин (рис. 27, 11), лежавших в один ряд и проходивших поверх левого предплечья и правой кисти, что позволяет в данном случае говорить скорее о расшитом конце пояса,

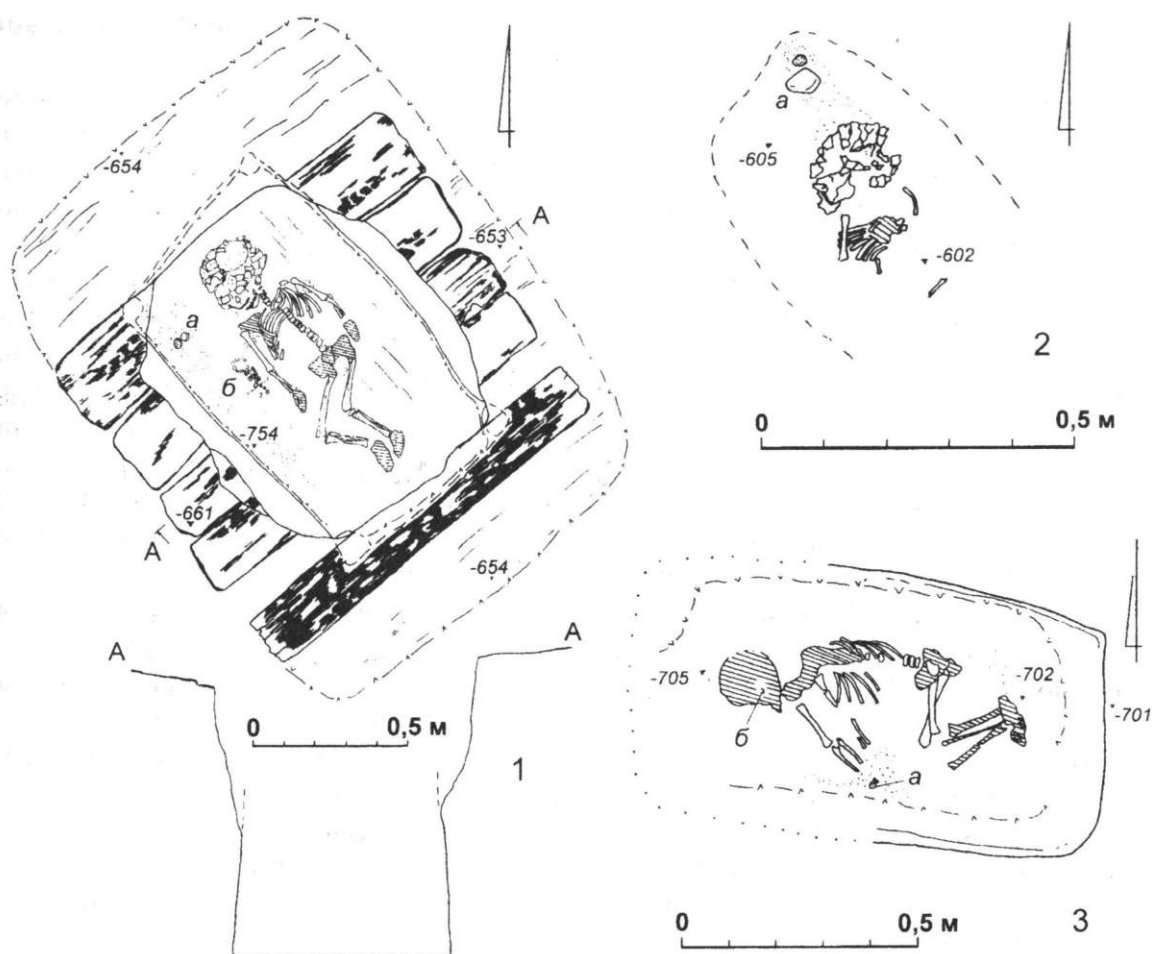

Рис. 25. Останний, курган 1

1 – погр. 157 (а – сферосидерит; б – костяные бусы и “нитка” яркой охры); 2 – погр. 125 (а – расколотая галька); 3 – погр. 158 (а – ком охры; б – серебряное височное кольцо)

нежели о подоле одежды. Перед лицом ребенка лежал обточенный сферосидерит и плоский скол с гальки (рис. 27, 12).

Погребение 157 – новотиторовское (рис. 25, 1). Впущено либо с уровня древнего горизонта у края ЮЗ полы насыпи 1, либо в ее ЮЗ полу. Совершено в яме с уступом, прослеженной с уровня уступа. Верхняя часть ее была прямоугольной с округленными углами, размером 1,85 x 1,45 м, длинная ось ориентирована с СЗ на ЮВ. На уступ опиралось перекрытие из 5 досок или плах длиной 1,40 м и шириной до 23 см, уложенных поперек нижней ямы. Доски обожжены. Вся площадь уступа покрыта слоем черного тлена от горелого камыша или циновки, лежавшей, скорее всего, поверх досок, закрывая щели между ними. Глубина верхней части могилы – 0,85 м от уровня древнего горизонта и 2,20 м от поверхности насыпи 1.

Нижняя яма – прямоугольная с четкими, проработанными под колья углами, слегка расширяющаяся ко дну. Ее размеры – 1,15 x 0,70 м, глубина – 0,98 м от уступа. В углах – ямки от вертикальных кольев диаметром 6–10 см и глубиной до 10 см.

Захоронение ребенка в возрасте 2 лет $\pm$ 8 месяцев совершено в слабоскорченном положении на спине с наклоном вправо и ориентировано головой к СЗ. Че-

реп слегка наклонен вправо, обе руки вытянуты вдоль тела и уложены ладонями вниз. Ноги подогнуты и обращены вправо.

Дно покрыто слоем коричнево-черного тлена от подстилки, под головой имеется “подушка” из такого же тлена толщиной до 2 см. На подстилке повсеместно видны следы охры, яркие полосы ее проходили вдоль ЮЗ стенки, а яркие пятна отмечены под обеими плечевыми и под тазовыми костями. Костяк, очевидно, был окрашен, все кости имели вишневый оттенок.

По черепу ребенка, там, где в погребении 140 проходила лента, шла тонкая нитка, окрашенная яркой “флюоресцентной” охрой, явно оторачивавшая головной убор. Справа от черепа лежали обточенный сферосидерит с вырезанной кольцевой бороздкой (рис. 27, 13) и ком алой краски. Возле правого локтя – скопление округлых и овальных костяных бусин (не менее 14 шт.; рис. 27, 14), залегающих местами в один, а местами в 2–3 ряда. Возможно, это обычный расшитый пояс, положенный на этот раз сбоку, но не исключено, что бусы могли быть нашиты и на какой-то предмет. Поперек низки проходит тонкая нить длиной 8 см, также окрашенная яркой “флюоресцентной” охрой.

Погребение 158 – новотиторовское (рис. 25, 3). Впущено в ЮЮЗ полу насыпи 1. На глубине 7,00–7,05 м, т. е. уже в материке, расчищена придонная часть прямоугольной могильной ямы размером 0,95 x 0,50 м, ориентированной по линии запад – восток. Не исключено, что это нижняя часть ямы с уступом, общая глубина которой от поверхности насыпи 1 достигала 1,70 м. В насыпи над могилкой отмечены следы белого тлена от перекрытия, лежавшего на уступе.

Захоронение ребенка в возрасте 2–3 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к западу. Череп на правом виске, руки протянуты перед туловищем, кисти их недалеко от колен. Ноги подогнуты, стопы на боку.

Дно ямы покрыто черно-коричневым тленом от подстилки с продольным направлением волокон. На ней, возле запястий и кистей рук и между тазовыми и пяточными костями, имелись пятна красной краски.

На черепе и под ним находились два серебряных височных кольца, форма которых не определена из-за плохой сохранности. Возле кистей рук лежал небольшой ком красной краски.

Погребение 125 – новотиторовское (рис. 25, 2). Впущено в курган возле края западной половины насыпи 1. Уровень, с которого выкопана могила, точно не определен. Вместе с погребениями 157 и 158 образует как бы дугу, охватывающую насыпь 1 с ЮЗ, и, очевидно, впущено именно в край этой насыпи. На глубине 6,05 м, чуть ниже древнего горизонта, расчищена придонная часть могильной ямы размером 0,35 x 0,60 м, ориентированной с СЗ на ЮВ. Глубина ее не менее 0,5 м.

Захоронение ребенка в возрасте около 1 года совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к СЗ. Череп на правом виске, положение рук не ясно.

В северном углу ямы, за головой погребенного, лежали плоский скол с гальки, окрашенный красной краской, а также комок яркой красной краски. Дно могилы вокруг них и у черепа тоже окрашено.

Погребение 160 – поздненовотиторовское (рис. 26). Могила выкопана с уровня древнего горизонта возле края северной половины насыпи 1 и затем перекрыта насыпью 2. Материковый выкид разбросан кольцом вокруг могилы, южная его часть наслаивается на склон насыпи 1. Совершено в огромной асимметричной яме

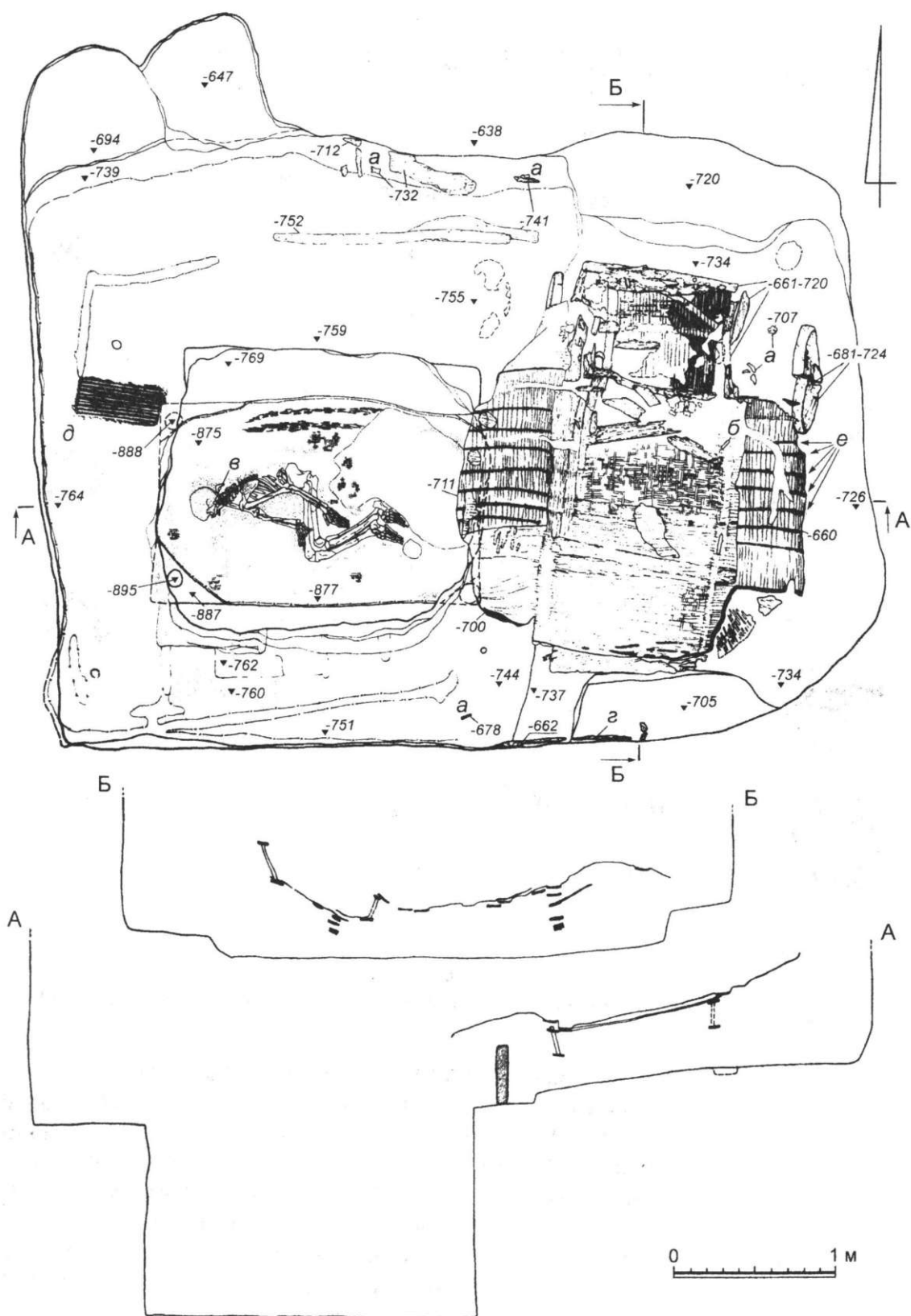

Рис. 26. Останний, курган 1, погр. 160

а – кости животных; *б* – костяное орудие-трубка; *в* – серебряные височные кольца; *г* – деревянная конструкция, предположительно ярмо; *д* – белый узор на черной подстилке; *е* – полосы красной краски на платформе повозки

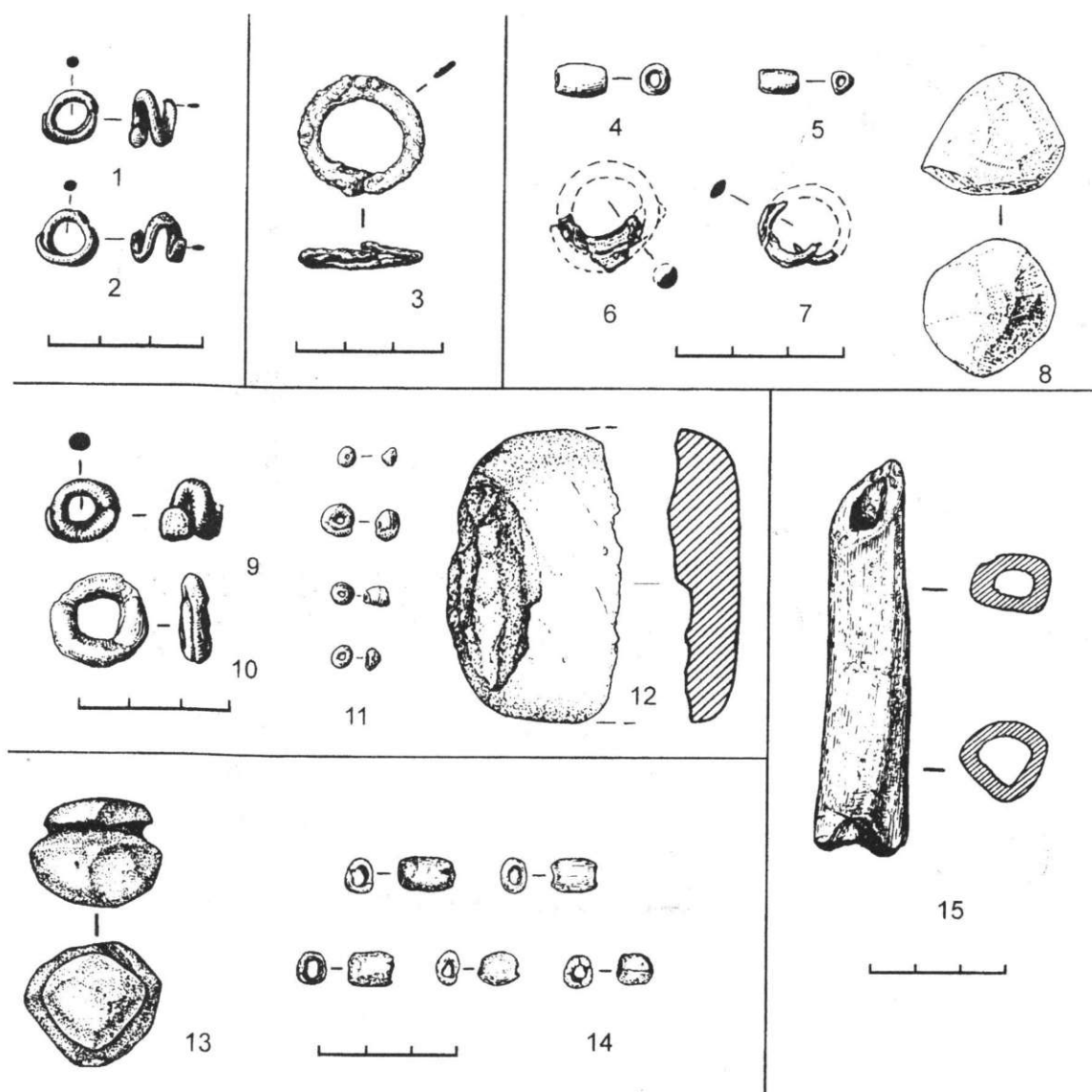

Рис. 27. Останний, курган I

1, 2 – погр. 150; 3 – погр. 100; 4–8 – погр. 120; 9–12 – погр. 140; 13, 14 – погр. 157; 15 – погр. 160
(1–3, 9, 10 – серебро; 4, 5, 14, 15 – кость; 6, 7, 11 – бронза; 8, 13 – сферосидерит (гетит);
12 – камень)

с уступом. Верхняя часть ямы, размером 5,20 x 3,75 м, имеет прямоугольную форму и округленные углы, ориентирована с запада на восток. Глубина от древней поверхности до уступа – 1,60–1,90 м. Заполнение – пестроцветное, с преобладанием желтой материковой глины. К СЗ углу примыкает вырезанная в грунте лестница-спуск из двух ступенек высотой 0,45–0,50 м каждая. На стенках – следы землекопных орудий в виде длинных вертикальных борозд. Нижняя яма-камера сдвинута в западный конец могилы, за счет этого уступ с восточной стороны особенно широк (до 2,40 м) и на нем установлена четырехколесная повозка в собранном виде. К северу и югу от нее на уступе оставлены вырезанные в грунте ступени высотой 0,22–0,30 м. Между ступенями и восточной стенкой верхней ямы оставлены как бы пазы, напоминающие врезки для колес. Кроме того, вся площадка восточного уступа на 7–10 см выше уровня уступа в западной половине могилы, т. е. верхняя яма как бы разделена на две части.

Повозка по устройству и деталям почти аналогична повозке 1 из погребения 150. Ширина ее колеи – 1,55 м, расстояние между осями – 1,40 м. Трехчастные сплошные колеса надеты на оси диаметром 6 см. Хотя колеса сплющены землей и приобрели вид овалов, можно определить, что диаметр их составлял около 70, толщина – 5–6, диаметр ступиц – 18–22 см; ступицы выступают с обеих сторон колеса на 4–8 см. Кузов представляет собой решетчатую конструкцию из досок шириной 6–8 см. Доски уложены плашмя на нескольких уровнях, уровни соединены вертикальными круглыми колышками, скрепляющими одновременно и продольные дроги и грядки с поперечными нахлестками. Размеры рамы неодинаковы на разных уровнях: в нижнем, опирающемся на оси, они равны 1,0 x 1,0 м, в среднем – 2,05 x 1,0 м, в верхнем, за счет длинных нахлесток, выходящих в стороны, достигают 2,40 x 2,20 м. Верхние грядки скреплены не только нахлестками, но и крестовиной в центре. В северном конце кузова оформлено “место возницы” размером 1,0 x 0,7 м, с дном из тонких продольных прутьев, огороженное перильцами. Перильца обтянуты, а дно застелено слоем бело-желтой “кожи”. К югу от места возницы располагается платформа размером 1,60 x 2,20 м, застеленная толстой плетеной камышовой циновкой Т-образной формы. По краю циновки проходит кайма, нанесенная черной краской. Западный и восточный выступы циновки украшены каждый 7 параллельными поперечными полосками красной краски (шириной до 2 см), отстоящими на 10–11 см друг от друга. Следы 3 таких же полос видны и на южном выступе.

Между нижним и средним уровнями нахлесток кузова, ближе к западному борту, засунута круглая в сечении жердь, возможно, обломок дышла. К югу от повозки к южной стене верхней ямы прислонена прямоугольная рама из двух вертикальных досок, скрепленных двумя или тремя поперечными, предположительно интерпретируемая как ярмо (более подробное описание см. в гл. 4).

Непосредственно на повозке, прямо на циновке, лежали обломок расколотой трубчатой кости крупного животного и костяное орудие в виде косоопиленной трубчатой кости с зашлифованным концом (рис. 27, 15).

Под повозкой на уступе расчищено кострище (1,5 x 0,7 м), вытянутое с севера на юг, в котором устроены ямки-лунки диаметром 15 и глубиной 8 см. По всей площади кострища разбросаны кости (обломки черепа, зубы, позвонки, астрагал и кости конечностей) молодых (?) особей мелкого рогатого скота (рис. 54). Сама повозка не имеет следов обожженности и, вероятно, была поставлена уже над остывшим кострищем.

Погребальная камера вырыта в западной половине могилы и перекрыта на уровне уступа 6–8 досками или плахами, имевшими длину до 2 и ширину до 0,25 м. Поверх перекрытия вся площадь уступа в западной части была застелена циновкой, от которой сохранился слой черного тлена с фактурой циновочного плетения и следами раскраски белой краской в виде параллельных белых тонких полос, хорошо заметных у СЗ и ЮЗ углов циновки. На уступе же, возле углов нижней ямы, расчищены 4 ямки от жердей диаметром 5 и глубиной до 10 см, как бы ограничивающие прямоугольник размером 2,40 x 2,00 м. Между кольями по периметру этого прямоугольника проходят полосы, не покрытые циновочным тленом. Причина образования их не ясна, но, судя по всему, они, как и колья, очерчивают контуры некоей постройки или конструкции, существовавшей над камерой на одном из этапов погребальной церемонии. Возможно, следами этой же конструкции являются отдельные доски, расчищенные на северном уступе на 10–15 см выше его поверхности, и бессистемные следы дерева в заполнении верх-

ней части могилы. Кроме того, возле СВ угла камеры на уступе имелось овальное пятно белого кожистого тлена (50 x 35 см), аналогичное т. н. “блюду” из погребения 120 кургана I могильника Лебеди I. Здесь лежали две фаланги крупного животного, сточенные и зашлифованные в результате использования в качестве утюжков или лоцил, а также кости конечности крупного животного, возможно, символизировавшие тягловую силу для повозки.

Нижняя яма-камера – прямоугольная с четкими оттянутыми углами. Ее размеры – 1,90 x 1,15 м, глубина – 1,15 м от уступа и около 3 м от верха могилы. В углах ее на дне вырыты подтреугольные углубления, соединенные как бы незавершенными канавками вдоль стен. В дне этих углублений открыты обычные столбовые ямки диаметром 10–12 и глубиной до 10 см.

Захоронение женщины зрелого возраста совершено в полусидячем положении, имитирующем слабоскорченное на правом боку, и ориентировано головой к западу. Верх костяка подпирала толстая подушка из органического тлена. Череп на правом виске, туловище на правом боку с завалом на живот, правая рука протянута к середине бедренных костей, левая слегка согнута, проходит поверх тела и перекрывает бедренные кости. Ноги подогнуты вправо, стопы лежат на боку.

Дно ямы покрыто черным тленом с фактурой циновки. На нем в СВ углу пятно коричнево-желтой “кожи”, а по всей площади могилы – серо-сизая плетенка из камыша. На подстилках, у северной стенки, – две черные полосы, похожие и на сгоревшие плашки, и на полосы черной краски. Сверху костяк перекрыт черным рыхлым тленом (покрывало, упавшая облицовка стен?). Посыпка красной краской проходит по периметру ямы, пятна ее имелись и под костяком, особенно яркие возле черепа и тазовых костей. Ярко окрашен сам череп погребенной, слабее – правые плечевая и бедренная кости и кисти рук. Возле кистей, запястий и стоп отмечены тончайшие полоски яркой “флюоресцентной” охры (как бы расшивка обуви и “варежек”).

У височных и затылочных костей черепа найдено не менее 7 серебряных височных подвесок разных форм – с несомкнутыми концами, в полтора, два с половиной и более оборота.

Над погребением 160 возведена насыпь 2 размером 48 x 63 м в поперечнике и высотой до 4,70 м над уровнем горизонта. Затем в вершину этой насыпи впущены три детских новотиторовских захоронения (50, 60 и 65), объединенные общим камышовым настилом и потому практически синхронные. Камышовый настил помещался на специальной горизонтальной площадке на вершине насыпи 2, имевшей размеры до 12 м в поперечнике.

Погребение 50 – поздненовотиторовское (рис. 28, 1). Погребение деформировано при проседании грунта в камеру сарматской катакомбы II, подрытую непосредственно под эту могилу. Совершено в простой прямоугольной яме размером 0,75 x 0,35 м и глубиной 0,65 м от поверхности настила.

Ребенок в возрасте 7–13 месяцев захоронен на спине со слабо подогнутыми ногами, колени которых, вероятно, первоначально были приподняты вверх, и ориентирован головой на ВЮВ. Руки вытянуты вдоль тела ладонями кверху, правая нога почти вытянута и развернута вбок, левая согнута и заходит под правую. Череп ребенка густо окрашен темно-красной краской, прочие кости слегка розоватые.

Дно ямы покрыто желто-коричневой “кожаной” подстилкой с вкраплениями угольков, на более темных участках подстилка имела древесную фактуру (кора,

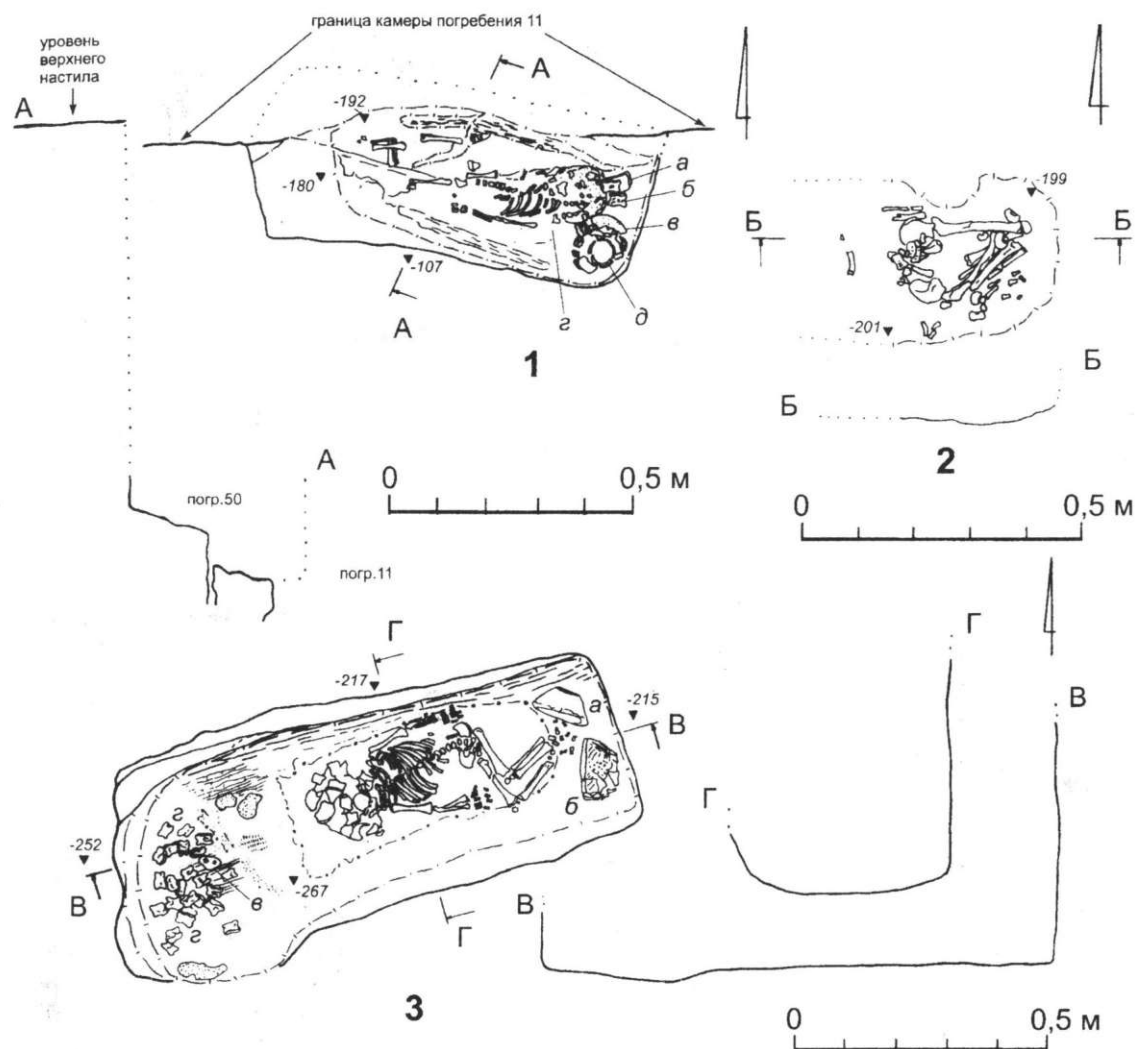

Рис. 28. Останний, курган I

1 – погр. 50 (а – фрагмент сосуда; б – астрагалы; в – расколотая галька; г – кремневые чешуйки; д – сосуд); 2 – погр. 60; 3 – погр. 65 (а, б – сосуды; в – камень с отверстием; г – астрагалы)

дерево?). В западной половине могилы под подстилкой находился сплошной (до 3 см толщиной) слой белой золы и угольков, принесенных со стороны, т. к. следы прокала отсутствовали. Повсеместно на подстилке – следы темно-красной и коричневой, а слева от головы погребенного и кирпично-красной, краски.

Инвентарь сосредоточен у восточной стенки и в головах погребенного. Возле темени лежал фрагмент стенки сосуда из оранжевой тонкоотмученной глины с примесью шамота, а на нем – два астрагала мелкого рогатого скота. Возле левого виска – скол с гальки, окрашенный в красный цвет (рис. 29, 1), еще один астрагал и две чешуйки серого кремня (рис. 29, 2, 3), а в ЮВ углу – небольшой узкогорлый сосудик с четырьмя наклепными ручками-упорами, украшенный ниже плечиков прочерченным и тычковым орнаментом (рис. 29, 4).

Погребение 60 – поздненовотиторовское (рис. 28, 2). Контуры могильной ямы не прослежены, ясно только, что глубина ее достигала 0,85 м от уровня камышового настила. Частично срезано скрепером.

Захоронение ребенка в возрасте 4 лет совершено на спине с отклонением влево и ориентировано головой к западу или ЗСЗ. Левая рука вытянута вдоль тела,

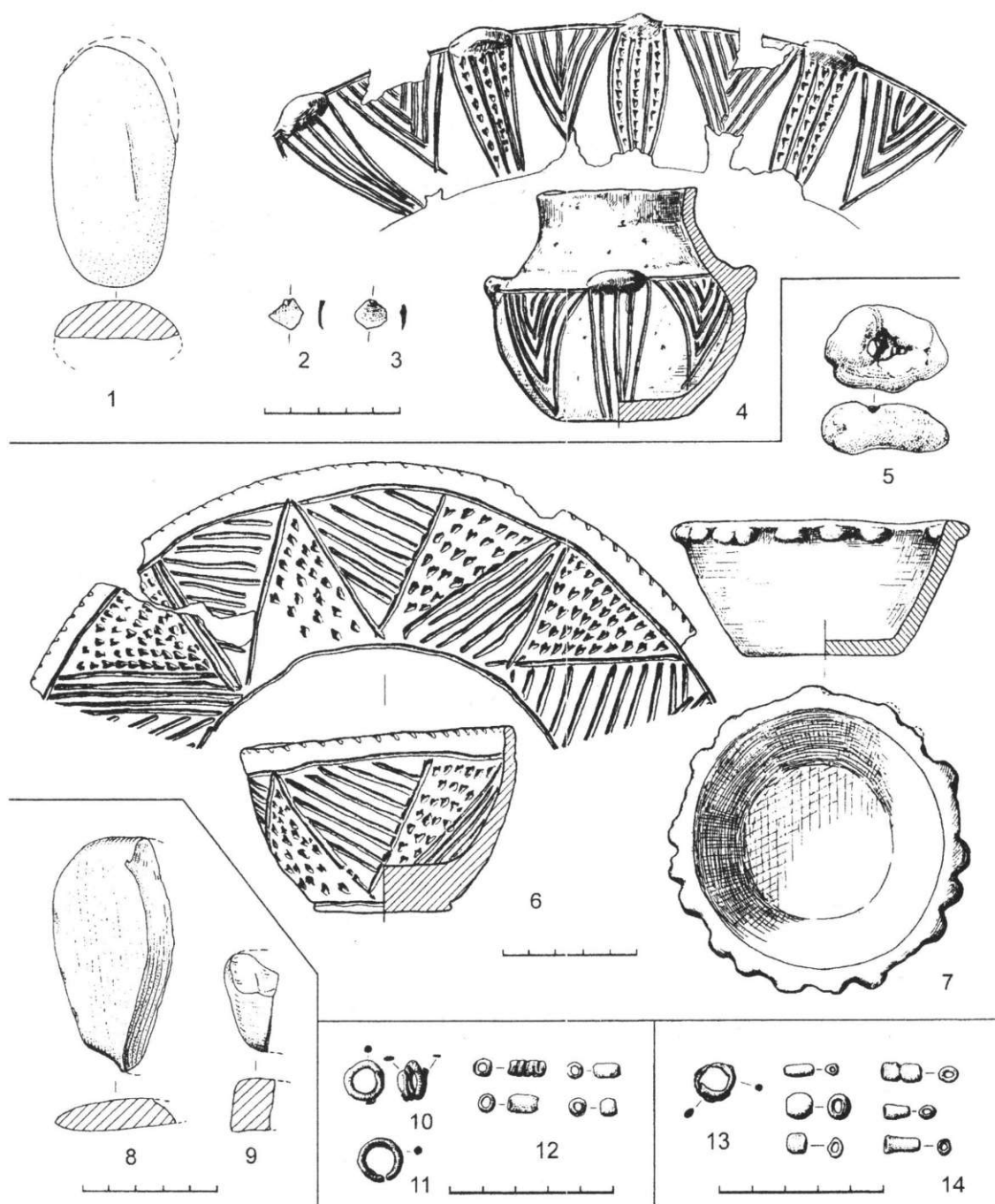

Рис. 29. Останний, курган 1

1-4 – погр. 50; 5-7 – погр. 65; 8, 9 – погр. 60; 10-12 – погр. 154; 13, 14 – погр. 155 (1, 5, 8, 9 – камень; 2, 3 – кремь; 4, 6, 7 – керамика; 10, 11, 13 – бронза; 12, 14 – кость)

правая не сохранилась. Ноги согнуты в коленях и обращены влево, пятки подтянуты к тазу, так что берцовые кости проходят под бедренными. Стопы на боку, ясно, что они лежали изначально.

Дно ямы покрыто светло-коричневым тленом от подстилки.

Достоверных следов краски нет.

В западной половине могилы, у головы погребенного, располагался инвентарь, смещенный ножом скрепера. Он включал скол с плоской гальки с окрашен-

ной в красный цвет и закопченной поверхностью (рис. 29, 8), расколотый и затертый по сколам сферосидерит (рис. 29, 9) и миниатюрный сосудик-плошку.

Погребение 65 – поздненовотиторовское (рис. 28, 3). Контуры могильной ямы прослеживались недостаточно четко, но, судя по тому, что первоначально она имела вид нечетких пятен, одно из которых вписано внутрь другого, и что глубина ее превышала глубину могил 50 и 60 вдвое (около 1,50 м от камышового настила), речь может идти о яме с уступом. В придонной части яма подпрямоугольная со скругленным и расширенным западным концом.

Ребенок в возрасте 3–9 месяцев захоронен в слабоскорченном положении на спине с наклоном вправо, вероятно, с приподнятыми и затем завалившимися коленями, и ориентирован головой на ЗЮЗ. Череп на правом виске, правая рука протянута к коленям и лежит ладонью вниз, левая вытянута вдоль тела, также ладонью вниз.

Непосредственно под костяком – пятно желтого “кожаного” тлена. Ниже, по всей площади дна, – коричневый древесный тлен с вкраплениями белесых полосок (от камышовой циновки?). В заполнении, на 6–10 см выше дна, – тонкая прослойка белого тлена. Череп, кости левой руки и берцовые кости ног имеют интенсивную коричневую окраску, но насколько она преднамеренная, судить трудно.

В головах погребенного отмечен ком охры красно-бурого цвета и полосы яркой малиновой краски. Здесь же найдено 25 просверленных астрагалов мелкого рогатого скота и окатанный камушек с двумя естественными отверстиями – возможно, амулет (рис. 29, 5). В ногах находились два сосуда, лежавших на боку, устьями к стопам погребенного. Один из них – ангобированная и тщательно залощенная оранжевоглиняная мисочка с окрашенной в красный цвет поверхностью, украшенная по краю округлыми налечами-выступами (рис. 29, 7). Другой – сероглиняный баночный сосуд, украшенный геометрическим узором из резных линий и тычковых вдавлений (рис. 29, 6).

После совершения погребений 50, 60 и 65 курган перекрыт третьей, последней насыпью и достиг, очевидно, современных размеров (высота – 5,9 м, размеры в поперечнике – 61 x 75 м). Затем в ССВ полу насыпи впущены расположенные по дуге три раннекатакомбных захоронения (154, 155, 156). Как это неоднократно прослеживалось на других памятниках (Олений I, Карстовый, Пластуновский I и др.), захоронения этого времени довольно часто перекрываются локальными боковыми подсыпками, однако в данном случае проследить их не удалось. Размеры таких подсыпок, как правило, невелики, однако возможность их присутствия должна учитываться при оценке размеров новотиторовской насыпи 3.

Погребение 154 – раннекатакомбное (рис. 30, 2). Совершено в катакомбе Т-образной формы. Входная шахта трапециевидных очертаний с округленными углами, размерами 1,45 x 0,90–1,12 м. Расширяющаяся ее часть обращена к центру кургана, т. е. в сторону камеры, или к ЮЮВ. Заполнение – желтый материковый суглинок. Шахта прослежена начиная с предматерикового слоя, однако ясно, что даже при наличии у погребения собственной досыпки глубина шахты составляла не менее 3 м. Дно полого понижается в сторону камеры, причем в ЮВ части в дне вырезан ведущий в камеру узкий пандус, так что вдоль длинных стенок шахты оставлены две полуступени шириной 0,20 и 0,25 м и высотой до 0,36 м. Дромос обрушился в древности. В толще затечного грунта в дромосе расчищены следы двух досок или плах от заклада входа, лежавших крест-накрест. Камера – подпрямоугольная с округленным СВ концом, размером 1,90 x 1,20 м. Вертикальные стенки сохранились на высоту до 0,70 м, свод обрушился в древности.

Ребенок в возрасте около 8 лет захоронен спиной к входу в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину и элементами полусидячей позы. Ориентирован он головой к ЗЮЗ. Черепная коробка опрокинута лицом вниз, нижняя челюсть – на середине груди. Правая рука протянута к коленям ладонью вниз. Левая слабо согнута и лежит ладонью вниз на лобковых костях. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Под костяком на площади 0,55 x 1,10 м дно покрыто коричнево-черным тленом от подстилки с отдельными крупинками охры. Пятно красной краски отмечено за головой, следы ее есть и на черепе.

В заполнении камеры найдены 4 астрагала мелкого рогатого скота. В СВ конце камеры – жертвенник из черепа и костей конечностей особи мелкого рогатого скота. Справа от стоп погребенного – уплощенный каменный терочник. У запястий и на тазовых костях – низка из 5 бусин, вырезанных из трубчатой кости, украшавших либо пояс, либо подол рубашечки (рис. 29, 12). У левого виска – бронзовое височное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 29, 11).

Погребение 155 – раннекатакомбное (рис. 30, 1). Совершено в катакомбе Т-образной формы. Входная шахта “щитовидных” очертаний, размерами 1,20 x 0,70–1,05 м, обращена широким концом к центру кургана, т. е. в сторону камеры, или на ЮВ. Заполнение – желтый материковый суглинок. Прослежена начиная с погребенной почвы, однако ясно, что даже при наличии собственной досыпки над погребением глубина ее составляла не менее 2,7 м. Дно в СЗ половине горизонтальное, но уже в 0,5 м от СЗ стенки начинает полого понижаться в сторону камеры. Дромос – арочной формы, шириной 0,65, высотой 0,38 и длиной 0,30 м. В дромосе дно выполаживается и переходит в дно камеры.

Камера – подпрямоугольная с округленными углами, размерами 1,80 x 1,00 м, вертикальные стенки прослежены на высоту до 0,60 м. Свод обрушился в древности.

Ребенок в возрасте 2–3 лет захоронен спиной ко входу в слабоскорченном положении на правом боку и ориентирован головой к ЮЗ. Череп на правом виске, лицом на ЮВ. Правая рука протянута к коленям и лежит ладонью вниз. Левая слегка согнута, проходит поверх тела, кисть ее, ладонью вниз, перекрывает середину бедренных костей. Ноги подогнуты и обращены вправо. Берцовые кости левой ноги сломаны и неестественно изогнуты, хотя и сохраняют сочленение в коленном и голеностопном суставах. Похоже, они сломаны либо при жизни погребенного, либо в ходе подготовки тела к погребению.

Дно под костяком на площади 0,70 x 1,00 м покрыто коричневым тленом от подстилки с пятнами красной краски на нем, наиболее отчетливыми по СЗ краю и у ЮВ стенки (кайма), у правого плеча ребенка и особенно около стоп, где, вероятно, находился расплзшийся ком краски. На костяке – слабые следы краски, и только на черепе полоса красно-коричневой краски пересекает, на манер ленты, лобную, височные и затылочную кости.

В западном углу камеры, справа от входа, лежали 7 астрагалов мелкого рогатого скота со сверлинами, две половинки нижней челюсти и отдельно от них клык кабана. В восточном углу – жертвенник из черепа и костей конечностей мелкого рогатого скота. Справа от костяка, у дальней стенки камеры, – миниатюрная лепная баночка с процарапанным зигзагообразным узором, очень плохо обожженная, а может быть, просто тщательно высушенная. Возле стоп – двойная причудливо изогнутая линия из 19 бусин, вырезанных из трубчатой кости, явно украшавших подол длиннополой одежды (рис. 29, 14). Внутри черепа найдены фрагментированные бронзовое и серебряное височные кольца (рис. 29, 13).

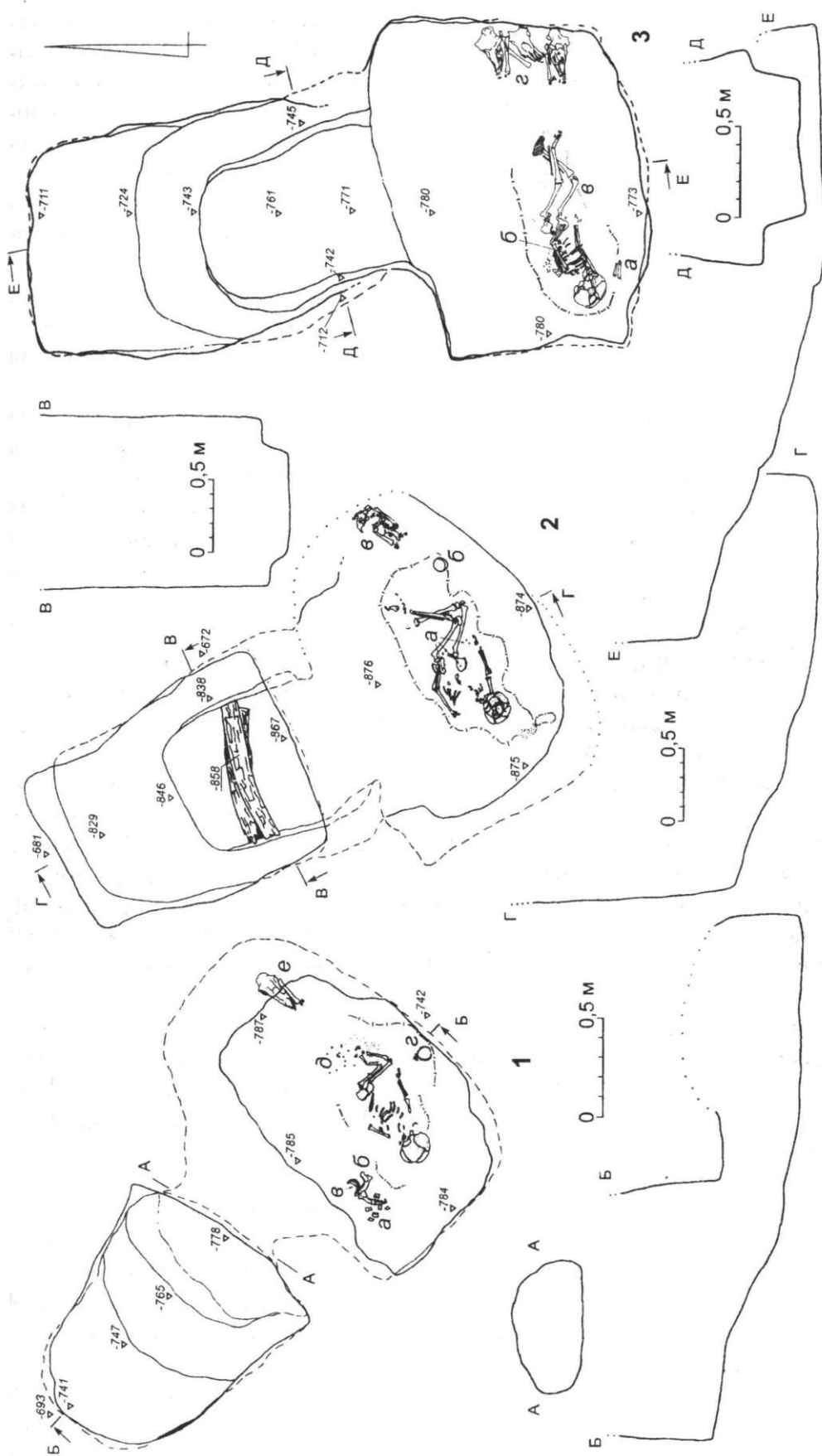

Рис. 30. Останний, курган 1

1 – погр. 155 (а – астрагалы; б – челюсти МРС; в – клык кабана; г – сосуд; д – костяные бусы; е – череп и ноги МРС); 2 – погр. 154 (а – костяные бусы; б – терочник; в – череп и ноги МРС); 3 – погр. 156 (а – костяные трубки; б – обломок бронзового изделия; в – костяные бусы; г – черепа и кости ног МРС)

Погребение 156 – раннекатакомбное (рис. 30, 3). Совершено в катакомбе Т-образной формы. Входная шахта подпрямоугольной формы с округленными углами, размером 1,40 x 1,20 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Камера вырыта под ЮЮВ стенкой, т. е. по направлению к центру кургана. Заполнение шахты – желтый материковый суглинок. Прослежена она начиная с погребенной почвы, однако ясно, что даже при наличии самостоятельной досыпки над погребением глубина шахты составляла не менее 2 м от уровня впуска. Дно шахты имеет уклон в сторону камеры, причем в южной части по бокам пандуса оставлены полуступеньки шириной 0,15–0,20 и высотой до 0,35 м. Дромос обвалился в древности, как и свод камеры, высота его не определяется.

Камера – неправильно-прямоугольная, с четкими углами в западной части, размеры ее – 1,85 x 1,35 м. Вертикальные стенки прослежены всего на 0,20 м от дна, горизонтальное дно камеры отделено от пандуса сглаженной ступенечкой высотой 4 см.

Ребенок 5–7 лет захоронен спиной ко входу в слабоскорченном положении на правом боку и ориентирован головой к западу. Череп на правом виске, лицом к ЮВ, причем приподнят над дном камеры, что в сочетании с асимметрией плечевого пояса может указывать на полусидячее первоначальное положение. Правая рука проходит под телом, кисть, ладонью вниз, – справа от таза. Левая – поверх тела, кисть, ладонью вниз, на правой лобковой кости. Ноги слабо подогнуты и обращены вправо, левая почти вытянута.

Дно под костяком на площади 0,50 x 1,10 м покрыто белесовато-коричневым волокнистым тленом от подстилки, с отдельными пятнами красной краски на ней. Костяк не окрашен, лишь по лобной и височным долям черепа проходит полоса красной краски. Стопа левой ноги покрыта белесо-розовым налетом, напоминающим очертаниями остатки обуви.

В восточном конце камеры находился жертвенник из черепов и костей конечностей трех особей мелкого рогатого скота. Справа от головы погребенного лежали две трубчатые кости животного с опиленными эпифизами, а на середине грудной клетки – остатки полностью окислившегося бронзового предмета. От правой кисти до правой стопы тянулась низка не менее чем из 22 бусин, вырезанных из трубчатой кости. На расшивку подола этот ряд не похож; это либо расширенный конец пояса, либо отдельно положенная низка, либо – что менее вероятно – оторочка штанины.

Позднекатакомбное, т. н. батуринское, погребение 128 впущено, безусловно, уже в готовый курган в средней части его западного склона. Для могил этого типа характерны большая глубина и отсутствие над ними особых досыпок. Мало данных для определения стратиграфического положения и культурной принадлежности погребения 118, однако по обряду и сохранности оно стоит ближе всего также к позднекатакомбным.

Погребение 128 – батуринское. Контуры придонной части могильного сооружения открыты в насыпи на глубине 2,30–2,40 м от современной поверхности. Установить, была ли это яма или камера катакомбы, не удалось, оба вида погребальных сооружений использовались батуринцами. Расчищенная часть могилы представляла собой прямоугольное углубление размером 1,40 x 0,90 м, ориентированное по линии ССЗ–ЮЮВ. Дно неровное, вогнутое к центру.

Костяк мужчины зрело-старческого возраста захоронен в расчлененном виде, хотя назвать его упакованным в полном смысле этого термина нельзя. Кости уложены по оси могилы в виде вытянутого скопления размером 1,10 x 0,30 м, распо-

ложение их имитирует в общих чертах положение сильно скорченного на правом боку человека, ориентированного головой на восток.

Череп лежал на правом виске, лицом к северу, в восточном конце скопления, с запада к нему подложена нижняя челюсть. Восточную половину скопления занимали ребра, выложенные по сходству с целым костяком. Обе лопатки, ключица и плечевая кость положены на ребра, одна из локтевых – под них. Западная половина скопления включала подвздошные кости таза, кости ног, еще одну локтевую и обе лучевых кости. Красной охрой с включениями ярких “флюоресцентных” крупинок засыпана вся восточная часть скопления, включая череп и кости туловища.

Дно выстлано черным тленом от подстилки, покрытой пятнами и яркими крупинками красной краски по периметру, особенно густо к югу от костей.

Через среднюю часть скопления костей, поверх них и под ними, на манер пояса проходит ряд из 60 бронзовых бочонкообразных бусин, сгруппированных по 3 штуки, как если бы пояс был расшит в 3 ряда. Ближе к западному концу скопления найдены 2 бронзовые двухдырчатые (“биноклевидные”) пронизи. В ЮВ углу, за затылком черепа, стоял чернолощеный сосуд с одной ручкой, украшенный по плечикам поясом свисающих заштрихованных треугольников, обрамленных бахромой косых тычков и разделенных группами расчлененных наlepных вертикальных валиков. Сосуд частично окрашен охрой. Материалы данного погребения уже опубликованы в работе по батуринским памятникам Прикубанья [Гей А.Н., 1995].

Погребение 118 – эпохи бронзы, предположительно позднекатакомбное (рис. 21). Контуры придонной части погребального сооружения (не ясно, ямы или катакомбы) в виде овального пятна размером 1,40 x 0,88 м, ориентированного с ВСВ на ЗЮЗ, открыты в насыпи на глубине около 3 м от современной поверхности.

Захоронение взрослого мужчины (женщины, по определению автора) совершено в слабоскорченном положении на спине и ориентировано головой к ВСВ. Ноги первоначально стояли коленями вверх, а затем завалились вправо, стопы – подошвами вниз. Череп на затылке, но склонен вправо. Обе руки вытянуты вдоль тела ладонями вниз. Подстилок и следов краски не обнаружено. Инвентаря нет.

Кроме описанных погребений, к эпохе ранней или средней бронзы в кургане 1 относятся два жертвенника из черепов и костей конечностей мелкого рогатого скота, располагавшиеся в ЗСЗ и ССЗ полах примерно на уровне погребенной почвы, а также отдельные находки в насыпи (кремневый отщеп, обломки керамики и др.). Увязать их с конкретными поздненовотиторовскими или катакомбными погребениями не представляется возможным.

Позднее в курган 1 впущены четыре погребения (63, 75, 90, 139) срубного времени, располагавшиеся в СВ, восточной, ЮЗ и западной полах и ориентированные головами к центру насыпи. Еще три погребения (10, 11, 44) относятся к сарматскому времени. Остальные захоронения связаны с поздним мусульманским кладбищем XVII–XVIII вв., занимавшим ЮЗ склон насыпи.

Курган 2. Полусферическая распахиваемая насыпь с намеком на изначальную конусовидность высотой до 1,55 и диаметром до 60 м, по данным нивелировки. По наблюдениям над профилями, высота над уровнем древнего горизонта – 1,55–1,75 м, диаметр – 35–40 м. В кургане открыто шесть достоверно новотиторовских могил, два недостаточно выразительных погребения – скорее всего, того же времени, и одно катакомбное. Насыпь возведена в несколько приемов (рис. 31, 1), древнейшим является погребение 13.

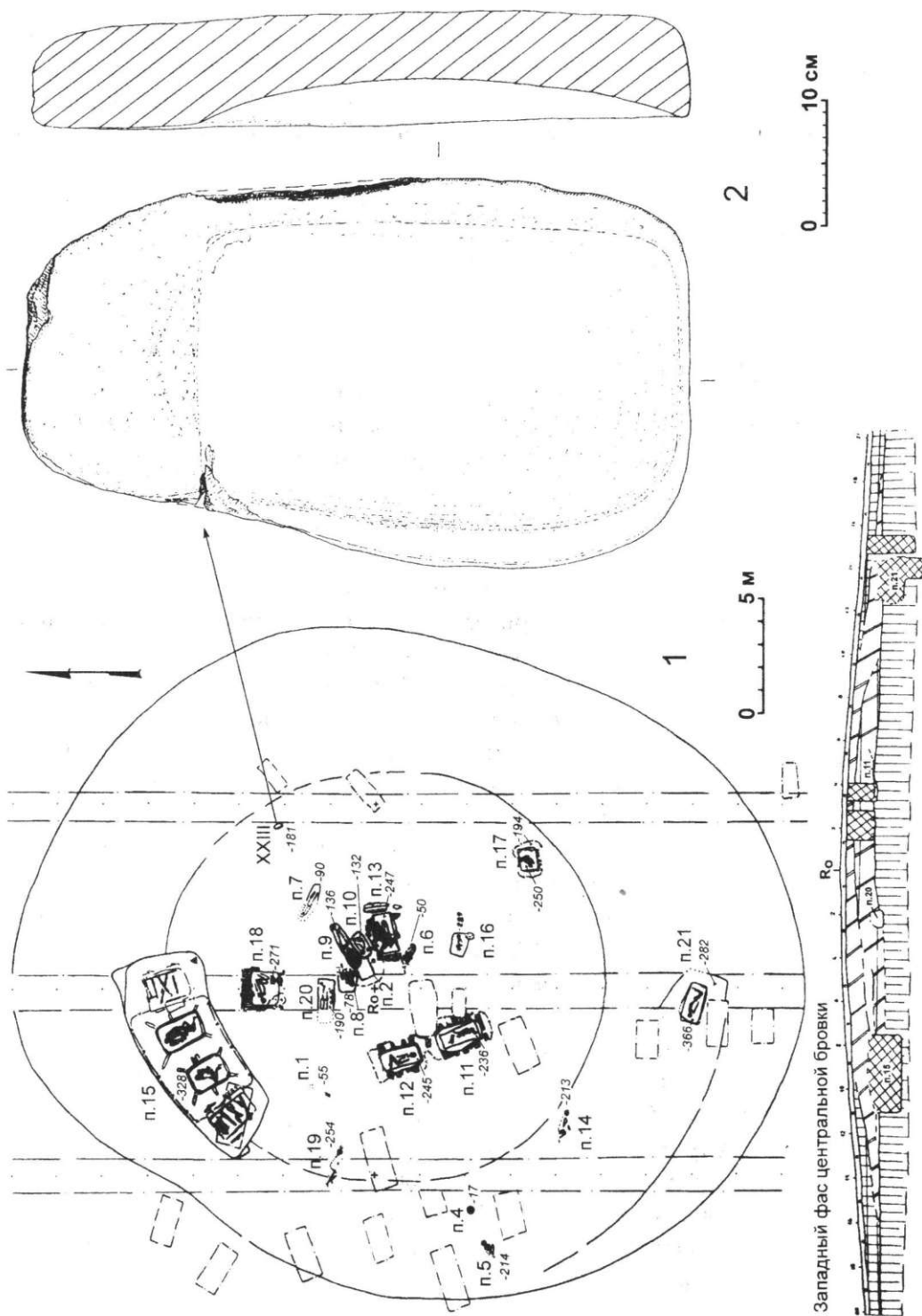

Рис. 31. Останний, курган 2

1 — общий план и западный фас центральной бровки; 2 — каменная зернотерка (находка XXIII)

Погребение 13 – основное, новотиторовское (рис. 32, 3). Находилось немного восточнее центра кургана. На уровне погребенной почвы расчищено пятно черного тлена от настила перекрытия площадью 2,30 x 2,50 м, частично перекрывавшего выкид из могильной ямы. Сама яма подпрямоугольная, размером 1,90 x 1,00–1,10 м. Длинная ось ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Глубина ее – 0,90 м от древней поверхности. В заполнении – остатки от трех поперечных досок или плах. Очевидно, основу настила над ямой составляли доски, уложенные с промежутками и застеленные сверху циновками или камышом, от которых и остался черный тлен.

В яме парное захоронение – мужчины 25–35 лет и более грацильного костяка, определенного Г.П.Романовой как предположительно мужской того же возраста (при определении на месте у меня не было сомнений, что это женщина). Оба погребенных уложены рядом, более крупный, безусловно мужской, у северной стенки ямы, другой – слева от него, вдоль южной стенки. Оба захоронены в одинаковом положении – среднескорченном на левом боку с отклонением на спину, головами на ВСВ. Череп на левом виске, лицами к югу. Левые руки протянуты к коленям, правые согнуты в локте. У мужчины правая ладонь положена на правую бедренную кость, у его спутницы – перекрывает левое запястье. Ноги обоих подогнуты и обращены влево. Костяки положены вплотную друг к другу, правое плечо южного перекрывает левое плечо северного, колени же северного перекрывают стопы южного.

У северного костяка окрашены череп, кости ног и левой руки, у южного – череп, кости туловища, ног и левой руки. Особенно интенсивно окрашены кости ног и левые руки обоих.

Дно ямы покрыто слоем темно-коричневого тлена, в средней части под ним – прослойка желтого тлена. На подстилке пятна красной краски, наиболее интенсивные возле стоп и плечевых костей погребенных. Инвентаря нет.

Над погребением воздвигнута насыпь 1 диаметром 18–20 и высотой до 1 м, состоявшая из серо-коричневого суглинка. Вероятно, в эту насыпь впущены новотиторовские захоронения 11 и 12, а также недостаточно выразительные захоронения 16 и 17.

Погребение 11 – новотиторовское (рис. 32, 4). Находилось в 4,5 м к ЮЗ от центра. Примерно на уровне древнего горизонта открыт деревянный настил перекрытия из 5–6 широких поперечных досок или плах, застеленных сверху слоем черного волокнистого камышового тлена также с поперечным направлением волокон. Площадь настила – 3,0 x 1,8 м. У СЗ угла ямы на перекрытии был виден участок ленты из трех параллельных узких красных полос, аналогичных узорам на циновках в других погребениях могильника. Сама яма, прямоугольная с четкими углами, размером 1,75 x 0,75 м и глубиной 0,80–0,90 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ.

Захоронение женщины возмужало-зрелого возраста (на месте было определено как старческое) совершено в слабоскорченном положении на правом боку и ориентировано головой к ЮЮВ. Череп на правом виске, лицом к востоку. Слабосогнутая правая рука направлена вдоль тела, слабосогнутая левая проходит поверх тела, кисть ее – на лобковых костях. Ноги обращены вправо и лежали изначально, стопы на боку.

Дно могилы покрыто слоем черного углистого тлена, поверх которого шел толстый слой коричневого тлена с древесной структурой. Под ногами костяка на коричневом тлене виден отпечаток рубчатой циновки, причем слева от ног по

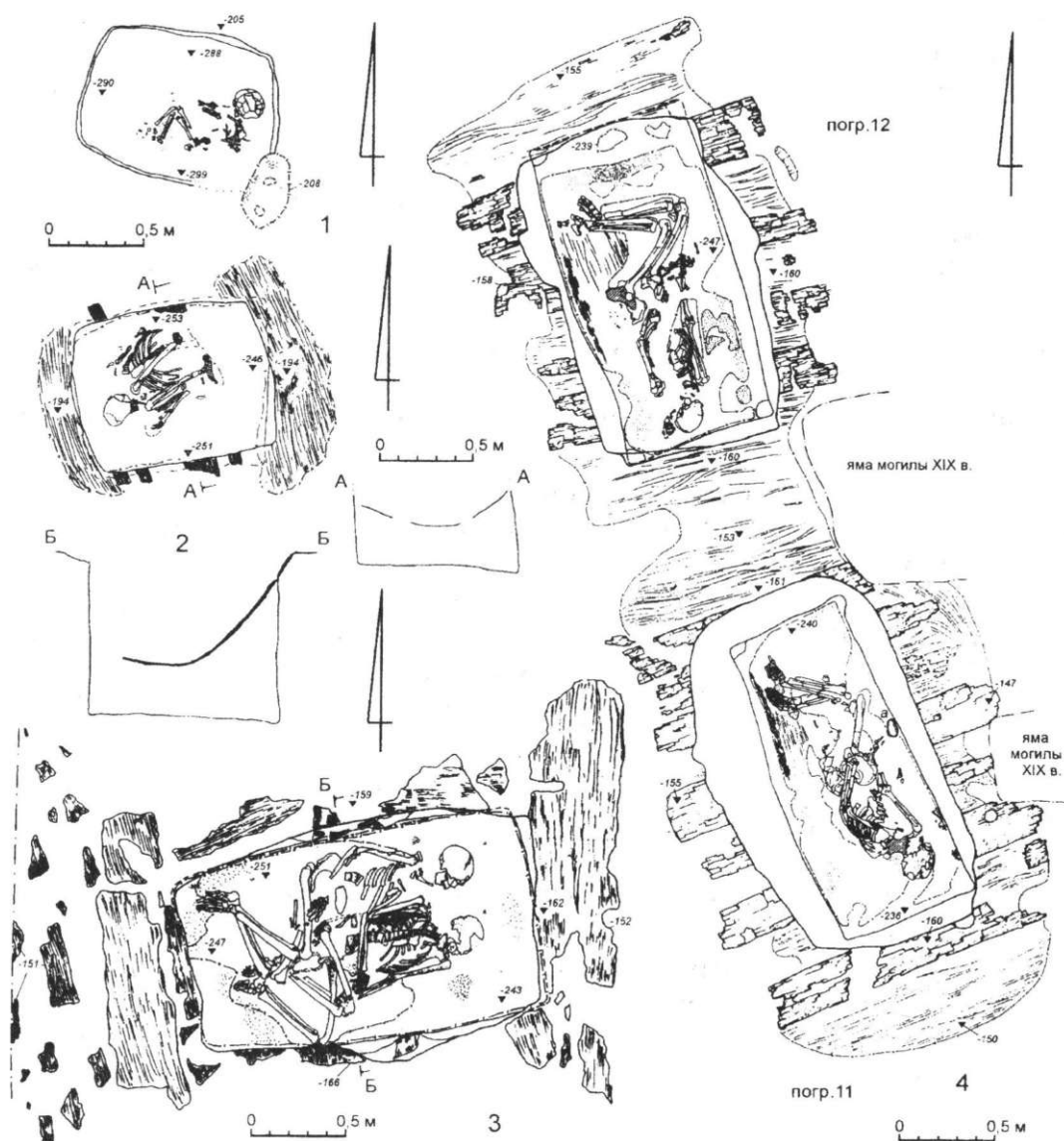

Рис. 32. Останний, курган 2

1 – погр. 16; 2 – погр. 17; 3 – погр. 13; 4 – погр. 12 и 11

циновке проходила черная полоса, напоминающая сторевшую плашку, но скорее всего связанная с раскраской циновки черными полосами. Непосредственно под ногами погребенной – пятна желтого тлена с фактурой кожи, очертания которых напоминают остатки одежды типа штанов.

На подстилке – яркие пятна красной краски (в СВ углу, вдоль западной стенки и под головой), яркие пятна такой же краски на лобной части черепа, правом запястье и стопах погребенной.

Справа от костяка, у середины восточной стенки могилы, лежал шлифованный каменный пест.

Погребение 12 – новотиторовское (рис. 32, 4). Находилось в 3 м к западу от центра, непосредственно примыкало с севера к погребению 11. Деревесно-камышовое перекрытие, расчищенное на уровне древнего горизонта, состояло из 4 широких поперечных досок или плах, уложенных с промежутками и застеленных сверху таким же черным камышовым тленом, как в погребении 11.

Сама яма – прямоугольная с четкими, проработанными под колья углами, размеры ее – 1,75 x 0,90 м, глубина – до 0,95 м от уровня перекрытия. Длинная ось ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В углах могилы вырыты ямки для кольев или столбов.

Захоронение мужчины возмужалого возраста (на месте было определено как старческое) совершено в слабоскорченном положении на спине с небольшим наклоном на правый бок и ориентировано головой на ЮЮВ. Череп – на основании, лицом к СВ. Правая рука вытянута вдоль тела и лежит ладонью вниз. Левая – слабо согнута, наискось пересекает живот, кисть ее, ладонью вверх (?), лежит возле правой кисти. Ноги подогнуты, обращены вправо и лежали изначально, стопы на боку. Костяк стиснут или спеленат в районе плечевого пояса.

Все дно ямы покрыто черным тленом от подстилки, поверх которого проходит слой рыхлого коричневого тлена с древесной структурой. В северной части ямы поверх этих слоев залегают остатки белесого рубчатого тлена с фактурой циновки, а непосредственно под костяком, повторяя очертания тела, идут пятна желтого тлена с фактурой кожи, напоминающие остатки одежды (штаны, рукав?). Слева от таза погребенного на подстилках лежат отдельные древесные угли, а под западной стенкой проходит черная полоса, как в погребении 11, являющаяся, скорее всего, остатками раскраски циновки. Пятна красной краски на подстилке зафиксированы в ногах костяка под северной стенкой, полосой вдоль западной стенки и у правого локтя. Сам костяк не окрашен. Инвентаря нет.

Погребения 11 и 12 сближаются по целому ряду деталей обряда и несомненно связаны друг с другом, однако характер этой связи не поддается однозначной интерпретации, так же как и их стратиграфическая позиция. Перекрытия этих могил как бы сливаются, образуя общий настил площадью 6,0 x 1,8 м, однако был ли он задуман как общий или это произвольное наложение двух разных перекрытий, ответить трудно. Не ясно, вырыты ли могилы с уровня древнего горизонта, где, собственно, и лежали перекрытия, или расчищены только нижние части ям с уступами, впущенных в насыпь 1. Определить это не удалось, т. к. насыпь над погребениями была прорезана сразу несколькими могилами кладбища XIX в., существовавшего на кургане. В первом случае погребения 11 и 12 должны синхронизироваться с бесспорно основным погребением 13, во втором – сближаться по времени с явно впускными могилами 16 и 17. Последнее более вероятно, т. к. все эти могилы образуют подобие кольцевого кладбища вокруг центра кургана.

Погребение 16 – новотиторовское (рис. 32, 1). Открыто в 4 м к ЮЮВ от центра. На глубине около 1,80 м от поверхности, т. е. ниже уровня древнего горизонта, обнаружены остатки перекрытия в виде пятен коричневого тлена с узкими белыми и желтоватыми полосками и вкраплениями красной краски. Ясно, что могила представляла собой яму с уступом, верхняя часть которой не прослежена. Нижняя яма-камера имела подпрямоугольную форму и размеры 1,0 x 0,75 м. Длинная ось ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Глубина ее – 0,8 м от уступа, общая глубина могилы – около 2 м от поверхности насыпи 1, откуда, скорее всего, она была выкопана.

Захоронение ребенка в возрасте 2 лет $\pm$ 8 месяцев совершено в среднескорченном положении на правом боку и ориентировано головой к ВСВ. Череп на правом виске и обращен лицом вниз. Рука протянута перед коленями. Обращает на себя внимание отклонение ориентировки костяка относительно оси ямы и смещение его к ЮВ стенке.

Берцовые кости ребенка окрашены красной краской. Следов подстилки нет. На одном из ребер – следы полностью окислившегося бронзового предмета.

Погребение 17 – новотиторовское (рис. 32, 2). Открыто в 9,5 м к ЮВ от центра. На глубине около 1,50 м от поверхности и 1,95 м от вершины кургана, т. е. ниже уровня древнего горизонта, расчищены остатки перекрытия. Ясно, что могила представляла собой яму с уступом, перекрытие опиралось на уступ. Состояло оно из 7 поперечных досок или плах, от которых сохранились полосы черного тлена с белыми пятнами. По перекрытию видно, что верхняя часть могилы была прямоугольной и имела размеры 1,80 х 1,20 м. Нижняя яма-камера также прямоугольная, размером 1,0 х 0,75 м, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Глубина ее – 0,60 м от уровня уступа. Общая глубина могилы от поверхности насыпи 1, откуда она, скорее всего, выкопана, – около 1,5 м.

Захоронение подростка или женщины юношеского возраста совершено в сильноскорченном положении ничком на коленях, со скрещенными перед грудью руками, лицом в землю и с небольшим завалом вправо. Первое впечатление, что подобная поза – результат падения вперед из сидячего положения, однако отсутствие смещения костей в сочленениях и общая тщательность укладки показывают, что погребенная помещена в могилу в том виде, как это зафиксировано раскопками. Голова ориентирована на ЮЗ.

Дно могилы покрыто слоем черного тлена от подстилки, таким же тленом закрыт сверху и весь костяк (покрывало?). На черепе – следы красной краски. Инвентаря нет.

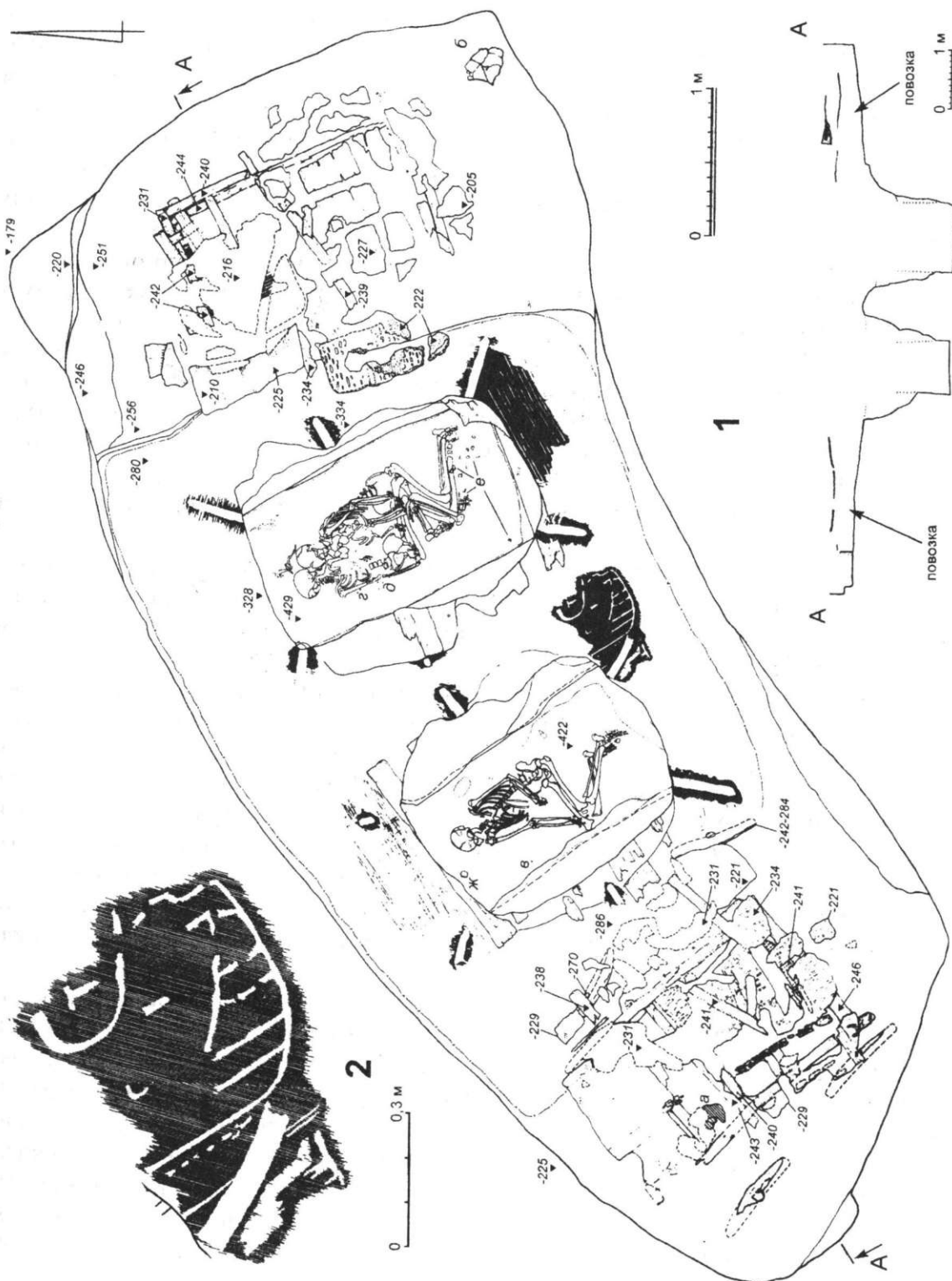
Погребение 15 – поздненовотиторовское (рис. 33). Являлось следующим по времени впускным захоронением. Совершено в необычной по величине и устройству яме с уступом, выкопанной с уровня древнего горизонта у края ССЗ насыпи 1, и перекрыто затем насыпью 2. Могила расположена вдоль края насыпи 1, чем и объясняется ее изогнутая форма. В целом представляет собой длинное траншееобразное углубление, в центре которого выкопаны сразу две погребальные ямы-камеры. По бокам от этих камер, в СВ и ЮЗ концах верхней ямы, установлены две деревянные четырехколесные повозки в собранном виде. Сохранность их из-за сравнительно небольшой глубины залегания хуже, чем у повозок из кургана 1.

Верхняя часть ямы задумана как прямоугольная с округленными углами, но изогнута вдоль насыпи 1. Длинная ось ее ориентирована в общем по линии ВСВ–ЗЮЗ, размеры составляют 8,97 х 3,20–4,00 м, глубина от уровня горизонта – 1,30–1,60 м. В северном углу оставлена угловая подтреугольная ступенька, возвышающаяся на 0,30 м над уровнем уступа. К западному углу примыкает приступка высотой 0,13–0,15 м. В восточной части СЗ стены оставлена приступка высотой 0,10–0,30 м, а в западной части ЮВ стены – высотой 0,20–0,25 м. В восточном конце могилы под повозкой поверхность уступа приподнята в целом на 0,25 м на манер широкой ступени, аналогичный широкий уступ под западной повозкой полого понижается в сторону камер.

Юго-западная повозка сохранилась полностью, хотя сильно истлела. Кузов размером 1,90 х 1,10 м изготовлен из досок или брусьев шириной 6–8 см, от которых сохранились полосы черного тлена. Различимы два уровня продольных дрог, соединенных тремя рядами поперечных нахлесток в северной половине, одним рядом нахлесток по южному краю и косой крестовиной в центральной части. В каждом ряду прослежены по две нахлестки, залегавшие одна над другой, а на южном краю – целых три. На средней из них – отпечатки продольных пруть-

Рис. 33. Останний, курган 2, погр. 15

1 – план и разрез могилы (а – жаровня с расчесами; б – жаровня черной; в – кремневый наконечник стрелы; г – костяные бусы крупные; д – костяные бусы мелкие; е – сверленные астргалы; ж – фрагмент чернолощеного сосуда); 2 – рисунок белой краской на черной (обугленной?) глиновке

ев от дна кузова. Верхние нахлестки южного борта и среднего ряда северной половины кузова далеко выступают за пределы рамы, образуя платформу шириной не менее 1,85 м. Сверху платформа застелена слоем светло-коричневого тлена от циновки, на которой, в свою очередь, сохранились отдельные участки белой "кожи". На циновке в районе ЮЗ угла платформы – пятна охры, скорее всего, от раскраски циновки. Колеса, надетые на оси, имели диаметр не менее 65 см. Ширина колеи – 1,70 м, расстояние между осями – 1,30–1,40 м, сами оси почти не сохранились.

Северо-восточная повозка сохранилась хуже. Здесь не удалось проследить колес, однако остатки кузова залегают на 0,50–0,70 м выше поверхности уступа. Это позволяет предполагать, что и здесь повозка была установлена в собранном виде. Кузов размером 1,90 x 1,30 м изготовлен из досок или брусьев шириной 6–8 см, сохранившихся в виде полос черного тлена. Распознаются три горизонтальных уровня продольных дрог или грядок и опирающихся на них поперечных нахлесток. В северной половине кузова видны 3 ряда нахлесток, в крайнем из них (по северному борту) – 3 нахлестки одна над другой, в среднем – одна нахлестка, опирающаяся на средний уровень грядок, в южном – тоже одна, но опирающаяся на верхние грядки. Прямо над ней перекрывающая кузов циновка образует вертикальный бортик высотой до 20 см, ограничивающий северную часть кузова на манер "места возницы". По центру кузова видны косая крестовина, а к югу от нее – еще 3 ряда нахлесток, причем по южному борту прослежены две нахлестки одна над другой. Выступление за пределы рамы отмечено только для третьей с севера нахлестки верхнего уровня. Длина ее достигает 2,05 м, что, очевидно, соответствует максимальной ширине платформы. Сверху платформа застелена слоем светло-коричневого тлена от камыша или циновки с обрывками белой "кожи" на нем.

Особо следует оговорить, что часть выкида из нижних ям-камер оказалась под повозками на поверхности уступа, иными словами, первоначально была вырыта только верхняя яма, затем в нее были опущены обе повозки и только потом открыты камеры для помещения покойников.

Под северной половиной юго-западной повозки на выкиде расчищено несколько крупных древесных углей. На кузове этой же повозки найдены обломки стенок двух крупных сосудов (рис. 35, 2) с обильной примесью шамота в тесте и грубыми расчесами на внешней и внутренней поверхностях (жаровня?), а также обломок миниатюрной мисочки (рис. 35, 1). На уступе, в восточном углу верхней ямы, возле северо-восточной повозки, лежала жаровня из верхней части крупного чернолощеного сосуда с выступом-налепом на плечиках (рис. 35, 7), под которой находилось целое скопление древесных углей. Мелкие обломки того же сосуда найдены на кузове юго-западной повозки и в заполнении юго-западной ямы-камеры.

Нижние ямы-камеры расположены параллельно друг другу и ориентированы по линии СЗ–ЮВ. На уровне уступа обе они перекрыты досками или плахами, положенными поперек (СВ–ЮЗ). Длина их достигает 1,50, ширина – 0,25 м, точное число не установлено. Сверху, на площади 5,40 x 3,50 м, доски застелены камышом и циновками, от которых сохранился черный тлен. Охапки камыша ориентированы по касательным к ямам, как бы окружая их. На циновках (их, по идее, было две, над каждой камерой своя) – узоры и рисунки, выполненные белой, меловой по консистенции, краской. Узоры представляли собой косые кресты, проходившие по диагоналям обеих камер (и циновок?), с дополнительной линией-пе-

рекладиной, пересекавшей камеры поперек. На юго-восточном краю северо-восточной камеры зафиксирован узор из тонких параллельных белых линий, идентичный узору из погребения 160 кургана 1. Возле восточного угла юго-западной камеры – сложный узор из пересекающихся изогнутых и параллельных линий, имеющий явную тенденцию к изобразительности. Опознать сюжет не удастся из-за сохранности, очевидно только, что изображение далеко не реалистическое, имеет скорее символический характер.

Юго-западная яма-камера – прямоугольная, с четкими, проработанными под колья углами и несколько расширяющимися к дну стенками. Размеры у дна – 1,90 x 0,90 м, глубина – 1,35 м от уровня уступа. В углах – лунки от столбов диаметром до 10 и глубиной 10–15 см.

Захоронение мужчины в возрасте 20–25 лет совершено в слабоскорченном положении на правом боку с отклонением на спину, головой к ССЗ. Череп на правом виске, лицом к ЮЗ. Правая рука протянута к коленям, пальцы ее как бы обхватывают бедренную кость. Левая рука согнута под прямым углом и проходит поперек живота, кисть ладонью вниз. Ноги лежали изначально, стопы на боку.

Дно покрыто слоем коричнево-черного тлена от подстилки, с пятнами красной краски на нем, особенно яркими вдоль длинных стенок, под тазом, правой рукой и стопами погребенного. Сам костяк слабо окрашен, все кости его – бурокрасные, ярче других окрашены кости предплечий. По черепу проходит отчетливая полоска-венчик красной краски. Поверх костей повсеместно прослеживались следы коричнево-черного тлена от покрывала (?).

У черепа найдены два серебряных височных кольца в полтора оборота (рис. 35, 4, 5), а возле правого локтя – миниатюрный треугольный кремневый наконечник стрелы (рис. 35, 6).

Северо-восточная яма-камера – прямоугольная с четкими проработанными углами, размером 2,05 x 1,12 м и глубиной 1,40 м от уровня уступа. Лунка от столбика диаметром 7 см прослежена только в западном углу. В камере находилось коллективное захоронение женщины 15–18 лет, мужчины 20–25 лет и ребенка в возрасте до 3 лет.

Женский костяк захоронен возле ЮЗ стенки в слабоскорченном положении на левом боку, головой к ССЗ. Череп на левом виске, лицо упирается в лобную кость черепа мужчины. Правая рука протянута за спиной и прижата к туловищу, левая вытянута перед телом, кисть ее зажата между бедренными костями. Ноги обращены влево и перекрывают коленями тазовые и бедренные кости мужского скелета и, в свою очередь, перекрыты его руками.

Мужской костяк, находившийся у СВ стенки, захоронен в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ССЗ. Череп на правом виске, лицо касается черепа ребенка. Руки протянуты вдоль тела, правая под туловищем, левая – поверх него, кисти на коленях женщины. Ноги обращены вправо, стопы на боку.

Костяки взрослых стиснуты или спеленаты в плечевом поясе.

Детский костяк лежал между костяками взрослых и имел ту же ориентировку. Он почти полностью разрушен грызунами, *in situ* сохранились только кости черепа.

Дно камеры покрыто черно-коричневым тленом от подстилки со следами красной краски на нем, наиболее отчетливыми возле таза женщины. Красная краска имеется на черепах всех троих погребенных, на ребрах мужчины, на тазе женщины, на предплечьях и костях ног обоих взрослых, на стопах мужчины.

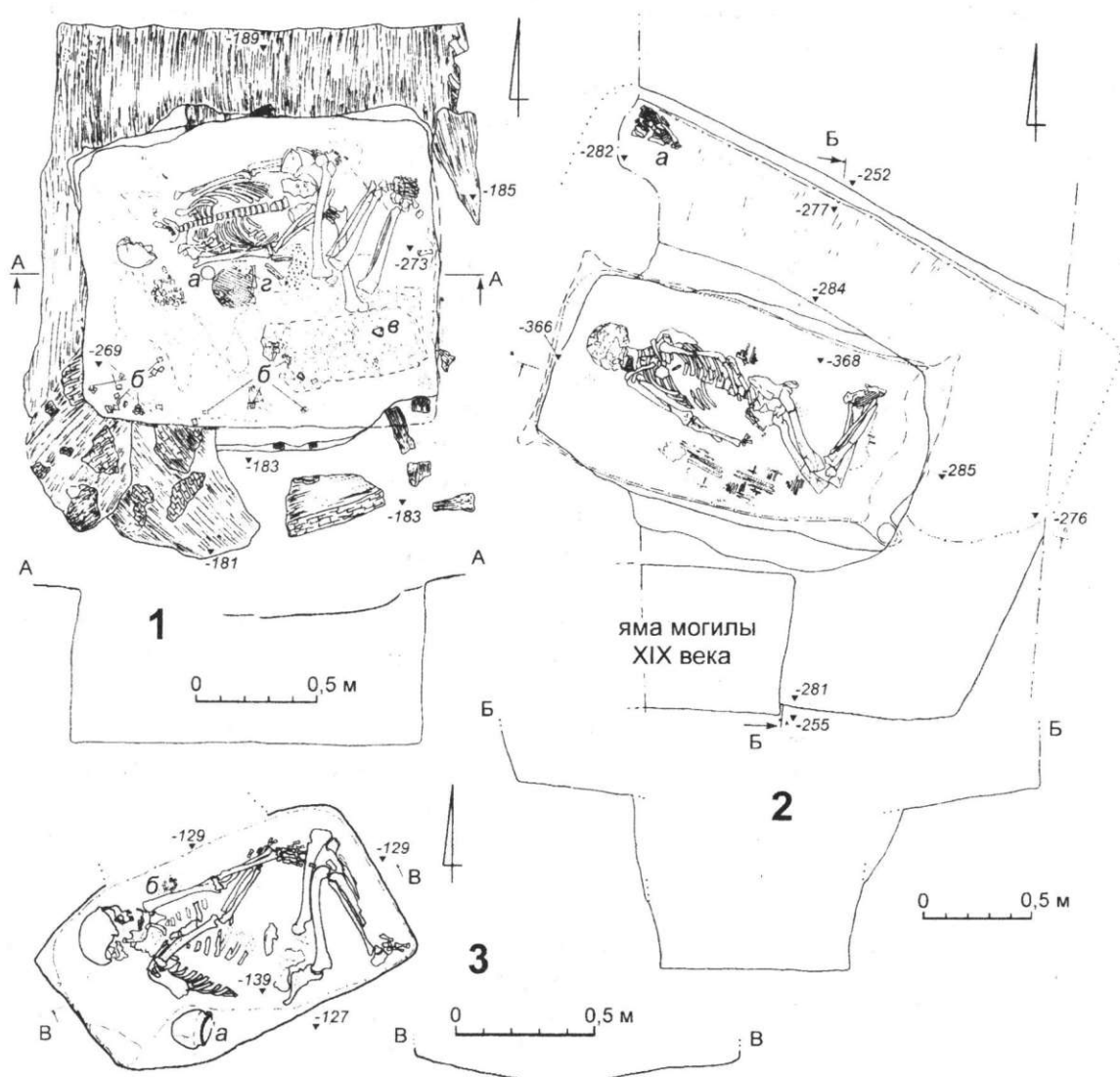

Рис. 34. Останний, курган 2

1 – погр. 18 (а – глиняная лепешка; б – астрагалы; в – расколотая галька; г – костяные бусы);
2 – погр. 21 (а – кости МРС); 3 – погр. 10 (а – сосуд; б – подвески из раковин)

В заполнении камеры возле восточного угла найден зуб мелкого рогатого скота, а у ЮВ стенки – связка (не менее 17 шт.) просверленных астрагалов овцы-козы, попавшая сюда с перекрытия камеры. У правого плеча и локтя женщины – скопление из 8 крупных и мелких бусин, вырезанных из трубчатых косточек (рис. 35, 3).

Погребение 15 перекрыто насыпью 2, состоявшей из темно-серого гумусированного суглинка, увеличившей размеры кургана почти до современных. Затем в курган впущены новотиторовские захоронения 18 и 21.

Погребение 18 – поздненовотиторовское (рис. 34, 1). Находилось в 5 м к северу от центра и примыкало с юга к погребению 15. На уровне древнего горизонта расчищены остатки перекрытия, имевшие прямоугольные очертания и размеры около 2 x 2 м. Могила расположена в кургане симметрично безусловно впускному новотиторовскому захоронению 21, что позволяет предположить в данном случае наличие ямы с уступом, впущенной в насыпь 2 и прослеженной с уровня

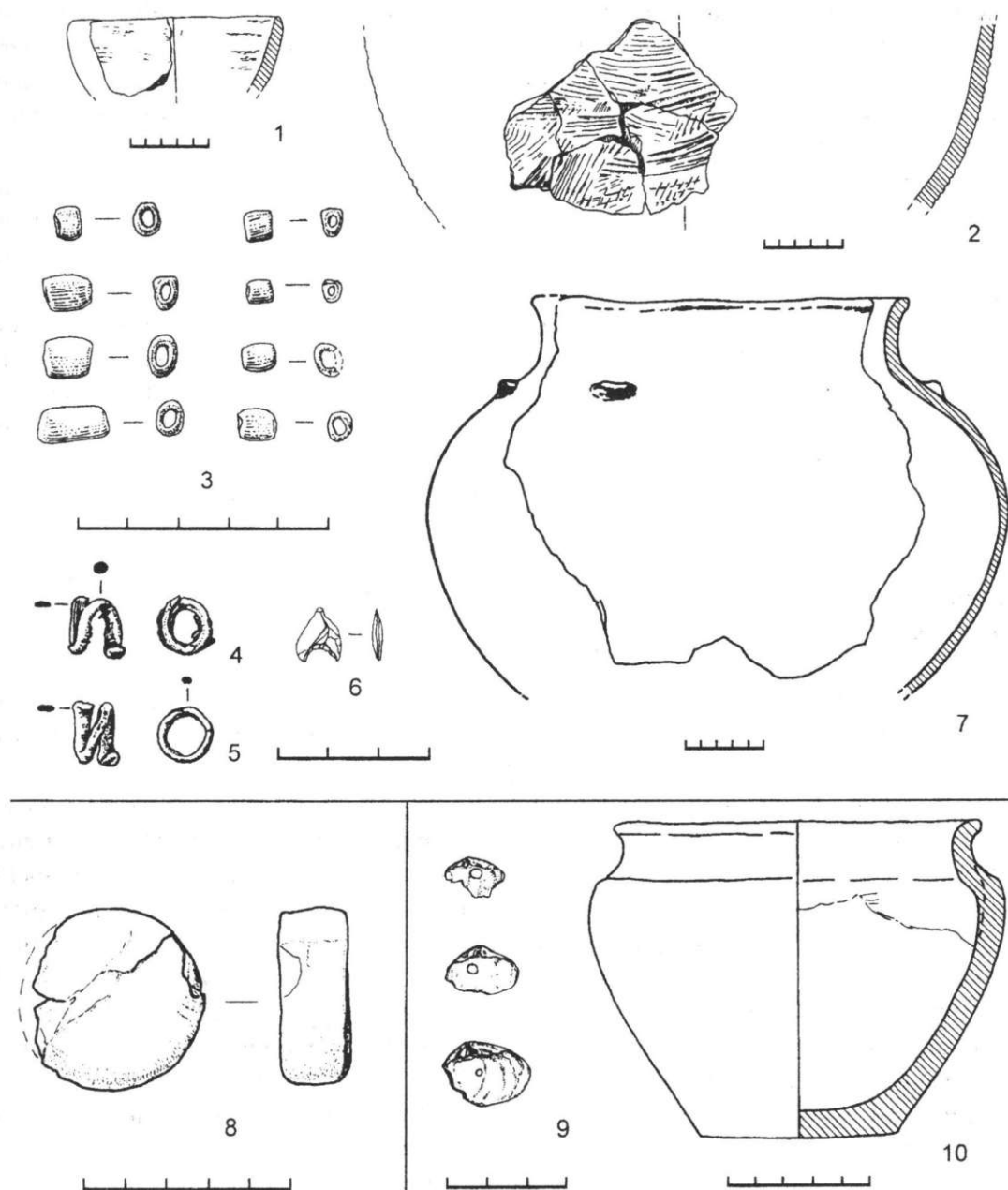

Рис. 35. Останний, курган 2

1-7 – погр. 15; 8 – погр. 18; 9, 10 – погр. 10. (1, 2, 7, 10 – керамика; 3 – кость; 4, 5 – серебро; 6 – кремнь; 8 – необожженная глина; 9 – раковина)

уступа. Глубина, на которой расположены перекрытие и предполагаемый уступ, составляет 1,35 м от поверхности насыпи 2. Перекрытие состояло из досок или плах, уложенных по линии север – юг, или поперек нижней ямы-камеры, и по диагонали ее. Число их не установлено, поскольку сверху перекрытие было застелено плотным слоем черного, вероятно горелого, тлена от камыша или циновки.

Под перекрытием расчищена широкая прямоугольная яма-камера с четкими углами, размером 1,45 x 1,30 м, ориентированная по линии запад – восток. Глубина ее от перекрытия – 0,90 м, предполагаемая общая глубина могилы – до 2,20 м. На дне открыто парное захоронение мужчины 25–35 лет (?) и ребенка в возрасте 1,5 лет.

Костяк мужчины лежал ближе к северной стенке в среднескорченном положении на спине, головой к западу. Череп на затылке, лицом вверх, туловище слегка наклонено вправо. Левая рука вытянута вдоль тела и прижата к нему, правая рука слегка согнута, кисть ее на лобковых костях, ладонью вниз. Ноги подогнуты и обращены вправо. Не исключено, что они стояли коленями вверх и завалились на сторону, т. к. левая стопа лежит на подошве. Костяк ребенка в слабоскорченном положении на левом боку уложен вдоль правой руки взрослого и ориентирован головой к западу. Судя по положению плечевых костей, руки его были протянуты к коленям.

Все дно могилы покрыто коричневым тленом от подстилки, причем в восточной половине он пропитан охрой до розового цвета. Яркие пятна охры отмечены в южной половине ямы и в ЮВ углу. Кости обоих погребенных розовые от краски, особенно ярко окрашены предплечья и стопы взрослого, а под черепом его найдены куски красной краски. У стоп ребенка и правого локтя взрослого – скопление древесных углей, а возле колен взрослого – подпрямоугольный участок (0,65 x 0,27 м) плотного желтовато-белого “кожаного” тлена.

На “кожаном” тлене лежали в ряд 7 астрагалов мелкого рогатого скота без сверлин и плоский скол с гальки, в ЮЗ углу найдено еще 19 астрагалов со сверлинами и клык хищника – собаки или волка. Перед грудью ребенка найдена круглая таблетка или лепешка из высушенной, но не обожженной глины диаметром 4,2 см (рис. 35, 8). Здесь же, между костяками, – низка костяных бусин, тянувшаяся от подбородка ребенка к его коленям, а затем изгибавшаяся в сторону его тазовых костей (оторочка рубашки или украшение пояса?).

Погребение 21 – поздненовотиторовское (рис. 34, 2). Открыто в 14 м к югу от центра. Совершено в яме с уступом, впущенной с поверхности насыпи 2 и перекрытой, в свою очередь, небольшой боковой досыпкой на южном склоне насыпи (рис. 31, 1). Верхняя часть могилы прослежена частично, т. к. западный ее конец срезан скрепером, а южный край прорезан могилкой XIX в. Судя по сохранившемуся участку, она имела подтрапещевидную форму, размеры 2,70 x 2,05–2,50 м и была ориентирована по оси ЗСЗ–ВЮВ. На глубине около 1,50 м от поверхности насыпи 2 расчищен уступ со следами черного тлена от поперечного деревянного перекрытия и застилавшей его циновки. В СЗ углу на уступе находился жертвенник из черепа и подложенных под него конечностей (без копыт) особи мелкого рогатого скота.

Ниже уступа вырыта прямоугольная яма-камера размерами 1,80 x 0,95 м и глубиной 0,85 м от уступа, с четкими, проработанными под колья углами (диаметр желобков – до 10 см). В углах дна ямы под желобками намечены углубления-лунки.

В яме-камере находилось захоронение мужчины 20–25 лет, погребенного в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ЗСЗ. Череп на правом виске. Правая рука вытянута вдоль тела и положена ладонью вниз возле правого крыла таза. Левая рука согнута, проходит поперек живота и прижата ладонью к лобковым и правой подвздошной костям. Ноги обращены вправо.

Дно могилы покрыто черным тленом от подстилки, на котором прослеживаются продольные и поперечные волокна черного, белого и желтого цвета, скорее всего – остатки циновки. Расплывчатое пятно красной краски зафиксировано справа от черепа, перед лобной его частью, а яркое пятно – под тазом. Все кости погребенного отличались красноватой окраской, но бесспорных следов охры не замечено. Инвентаря нет.

После новотиторовских в курган 2 впущено одно катакомбное захоронение.

Погребение 10 – катакомбное (рис. 34, 3). Находилось в 1,5 м к востоку от центра. На глубине 1,30–1,39 м от поверхности расчищена придонная часть могилы, предположительно катакомбы, входная шахта которой разрушена могилой XIX в. Камера (?) прямоугольная, размером 1,20 x 0,80 м, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Дно ее, несколько вогнутое в центре, заметно понижалось к юго-восточной, дальней от предполагаемого входа, стенке.

Захоронение мужчины 55–65 лет совершено в скорченном положении на левом боку, головой к западу. Череп на левом виске, лицом к северу, туловище на левом боку, руки, скрещенные в запястьях, протянуты к коленям подогнутых и обращенных влево ног. На черепе, левом локтевом суставе, кистях обеих рук и на ногах ниже колен – следы красной краски.

Дно камеры покрыто слоем желто-коричневого тлена от подстилки.

Слева от погребенного, у середины левой плечевой кости, на пятне светлого тлена лежала связка из 30–32 просверленных ракушек (рис. 35, 9). За спиной, возле южного угла, лежал на боку, устьем к востоку, неорнаментированный лепной сосуд с выделенными уступом плечиками и коротким отогнутым венчиком (рис. 35, 10). Рядом с сосудом – участок черного древесного тлена, возможно – остатки деревянного предмета.

Кроме вышеописанных, в курган 2 впущены три или четыре захоронения срубного времени (5, 6, 14 и, возможно, 19), сарматские погребения 9 и 20, поздне-кочевническое 8 и пять могил, не поддающихся точной датировке, что объясняется, прежде всего, плохой их сохранностью (1–4, 7).

Этапы НТ культуры

Прежде чем перейти к характеристике погребального обряда и материально-го комплекса НТ культуры, необходимо коснуться в самом общем плане вопросов о ее внутренней эволюции и региональных вариациях, иначе говоря – о хронологических этапах и локальных вариантах. Это позволит в дальнейшем более осмысленно проанализировать изменения в ритуале и инвентаре, одновременно конкретизируя содержание намеченных этапов и территориальных групп.

Проблемы внутренней хронологии отдельных курганных культур степной зоны в подавляющем большинстве случаев решаются с помощью метода анализа т. н. обрядово-стратиграфических групп, впервые широко примененного Н.Я.Мерпертом в его фундаментальном исследовании о древнеямной культурно-исторической области [Мерперт Н.Я., 1968*]. Впоследствии к нему неоднократно обращались при изучении курганных материалов различных территорий [Кияшко В.Я., 1974; Сафронов В.А., 1974; Марина З.П., 1978; 1980; Николова А.В., 1992; Рассамкин Ю.Я., 1992 и др.]. Аналогичный подход к материалам Степного Прикубанья применен и в уже упоминавшихся работах В.А.Трифоновой [Трифонов В.А., 1982; 1983б; 1991].

Не ставя под сомнение объективность и научную строгость самого метода, нельзя не обратить внимания на присущие ему недостатки, проявляющиеся уже на стадии интерпретации полученных результатов. Основанный на выделении групп захоронений со сходными элементами обряда (поза, степень скорченности, окраска, ориентировка, форма могилы) и учете их стратиграфических позиций относительно других групп, метод этот чисто психологически и гносеологически ориентирует исследователя на конструирование хронологических горизонтов. При этом недостаточное внимание уделяется погребальному инвентарю, привле-

каемому скорее для иллюстрации. Иными словами, в основу хронологических построений кладутся признаки заведомо консервативные и традиционные, при некотором пренебрежении к показателям, наиболее подверженным изменениям, модификациям, “моде”. Сходные обрядовые проявления синхронизируются или сближаются по времени, несходные – напротив, разводятся, имеющиеся стратиграфические наблюдения, обычно немногочисленные, экстраполируются на весь массив обрядовой группы. И если при этом внимание авторов не сосредоточено на других факторах археологического контекста, позволяющих не только разделять, но и сближать по времени отдельные комплексы (планиграфически единые кладбища, биритуальные захоронения и др.), то велика опасность преувеличения хронологических различий, конструирования дробных псевдохронологических “горизонтов”, размытия реальных генетических секвенций и в итоге – искажения реальных исторических процессов, что зачастую и наблюдается. В свою очередь, попытки как-то объяснить частую смену обрядовых групп и полученных “горизонтов” способствуют преувеличению роли миграционных процессов и широкому распространению миграционных моделей в нашей науке.

Очевидно также, что метод анализа обрядово-стратиграфических групп исправно работает на относительно небольших сериях источников, при относительной редкости стратиграфических наблюдений. С увеличением анализируемой выборки эффективность его падает. В работах последних лет, где рассматриваемые серии насчитывают многие сотни и даже тысячи комплексов, все чаще встречаются констатации синхронности различных обрядовых групп в рамках одного этапа и одновременно признание возможности существования одной группы на протяжении нескольких последовательных этапов. Примером может служить упоминавшаяся работа по ямной культуре Украины [Николова А.В., 1992], где выделение дробных (от 7 до 10) обрядово-хронологических групп в 12 разных регионах позволяет автору в итоге констатировать существование всего лишь трех этапов, внутри которых сосуществуют разные группы.

Ясно, что все более изощренное дробление обрядовых групп потенциально непродуктивно для хронологических целей. Похоже, что основное внимание здесь надо перенести на изучение типологии и временной изменчивости типов и категорий материальной культуры. Самим же обрядово-стратиграфическим группам следует вернуть статус генетических линий, протяженных во времени форм обрядовой практики, со своими периодами зарождения, доминирования и выхода из обихода.

Именно так обстоит дело с курганными материалами Прикубанья, где по положению погребенного и ориентировке могут быть выделены 18 обрядовых групп, для которых учтено 342 бесспорных случая стратиграфии, включающих оппозицию “основное – впускное”, факты прямого прорезания одного захоронения другим, последовательности погребений, впущенных в разные насыпи и досыпки одного кургана (рис. 36).

Особо следует оговорить то обстоятельство, что данный опыт анализа курганной стратиграфии имеет преднамеренно “расширительный” характер: привлечены практически все материалы эпохи ранней бронзы рассматриваемой территории, а не только “чистые” новотиторовские комплексы. Это объясняется, прежде всего, отсутствием четких критериев для определения степени чистоты исходных материалов, для проведения четких разграничительных линий между комплексами собственно новотиторовскими, собственно ямными или древнеямными и собственно северокавказскими (северокавказской культуры вытянутых захороне-

впускн. основн.	18	2	1	15	4	5	6	7	8	3	11	14	12	10	17	13	16	9
18																	2	
14																1		1
11													1	1				2
10														3	1	1		1
13					2		1									1		2
12									1	1								2
17								1		2		1			1		1	1
8	1									2			1	1	1	1	2	
7		1											2			1	1	8
5									1					1			5	1
3		1					1	1		1							6	1
6	1					1	1	1			1	1	1				3	2
16					1			1	1	1	1	6		3	3	3	8	3
9			1	2		1			1	7	11	1	3	8	1	4	6	23
15					2	1												1
4		1	3	1	12	4	2	1	1	1	3	2	5	4		3	3	12
1			4		7		1	1	1	4	7	4	1	2	8	3	9	12
2		1	3	1	1	1	1		2	3	4	1	4	2	3	1	2	3

НТ
2-3НТ
1-2

НТ-1

Я-НТ

Рис. 36. Таблица стратиграфического соотношения различных обрядовых групп захоронений новотиторской культуры

ний). При очевидности того факта, что генеральной формой новотиторского обряда являются скорченные на спине вполоборота вправо или влево захоронения (практически то же самое, что скорченные на боку с отклонением туловища на спину), значительное число комплексов с характерными новотиторскими чертами и бесспорно новотиторским инвентарем содержит костяки в скорченном на спине или вытянутом на спине положении. В ряде случаев наблюдается сочетание этих вариантов позы в рамках одного захоронения или в разных могилах подкурганных кладбищ, объединенных стратиграфической позицией и общими принципами планировки. Среди опубликованных выше к таким случаям относится присутствие вытянутого захоронения в кольце детских новотиторских могил кургана 9 могильника Малаи I. Предельно характерны и выразительны такие сочетания в памятниках более восточных территорий, например, в Пластунском могильнике и Динском кургане в бассейне Кочетов – Кирпилей. Точно так же характерный инвентарь ямного облика, круглодонные сосуды прежде всего, могут встречаться в погребениях с новотиторским обрядом. Столь очевидное смешение различных этнографических традиций в культуре коллективов, использовавших единые подкурганные кладбища, предполагает совершенно определенные формы взаимодействия носителей этих традиций, среди которых, в пер-

вую очередь, можно предполагать достаточно сложную перекрестную систему брачных отношений и связей, дополненную некими принципами наследования этнического статуса родителей детьми. Углубленное исследование этой стороны вопроса – дело будущего, однако очевидное сосуществование разных по происхождению традиций внутри новотиторовской культуры, понимаемой в данном случае как некий этносоциальный организм, требует отвергнуть излишне прямолинейное разделение “ямных” и “новотиторовских” памятников Прикубанья, проводимое некоторыми исследователями на основании одной только позы погребенного [Трифонов В.А., 1983б; 1991; Избицер Е.В., 1993]. Немаловажно и то обстоятельство, что, в силу недостаточной выразительности, неполной сохранности или обычной для раннего бронзового века бедности сопровождающего инвентаря, значительное число погребальных комплексов не поддается однозначному определению. Таким образом, с моей точки зрения, анализ стратиграфии именно в таком расширенном виде позволяет не только наметить некоторые общие тенденции эволюции обряда, но и предоставляет дополнительные данные для понимания взаимоотношений между разными группами погребений, а следовательно, и носителями разных традиций. Исключить из этого анализа можно лишь бесспорные ранние энеолитические комплексы и памятники “чистой” степной новосвободненской группы или культуры, предшествующей по времени известным новосвободненским памятникам предгорий Северо-Западного и Центрального Кавказа, тем более что все они в стратиграфических колонках Прикубанья (и не только его) неизменно предшествуют как древнеямным, так и новотиторовским памятникам.

Обозначим названные выше 18 обрядовых групп или вариантов положения и ориентировки погребенных.

- 1) Скорченные на спине с восточной ориентировкой.
- 2) Скорченные на спине с северо-восточной ориентировкой.
- 3) Скорченные на спине с западной ориентировкой.
- 4) Скорченные вполоборота влево или на левом боку с восточной ориентировкой.
- 5) Скорченные вполоборота влево или на левом боку с северо-восточной ориентировкой.
- 6) Скорченные вполоборота влево или на левом боку с западной ориентировкой.
- 7) Скорченные вполоборота вправо с восточной ориентировкой.
- 8) Скорченные вполоборота вправо с северо-восточной ориентировкой.
- 9) Скорченные вполоборота вправо с западной ориентировкой.
- 10) Скорченные вполоборота вправо с юго-западной ориентировкой.
- 11) Скорченные вполоборота вправо с северо-западной ориентировкой.
- 12) Скорченные вполоборота вправо с южной ориентировкой.
- 13) Скорченные на правом боку с северной ориентировкой.
- 14) Скорченные на правом боку с западной ориентировкой.
- 15) Вытянутые на спине с восточной ориентировкой.
- 16) Вытянутые на спине с западной (реже юго-западной) ориентировкой.
- 17) Вытянутые на спине с северной (реже северо-западной) ориентировкой.
- 18) Вытянутые на спине с южной ориентировкой.

Если следовать чисто формальной логике наших предшественников, группы 1–3 (со скорченными на спине костяками) ближе всего к ямному погребальному обряду, группы 15–18 (с вытянутыми костяками) – к обряду северокавказской

культуры, группы 4–12 представляют собственно новотиторовский обряд в самом узком его толковании и наиболее специфичны, а группы 13 и 14 (скорченные на правом боку костяки) недостаточно выразительны как по позе (не исключено, что часть таких комплексов представляет собой случайную вариацию скорченного положения с наклоном влоборота вправо), так и по инвентарю (безынвентарность значительного числа таких захоронений), и даже по расположению в кургане (в насыпях, чаще без следов могильного сооружения). Нельзя исключить поэтому попадания в состав групп 13 и 14 отдельных невыразительных комплексов последующих этапов бронзового века (сходных с памятниками культуры многоваликовой керамики более северных и западных областей Причерноморья). В действительности же все перечисленные варианты поз и ориентировок в той или иной степени представлены среди достоверных погребальных комплексов новотиторовской культуры.

Анализ стратиграфических ситуаций, сведенных в таблицу (рис. 36), позволяет сделать следующие заключения. Сразу же выделяется набор из трех групп (1, 2 и 4), комплексы которых во множестве случаев выступают в качестве основных при погребениях практически всех иных групп. Впускными эти захоронения бывают, как правило, при основных этих же самых групп и только в единичных случаях – при погребениях групп 3, 7, 13 и 15. Такая ситуация позволяет определить именно эти три группы как наиболее архаичные в системе новотиторовских древностей. Симптоматично, что две из трех архаичных групп включают костяки в скорченном на спине положении, ориентированные головами на восток или СВ, что сразу же указывает на существование четких и недвусмысленных параллелей с погребальной обрядностью древнеямной культуры Поволжья–Предкавказья (т. н. “общедревнеямного горизонта”, или развитого этапа этой общности). Третья архаичная группа (4) специфична по позе, хотя аналогична двум первым по ориентировке. Стратиграфическое соотношение ее с группами 1 и 2 указывает, скорее всего, на параллельное их существование без выраженного приоритета какой-либо одной группы. Стратиграфическое соотношение с памятниками других групп, вероятно, может указывать лишь на несколько более длительный период существования группы 4 по сравнению с группами 1 и 2.

Иной характер имеет распределение основных и впускных погребений групп 9 и 16 (условно – “новотиторовской” и “новотиторовско-северокавказской” с западной ориентировкой), являющихся в целом наиболее представительными в количественном отношении (особенно группа 9). Они в значительном числе случаев могут выступать в качестве основных при комплексах большинства иных групп, за исключением вышеназванной группы 2, и они же достаточно часто являются впускными при большинстве иных групп. Таким образом, обе эти группы могут быть определены как самые протяженные во времени, хотя, очевидно, уступающие по древности вышеназванным архаичным группам.

Целый ряд групп может быть определен как относительно поздние (небольшое число основных при сравнительно поздних впускных и напротив – относительно много случаев впуска их при самом пестром составе предшествующих основных). К таковым относятся группы 10–13 (условно “новотиторовские” с ориентировками в западном и северном секторах) и 17 (условно “новотиторовско-северокавказская” с северной и северо-западной ориентировками). Говоря об относительно поздней хронологической позиции этих групп, следует учитывать, что часто составляющие их комплексы входили в состав кольцевых кладбищ или были расположены по дуге вокруг центра кургана, иными словами, их стратиграфи-

ческая позиция относительно основных погребений иных групп в этих случаях может отражать не только и не столько хронологические, сколько социальные факторы. Поэтому они, по сути, являются более поздними лишь по отношению к наиболее древним группам 1, 2 и 4, что же касается их соотношения с самими группами-“долгожителями” 9 и 16, то здесь пока нельзя точно определить, идет ли речь о синхронности полной, синхронности частичной или о некотором запаздывании.

Наконец, положение некоторых групп, например 18, в силу их малочисленности пока не может быть как-либо обозначено.

Суммируя итоги данного направления анализа, можно констатировать, что такие важные обрядовые показатели, как основная поза и ориентировка погребенных, в материалах Прикубанья (точнее даже – в НТ культуре Прикубанья) демонстрируют очевидную хронологическую изменчивость и пригодны для построения самой общей, предварительной периодизации. Вместе с тем, изменения поз и ориентировок на всем протяжении существования культуры происходили не “по мановению волшебной палочки” на границах между этапами, а постепенно, в виде реализации неких не всегда объяснимых и понятных тенденций. Одни варианты поз и ориентировок постепенно выходили из практики, другие получали все большее и большее распространение, при этом разные формы и вариации существовали параллельно, иногда у соседних групп населения (или, по крайней мере, в разных могильниках), иногда внутри одних и тех же групп. И если в одних случаях это объясняется (о чем чуть ниже) неоднородностью самого населения, то некоторые ситуации – например, тенденция к переходу от более ранних погребений, скорченных вполоборота влево, к более поздним в такой же позе, но развернутым вправо, – пока не могут быть объяснены сколько-нибудь убедительно. Тем не менее, все эти изменения в общем и целом увязываются с предложенной мною ранее трехчленной хронологической схемой НТ и позволяют если не детализировать, то, по крайней мере, заметно дополнить и уточнить ее смысловую сторону.

Согласно этой схеме, к раннему этапу НТ относятся погребения в простых ямах, скорченные на левом боку или вполоборота влево, с восточной и северо-восточной ориентировкой (с незначительной примесью правобочных, ориентированных к западу, полусидячих и частично кремированных, точнее обожженных, костяков); ко второму, или развитому ее этапу – погребения в ямах и ямах с уступами со скорченными вполоборота вправо покойниками, ориентированными в западном секторе (с добавлением части полусидячих и обожженных костяков); к третьему, заключительному этапу – такие же, обращенные вправо и ориентированные к западу, захоронения в ямах с уступами и особых асимметричных ямах с уступами, при сохранении некоторой доли сидячих и полусидячих и распространении вытянутых костяков в восточных районах [Гей А.Н., 1991а]. Попробуем теперь уточнить эту картину с учетом проанализированных данных.

Для памятников первого этапа характерны захоронения, ориентированные головой к востоку и северо-востоку. Генеральная поза – слабо- и среднескорченная вполоборота влево или на левом боку (группа 4 и частично 5); менее распространена другая разновидность – костяки, скорченные на спине с изначально лежавшими (и, как правило, обращенными также влево) ногами (группы 1 и 2), – близкая к классической ямной позе, хотя приподнятые вверх колени в собственно НТ погребениях не известны. Дополнительные и относительно редкие варианты: скорченные на спине вполоборота влево костяки с западной ориентировкой

(группы 3 и 6), скорченные вполоборота вправо с восточной ориентировкой (группа 7) и вытянутые на спине с восточной ориентировкой (группа 15). Как видим, вариации образуются либо за счет изменения ориентировки на противоположную общепринятой, при сохранении позы, либо, напротив, за счет перемены позы, при сохранении обычной ориентировки. Один из вариантов перемены позы (группа 15) может объясняться контактами с носителями инокультурной традиции. Нет ясности относительно группы 7, однако в ней привлекает внимание концентрация таких комплексов в сравнительно рано возникающих могильниках вроде Лебедей I, при относительной немногочисленности группы в целом. Все эти группы хронологически лишь частично совпадают с первым этапом НТ, появляясь, скорее всего, в его финале и продолжая свое существование на следующем этапе. При отнесении конкретных комплексов такого вида к первому или второму этапам приходится учитывать дополнительную информацию – стратиграфическую позицию относительно четко определимых погребений, состав инвентаря, общий контекст могильника и т. д.

Одним из характерных памятников первого этапа НТ является могильник Лебедей I, в курганах 2–8 которого была выявлена целая серия основных и впускных захоронений, относящихся к группам 4, 5 и 7 (в том числе и опубликованные выше погребения 119 и 116 в кургане 2), что позволяет обозначать этот этап термином “лебединский”.

Для памятников второго и третьего этапов особенно характерны захоронения, ориентированные в западном секторе. При этом основная их масса совершена в скорченном положении вполоборота вправо (группы 9–11), меньшее количество – в вытянутом положении (группа 16). В ряде случаев впускными при таких захоронениях бывают комплексы, сохраняющие архаические черты в позах или ориентировках погребенных (часть групп 1, 2, 4, 6, 7), которые логично относить к первой половине периода, или преимущественно ко второму этапу. Благодаря их присутствию переход от первого ко второму этапу, от восточных ориентировок к западным, от левобочных захоронений к правобочным выглядит достаточно плавным, или по крайней мере сглаженным. А сам процесс видоизменения культуры и ее погребальной обрядности во времени принимает вид достаточно плавной эволюции, реализации неких (пусть не до конца еще понятных) тенденций.

Отличительная черта этого периода (второй и третий этапы) – постепенное изживание черт, находивших параллели в обряде ямных племен, и напротив – расширяющееся со временем распространение вытянутых трупоположений по “северокавказскому” обряду. По таким обрядовым показателям, как поза погребенных, ориентировка, окраска, комплексы второго и третьего этапов практически не различаются между собой. Ослабление скорченности ориентированных на запад костяков как специфический признак поздних, уже предкатакомбных групп, о чем писал В.А.Трифонов [1991], отнюдь не свидетельствует о появлении или возникновении особенных форм обряда в финале развития НТ культуры. Такая особенность проявляется лишь у незначительной части поздних НТ комплексов и может рассматриваться скорее как результат влияния со стороны “северокавказского” обряда (с его функционально оправданными узкими и длинными могильными ямами, неудобными для сильно скорченных костяков), получающего наибольшее распространение именно в предкатакомбное время.

Основным же критерием для отделения специфических поздних НТ памятников от общей серии и отнесения их к третьему этапу являются особенности форм

погребальных сооружений (асимметричные ямы с уступами) и поздние типы инвентаря, о чем пойдет речь в следующих разделах. Немногочисленность ярких и выразительных комплексов и в этом случае частично компенсируется разбором “контекстов” и стратиграфических ситуаций, позволяющих пополнить серию памятников третьего этапа целым рядом комплексов, ничем иным, кроме своей хронологической позиции, не отличающихся от основной массы. Проиллюстрировать, как проводилось такое разделение, можно на примере опубликованных выше курганов из могильников Малаи I и Останний. В кургане 9 Малаев I практически все выразительные НТ погребения групп 9–11 и 16 стратиграфически предшествуют захоронению 25 в асимметричной яме с уступом, рассматриваемой как типичный комплекс третьего этапа, а потому отнесены нами ко второму этапу. В кургане же 1 могильника Останний практически все НТ погребения (групп 6, 7, 9–11), за исключением основной могилы 150, имеют признаки, общие с впускными в этот же курган раннекатакомбными могилами, а некоторые из них и стратиграфически следуют за асимметричной ямой с уступом (160), и потому с большой степенью вероятности могут включаться в число памятников уже третьего этапа. Именно на этом основании соответствующие курганы могут быть определены как выразительные представители соответствующих этапов, а сами этапы условно обозначены терминами малаевский (второй) и останненский (третий).

Таким образом, выделяемые ранний, развитый и поздний этапы НТ культуры (НТ-I, НТ-II и НТ-III), по сути, достаточно условны. Они и выделены с применением разных принципов (различение первого и второго основано прежде всего на таких обрядовых признаках, как поза и ориентировка, а уже потом на формах могильных сооружений и сопровождающем инвентаре, тогда как при разграничении второго и третьего приоритеты расставлены в обратном порядке). Такая ситуация наверняка вызовет нарекания у ревнителей методической чистоты. Однако в своем стремлении разделить ранние, развитые и поздние материалы автор стремился следовать не отвлеченным принципам, а материалу прежде всего, и не его вина, что реальные признаки, позволяющие с достаточной степенью правдоподобия разводить разновременные комплексы, оказались в итоге разнопорядковыми. Очевидно, эти вполне реальные обстоятельства лишь подчеркивают еще и еще раз, что речь идет о развитии единой культуры, этнокультурной линии, этносоциального организма, а не о простом чередовании неясно как взаимосвязанных обрядово-стратиграфических групп.

Локальные варианты НТ культуры

Накопленные к настоящему моменту материалы позволяют ставить вопрос о выделении таких вариантов, хотя территория самой культуры достаточно невелика (около 15 тыс. кв. км; в действительности она могла быть – и была – большей, здесь же речь идет собственно о территории, занятой исследованными памятниками, материалы которых, тем не менее, неоднородны именно в культурном отношении).

Основанием для поисков в этом направлении явился сам факт сочетания в рамках одной культуры нескольких стандартов положения погребенных, прежде всего трех определенных выше основных поз: скорченно на боку с отклонением на спину и приподнятой верхней частью – или собственно новотиторовской; скорченно на спине с поднятыми или распавшимися ромбом ногами – или аналогичной ямной, а также вытянуто на спине – или аналогичной северокавказской. Сто-

ит подчеркнуть, что и здесь речь идет только о НТ погребениях, обладающих единством прочих признаков погребальной обрядности, таких, как конструкция и оформление могильного сооружения, динамика ориентировок и характера окрашенности, состав наборов, размещение и типы сопровождающего инвентаря, в том числе и деревянных повозок. Инокультурные, например чисто ямные, захоронения в расчет не принимались, а чистых северокавказских памятников в степном правобережье Кубани практически нет.

Дополнительными основаниями для выделения локальных вариантов послужили некоторые различия в формах и орнаментации керамики из разных курганных групп, а также существование определенных закономерностей размещения курганов на разных территориях. Последнее обстоятельство позволило выделить крупные курганные скопления, получившие название массивов (*ангелинско-понурский, кирпичьско-кочетовский, левобейсугский и бейсугский*), отделенных друг от друга почти лишенными курганов водораздельными пространствами [Гей А.Н., 1990. С. 82. Рис. 3]. Такие наблюдения, вкупе с вполне вероятным предположением о том, что курганы, наряду с основной функцией родовых и семейных кладбищ длительного использования, играли роль своеобразных межевых знаков, "столбивших" пастбищные угодья, служили как бы аргументом (наличие могил предков) при обосновании прав коллектива на тот или иной участок¹, заставляют предположить, что группировка курганов по "массивам" может отражать структуру расселения и традиционные маршруты сезонных перекочевок и пастбищ. Что также способствовало обособлению отдельных локальных вариантов культуры.

Наиболее интересные результаты дал анализ территориального распределения погребений, совершенных по разным канонам (рис. 37). Захоронения в собственно НТ позе оказались наиболее характерными для западной, приморской части территории, где доля их колеблется от 100 % в низовьях Кубани до 87,3 % на Нижней Понуре, 73,1 % в низовьях Кирпилей и 67,7 % на Бейсуге. По мере продвижения на восток доля таких погребений постепенно сокращается и у восточных границ НТ территории, в верховьях Челбаса, составляет всего 18,1 %, причем здесь они лишены даже прочих характерных признаков НТ обрядности.

Скорченные по ямному обряду захоронения представлены достаточно равномерно почти во всех территориальных группах памятников, доля их колеблется от 8 до 14 %. Нет их только на крайнем юго-западе, в районах Большой дельты Кубани. Несколько повышенный процент таких захоронений (до 22,4, а в небольших группах – и до 37,5) отмечается только в нижнем и среднем течении р. Кирпили, или на севере приморской части ареала.

Что касается вытянутых на спине погребений, то их распределение дает прямо обратную картину по сравнению со скорченными на боку. Максимум таких комплексов фиксируется как раз на востоке НТ территории, в приграничных со

¹ Думаю, что такая "утилитарная", или функциональная подоснова курганной обрядности до сих пор недооценивается исследователями, пытающимися объяснить смысл самой этой формы обряда и причины ее появления в энеолитическое время отчасти действием неких эмоциональных и психологических факторов, требующих "разбиения" однообразных степных пространств (причем, добавлю, однообразных скорее для нас, а не для коренного обитателя, видящего тысячи примет и отличий там, где городской житель видит "унылую равнину"), отчасти социальными или совмещенными социальными и религиозными факторами, предполагающими в некоторых трактовках даже некую изначальную и всеобщую "элитарность" курганного обряда в целом [Синюк А.Т., 1996. С. 285–292], с чем решительно невозможно согласиться.

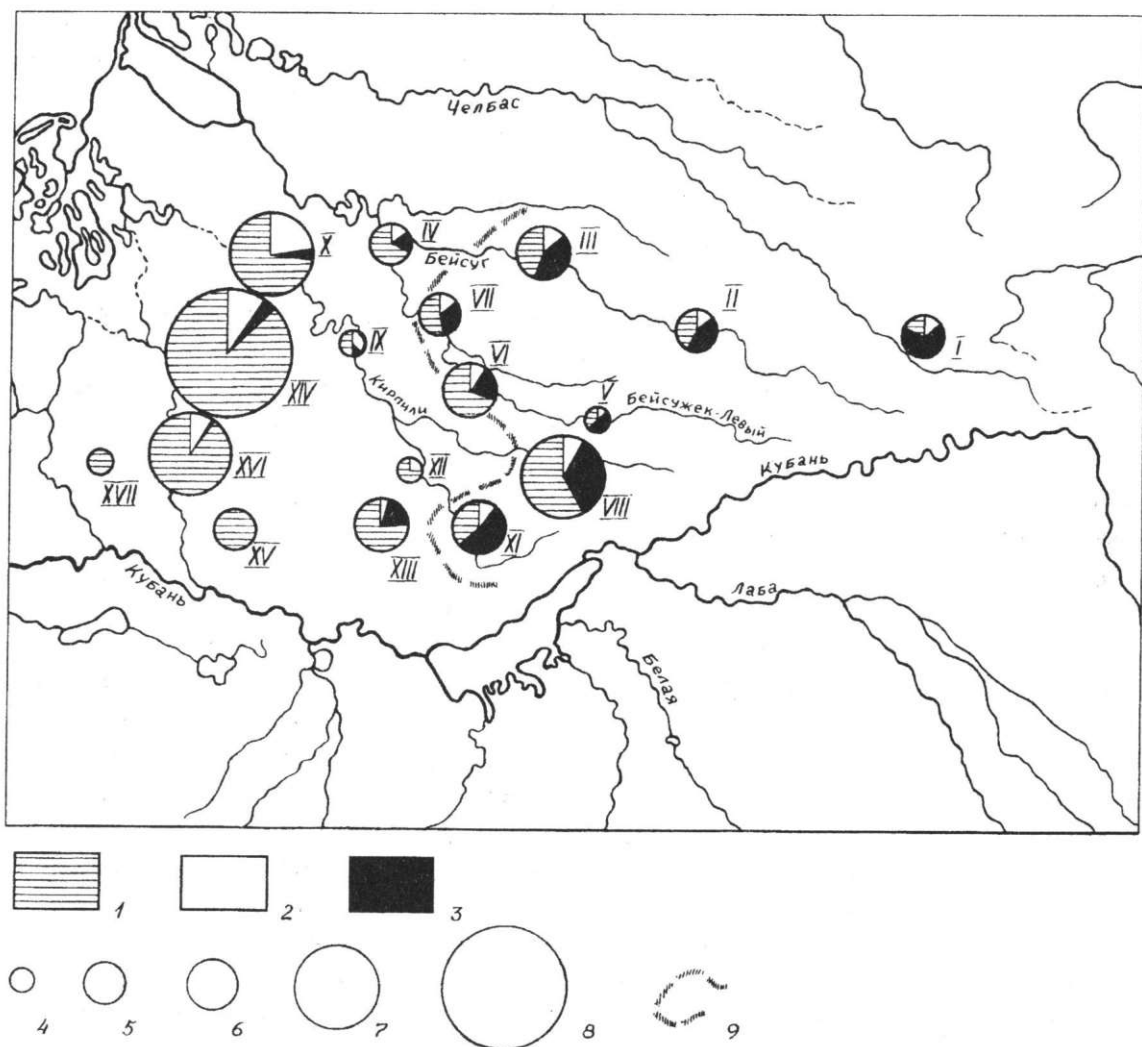

Рис. 37. Распространение вариантов погребенных в новотиторовских памятниках

I – верховья Челбаса; II – верховья Бейсуга; III – Средний Бейсуг; IV – Нижний Бейсуг; V – верховья Левого Бейсужка; VI – среднее течение Левого Бейсужка; VII – низовья Левого Бейсужка; VIII – верховья Кирпилей; IX – Средние Кирпили; X – Нижние Кирпили; XI – верховья Кочетов; XII – низовья Кочетов; XIII – верховья Понур; XIV – низовья Понур; XV – Нижняя Кубань; XVI – Ангелинский Ерик; XVII – Большая дельта Кубани. Условные обозначения: 1 – скорченные на боку с отклонением на спину (классическая поза); 2 – скорченные на спине; 3 – вытянутые на спине; 4 – 4–8 погребений; 5 – 10–28 погребений; 6 – 30–50 погребений; 7 – 50–100 погребений; 8 – 280 погребений; 9 – приблизительная граница Понурского и Кочетовского вариантов

Ставропольем районах (68,3 %), в западном же направлении число их убывает, составляя на Верхнем и Среднем Бейсуге 42–43 %, на Бейсужке Левом 21–33 % (и только в самых его верховьях – 50 %). В приморской зоне число их ничтожно (3–4,5 %). Наиболее западный форпост находится на Кочетах, притоке Кирпилей, где доля их достигает 53,4 %.

Интерпретация полученной картины представляет значительный интерес. Безусловно тяготение “чистых” новотиторовцев к району приморских зимних пастбищ и наиболее благоприятному в климатическом отношении участку правобережья Кубани. Довольно равномерное распределение захоронений с явными чертами не позволяет использовать этот признак для деления и противопос-

тавления друг другу отдельных массивов и микрорегионов. Оно допускает различные толкования, причем объяснение появления подобных погребений результатами обычных контактов с северными и северо-восточными соседями далеко не столь очевидно, как кажется на первый взгляд. Забегая вперед (см. гл. 5), скажу, что присутствие их в большинстве территориальных групп НТ памятников допускает вероятность более глубоких связей – вроде участия ямного населения в процессах сложения НТ культуры и популяции.

Третий компонент – вытянутые захоронения, – наилучшим образом представленный на востоке и юго-востоке, заслуживает специального разбора. Вытянутое на спине положение погребенных эпохи бронзы в стеной зоне Северного Причерноморья и Предкавказья представляет собой совершенно особенное, самостоятельное и довольно четко ограниченное явление, практиковавшееся рядом предположительно родственных, генетически взаимосвязанных групп и культур, истоки которых следует искать еще в мариупольской общности позднего неолита – раннего энеолита и ее погребальной обрядности [Гей А.Н., 1985б].

В Предкавказье эта этнокультурная линия представлена северокавказской культурой вытянутых захоронений, включающей закубанскую, верхнекубанскую, кавминводскую и, вероятно, моздокско-осетинскую группы в предгорной полосе, а также особую и весьма многочисленную группу степных памятников, занимающих обширный ареал в степном Предкавказье, в том числе Ставрополье и Калмыкию, где они фигурируют под названием ямных [Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987 и др.], что совершенно неправомерно, группы II горизонта В [Сафонов В.А., 1974; Державин В.Л., 1989] или собственно северокавказских [Гей А.Н., 1985*; Андреева М.В., 1989].

Из перечисленных образований, каждое из которых имеет свою специфику, ближайшими соседями новотиторовцев являются предгорно-плоскостная закубанская группа на юге и степная группа на востоке, хотя последняя и отделена широким малоисследованным коридором, занимающим западные отроги Ставропольской возвышенности. Kontakтами с какой из них следует объяснять появление и распространение вытянутых погребений в НТ культуре? Прямого ответа пока нет, но увеличение доли таких комплексов прежде всего у восточных границ НТ территории свидетельствует скорее в пользу степной группы, открытие памятников которой на западе Ставрополья кажется только делом времени.

В пользу этого говорит и близость преимущественно безынвентарных вытянутых захоронений из верховьев Челбаса (не имеющих, кстати, и специфически новотиторовских признаков в обряде) к аналогичным памятникам Калмыкии и Ставрополья, а не к богатым металлическим инвентарем северокавказским комплексам Закубанья. Правда, и здесь возможны варианты. “Богатые” захоронения, относимые, по существующим классификациям, к первому этапу северокавказской культуры [Нечитайло А.Л., 1978], вероятнее всего, являются отнюдь не древнейшими, а действительно ранние комплексы, пока не привлечшие внимания исследователей (“нулевой этап”, по терминологии автора), также малоинвентарны в своей массе.

Как бы то ни было, присутствие 30–50 % вытянутых погребений в НТ памятниках восточных районов дает веские основания для выделения здесь особого локального НТ варианта. При этом более гомогенный западный вариант, который можно назвать понурским, или понурско-кирпильским, охватывает правобережье Нижней Кубани и ее дельту, долины Ангелинского Ерика и Понуры, среднее и нижнее течение Кирпелей и низовья Бейсуга. Восточный, кочетовский,

или кочетовско-бейсугский, занимает Верхний и Средний Бейсуг, Левый Бейсужек, верховья Кирпилей и Кочетов.

Биритуализм, характерный для памятников кочетовского варианта, позволяет считать их появление результатом смешения чистой НТ традиции с северокавказской. Включение их в состав ямной культуры [Трифонов В.А., 1991] представляется еще менее оправданным, чем отнесение этим автором к числу ямных ряда НТ комплексов. Смешение двух традиций в нашем случае не выглядит поверхностным или быстротечным. Факты использования носителями обеих форм ритуала общих кладбищ, включающих разные по обряду захоронения в единых, в том числе и кольцевых, структурах (Динской курган, Пластуновский I, 1, опубликованный выше курган Малаи I, 9 и др.), наличие совместных биритуальных погребений в том же Динском кургане (рис. 2), унификация всего обрядового комплекса, за исключением позы погребенного, – все это говорит в пользу длительного и тесного взаимодействия. Такое положение исключает возможность механического объединения разнокультурных комплексов в одних курганах, возникающего при ситуации “неустойчивых границ”, когда разные группы населения попеременно занимают некоторую нейтральную или “буферную” зону. В данном случае логичнее говорить о смешении самих групп древнего населения, начало которому могли положить смешанные экзогамные браки, а финалом стать взаимоассимиляция при сохранении отдельных традиций-пережитков.

Говоря о территориальных вариантах НТ культуры, нельзя обойти молчанием и вопрос о т. н. петропавловской группе [Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986], существовавшей в Закубанье (рис. 1) и представленной пока крайне малочисленными материалами.

Речь идет о скорченных на спине и спине с отклонением на бок, ориентированных головой к востоку захоронениях, стратиграфически предшествующих ранним северокавказским или частично сосуществующих с ними. Интересная ситуация отмечена в кургане 1 Большого Петропавловского могильника на р. Синюхе, где петропавловское (2) и раннее северокавказское вытянутое “нулевого этапа” (6) захоронения были перекрыты общей досыпкой, т. е. оказались практически синхронными [Гей А.Н., 1983*]. В кургане 6 петропавловское погребение являлось основным при ранних северокавказских. Очевидно, петропавловская группа предшествовала появлению северокавказцев в Закубанье и была либо вытеснена, либо поглощена последними: позднее СК культура господствует здесь безраздельно.

Полная характеристика петропавловской группы затрудняется малым числом находок из захоронений, однако некоторые из найденных предметов, в частности костяная булава-рогатка (Мингрельский I, 1/2) и молоточковидная роговая булава с горизонтально-зональным узором (Большой Петропавловский, 1/2), позволяют четко синхронизировать эти комплексы с рубежом первого и второго этапов НТ культуры. Сходство же многих обрядовых деталей новотиторовской и петропавловской культурных групп бесспорно. Получается, что проникновение группы новотиторовцев в Закубанье носило кратковременный, эпизодический характер. У нас нет прямых данных для выяснения соотношения НТ и МК-НС памятников в Закубанье, но само отсутствие здесь ранних, “добулавочных” новотиторовцев наводит на мысль о возможности более длительного, чем к северу от Кубани, сохранения поздних МК-НС групп. После их исчезновения (ухода?) такое проникновение стало возможным, редкие степные группы форсировали Кубань, но очень скоро сюда же продвигается ранняя северокавказская культура,

носители которой вытесняют или ассимилируют новотиторцев-петропавловцев. Такова судьба этой группы, так и не успевшей оформиться в самостоятельный локальный вариант.

Интересно, что эти события находятся в тесной связи с происходившим севернее сложением кочетовского варианта. Дело в том, что ранние НТ памятники не знают деления на варианты, вытянутое положение погребенных здесь, как мы видели, почти совершенно неизвестно. Даже в восточных районах, на Кочетах, Бейсужке и др., ранние НТ материалы представлены обычными скорченными на боку или спине, по ямному образцу, костяками. Распространение вытянутых захоронений и оформление кочетовского варианта приходится на рубеж первого и второго или на начало второго этапа НТ культуры, т. е. на то же самое время, когда северокавказцы в Закубанье сменяют петропавловцев. Очевидно, что такая экспансия носителей обряда вытянутых погребений в обоих случаях отражает некие общие и масштабные изменения, происходившие в степях Предкавказья, – вероятно, крупную миграцию. Успехи мигрантов в обоих рассмотренных районах были различны и привели к неодинаковым результатам.

Такова вкратце схема хронологической эволюции и локальных вариантов НТ культуры, опираясь на которую можно перейти к детальной характеристике собственно НТ древностей.

ГЛАВА 3

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НОВОТИТОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрение отдельных, притом таких важных черт погребальной обрядности новотиторовской культуры, как поза и ориентировка погребенных, начато уже в предыдущей главе. Продолжим обзор, обращая особое внимание на иные стороны этой сферы традиционной культуры.

Курганная “архитектура”

Наряду с обычными для большинства культур бронзового века степной зоны коническими или округленно-коническими курганными насыпями в новотиторовской культуре присутствуют курганы не совсем обычных форм и конструкций. В настоящий момент насчитывается около 15 таких необычных курганов, в действительности число их могло быть и большим: некаленифицированные раскопки и плохая читаемость профилей бровок, особенно у небольших курганов, вполне могут стать причиной потери информации.

Одной из разновидностей таких “необычных” насыпей являются насыпи усеченно-конической формы, с плоской площадкой на вершине (4 случая), которые могут быть как первичными, с последующей досыпкой (Брюховецкая II, 1; Малаи II, 1), так и промежуточными в системе кургана (Батуриная II, 1). Одна такая насыпь была сначала построена до полного конуса, а уже потом перекрыта досыпкой (Малаи I, 9; рис. 12). Случаи сооружения таких насыпей отмечены для погребений всех трех этапов НТ культуры. Аналогии подобным конструкциям имеются, в первую очередь, в курганах кеми-обинской культуры в Крыму, а также в курганных памятниках Нижнего Поднепровья, тяготеющих к тому же культурному кругу или сопоставимых напрямую с новотиторовскими.

Другая специфическая разновидность НТ курганов – конструктивно сложные насыпи, состоящие из чередующихся подсыпок из светлой материковой или специфической “болотной”, сильно ожелезненной глины и чернозема, причем в ряде случаев удастся проследить, что черноземные прослойки представляют собой как бы панцири, сложенные из специально нарезанных прямоугольных вальков дерна и служившие для укрепления склонов данной насыпи или подсыпки. Иными словами, они должны рассматриваться не как особая стадия строительства кургана, а как чисто конструктивная деталь (Малаи I, 9). Подобные приемы курганной архитектуры встречаются и на значительном удалении от рассматриваемого региона (например, замечательный по конструкции курган у пос. Кошары на севере Ростовской обл. [Чернопицкий М. П., 1988]). Особо отмечу, что сходные приемы строительства известны для ряда раннекатакомбных ВП памятников Прикубанья. В кургане I могильника Карстовый на вершине первичной черноземной насыпи после очередного КТК захоронения была возведена крутая подконическая насыпь из светлого грунта, облицованная панцирем из дерновых вальков, в результате чего курган приобрел форму шляпы с полями. После нового

КТК захоронения вся эта конструкция была перекрыта обширной светлой насыпью и новым черноземным панцирем [Гей А.Н., Сатеев О.И., 1987*]. Почти идентичная конструкция была возведена над НТ захоронением третьего этапа в кургане I Малаев II, с той разницей, что панцирь на “тулье шляпы” был сложен из желтой материковой глины, а не из вальков.

Третья особенность лишь частично относится к сфере курганной архитектуры, поскольку с равным основанием может рассматриваться в разделе, касающемся устройства могильных сооружений. Дело в том, что для ряда НТ погребений, как в простых ямах, так и в ямах с уступами, как основных, так и впускных, отмечается наличие над могилой в толще перекрывающей ее насыпи слабых обычно следов какого-то лаза, иногда довольно обширного, стенки которого облицованы камышом, циновкой, а то и оформлены в виде вертикальной стенки из плотной светлой глины. В заполнении лазов также встречаются слои (до трех) камыша или циновки. Поскольку такие особенности присутствуют у ряда бесспорно основных захоронений, перекрытых первичной насыпью и имеющих четкий выкид на древнем горизонте, это следует признать именно конструктивной особенностью, а не следствием неправильного истолкования формы могильного сооружения. Объяснить этот феномен, скорее всего, можно тем, что на протяжении погребальной церемонии доступ в могилу некоторое время оставался открытым; не исключено, что иногда сооружение насыпи или досыпки начиналось одновременно с совершением цикла церемоний в самой могиле или вокруг нее, при этом могильное сооружение как бы огораживалось подобием стенок и засыпалось по завершении обрядов (см., например, Останний, 1/150; Малаи I, 11/4; Старонигестеблиевская-88, 1/10; Раздольная, 2/7 и др.). При этом в ряде случаев создается впечатление, что захоронение совершено вне границ первичной насыпи, под которой, соответственно, никакого погребения открыть не удастся. Чисто методически не следует путать подобные ситуации с массовыми для НТ и ВП культур случаями, когда впускные захоронения совершаются с уровня древнего горизонта у края предыдущей насыпи и перекрываются очередной, чаще всего боковой, досыпкой, хотя смысловая, традиционная связь между этими ситуациями не вызывает сомнений.

Аналогии случаям, когда сооружение насыпи начиналось ранее или одновременно с устройством захоронения и явно основная могила оказывалась как бы за пределами первой насыпи, имеются в СК памятниках Закубанья (Большой Петропавловский могильник, курган 4 [Гей А.Н., 1983*]).

Планировка подкурганных кладбищ, размещение погребений

При изучении курганных памятников эпохи ранней и средней бронзы многие исследователи обращают внимание на приуроченность отдельных типов захоронений к определенным секторам насыпи, что служит основанием для утверждения разновременности и разнотипности таких групп. Признавая наличие подобных закономерностей в некоторых случаях, считаю, что не менее часто исследователи изучают не реальное явление, а его следствие, замечая связь разных видов могил с определенными участками кургана, но не придавая значения общей планировке подкурганных кладбищ. При учете этого фактора интерпретация таких случаев предполагает не разновременность или разнотипность комплексов, а наоборот – принадлежность их одному коллективу, использовавшему курган на

протяжении некоторого хронологического промежутка, и значит, определенную близость во времени.

Вариантов такой единой планировки существует несколько. Для НТ памятников с большой степенью вероятности можно утверждать наличие двух – группировки могил рядами и в кольцевых, или круговых кладбищах.

Группировка рядами известна по крайней мере в 20 НТ курганах, причем в 18 из них направление ряда перпендикулярно ориентировке самих погребений. Захоронения имеют широтную ориентировку, в 15 случаях западную, в одном – восточную (Лебеди I, 8/15, 20, 21), в двух – и ту и другую (Крупской, 3/17, 18; Царский, 1), тогда как ряд ориентирован по линии север–юг. В двух курганах при широтной ориентировке погребений ряды также имели широтную направленность (Ивановская–77, 1/4, 5; Останний, 1/100, 120, 140; рис. 21). Простейший случай рядовой планировки – пара взаимосвязанных могил – определяется, главным образом, на примере курганов с двумя основными захоронениями (кроме названных выше курганов из Ивановской, Крупской и Царского, еще и Красноармейская–83, 1/6, 7).

Наличие таких пар сопряженных могил среди впускных не вызывает сомнений, но точное число их не определяется. Здесь велика возможность ошибки и говорить о сопряженности могил можно только при наличии дополнительных объединяющих признаков в обряде, инвентаре или при единстве стратиграфической позиции. Поэтому в большинстве случаев кладбища-ряды уверенно определяются при наличии в их составе 3–4–5 могил (10 случаев).

Кольцевые кладбища представлены как минимум в 27 НТ курганах. Приходится говорить “как минимум”, поскольку известно множество случаев, когда 1 или 2 впускных захоронения в кургане ориентированы по касательной к окружности насыпи, при отсутствии самого круга или кольца, т. е. принцип расположения и ориентировки как бы соблюден, а структуры нет, она не была продолжена, завершена. Иногда такие погребения находятся в противоположных секторах, и трудно решить, имеем ли мы дело с рядом или с кругом, поэтому в число названных 27 случаев включены лишь кольца из 3–10 могил и некоторые ситуации, когда 2 ориентированных по кругу захоронения имеют общие черты и находятся одно возле другого.

Ориентировка погребенных в составе кольцевого кладбища является результатом согласования двух требований ритуала – “правила кольца” и правила основной ориентировки (обычно западной). Для выполнения обоих требований погребенные в северной части насыпи обычно ориентированы головой против, а в южной – наоборот, по часовой стрелке. Общее направление на запад при этом в большинстве случаев выдерживается, но отклонения достигают значительных величин по сравнению с основными могилами и могилами в составе рядов, что и наблюдалось выше, при анализе обрядовых групп. Связи между направлением ориентировки в круге и позой погребенного, как это имеет место в Северо-Западном Причерноморье, не прослеживается. Отметим, что практически во всех кольцах из трех и более могил присутствуют погребения, направленные и по, и против часовой стрелки.

Примерами кольцевых кладбищ служат Динской курган (рис. 2, 1), курган 13 могильника Верхний, курганы 12 и 37 могильника ПКОС, а также курганы, описание которых приведено в главе 2 (рис. 4, 1; 12). В некоторых курганах (Пластунский I, 2; Раздольная, 18) при обилии впускных могил размещение их подчинено как бы одновременно двум принципам – рядовому и круговому (“колесо со

спицами"). Не исключено, что обе системы не изолированы друг от друга, что ряды представляют собой начальную стадию формирования круга.

"Пары" и ряды захоронений могут содержать только скорченные на боку или только вытянутые костяки, а в некоторых случаях (Батурицкий II, 1/5, 6, 7, 9; Пролетарский-86, 1/5, 9, 11) – те и другие одновременно. Точно так же из 27 кольцевых кладбищ 13 включали только скорченные захоронения, 3 – только вытянутые, а остальные 11 – и те, и другие одновременно, что лишний раз подтверждает наличие обеих форм обряда у единых групп и коллективов древнего населения.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что Прикубанье в III тысячелетии до н. э. бесспорно является районом широкого распространения кольцевых подкурганных кладбищ, что сближает курганы этого региона с аналогичными памятниками Северо-Западного Причерноморья, Поднепровья, отчасти Северного Приазовья и Крыма. Таким образом, мнение некоторых исследователей об отсутствии "колец" к востоку от Поднепровья [Дворянинов В.А., Петренко В.Г., Рычков Н.К., 1981] не соответствует действительности. Пока не совсем ясно, чем объясняется относительно небольшое число могил в прикубанских "кольцах" по сравнению с северо-западными, где нередки случаи открытия кругов из 15–30 захоронений. Только дальнейшие исследования позволят решить, связано это с различиями в длительности существования культур или с особенностями демографических структур и хозяйственных систем, предопределявшими длительность и интенсивность использования отдельных подкурганных кладбищ.

Формы могильных сооружений и их эволюция

Могильные сооружения новотиторовской культуры представлены простыми ямами и т. н. ямами с уступом, причем принципиальной разницы между обеими формами не существует. Главным для исполнителей обряда было создание пустой и защищенной от попадания земли камеры для покойника и возможность размещения рядом с нею таких массивных предметов, как, например, повозка. Соответственно, простая яма применялась при сооружении основных погребений и впускных, сопровождавшихся досыпками, т. е. в тех случаях, когда могильная камера закрывалась деревянным перекрытием и застилалась циновками, опиравшимися на верхний ее край, после чего перекрытие, а при наличии повозки – и она, засыпались землей и внешние признаки могилы таким образом маскировались. Вторая форма использовалась обычно для впускных погребений. Первоначально, скорее всего, только для тех, которые не сопровождались досыпками, т. е. тогда, когда надо было скрыть перекрытие, не оставить его у самой поверхности, а позднее – и для впускных с досыпками и даже, как мы видели, для впускных, у которых могила выкапывалась с уровня горизонта возле поля предыдущей насыпи. Иными словами, произошла как бы канонизация этой формы, при которой чисто функциональные ее особенности отошли на второй план. Тем не менее, чисто основных погребений в ямах с уступом, каковые известны для северокавказской культуры, в новотиторовской пока не открыто. Подсчет частот встречаемости простых ям и могил с уступами для впускных погребений, насколько можно судить, не имеет особого смысла, поскольку – по условиям сохранности или в связи с различной квалификацией исследователей – во многих случаях достоянием науки становится лишь нижняя часть могильного сооружения, когда невозможно определить, существовал ли уступ или нет. Что касается генезиса могил в яме

с уступом, то они широко распространены в степных памятниках доновотиторовского времени, прежде всего в нижнемихайловско-новосвободненской группе. Имеются такие случаи и в Степном Прикубанье (Пластуновский I, 2/23, 24).

Значительный интерес представляют вопросы об особенностях оформления НТ могил и о вероятных путях хронологической эволюции тех же могил с уступами.

“Шалаши” и канавки в дне. Широкое распространение в НТ культуре получили могильные сооружения с вертикальными столбами или кольями по углам и у стен погребальной камеры и над ней (на краю, на уступе), получившие некогда условное название погребений “в шалашах” [Рыков П.С., 1933]. Таких могил известно 113 (около 22 % от общего числа прослеженных могил), при этом в 13 случаях наличие столбов может быть определено по характерным вертикальным желобам, вырезанным в углах ямы, в 10 могилах найдены остатки самих столбов, причем основания их не были вкопаны, в 90 случаях прослежены ямки от столбов и кольев (диаметр от 1,5 до 10, глубина от 7 до 60 см) со следами древесного тлена или без них. В 13 погребениях столбы присутствовали и в самой камере, и вокруг нее по верхнему краю, в 2 – только по верхнему краю. Следует учитывать относительность этих подсчетов: обнаружение следов от ямок требует известного навыка, в ряде случаев их наличие определяется только в результате простукивания углов или настила тупой деревянной палочкой, часто именно углы могилы перекопаны норами грызунов, так что реальная доля подобных сооружений могла быть еще больше.

Обычным является вариант, когда 4 столба устанавливались по углам могилы (45 случаев + 13 ям с желобами); 6 столбов (по углам и у середины длинных стенок) найдено в 20 могилах; в 4 случаях прослежено от 7 до 10 столбов в разных комбинациях (по 4 вдоль длинных стенок – Белевцы I, 3/12; по углам и у середины всех стенок – Новокорсунская–85, 2/22, Пролетарский I, 2/11; без четкой симметрии – Верхний, 12/7). Не совсем ясно, только ли плохой сохранностью (или особым умыслом?) объясняются находки ямок в 1, 2 или 3 углах могилы (24 случая).

Ямки от “шалаша” над могилой, находимые на настиле или уступе вокруг погребальной камеры, также различаются числом (4 – Останний, 1/160; 6 – Брюховецкая II, 6/15, Малаи I, 9/25; 8 – Батуринская II, 1/7, Олений, 1/21; 10 – Останний, 1/150, Пашковский, 1/2). В большинстве случаев они как бы ограничивают некую округленную, подовальную площадку (рис. 17, 1; 22; 26). Следы дерева в этих верхних ямках обычно отсутствуют, скорее всего, надмогильное сооружение разбиралось еще до возведения насыпи или засыпки верхней части ям с уступом. Для реконструкции “шалаша” важны наблюдения (могильники Брюховецкая II, Останний, Тимашевский курган), показывающие, что столбы и колья имели наклон не в сторону ямы, как это должно быть при шалашеобразной постройке, а наоборот – наружу. По гипсовым отливкам из ямок, полученным В.Н.Каминским при раскопках Тимашевского кургана, видно, что вокруг могилы забивались (не вкапывались) грубо затесанные колья, причем некоторые из них оказались обмотанными веревкой. Расположение кольев, наклон, глубина забивания, наличие веревки – все это говорит не о шалаше, а скорее о некой мягкой каркасной конструкции типа шатра или балдахина, устанавливаемого на время погребальной церемонии. Необходимость такого сооружения крайне заманчиво сопоставить с неединичными уже наблюдениями, свидетельствующими о совершении похорон в дождливую, мокрую погоду (четкие отпечатки охапок камыша, циновок, вере-

вок на мокрой глине, смыв грунта в яму и т. д.; примеры – Батуринская II, 1/7; Останний, 1/150), что отмечалось и для близких к НТ старосельских захоронений Поднепровья [Шилов Ю.А., 1990].

Устройство могил с кольями по углам, у стен и на уступах в НТ культуре практиковалось для всех половозрастных и обрядовых групп (13 захоронений детей, 5 – подростков, 13 – мужчин, 4 женских, 56 взрослых, 15 коллективных; 6 сочетаний со скорченными на спине захоронениями синкретического ямно-новотиторовского облика, 27 с вытянутыми костяками синкретического северокавказско-новотиторовского облика и 68 “чистых” новотиторовских захоронений на боку с отклонением на спину). С точки зрения хронологии, при всей относительности подсчетов, похоже, что число таких захоронений увеличивается со временем – с 8 % на первом этапе до 16 % на третьем. Использование таких конструкций характерно для могил в яме с уступом, получивших распространение на втором – третьем этапах культуры, и особенно для неординарных масштабных захоронений в асимметричных ямах с уступами, речь о которых пойдет дальше (из 23 таких ям 17, а из 119 погребений с повозками 32 имели “шалаша”).

Обычай захоронения в “шалашах” и ямах со столбами по углам и вдоль стен имеет широкий хронологический и территориальный диапазон и представлен в погребальных памятниках разных культур и культурных вариантов эпохи энеолита и бронзы степной полосы. На возможность формирования его в Прикубанье еще в доновотиторовское время может указывать находка столбика в одном из углов погребения, сочетавшего степные новосвободненские и новотиторовские черты (Пластуновский I, 1/33 – сильноскорченное положение на правом боку головой к западу, руки перед лицом, яма прямоугольная) и стратиграфически занимавшего промежуточную позицию между кладбищами двух этих групп.

В материалах, хронологически близких НТ культуре, присутствие подобных захоронений фиксируется практически повсеместно от Дуная до Урала, однако если в одних регионах такие случаи достаточно редки (Северо-Западное Приазовье – всего 2 на 589 ямных захоронений [Рассамакин Ю.Я., 1992. С. 10]), то в других доля их среди т. н. “позднеямных” близка к зафиксированной в НТ. Это касается прежде всего буджакских памятников Молдавии и Одесской обл. [Яровой Е.В., 1985. С. 62–65], ямников Южного Буга (в курганах у с. Ковалевка – 5 случаев на 63 погребения [Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978]) и Ингульца (где могилы со следами от столбов в дне составляют около трети [Поллин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В., Дорофеев В.В., 1991]), скорченных на боку “ямников” и “кеми-обинцев” Нижнего Днестра, Херсонщины и Крыма, некоторых “неямных” групп Нижнего Подонья. Восточнее “шалаша” присутствуют в захоронениях т. н. архаринского (предкатакомбного) горизонта Центрального Предкавказья и Калмыкии (Элиста, Кермен-Толга и др. [Эрдниев У.Э., 1982. С. 56]) и сохраняются в захоронениях в ямах с уступами уже катакомбного времени (Веселая Роща II, 2/9; Цаган-Усн VIII, 1/3 и др.). Интересна трактовка здесь этих деталей как остатков балдахинов и навесов над могилой [Шишлина Н.И., 1991]. В Поволжье аналогичные конструкции являются отличительной чертой позднеямных и раннеполтавских групп средневолжско-приуральского варианта [Турецкий М. А., 1992] (наиболее яркий пример – Утевские курганы [Васильев И.Б., 1980]). Пережиточной формой того же обряда следует признать ямки от кольев внутри катакомбной камеры, известные по комплексам ингульской культуры в Поднепровье (Верхняя Маевка XII, 1/3 [Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А., 1977. С. 11]).

НТ культура Прикубанья бесспорно является одним из основных носителей обряда “шалашей”, что же касается перечисленных аналогий, то отмеченные регионы и культурные группы далеко не случайны и встретятся еще не раз при подборе аналогий различным типам обряда и инвентаря НТ племен.

Иным вариантом оформления могильной ямы в НТ культуре является устройство канавок по периметру дна. Таких случаев известно 19 (10 сочетаний с кольями в яме, из них 5 сочетаний с 6 столбами). Канавка может быть четкой, с вертикальными стенками, при ширине 10–15 и глубине до 15 см (Батурицкий II, 2/10; Брюховецкий II, 4/4; Олений, 3/1; ПКОС, 58/1; Роговская, 8/3), сглаженной, когда дно полого, но заметно понижается к стенкам (Брюховецкая II, 3/3; Лебеди I, 4/19; Пластуновский I, 2/5; Пролетарский–86, 5/11; рис. 8, 1), и незамкнутой, как бы отходящей от угловых столбов (Останний I, 1/160; рис. 26). Подобное оформление дна могилы встречается в захоронениях всех половозрастных групп на всех трех этапах НТ культуры.

В предшествующее время на этой же территории такой случай отмечен в захоронении степной новосвободненской группы (Пластуновский I, 2/24). Что касается памятников, близких к НТ по времени, то так же, как в случае со столбами и “шалашами”, могилы с канавками лучше всего представлены в буджакской культуре Северо-Западного Причерноморья (Семеновка, 1/6; Корпач, 3/3; Троповка, 4/13; Рошканы, 5/11; Урсоя, 1/1 и др. [Субботин Л.В., 1980; Яровой Е.В., 1984; Дергачев В.А., Борзьяк И.А., Манзура И.В., 1989. С. 52; Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П., 1989. С. 104]), причем и здесь имеется более древний прототип (Усатово [Збеневич В.Г., 1974. С. 40]). Встречаются канавки у “ямников” Южного Буга (Ковалевка III, 1/6, 13 и 2/5 [Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978]), в Поднепровье [Черненко Е.В., 1980. С. 351]. Как пережиточную форму ям с канавками по периметру, вероятно, следует рассматривать калмыцкие катакомбные погребения на возвышениях–“подиумах” (Цаган-Усн VIII, 1/3 [Шишлина Н.И., 1991]), где, как указывалось выше, присутствуют и столбы, и “шалашы”, и балдахины.

Касаясь интерпретации таких форм погребального сооружения, как ямы со столбами и канавками по периметру, стоит сказать, что в обоих случаях эти детали семантически скорее всего являются воплощением идеи склепа, деревянного или каменного ящика. Колья и столбы в углах и у стен камеры конструктивно бессмысленны (перекрытия прочно опирались на края ям или уступы), хотя обычно предполагается именно такая их функция. К тому же, во многих случаях они присутствуют в погребениях в сочетании с остатками облицовки или драпировки стен циновками, тканью, неопределимым органическим материалом. Могилы с канавками больше всего похожи на ямы, в которых устанавливались каменные ящики из вертикальных плит, известные главным образом по кеми-обинским памятникам Причерноморья. Косвенным подтверждением тому является находка двухкамерной ямы с уступом, в которой камеры с покойниками были разделены не земляной стенкой, а углубленной канавкой (Пролетарский–86, 4/10), при этом имелось определенное сходство с известной двухкамерной каменной гробницей из Новосвободной.

Эти соображения заставляют рассматривать НТ погребения со столбами и канавками как вполне определенную реплику кеми-обинских и новосвободненских деревянных и каменных ящиков, своеобразие же их определяется частично природными (применение идеи ящика в безлесном и лишенном камня районе), а частично культурно-хронологическими факторами (хронологически позже ново-

свободненской культуры и при явном влиянии погребальной обрядности ямных племен).

“Протокатакомбы”. Наряду с обычными ямами с уступом в НТ культуре представлены крайне своеобразные асимметричные ямы с уступами, характерным признаком которых является сдвиг нижней ямы-камеры к одному из концов верхней, условно говоря входной, ямы (при преобладании широтной ориентировки таких могил – обычно в западный конец). В результате уступ с одной из сторон расширяется и служит для размещения здесь повозки (целой или разобранной), устройства угловых или широких ступенек для спуска, разведения костров и помещения жертвенников или части инвентаря (рис. 17, 26, 33, 38).

Для интерпретации и определения места этих своеобразных комплексов важными оказываются следующие соображения. В настоящее время известны 23 подобных захоронения, еще в 7 случаях не интерпретированные исследователями полевые наблюдения позволяют предполагать наличие такой конструкции. Иными словами, примерно пятая часть достоверных ям с уступом в НТ культуре относится к числу асимметричных. Сходные погребальные конструкции известны и в других районах степной зоны, но представлены единичными случаями (наиболее полная аналогия – Тараклия II, 1/18 в Молдавии [Агульников С.М., Савва Е.Н., 1986. С. 40–41]). Таким образом, своеобразный центр этой традиции находится именно в НТ культуре Прикубанья.

Во всех без исключения случаях, когда удастся установить стратиграфическую позицию подобных захоронений, они относятся к числу позднейших НТ погребений, непосредственно предшествуя в свою очередь наиболее ранним катакомбам ВП культуры, что хорошо видно уже на примере охарактеризованных в главе 2 комплексов (Малаи I, 9/25 и Останний, 1/160). По особенностям погребального обряда и инвентаря все эти комплексы относятся к третьему, заключительному этапу НТ культуры.

Таким образом, асимметричные ямы с уступами занимают как бы промежуточное положение между классическими ямами с уступами и древнейшими катакомбами. В этой связи приобретают важное значение упомянутые выше конструктивные особенности и обрядовые детали, позволяющие сравнивать их с последними.

Главным здесь является: оформление ступенек или особого спуска в могилу; грубая обработка стенок верхней ямы в районе широкого уступа и попытки наметить в некоторых случаях как бы перегородку между широким уступом и той частью верхней ямы, где расположена камера; расширение стенок камеры ко дну вплоть до получения некоего подобия катакомбной камеры с входом сверху (наиболее яркий пример – Раздольная – СЗ окраина, 1/11; рис. 38, 2); разворот в отдельных случаях оси камеры перпендикулярно оси верхней ямы (наиболее яркий пример – Новокорсунская–85, 1/10; рис. 38, 7); размещение на широком уступе погребальных повозок с соответствующими углублениями для колес, а также кострищ, подобно тому, как это принято во входных шахтах катакомб, и т.д.

С учетом всех этих факторов вполне закономерен вывод о том, что на позднем этапе НТ культуры происходит эволюционное изменение формы погребального сооружения, в результате которого традиционная яма с уступом приобретает черты асимметричной ямы с уступом (с возможной имитацией свода в виде “шалаша”), а последняя перерастает в настоящую катакомбу. Именно поэтому для обозначения таких конструкций и был предложен термин “протокатакомба” [Гей А.Н., 1991а]. Оригинальность этой разновидности погребальных сооружений

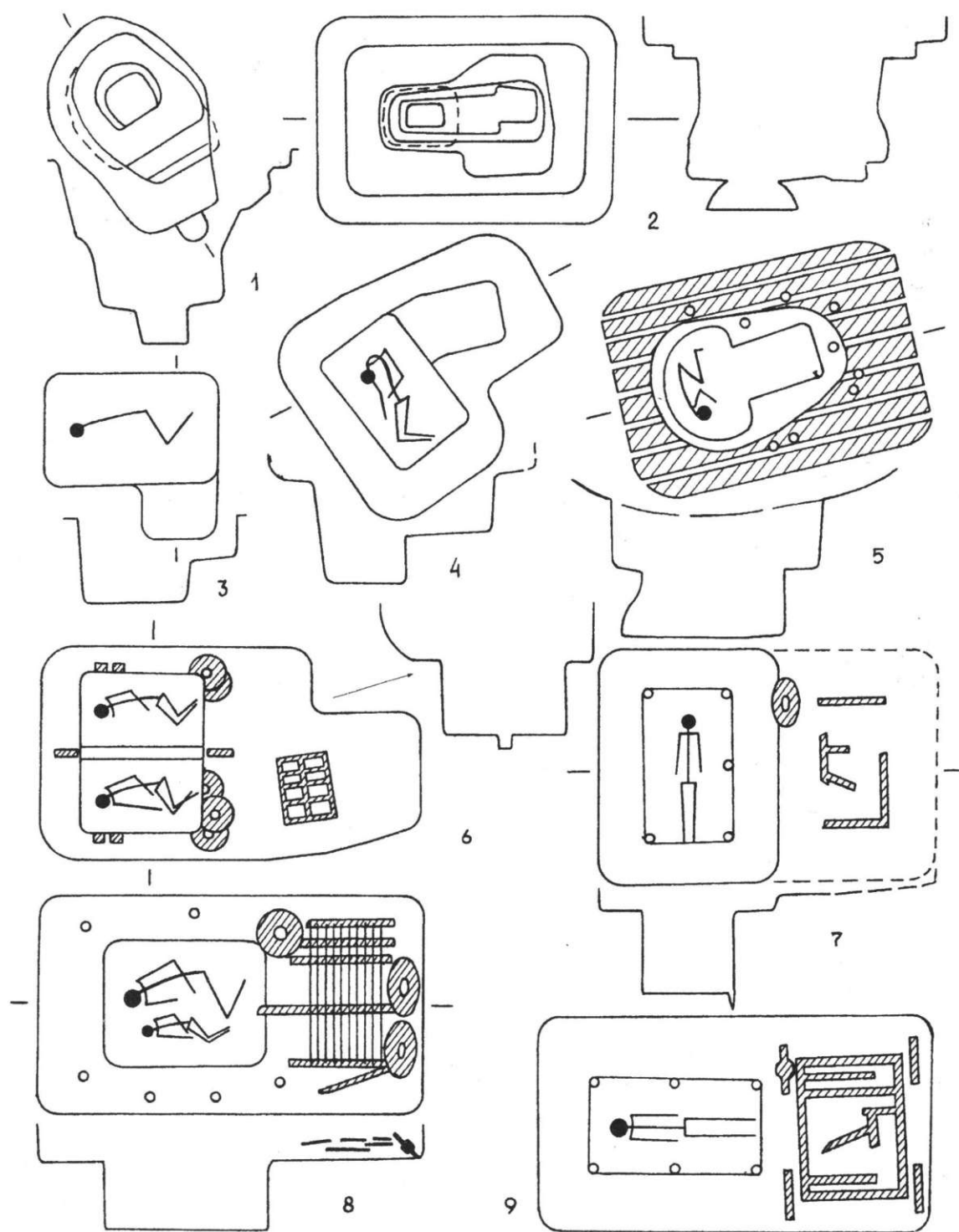

Рис. 38. Разновидности новотиторовских "протокатакомб" (схематические изображения)

1 – Новомышастовская 17/2; 2 – Раздольная 1/11; 3 – Батуринская I 6/6; 4 – Крупской 7/2; 5 – Пашковский 1/2; 6 – Пролетарский-86 4/10; 7 – Новокорсунская-85 1/10; 8 – Олений 2/25; 9 – Батуринский II 1/6

и их связь, именно с катакомбами была подмечена и применительно к аналогичным памятникам Северного Причерноморья [Чмыхов Н.А., 1990].

Проблема происхождения катакомбы как таковой для (невольная тавтология) катакомбных культур Северного Причерноморья достаточно запутанна. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что распространено мнение о связи этого явления с генезисом самой КИО [Клейн Л.С., 1968; 1970], и это во многом справедливо. Несмотря на то что разновидности катакомбных захоронений известны в различных культурах каменного и бронзового веков Евразии, отыскать среди них конкретных предшественников степных катакомбных групп Причерноморья не удалось никому. И в случаях с предполагаемой миграцией из Западной, Центральной и Южной Европы [Клейн Л.С., 1968; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1981], и с юга, прежде всего из Закавказья и Малой Азии [Фисенко В.А., 1966], и из районов Средней Азии [Хлопин И.Н., 1989] получалось, что круг исходных “катакомбных” прототипов оказывался слишком широким и аморфным, а сами эти элементы и параллели, представленные не комплексно, были как бы рассеяны между различными, плохо связанными друг с другом культурами и культурными группами.

В итоге к настоящему времени обсуждаются, по сути, две гипотезы – о возможной общности катакомбного и дольменного обрядов [Кияшко В.Я., 1979; Кияшко А.В., 1989; Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992] и о связи катакомб эпохи средней бронзы с энеолитическими подбоями [Смирнов А.М., 1989].

Первая точка зрения базируется на общих, если не сказать поверхностных, сопоставлениях неких чисто обрядовых идей (идея склепа, “женская” символика могилы (?? – А. Г.), обращенность к югу и т.д.). Даже если признать их верными, такие параллели могут свидетельствовать не более чем об общих религиозных идеях, которые и в эпоху бронзы, и задолго до нее имели надкультурный характер. Тем более что, в связи с наметившейся в последнее время, но уже достаточно отчетливой тенденцией к удревнению дольменных памятников Северного Кавказа, сама синхронность дольменов и катакомб делается все менее вероятной, а бы сказал невозможной. Вторая гипотеза несомненно интересна и важна в свете получающих все большее распространение попыток определения местных корней культур, составивших катакомбную КИО. Однако и здесь, с учетом происходящего бесспорного размежевания энеолитических и раннебронзовых памятников Кавказа и степной полосы, с одной стороны, и сменяющих их на значительной части Причерноморья ямных культурных групп – с другой, хронологическая стыковка энеолитических подбоев и ранних предднепровских катакомб представляется крайне проблематичной.

В такой ситуации открытие компактной, достаточно многочисленной группы памятников, демонстрирующих четкую преемственность развития погребальных сооружений камерного типа – от ямы с уступом к классической катакомбе, причем в комплексе с другими обрядовыми деталями и при наличии множественных параллелей в материальной культуре, – говорит само за себя. Есть все основания выделять особый прикубанский центр зарождения катакомбной формы погребального сооружения.

Был ли он единственным? Вряд ли. Севернее, в Нижнем Подонье, похоже, имеются свои вариации ям с уступами, протокатакомб и древнейших катакомб, характерными признаками которых являются иные (не Т-образные) формы самих катакомб и расположение покойных ногами к входной шахте – головой в глубь камеры. Это наводит на мысль, что в различных районах эволюция погребальных

сооружений от ямы с уступом к катакомбе могла иметь свои особенности, однако и определенная переключка, даже сопряженность таких изменений тоже просматривается.

Наиболее сложно сейчас ответить на вопрос, происходило ли становление катакомбной формы могилы независимо от таких же форм, выявленных в культурах других исторических эпох и иных территорий, или же носители новотиторовской культуры и их ближайшее окружение подражали инокультурным образцам. В принципе, на такую возможность могут указывать, во-первых, случаи наличия камерных могил у иных племен, например, в Дагестане (Великент), а во-вторых, редкие ситуации, когда захоронения в простых ямах и ямах с уступами оказываются все же впускными при настоящих катакомбах (Карстовый, 1/5, 8, 13; Восточномалайский I, 2/11). Оценивая первый фактор, нельзя не признать, что, несмотря на реальные свидетельства контактов различных, прежде всего донских, катакомбных групп с Северо-Восточным Кавказом вообще [Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1995] и с Великентом в частности [Рысин М.Б., 1996. С. 84], вырытые в склонах холмов крупные коллективные склепы-катакомбы Великента, рассчитанные на долговременное использование и предназначенные для десятков и сотен погребенных, имеют мало общего с подкурганными катакомбами Причерноморья. Что касается второй ситуации, то во всех выразительных случаях впускные захоронения в ямах и ямах с уступами, следовавшие по времени за настоящими катакомбами, всегда содержали инвентарь, подчеркивающий их принадлежность к катакомбному времени (!). Это не новотиторовцы в полном смысле слова. Это “катакомбники”, сохраняющие некоторые архаические признаки. Так что объяснять этот феномен вторжением неких “чистых” катакомбников, с последующим переживанием недостаточно ассимилированных ими новотиторовцев, не приходится. К тому же, для подобного заключения таких случаев слишком мало. Объяснение, конечно, должно существовать, более того – оно может быть достаточно простым по существу, но не поддаваться (пока!) строгому научному обоснованию. В рабочем порядке, не претендуя на научность, можно предположить, например, что обрядовые новшества, даже органически вызревшие внутри данного общества, воспринимаются не всеми его членами однозначно положительно. А значит, определенная часть общества может их игнорировать. Примеров тому в истории имеется более чем достаточно.

Как бы там ни было, некоторая, пусть крайне малая, вероятность того, что новая форма могильного сооружения была подсмотрена где-нибудь на стороне, все же сохраняется. Однако и в этом случае надо отдавать отчет, что подобное “заимствование-подглядывание”, возможное в такую богатую культурными новациями и подвижками населения эпоху, какой являлся переходный период от ранней к средней бронзе в Причерноморье и Предкавказье, было лишь последней каплей, переполнившей чашу собственных исканий. Если оно и имело место, то лишь ненамного опередило собственный выстраданный результат, не более того. Катакомба в Предкавказье и Причерноморье вырастает органично и распространяется широко без крупномасштабных миграций извне и даже без привнесений и влияний со стороны, и тому есть свое объяснение [Гей А.Н., 1999б].

В заключение еще раз подчеркну, что вывод об эволюции форм погребального сооружения и о наличии четко ограниченного прикубанского центра формирования катакомб не имел бы никакого значения, если бы мы не имели множества параллелей в материальной культуре НТ и раннекатакомбных, прежде всего ВП, племен, позволяющих со всей определенностью говорить о плавном

перерастании одной культуры в другую. Подробное изложение этих вопросов предстоит в следующей главе.

Многокамерные сооружения. Редкой и интересной разновидностью “протокатакомб” являются могилы не с одной, а с двумя погребальными камерами, которых известно всего две. Одна из них (Останний, 2/15; рис. 33) описана выше. Вторая (Пролетарский–86, 4/10; рис. 38, б) отличается от нее тем, что ямы-камеры, содержавшие по одному взрослому захоронению, ориентированы не перпендикулярно длинной оси верхней ямы, а параллельно ей. Обе камеры вырыты одна возле другой в западной половине могилы, а на широком уступе с восточной стороны установлена повозка. Здесь же находилась и угловая ступенька для спуска в могилу.

Аналогии за пределами НТ территории немногочисленны, но показательны. Одна из них известна на Южном Буге (Касперовка, 1/12, 17 [Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986]), другая – на Нижнем Днепре (Михайловка, 2/9 [Самар В.А., 1992]). В последнем случае, как и в погребении из Останнего, в одной из камер находился взрослый субъект, а в другой – останки трех человек разного возраста. Оба комплекса отнесены в публикациях к числу позднеямных, на деле же близки старосельским, с одной стороны, и буджакским – с другой.

Непосредственное продолжение традиции многокамерных сооружений прослеживается уже в катакомбное время, когда у различных территориальных и культурных групп степного населения появляются погребения в многокамерных катакомбах. При этом наиболее сходными с НТ могилами (и, скорее всего, наиболее ранними) оказываются катакомбы-“распашонки” типа 1 группы 1, по классификации С.Ж.Пустовалова [1990]. О наличии прямой преемственности между многокамерными ямами с уступом и соответствующими катакомбами говорит интереснейшее захоронение в трехкамерной катакомбе, сохранившей ряд признаков “протокатакомбы”, открытое в Прикубанье, базовом районе “протокатакомб”, и, судя по всему, датируемое самым началом раннекатакомбного времени – рубежом НТ и ВП культур (Магистральный, 1/20).

Более позднюю разновидность многокамерных катакомб представляют могилы с последовательным расположением камер (одна выводится из другой). В Прикубанье такая конструкция известна для батуринской культуры (Новокорсунская–85, 2/28; Хоперская, 7/5) а в Закубанье – для северокавказской катакомбной культуры с вытянутыми захоронениями, сменяющей здесь поздние северокавказские памятники (Большой Петропавловский, 8/12 [Гей А.Н., 1983*]). В обоих случаях речь идет о позднекатакомбных памятниках, датируемых ориентировочно в рамках второй четверти II тысячелетия до н. э., что хорошо соотносится с распространением таких же конструкций в поздних памятниках ингульской катакомбной культуры.

Экстраординарность многокамерных захоронений по размерам, пышности обряда и богатству инвентаря не вызывает сомнений. Немногочисленность также свидетельствует в пользу отнесения их к числу захоронений некоей “социальной верхушки общества”, хотя сам характер этой “верхушки” требует дополнительного уточнения. Заметим пока, что данные погребения появляются на позднем этапе НТ культуры, а сама традиция получает развитие у племен различных территориальных групп и культур катакомбной общности.

Виды погребений, поза погребенных

Основной и наиболее характерной позой погребенных в новотиторовской культуре, как уже говорилось, является скорченная на боку с отклонением туловища на спину и изначально уложенными набок подогнутыми ногами. Одна из рук – в более архаичных левобочных захоронениях левая, в более поздних правобочных правая – протянута к коленям или середине бедренных костей. Другая уложена кистью на живот, пояс, реже на таз или на землю перед животом. Важно отметить принципиальное отличие такой позы от традиционного для ямных памятников положения скорченных костяков на спине, с поднятыми вверх коленями, чаще всего завалившимися на сторону в процессе разложения трупа, реже лежавшими изначально. Исключительная важность этих отличий для отделения новотиторовских и близких им материалов в разных районах степной зоны от собственно древнеямных, к сожалению, осознана далеко не всеми. Наряду с этой, генеральной, позой в новотиторовских памятниках присутствуют вытянутые (“новотиторовско-северокавказские”), скорченные на спине (“новотиторовско-ямные”) и скорченные на боку без всяких отклонений костяки. При этом каждый из таких главных вариантов позы может иметь целый ряд дополнительных особенностей, отражающих менее значимые, но отнюдь не менее интересные вариации обряда.

Положение рук. Явным отклонением от основной позы являются случаи захоронения в сильноскорченном положении и захоронения с руками, согнутыми в локтях и положенными кистями перед лицом. Обычно эти признаки сочетаются между собой. Из 21 погребения такого типа 3 были сильноскорченными с обычным положением рук, 10 слабоскорченными с руками перед лицом, в 4 согнутой оказалась только одна рука. Большинство таких захоронений (16) относится к первому и второму этапам, 3 из них можно обозначить как синкретические ямно-новотиторовские с преобладанием ямных черт в обряде и инвентаре (Новокорсунская–85, 1/5; Первомайский, 4/1; Пролетарский–86, 6/7). Отдельные такие случаи известны и на третьем этапе, в “протокатакомбах” (Пашковский, 1/2; Крупской, 7/1).

В предшествующее новотиторовскому время подобная поза является основной для степной новосвободненской группы Степного Прикубанья и ее аналогов в Северном Причерноморье. Присутствие у новосвободненцев отдельных погребений, как бы предвосхищающих новотиторовские по обряду (в данном контексте – с выпрямленными руками; Динской курган, погребение 23, Первомайский, 4/7), позволяет предполагать связь таких черт в обеих культурах и рассматривать НТ захоронения в позе адорации как пережиток более древнего обряда. Отдельные проявления этой же позы сохраняются и в сменяющей НТ ВП катакомбной культуре (Брюховецкая II, 8/5; Бураковский, 1/6; Лебеди II, 5/7; Малаи I, 8/9; Приазовский I, 11/25).

Сидячие и полусидячие погребения. Перечисленные в главе 2 варианты позы погребенных являются как бы основными. Вместе с тем, часть погребенных, будь то скорченные на спине и боку, либо вытянутые, имеет характерную особенность, а именно приподнятость верхней части туловища и головы, позволяющую говорить о первоначальном сидячем или полусидячем положении покойника в могиле, когда голова и верхняя часть туловища его опирались на некую подушку и были приподняты наклонно или вертикально над дном ямы.

Имеется не менее 60 НТ погребений с подобным положением костяка (7 %), однако здесь учтены только погребения, где костяк действительно почти сидел и либо сохранил вертикальное положение головы и верхней части туловища, либо осел таким образом, что голова оказалась на животе, груди или локтевом сгибе руки (рис. 10, 1, 3). В большинстве же НТ погребений можно говорить о первоначальной несильной приподнятости, на что указывает положение черепа поверх ключицы и плечевой кости той руки, в сторону которой погребенный был наклонен (рис. 5; 17, 1).

Иногда исследователи не распознают даже ярко выраженные полусидячие захоронения, поскольку при разложении кости оседают на дно могилы, сохраняя видимость анатомического порядка, а о первоначальной позе свидетельствуют только дугообразный изгиб позвоночника или непропорционально короткое туловище (костяк как бы спроецирован на дно). Тогда в отчете можно увидеть фразы типа: “поражает несоответствие между размахом ребер и ростом” (Роговская–72, 1/14 [Сафронов В.А., 1973*. С. 25–26]). Интересно, что явно полусидячее захоронение близкого к НТ старосельского типа на Нижнем Днепре охарактеризовано как “скелет старика с непомерно длинными конечностями и горбатым хребтом” [Шилов Ю.А., 1990. С. 23].

Из 60 сидячих и полусидячих НТ захоронений в 24 случаях костяк сохранил первоначальное положение либо был характерным образом “спроецирован” на дно. В 20 случаях речь идет о толстой, до 7 см, подушке под головой (Днепровская I, 2/6; Найдорф, 4/1), в 16 случаях отмечается приподнятость головы над дном ямы. Подушки характеризуются: как “серая слоистая” и земляная (Батуринский II, 1/5 и 3/4), сажистая (Малаи I, 9/26), из коричневого войлока (Новокорсунская–85, 1/3; Пролетарский–86, 5/1), из коричневого тлена и спутанных стеблей (Малаи I, 11/4), из морских раковин (Приазовский–83, 1/8), желтой материковой глины (Лебеди I, 8/20), коричневого древесного тлена (Останний, 1/140, 150, 157, 160), черного тлена (Лебеди I, 2/116 и 4/8) и даже из “черного дерева” (ПКОС, 21/8).

Вероятные праобразы сидячего или полусидячего положения костяков известны в памятниках предшествующего времени, в т. н. “степной новосвободненской группе” (Пластуновский I, 1/24).

“Стиснутые погребения”. Ряд погребений НТ культуры отмечен особенной стиснутостью костяков, указывающей на связывание или, скорее, на тугое пеленание покойников, причем практически всегда признаки этого пеленания отмечаются на костях туловища в районе плечевого пояса и рук (рис. 2, 3–5). Кости же ног следов связывания обычно не имеют.

Таких погребений известно 19, причем в 14 из них погребенные захоронены в вытянутом на спине положении, в 2 – на правом боку, но при этом степень скорченности настолько мала, что поза приближается к вытянутой (Пролетарский–85, 1/10; Пролетарский–86, 5/10), и только в 3 случаях речь идет о действительно скорченном положении. Одно из этих последних погребений (Бураковский, 1/11) совершено в скорченном на спине положении, головой к востоку, сочетается в ряду НТ и ямные признаки и может быть отнесено к первому этапу НТ культуры. Это наиболее раннее “стиснутое” захоронение в Прикубанье. Еще 6 погребений относятся ко второму – третьему этапам, а 12 – безусловно к третьему, что указывает на распространение обычая на поздней стадии развития культуры. При этом как минимум в 12 случаях пеленание зафиксировано у погребенных в обширных ямах с уступами и в “протокатакомбах”, сопровождавшихся погребальными повозками; не исключено, что пеленание было специфическим ритуалом для той

самой “верхушки” НТ общества, представители которой захоранивались в “протокатакомбах”.

Обряд пеленания не получил широкого распространения. Отдельные случаи его в Прикубанье отмечаются только в раннекатакомбных ВП памятниках (Карстовый, 1/8, 13), причем в комплексах, сохраняющих явные НТ традиции и также далеко не рядовых. Преимущественная связь обряда пеленания с подгруппой вытянутых НТ захоронений показывает, что сам этот обычай не является изначально новотиторовским и скорее всего заимствован у представителей северокавказской культуры вытянутых захоронений в процессе контактов и частичной взаимоассимиляции, имевших место на восточных окраинах НТ ареала. Случаи находки спеленатых вытянутых захоронений известны и для степной северокавказской группы (Горьковская–КРОС, 3/8; ВМЛБ III–66, 17/6; Цаган-Усн, 1/4 и др. [Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987. С. 64; Арапов С.В., 1991]), и для северокавказских захоронений Закубанья (Большой Петропавловский, 5/3 [Гей А.Н., 1983*]).

Расчлененные захоронения. Обычай захоронения расчлененных костяков в виде особого “пакета”, с укладкой отдельных костей в определенном порядке, имитирующем сильноискорченное положение, широко распространен в различных катакомбных культурах, прежде всего в Предкавказье [Мельник В.И., 1991]. В позднекатакомбной батуринской культуре Прикубанья доля таких захоронений доходит до 43 %. Спорадические проявления этой формы обряда известны и в предшествующее время. Одно такое захоронение относится ко второму этапу НТ культуры (Верхний, 1/11), одно – к третьему (Батуриная II, 1/2), еще 3 случая – к рубежу НТ и ВП культур (Магистральный, 1/17; Новониколаевский I, 1/27; Стариножестеблиевская–86, 1/18). В ВП культуре наличие таких погребений становится уже правилом, хотя число их и невелико.

Кремация. Интересной чертой погребального обряда НТ культуры является частичная обожженность и даже частичная кремация покойников (21 случай). Случаи полного сожжения трупа почти не известны (сожжениями названы только погребения 1/4 и 1/5 из Новотиторовской [Козенкова В. И., 1973]; аналогичные случаи, скорее всего, имеются в погребениях 1/12 Бураковского и 2/12 Пластуновского I могильников), как правило, кости скелета или часть их имеют следы более или менее сильной обожженности, обычно связанной с разведением огня на костях или под ними. В 3 случаях отмечена обожженность всего скелета (Новотиторовская–70, 1/11, 12; 2/6), в 4 – разведение костра на груди, животе или тазе покойника (Новотиторовская–70, 1/8,9; Лебеди I, 2/116; 6/8), в 2 – кострища под грудью или тазом (Белевцы I, 2/10; Новотиторовская–70, 1/10), в 2 – под головой и коленями (Малаи I, 9/26; Новотиторовская–70, 10/1), в 5 – под ногами (Новотиторовская–70, 1/6, 7 и 2/5; Олений, 3/1; Останний, 1/50).

Обряд частичного трупосожжения известен в памятниках всех трех этапов НТ культуры, причем в захоронениях и взрослых, и детей (6 случаев). Обращает на себя внимание тот факт, что 12 из 20 сожжений обнаружены в пределах одного могильника у ст. Новотиторовской; очевидно, эта форма обряда была популярна только у отдельных групп НТ населения.

В памятниках степного правобережья Кубани предшествующего времени отмечены находки скоплений золы и сажи под тазом и ногами погребенного в захоронениях степной новосвободненской группы (Лебеди IV, 7/11) и ямной культуры (Греки IV, 1/14), которые можно рассматривать в качестве возможных прототипов. В большем количестве такие комплексы, причем даже с кострищами и скоплениями углей на груди погребенного, представлены в ВП катакомбной куль-

туре последующего времени (Лебеди VIII, 1/9 и 2/5; Магистральный, двухкамерная катакомба 1/20; Малаи I, 3/15 и 10/8). Известны они и в батуринской культуре (Тимашевский курган, погребение 28).

В более широком плане можно заметить, что обряд кремации, обычно неполной, известен в степной полосе начиная с раннего энеолита (могильники мариупольского типа) и в незначительных количествах представлен в памятниках многих культур и культурных групп. Считается, что особенно характерен этот обряд для земледельческих культур Балкано-Дунайского региона и контактировавших с ними культур с комплексной экономикой [Отрощенко В.В., Моця О.П., 1989]. Наиболее заметно его присутствие в западных районах, где он распространен в позднетрипольской среде, в частности у усатовцев (Данку I, II и др. [Дергачов В.О., 1978]). Встречается он и в энеолитических подкурганых захоронениях доусатовского времени (Тирасполь, 1/30 [Савва Е.Н., 1988]), представляющих западный фланг той же общности, к которой принадлежит и степная новосвободненская группа. Позднее отмечается в буджакской культуре (Урсоая, 2/5; Яблona, 1/11 [Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П., 1989. С. 111; Яровой Е.В., 1983. С. 203]).

Интересно присутствие похожих захоронений в культурах Баден и Вучедол и в курганах времени ранней бронзы в Болгарии, отмеченных многочисленными признаками сходства и пока не до конца выясненных контактов со скотоводческими культурами Причерноморья [Тасич Н., 1987. С. 209; Катинчаров Р.В., 1987]. Стоит отметить также присутствие захоронений с кремацией в близких по времени к НТ культуре кеми-обинских памятниках Крыма (Ближнее-Боевое, 2/3; Марьино [Щепинский А.А., 1973]).

В посленовотиторовское время захоронения по обряду частичной или полной кремации известны у различных групп катакомбного населения Подонья [Синюк А.Т., 1983. С. 79; Смирнов Ю.А., Узьянов А.А., 1978] и даже в Заволжье (Новая Квасниковка, 4/5 [Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989]), у поздних ямников Средней Волги (Кашпир III [Добрынина Е.Б., Васильев И.Б., 1976]). Известны такие случаи и для КМК этих районов (Волгодонск [Моргунов Ю.Ю., Семенов А.И., 1977]). Сравнительно поздно, уже в триалетской культуре, распространяется эта форма обряда в Закавказье [Куфтин Б.А., 1941; Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974].

Каким бы пестрым ни казался этот перечень, в нем прослеживаются уже не раз упоминавшиеся культурные образования – степная новосвободненская группа и ее западные аналоги для предшествующего времени, буджакская и кеми-обинская культуры среди близких по времени, катакомбные памятники Предкавказья среди более поздних. Отмечу, что во всех перечисленных группах погребения с кремацией часто выделяются из общей массы неординарными обрядовыми характеристиками.

Детали обряда

“Жертвенники”. Характерной особенностью погребального обряда НТ культуры является устройство “жертвенников” из костей животных в самой могиле (76 случаев), на ее краю или уступе (56 случаев), в насыпи кургана без видимой связи с конкретным захоронением. Самый распространенный вариант “жертвенника” – череп или челюсть животного, уложенные на кости конечностей. Реже встречаются черепа без ножек или ножки без черепа. Для абсолютного большинства таких “жертвенников” использованы кости овцы или козы. Насколько можно

разобрать, предпочтение отдавалось передним конечностям (лучевая, локтевая и кости стопы в сочленении, но с удаленными копытами; следы рубки или резки встречаются редко). Четырежды, и только при вытянутых погребениях (Батуринский II, 1/6; Пластуновский I, 1/11; Крупской, 1/11; Новокорсунская-80, 1/3), обнаружены черепа хищника типа собаки или волка, которые не заменяли жертву овцы, т. к. сочетались с нею в одних и тех же комплексах.

Жертвенники из черепов и ножек мелкого рогатого скота отмечены в 147 НТ захоронениях (17 %). Число их в могиле обычно соответствует числу погребенных, иногда один жертвенник сопровождает коллективное погребение, редки случаи, когда несколько жертвенников сопровождают одного покойника (Пластуновский I, 1/20, где на уступе находились три жертвенника с костями 1, 2 и 3 особей овцы соответственно).

Использование наименее съедобных частей туши по принципу *pars pro toto* и особенности размещения в могиле заставляют считать эту разновидность находок не заупокойной пищей, а символической жертвой, совершавшейся в процессе погребального ритуала. Не исключено, что находки "жертвенников" в насыпи без связи с конкретным захоронением представляют собой общую жертву для всех захоронений кургана или для не имевших таковой в самой могиле, либо являются следами повторных поминальных церемоний. Зависимость жертвоприношений от пола и возраста погребенных пока не прослеживается.

Известные нам прарообразы НТ обряда жертвоприношения овцы или козы находят в памятниках более древней степной новосвободненской группы, где иногда присутствуют такие же "жертвенники" (Новокорсунская-80, 2/1; Пролетарская-86, 7/3; Старонижестеблиевская-88, 8/3 и др.). В собственно НТ памятниках устанавливается рост числа захоронений с "жертвенниками" с 6 % на первом этапе до 20–25 % на третьем. Дальнейшее развитие этого обряда в Прикубанье отмечается в раннекатакомбной ВП культуре, где идентичные "жертвенники" зафиксированы примерно в 160 погребениях (32 % всех захоронений). Единичные случаи сохраняются и в позднекатакомбной батуринской культуре. Широко распространены жертвенники и в других катакомбных культурах Предкавказья, манычской и элистинской прежде всего.

Анализ локализации жертвенников (в погребальной камере и на уступе для НТ культуры, в камере и входной шахте для ВП катакомбной культуры; рис. 39) позволяет говорить вполне определенно, что речь идет не о случайном совпадении, а о бытовании в обоих случаях единого обряда и общих норм. Общие правила расположения жертвенников на уступе могилы в НТ и во входной шахте в ВП культурах свидетельствуют и о единстве восприятия роли этих конструктивных частей могильного сооружения, хотя и косвенно, но наглядно подтверждая вывод о формировании катакомбной конструкции на основе могилы с уступом.

Повозки. Одной из наиболее ярких и выразительных черт НТ погребальной обрядности является использование деревянных повозок или их деталей, размещавшихся на перекрытии, краю могильной ямы или уступе. По числу таких комплексов НТ культура не имеет себе равных. В пределах рассматриваемой выборки имеется 110 таких захоронений (12,5 %), всего же на правобережье Кубани их известно 119. В 7 погребениях присутствовали остатки двух повозок, а в одном речь идет даже о четырех (Крупской, 9/3), хотя из-за недостатков фиксации случай этот не может считаться абсолютно достоверным. Еще в 8 комплексах либо число колес превышало обычное (6 или 8), либо наряду с целой повозкой присутствовали дополнительные колеса.

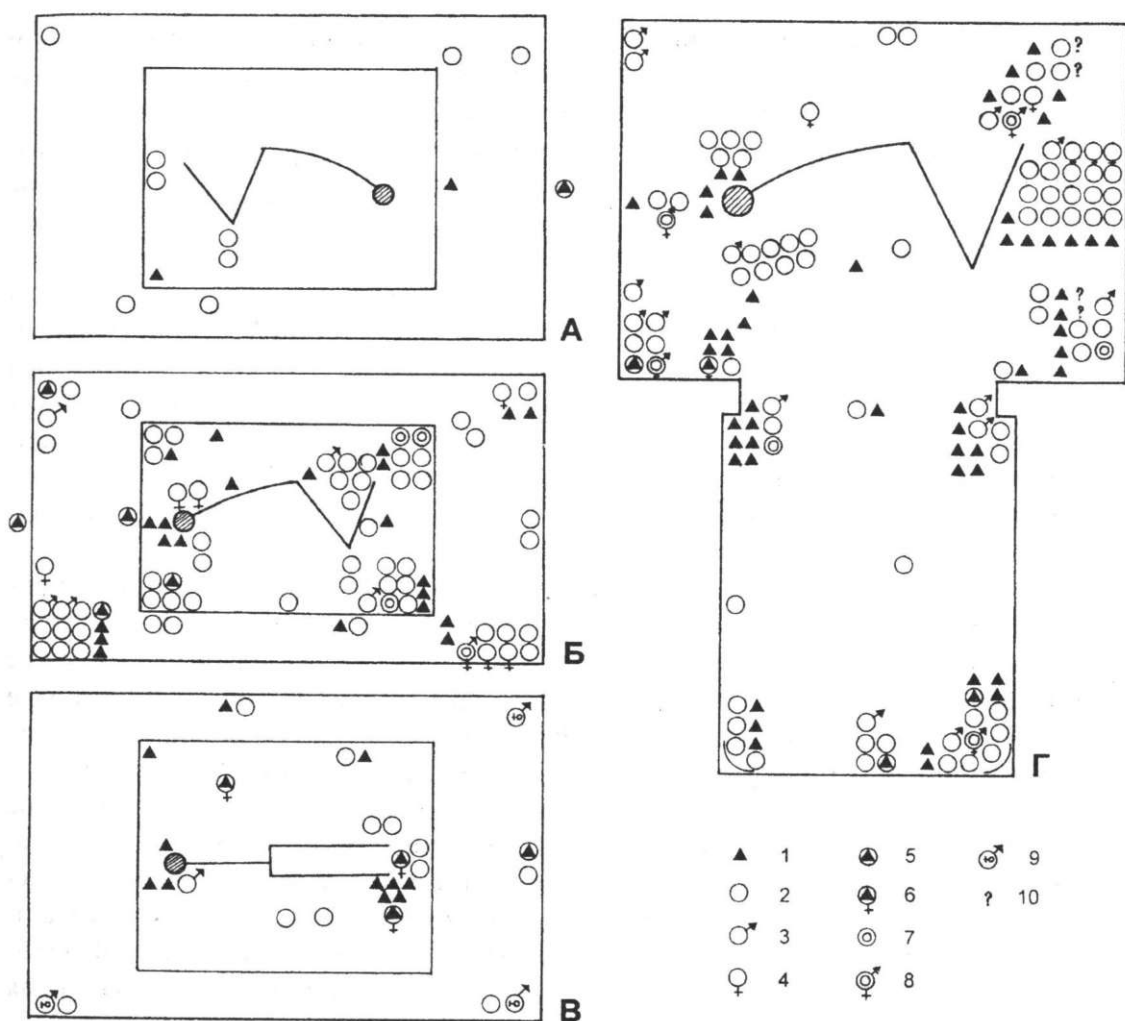

Рис. 39. Аккумулятивные схемы размещения "жертвенников" из костей мелкого рогатого скота в погребениях различных обрядовых групп новотиторовской культуры (А, Б, В) и восточноприазовской катакомбной культуры (Г)

Условные обозначения: 1 – ребенок; 2 – взрослый, пол неопределим; 3 – мужчина; 4 – женщина; 5 – совместное погребение взрослого и ребенка; 6 – женщины и ребенка; 7 – двух взрослых; 8 – мужчины и женщины; 9 – юноши; 10 – нет данных

В 48 комплексах остатки повозки представлены отдельными деталями (колеса, иногда в сочетании с дышлом), в 18 зафиксированы остатки конструкции кузова (в некоторых случаях не распознанные исследователями на месте), в 44 погребениях присутствовали и кузова, и колеса, причем в 19 из них повозки были установлены в собранном состоянии, с колесами, надетыми на оси.

При этом прослеживается определенная тенденция изменения обряда со временем. Захоронений, сопровождаемых только колесами, известно для первого этапа 19, для второго – 15, для нерасчлененных второго – третьего этапов – 10, для третьего этапа – только 4. Соответственно цифры находок кузовов со снятыми с осей колесами распределяются по этапам так: 5–8–9–10. Повозки в сборе обнаружены соответственно в 4–3–5–7 случаях. Налицо тенденция увеличения от этапа к этапу числа целых повозок и уменьшения случаев находок одних колес.

Интересны наблюдения и над особенностями расположения повозок и их деталей в могилах. В захоронениях раннего этапа, левобочных с восточной ориен-

тировкой, целые повозки и кузова в 6 случаях стояли на восточном краю ямы, или в головах покойника, дважды оказывались над ямой, 1 раз две повозки были установлены на западном и восточном краях (Крупской, 3/14).

В погребениях второго – третьего этапов, правобочных с западной ориентировкой, известен 21 случай размещения повозки опять же на восточном краю ямы или восточном уступе, теперь уже в ногах погребенного, дважды отмечены находки их одновременно в головах и ногах покойника (Роговская, 8/3 и, со значительной степенью условности, Останний, 2/15), дважды – только в головах, и в одном случае 4 повозки, вероятно, находились со всех четырех сторон от ямы (Крупской, 9/3). Совершенно так же повозки, сопровождающие вытянутые захоронения этого времени, стоят на восточном крае-уступе, или в ногах (8 случаев), и лишь однажды – над ямой. Выходит, что смена ведущей ориентировки с восточной на западную на рубеже раннего и развитого этапов культуры не сопровождалась изменением места повозки в могиле, правило ее установки оказалось более консервативным.

Для захоронений, сопровождаемых только колесами, наиболее обычен вариант, когда 4 колеса разложены по углам могилы (13 случаев). В 12 комплексах найдено всего по 2 колеса, причем в размещении их как будто угадывается та же закономерность, что и в случае с целыми повозками, при широтной ориентировке покойника они обычно лежат у СВ и ЮВ углов могилы, в головах или в ногах, при других направлениях ориентировки – возле углов ямы в головах умершего. Находки в погребениях трех (10 случаев) или всего одного колеса (9 случаев) не позволяют заметить никаких закономерностей их размещения относительно сторон света или тела погребенного. Очевидно, что в таких случаях речь идет о неполных наборах, что, в свою очередь, объясняется прежде всего плохой сохранностью деревянных деталей, а иногда – невысоким качеством раскопок. В могилах с большим числом колес (6–8) они разложены по периметру внешнего края ямы-камеры или сгруппированы парами возле ее углов.

Расположение колес по углам могилы, как это давно подмечено, придает всей конструкции элементы сходства с символической повозкой, как бы заключающей в себе умершего и призванной перенести его в загробный мир [Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С. и др., 1983]. Вместе с тем, такое совершенно символическое толкование, которое одинаково трудно как логически обосновать, так и опровергнуть, строится, думаю, на базе наших представлений и особенностей восприятия специалиста-археолога, созерцающего плоский чертеж захоронения, имевшего в действительности несколько вертикальных уровней. Большой вопрос – соответствует ли оно особенностям первобытного мышления.

В этой связи не надо забывать, что обычная конструкция перекрытий в НТ могилах включает в себя и продольные, и поперечные плахи. Такие перекрытия чрезвычайно схожи с кузовами бесспорных разобранных повозок или их имитациями, лишенными следов вертикальных скреплений досок или брусьев, что отмечено во многих случаях. Не исключено поэтому, что комплексы, сопровождаемые, с нашей точки зрения, только колесами, на деле содержали кузова или их имитации, использованные для перекрытия камеры, т. е. опять же реальную повозку, с точки зрения участников церемонии.

Некоторые наблюдения, сделанные при раскопках, подтверждают утилитарную функцию повозок в обряде. Напомню, что в основном погребении (150) кургана I могильника Останний прослежена такая последовательность обрядовых действий: разведение костра – установка над кострищем собранной и разобранный

Таблица 2. Состав коллективных погребений

Разновидности погребений	НТ	КТК
2 ребенка	4,6 % (3)	15,8 % (10)
2 подростка	3,1 % (2)	1,6 % (1)
Ребенок + подросток	4,6 % (3)	4,8 % (3)
Ребенок + взрослый	36,9 % (24)	25,4 % (16)
Подросток + взрослый	4,6 % (3)	4,8 % (3)
2 взрослых	21,5 % (14)	30,2 % (19)
3 ребенка	—	1,6 % (1)
3 подростка	1,5 % (1)	—
3 взрослых	1,5 % (1)	—
2 ребенка + взрослый	1,5 % (1)	—
Ребенок + подросток + взрослый	3,1 % (2)	1,6 % (1)
Ребенок + 2 взрослых	6,1 % (4)	7,9 % (5)
2 ребенка + 2 взрослых	1,5 % (1)	4,8 % (3)
ВСЕГО	100 % (65)	100 % (63)

ной повозок – рытье могильной ямы. Близкая картина выявлена и в многокамерной могиле 15 кургана 2 того же Останнего, где первоначально была вырыта большая входная яма (выше уступа), в нее были установлены две повозки, а уже затем вырыты обе малые ямы-камеры (ниже уступа), выкиды из которых оказались также под повозками. Похоже, что одной из функций повозок была элементарная доставка покойного к месту захоронения. Очевидно, тело умершего находилось на кузове повозки во все время устройства могилы.

Коллективные захоронения¹. Одной из характернейших черт погребальной обрядности большинства степных скотоводческих культур бронзового века является присутствие заметного числа коллективных захоронений. Не составляет исключения и НТ культура, в которой доля их достигает 13,5 %. При этом преобладают парные погребения (55, или 11,4 % от всего массива), значительно реже встречаются могилы с останками 3 (8 случаев) и 4 (2 случая) человек (2,1 %). Такие показатели идентичны цифрам, характеризующим коллективные погребения восточноприазовской катакомбной культуры, где общая доля их составляет также 13,5 %, доля парных – 11,3 %, а тройных, четверных и пятерных – 2,2 %.

По составу коллективные погребения достаточно разнообразны (табл. 2), причем и здесь распределение их по видам оказывается достаточно близким в новотиторовских и в катакомбных памятниках.

Интересная особенность коллективных погребений выясняется при анализе их распределения в курганах. Если подсчитать теоретическое среднее число НТ захоронений в одном кургане, выяснится, что оно равно 3,363. Поскольку доля коллективных погребений составляет для НТ культуры 13,5 % от общего числа захоронений, то, при соблюдении условия равномерного или случайного их распределения по курганам, теоретическая встречаемость их должна составить 0,445 погребения на курган, иначе говоря, коллективные захоронения должны присутствовать в 44,5 % всех НТ курганов (примерно 1 погребение на каждые 2 кургана). Подсчет фактического их распределения показывает, что в действительности коллективные погребения имеются всего лишь в 33 % курганов. Абсолютно такое

¹ При работе над этим разделом использовалась выборка из 56 могильников, содержащих 210 курганов, 491 новотиторовское и 474 катакомбных погребения.

же соотношение устанавливается и для коллективных погребений катакомбной культуры Степного Прикубанья (отмечены в 33 % катакомбных курганов, вместо ожидаемых 42,2 %). Это позволяет осторожно предположить, что имеет место определенная концентрация коллективных захоронений в особых курганах (по крайней мере в ряде случаев), что и оказывает влияние на всю серию. Очевидно, такое явление аналогично сосредоточению в определенных курганах иных разновидностей могил, например кенотафов [Мельник В.И., 1991], и отражает вполне конкретные правила формирования курганных кладбищ-могильников. Примерами таких “коллективных” курганов являются Останний, 2 и Пластуновский I, 1, причем в обоих случаях они не были самыми большими, а, напротив, уступали по размерам ближайшему кургану с одиночными захоронениями. В Останнем обращает на себя внимание и другой момент – группировка погребенных очевидна в обоих раскопанных курганах могильника, но в кургане 2 она осуществляется через устройство нескольких коллективных погребений (основное 13 и впускные 15 и 18), а в кургане 1 – через устройство четко локализованных на плане и в стратиграфической колонке групп-троек из индивидуальных детских захоронений (50–60–65, 100–120–140, 125–157–158 и 154–155–156). Совершенно очевидно, что устройство коллективных захоронений в НТ обществе является не результатом случайного стечения обстоятельств, а отражением четко осознаваемого разделения членов общества по определенным принципам, хотя установить на данном этапе, что это за принципы и какова их подоснова (социальные градации, условия смерти или что-то еще), пока не удастся.

Последнее наблюдение связано с половозрастным составом коллективных захоронений. Наряду с вполне обычными случаями совместного захоронения взрослых мужчины и женщины (Лебеди I, 5/17), взрослых мужчины, женщины и детей (Останний, 2/15; Лебеди I, 2/60), взрослой женщины с ребенком (Олений, 2/25), имеется целая серия совместных захоронений взрослого, определяемого антропологами как мужчина, и маленького ребенка (Лебеди I, 2/120 – мужчина 20–25 и ребенок 3–4 лет; Останний, 2/18 – мужчина 25–35 и ребенок около 1,5 лет; Олений, 1/21 – мужчина 20–25 и ребенок около 2 лет; Олений, 3/14 – мужчина 18–22 и ребенок около 1,5 лет). Первоначально такие случаи казались ошибками, вызванными неточностями определения сильно матуризованных крупных особей эпохи бронзы, тем более вероятными, что сами определения производились по разобранным скелетам не на месте раскопок, а в лаборатории [Гей А.Н., 1990]. Однако в последние годы отмечается рост числа таких наблюдений в материалах с самых различных территорий [Круц С.И., 1984. С. 8; Кормилицын Д.В., 1998] и объяснять их исключительно ошибками антропологов как будто не приходится. Имеются аналогичные случаи и среди катакомбных памятников Прикубанья (например, Малаи I, 12/71 – мужчина *adultus-maturus* и ребенок около 5 лет).

Вероятно, этот феномен должен отражать некие объективные реалии социальной организации и семейно-родственных отношений в ранних скотоводческих обществах, а потому заслуживает в дальнейшем самого пристального изучения.

ГЛАВА 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ТИПОЛОГИЯ ИНВЕНТАРЯ

Приступая к характеристике материальной культуры НТ племен, известной нам только на основании наборов погребального инвентаря, необходимо оговорить следующий немаловажный момент. Крайне популярным требованием нашего времени является представление материалов по комплексам; иногда анализ его по функциональным категориям объявляется даже необъяснимой причудой, простительной разве что при работе с депаспортизованными коллекциями и случайными находками [Сафронов В.А., 1983. С. 18]. В связи с этим приходится напомнить простую, в сущности, вещь: характер представления материала, выбор методики должны зависеть только от задач и целей исследования.

Если во главу угла ставятся вопросы хронологии, где важны сочетания типов в комплексах, или социальной истории, для которой важны сочетания наборов категорий инвентаря, тогда на первый план выходит анализ этих комплексов. Если же мы зададимся целью составить общую и всестороннюю характеристику культуры, получить ее “этнографический портрет”, пригодный для сличения с такими же “портретами” других культур, то здесь не обойтись без классификационных разработок по функциональным категориям. Забывая об этом, тот же В.А.Сафронов при определении места и генетических связей НТ (точнее КДК) культуры опирается на “комплексы” (числом 11), включающие схематический план захоронения и *один* (!) предмет из этого захоронения [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. Рис. 3, 5, 7; Сафронов В.А., 1989. Рис. 49, 53, 58]. Естественно, ни о каких адекватных характеристиках культуры говорить в этом случае не приходится, а все заключения, как генетические, так и хронологические, основаны на интуиции автора и представляют собой нерасчленимый конгломерат прозрений и заблуждений.

Основная задача данной главы – именно этнографический портрет, по возможности полная характеристика материальной культуры новотиторовцев по традиционным категориям: керамика, металлические орудия и украшения, орудия и украшения из камня и кости, транспортные средства, одежда и т. д. По необходимости оговаривается роль отдельных категорий, типов и предметов в ритуале; их место на хронологической шкале культуры определяется на основании рассмотренной выше трехчленной схемы, что позволяет дополнить ее существенной информацией, введя чисто типологические критерии разделения этапов. Здесь же приводятся некоторые аналогии типам инвентаря, традициям и приемам их изготовления и оформления, что, с одной стороны, дает основания для определения круга предшественников, соседей и наследников культуры, т. е. подводит к решению проблем истории и этнокультурогенеза, а с другой – через уточнение позиции способствует уточнению хронологических рамок явления.

Форма подачи материала обусловлена и тем, что в главе 2 уже охарактеризовано 44 НТ комплекса, что значительная часть НТ захоронений (примерно 33 %) вообще не содержит инвентаря, а у остальных он часто представлен либо

единичными, либо типологически невыразительными предметами. Подборка же типологических серий показывает и размах вариаций, и переключку между сериями внутри культурного набора и дает выход на надкультурный уровень.

Глиняная посуда

Посуда НТ культуры обладает ярко выраженным своеобразием. Отдельные ее формы, приемы изготовления и орнаментации имеют широкое распространение, однако значительная часть таких параллелей поддается истолкованию либо с точки зрения генезиса, либо в свете связей и контактов. Сам же набор признаков и типов, их сочетания – достаточно оригинальны.

На данный момент фонд НТ посуды насчитывает не менее 200 сосудов; при разработке настоящей классификации учтено 187 целых или реконструируемых форм. Следует оговорить, что данная разработка отличается от предложенной ранее [Гей А.Н., 1991а] большей дробностью и последовательностью, при составлении ее пришлось изменить порядок и нумерацию групп и типов.

Сосуды в НТ памятниках встречаются в различном контексте и выполняют различные роли в ритуале. Непосредственно в могилах, возле погребенных, ставили, как правило, целые сосуды небольших размеров. При этом прослеживается тенденция, свойственная ряду культурных групп ямной КИО, сопровождать сосудами прежде всего захоронения детей и младенцев, т. е. рассматривать их как вместилища реальной или символической напутственной пищи. Иногда небольшие целые или фрагментированные (половина) сосуды помещались на перекрытии, у края могилы, на уступе или в насыпи над захоронением. Этот прием содержит, как кажется, больший элемент поминальных и жертвенных ритуалов. Крупные сосуды хозяйственного назначения (кухонные и тарные) известны прежде всего по разновеликим фрагментам, причем есть основания полагать, что обломки боковин и донец использовались в качестве жаровен. Их обычная позиция – на уступе или у края могилы – заставляет связывать эти фрагменты преимущественно с поминальными ритуалами, однако в некоторых случаях, когда фрагменты и жаровни оказываются на кузове повозки, можно предполагать реальное или символическое воспроизведение “интерьера” жилой кибитки, обогрев которой, скорее всего, производился при помощи тех же жаровен.

По размерным параметрам НТ посуда может быть разделена с известной долей условности на три категории: “столовые” сосуды индивидуального пользования и, возможно, культовые – объемом от 0,035 до 0,6–0,8 л; обычную кухонную посуду объемом от 1 до 10–12 л; кухонную и тарную посуду больших размеров, объемом от 15–20 до 40–50 л. При этом наиболее детальное представление можно составить о сосудах первой категории (более 100 целых форм), наименее представительна выборка сосудов второй категории (несмотря на наличие 7 целых и реконструируемых форм, здесь почти нет фрагментов, а имеющиеся сосуды весьма разнообразны; наиболее существенных дополнений к классификации следует ожидать именно в этом разделе). В этом смысле третья категория, представленная почти исключительно фрагментами-жаровнями (1 достоверная целая форма), выглядит более единообразной и типологически выдержанной.

Приведенные данные наглядно демонстрируют ограничения, с которыми мы сталкиваемся при анализе облика материальной культуры, преломленной через призму погребальной обрядности, но вместе с тем показывают, что при большом числе наблюдений и четком осознании этих ограничений приближение к адекват-

ной картине все же вполне реально. В этом смысле принципиальный отказ от выделения и характеристики археологических культур по погребальным памятникам в тех областях, где не известны иные источники, переход на такие понятия, как “группы погребальной практики” [Кореневский С.Н., 1990. С. 49], кажется неоправданно осторожным.

Предлагаемая классификация составлена на основе морфологических, главным образом – качественных, признаков, с учетом размерных параметров; местами учтены признаки иного порядка (вроде обработки поверхности). Отступления от правил формальной логики здесь вызваны стремлением следовать логике конкретного материала. Вся НТ посуда может быть разделена на **8 групп**, с последующим подразделением на более дробные типы. Из них 6 групп составляют категорию “столовой”, а 2 – кухонной и тарной посуды. Особой группой являются культовые сосуды.

Группа 1 – миниатюрные сосудики высотой 3,5–6,5 см и диаметром по венчику 5–8 см, иногда несколько больше (29 экз.).

Тип 1-1 – плоскодонные чашечки или плошки (14 экз.; рис. 40, 5–15) с бурокоричневой или красно-коричневой поверхностью и черным изломом. Отдельные экземпляры (Балка Текучка, 3/15; Динской курган, погребение 6; Новокорсунская, 5/13) – из розовой или красной пачкающейся глины. Поверхность может быть покрыта замытыми расчесами (рис. 40, 7) или тщательно сглажена (рис. 40, 9, 10, 14). Обычно лишены орнамента, лишь на одном сосуде имеются ряды ногтевых вдавлений (рис. 40, 11), еще один (Раздольная, 16/3) покрыт горизонтальными каннелюрами по всей поверхности, один имеет кольцевой поддон (рис. 40, 6). В дальнейшем вероятно их разделение на *плошки* усеченно-конической формы (рис. 40, 8, 12–15) и *чашки* с выпуклыми боками (рис. 40, 5–7, 9–11).

Сосуды типа 1-1, несмотря на кажущуюся невыразительность, – характернейшая НТ форма, в отличие от примыкающих к ним округло- и остродонных чашечек (4 экз.; рис. 40, 1-4), представляющих собой реплики или аналоги одной из форм ямной керамики.

Тип 1-1 известен в могилах всех трех этапов НТ культуры. Близкая чашечка из палево-оранжевой глины найдена в НС захоронении (Новокорсунская–85, 2/25); сходные по форме и обработке поверхности сосудики имеются и в ранних катакомбах ВП культуры.

Плошка из погребения, датируемого рубежом НТ и ВП культур (Останний, 1/65; рис. 40, 15), покрыта красным ангобом и украшена рядом налипших шишечек по бортику. Сходная плошка найдена и в ВП катакомбе (Батуринская I, 9/4; рис. 40, 24). Аналогичные сосуды за пределами Прикубанья открыты в комплексах курганных могильников Центрального Предкавказья (Лечинкай, курган 4; Суворовский, 11/11 [Батчаев В.М., 1984. С. 140. Рис. 19; Нечитайло А.Л., 1979. Рис. 58]) и грунтового могильника Мысхако 1 на Черноморском побережье [Дмитриев А.В., 1980*], относящихся к северокавказской (СК) культуре, что важно для синхронизации финала НТ культуры именно с развитым этапом последней (напомню, что развитый этап СК в моем понимании соответствует примерно 1 этапу по схеме А.Л.Нечитайло [1978]).

Тип 1-2 – плоскодонные чашечки и плошки с загнутым внутрь краем (7 экз.; рис. 40, 16–21). В отличие от типа 1-1, здесь сосуды из пачкающейся красно-оранжевой глины явно преобладают (5 экз.; рис. 40, 16, 17, 19–21), к тому же они украшены орнаментом. В 2 случаях это тонкий, процарапанный по подсохшей глине линейный узор (рис. 40, 19, 20); чашечка из Пластуновской (рис. 40, 21) покрыта

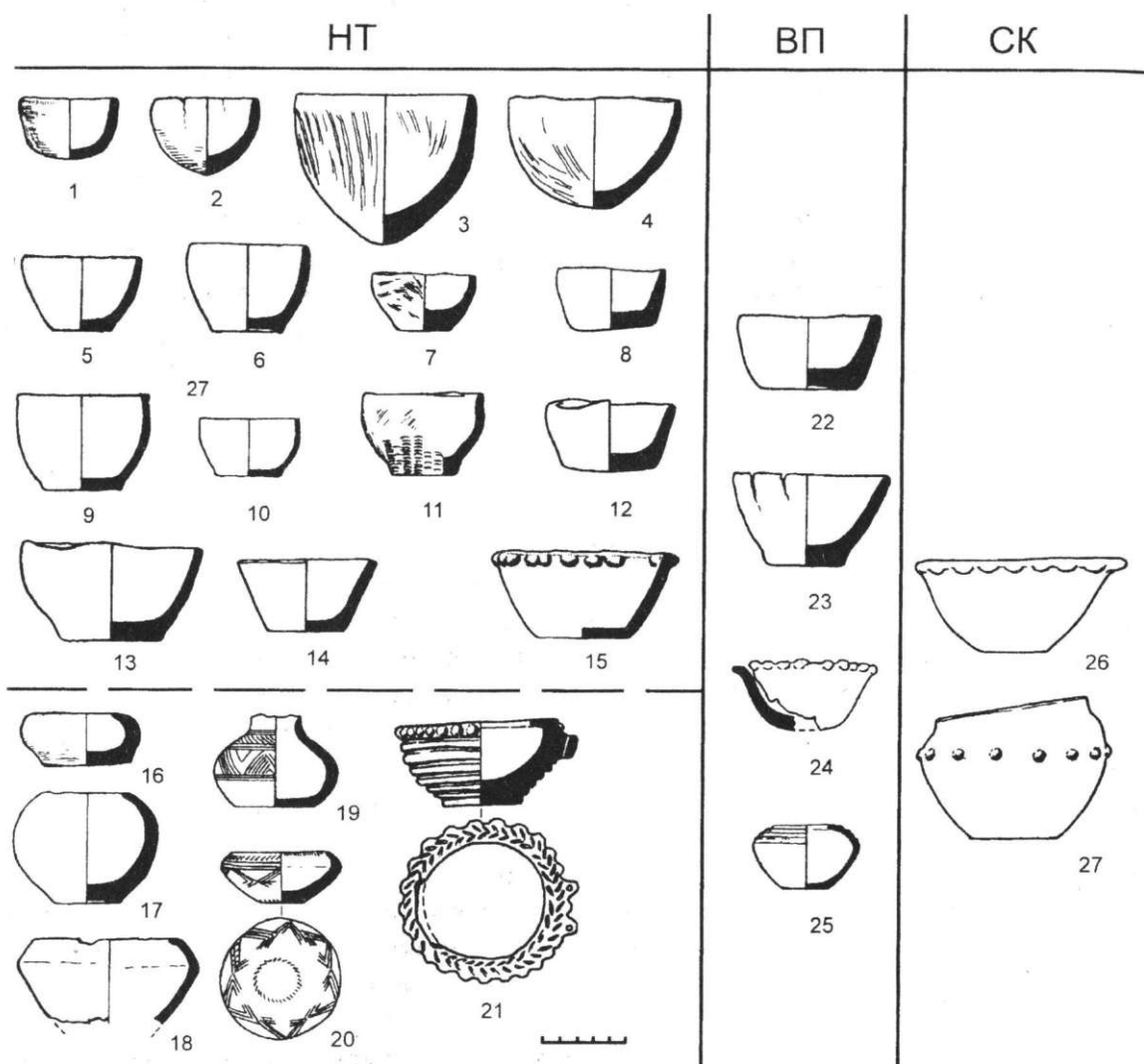

Рис. 40. Новотиторовская керамика группы 1 и некоторые параллели ей в посуде других культур
1, 2, 5–15 – тип 1-1; 3, 4 – сосуды с ямными чертами из НТ погребений, примыкающие к типу 1-1; 16–21 – тип 1-2; 22–25 – сосуды восточноприазовской катакомбной культуры; 26, 27 – посуда северокавказской культуры (вытянутых погребений).

1 – Лебеди I 2/насыпь; 2 – Лебеди I 2/73; 3 – Приазовская 7/4; 4 – Батуриная I 4/1; 5 – Новотиторовская-70 1/9; 6 – Новотиторовская-70 10/1; 7 – Малаи I 9/11; 8 – Балка Текучка 3/15; 9 – Олений I 2/27; 10 – Динской курган, погр. 6; 11 – Динской курган, погр. 14; 12 – Новокорсунская 5/13; 13 – Олений I 2/26; 14 – Олений I 3/14; 15 – Останний I/65; 16 – Лебеди I 1/100; 17 – Овальный (западный), погр. 37; 18 – Овальный (восточный), погр. 26; 19 – Новокорсунская-85 1/3; 20 – Малаи II 1/насыпь; 21 – Пластуновский I 2/26; 22 – Малаи I 3/15; 23 – Балка Текучка 2/3; 24 – Батуриная I 9/4; 25 – Лосево 2/4; 26 – Лечинкай, курган 4; 27 – Нежинская II 4/2

по всей поверхности проглаженными каннелюрами, рядом выступающих шишечек по верхнему краю, косыми тычками по венчику и имеет две вертикальные трубчатые ручки; еще одна плоскость украшена косыми насечками в елочку по всей поверхности (Пролетарский, 5/13). Вариации формы – вплоть до флаконообразной (Новокорсунская-85, 1/3; рис. 40, 19) – показывают, что с накоплением материалов и внутри этого типа будут выделены подтипы.

Тип 1–2 известен из захоронений второго и третьего этапов культуры и, несмотря на небольшие размеры серии, является не просто характерным, но и спе-

цифически новотиторским. Прямую аналогию ему представляет сосудик из катакомбного погребения на р. Челбас (Лосево, 2/4; рис. 40, 25 [Скрипкин А.С., 1984*]). Наличие каннелюр на нем прямо указывает на связь с НТ традицией. Прочие аналоги имеют скорее ассоциативный характер, что указывает на воплощение неких общих идей. Речь идет о чашах, курильницах и иных культовых сосудах КТК времени. Сравнение именно с ними, достаточно вольное на первый взгляд, диктуется безусловным сходством отдельных экземпляров, сосуда из Пластуновской прежде всего, а также тем, что миниатюрные сосуды типов 1-1 и 1-2 в НТ культуре явно имеют не просто утилитарные функции. Они встречены как в составе отдельных тризн в насыпи (Лебеди I, 2/CLXIX; Малаи II, 1/4), так и на перекрытиях могил (Пластуновский I, 2/11; Олений, 2/26 и др.); в некоторых случаях сосуды типа 1-1 были заполнены красной краской (Динской курган, погребение 14; Олений, 2/27; Раздольная, 16/3 и др.).

Группа 2 – миски высотой 5–10 и диаметром 10–16 см (10 экз.; рис. 41, 1–6) из обычной буро- и желто-коричневой и лишь однажды из охристой глины (Динская – пер. Ставского, 1/11).

Морфологически намечаются два типа: с равномерным прямым или округленным профилем и с выделенной закраиной дна или даже выделенными дном и венчиком. Однако разрыва между типами нет, т. к. профилировка венчика и дна обычно достигается лишь за счет рельефных горизонтальных каннелюр, которые вообще являются основным приемом украшения мисок (4 случая; рис. 41, 1, 3, 4). Одна из мисок (Пролетарский, 5/19) имеет кольцевой поддон, известный нам по типу 1-1. Две миски украшены шнуровым орнаментом из вписанных друг в друга свисающих треугольников (Анапская I, 7/10 – рис. 41, 2; ПКОС, 29/3), одна (Приазовская-73, 1/20) имела снаружи и внутри штампованный орнамент “в елочку”. Две миски покрыты внутри замытыми расчесами (Греки II, 2/73 – рис. 41, 5; Раздольная, 9/18), одна – темным лощением (Батуринская II, 1/5; рис. 41, 4).

Название “миска” достаточно условно, сосуды данной группы резко отличаются от действительно крупных и приземистых мисок МК-НС (позднемайкопских) памятников и могут быть с равным успехом названы крупными чашками, тем более что морфологически они сходны с некоторыми экземплярами типа 1-1, отличаясь от них главным образом размерами.

Все миски происходят из могил второго и третьего этапов НТ культуры. В посленовотиторское время сходные формы встречаются в ВП культуре (рис. 41, 16, 17), а затем становятся характерной формой керамики катакомбных культур Нижнего Дона и Предкавказья (отдел VII, по С.Н.Братченко [1976. С. 28]). В этом плане интересна миска из погребения рубежа НТ и ВП культур (Останний, 1/65; рис. 41, 6), демонстрирующая, с одной стороны, появление на этой форме чисто катакомбной орнаментальной схемы, а с другой – четкое НТ наследие (прочерченные линии у венчика и дна, моделировка поддона – явные деградированные подражания каннелюрам).

Группа 3 – “чугункообразные”, или “бесшейные” сосудики высотой 6–10 и диаметром венчика 10–11 см (8 экз.; рис. 41, 7–10). Изготовлены из серой или буро-коричневой глины и лишь однажды (Днепровская I, 3/1; рис. 41, 9) – из красной охристой. Поверхность двух сосудов (рис. 41, 7, 8) покрыта расчесами снаружи, а одного (Раздольная, 13/4) – внутри, поверхность еще одного “чугунка” заложена (рис. 41, 10). Орнаментация этой группе несвойственна. Морфологически и по размерным параметрам “чугунки” имеют значительное сходство с некоторыми округлобокими чашечками типа 1-1 и мисками группы 2.

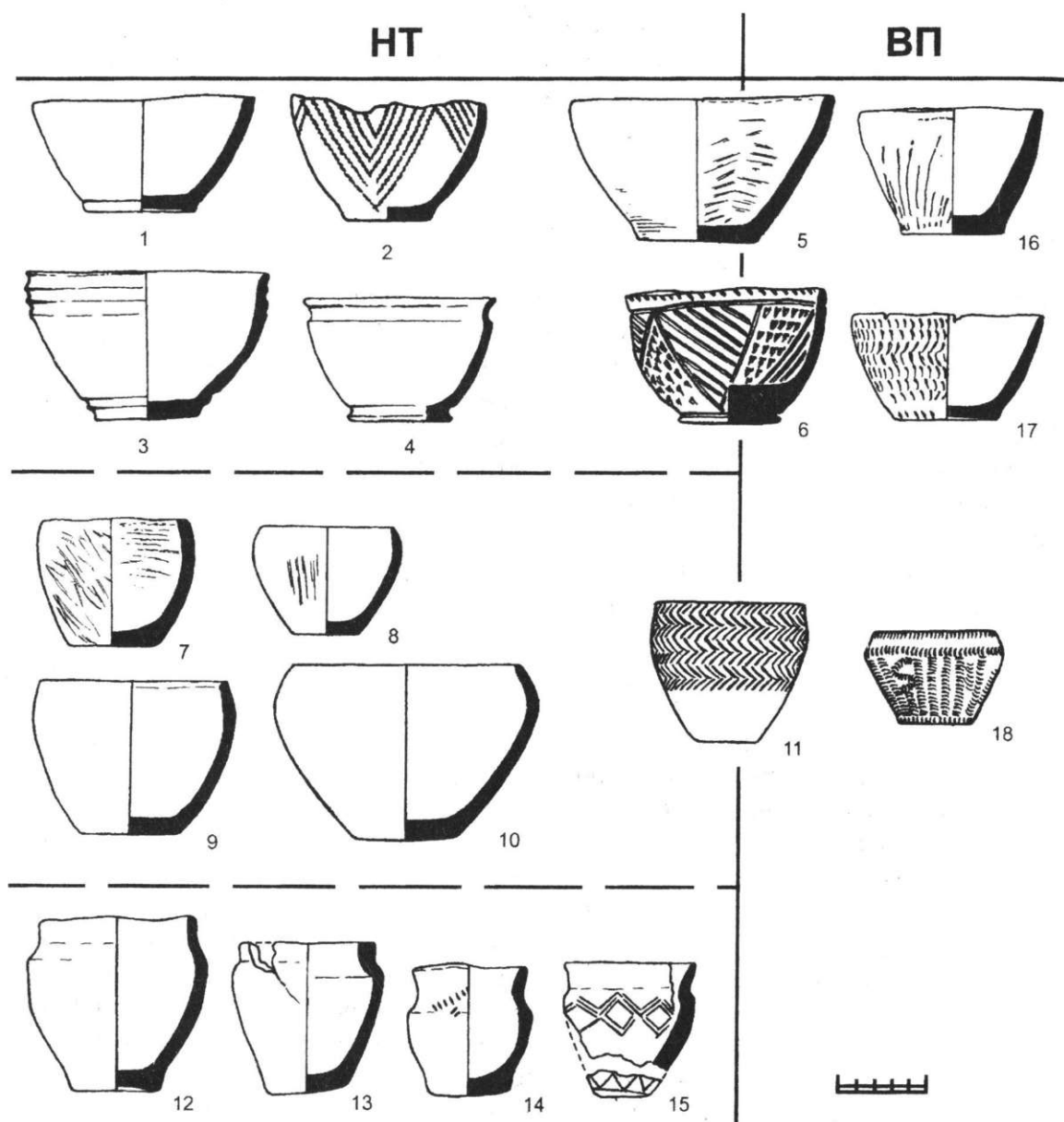

Рис. 41. Новотиторовская керамика групп 2–4 и некоторые параллели ей в посуде восточноприазовской катакомбной культуры

1–6 – группа 2; 7–11 – группа 3; 12–15 – тип 4–1; 16–18 – посуда восточноприазовской культуры. 1 – Белевцы I 3/11; 2 – Анапская I 7/10; 3 – Лебеди I 2/112; 4 – Батуринская II 1/5; 5 – Греки I 2/78; 6 – Останний I 6/5; 7 – Малаи I 9/14; 8 – Брюховецкая II 6/8; 9 – Днепровская 3/1; 10 – Брюховецкая II 1/4; 11 – Каневская (раскопки Д.Я.Чуйко); 12 – Брюховецкая II 4/7; 13 – Брюховецкая II 8/3; 14 – Брюховецкая II 6/19; 15 – Хоперская I 1/13; 16 – Малаи I 8/10; 17 – Малаи I 8/6; 18 – Новокорсунская-80 5/5

Есть основания думать, что “чугунки” известны на протяжении всей НТ культуры; по крайней мере дважды (Брюховецкая II, 1/4; Чапай, 26/8) они обнаружены в могилах, которые с равным основанием могут быть отнесены и к первому, и ко второму этапам. Два сосуда (Водный, 1/10, 11) происходят из захоронений в ямах, одно из которых было ограблено, а другое содержало костяк ребенка в слабоскорченном положении на правом боку, головой к ЮЮЗ, с руками, направленными к лицу; в отчете они ошибочно определены как срубные [Шаталин Ю.А., 1982*]. Наличие в них обильной окраски охрой опровергает такую

атрибуцию, а тот факт, что они были впускными при НТ комплексах второго – третьего этапов, не позволяет относить их и к НС культуре; связь с поздним этапом НТ культуры выглядит в этой ситуации весьма правдоподобной.

В посленовотиторовское время отдельные экземпляры, сходные с группой 3, представлены в ВП культуре (рис. 41, 18), однако здесь они украшены орнаментом, причем перекликающимся с орнаментами НТ чаш и мисок (ср., в частности, с рис. 40, 11). Аналогичные им орнаментированные бесшейные сосуды (отдел 1, типы 1, 2, по С.Н.Братченко [1976. С. 25–26]) достаточно широко представлены в среде КТК культур Предкавказья и Нижнего Дона. Отнесение их преимущественно к бахмутскому типу (позднекатакомбному [Братченко С.Н., 1976. С. 63, 81]) вряд ли оправдано, поскольку “позднекатакомбные смешанные памятники бахмутского типа”, как это сейчас очевидно, включают и примесь оригинальных раннекатакомбных комплексов.

Группа 4 – небольшие “столовые” горшковидные сосуды без ручек, высотой 5,5–13,0 см, с диаметром венчика 5–12 см (25 экз.; рис. 41, 12–15; 42, 1–6).

Тип 4-1 – горшки “стройных” пропорций, у которых высота превышает максимальный диаметр (9 экз.; рис. 41, 12–15). Изготовлены из серой, бурой или коричневой глины, а в 2 случаях (ПКОС. 37/8; Старонижестеблиевская–86, 4/6) – красноглиняные. В половине случаев имеют выделенное донце, у одного (Роговская–70, 34/6) даже с намеком на каннелюру. Три горшка орнаментированы – рядами насечек (рис. 41, 14), правильным трехрядным прочерченным зигзагом по плечу (он же с расчесами внутри; Старонижестеблиевская–86, 4/6). Украшенный ромбами сосуд из Хоперской в верховьях р. Челбас, строго говоря, происходит из памятника, расположенного за пределами территории ядра НТ культуры и не учтенного в нашей выборке. Погребение разрушено, обряд его не восстанавливается, однако типологические и стилистические признаки (“неряшливый”, нестрогий ромб) достаточно определенно указывают на связь его с НТ “диаспорой”.

Сосуды типа 4-1 происходят из комплексов всех трех этапов культуры.

Тип 4-2 – горшки “приземистых” пропорций, высота которых меньше максимального диаметра (17 экз.; рис. 42, 1–6). Из серой, бурой и коричневой глины. Каждый второй сосуд украшен по плечикам или всей поверхности тулова, среди орнаментов – “неряшливый” прочерченный зигзаг (Чапай, 26/10), прочерченные ромбы (Раздольная, 7/9), горизонтальные ряды шнура в сочетании с прочерченными ромбическими фигурами и тычками палочкой (Раздольная, 14/11), свисающие треугольники из отпечатков шнура (рис. 42, 2). Отдельные экземпляры покрыты расчесами (рис. 42, 4).

Происходят из комплексов всех трех этапов.

Горшки группы 4, как видно уже по их количеству, составляют заметную часть керамического комплекса НТ культуры, однако не являются специфически новотиторовскими в силу крайне широкого распространения в различных культурных группах эпохи ранней и средней бронзы. Плоскодонные горшковидные формы и вытянутых, и приземистых пропорций с близкими приемами и схемами орнаментации широко представлены в памятниках древнеямной КИО от Дона до Дуная, включая Степной Крым. Этнокультурная дифференциация ямных памятников этих территорий разработана недостаточно, поскольку до сих пор обычны попытки проводить ее, опираясь на ограниченное число обрядовых признаков (скорченные на спине или боку костяки, каменные или деревянные перекрытия и т. д. [Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н., 1977. С. 19]), или даже вообще игнорировать [Генинг В.В., 1986], хотя перспективность и важность

такой разработки наглядно продемонстрирована наблюдениями антропологов [Круц С.И., 1984; 1987]. Совершенно очевидно, что часть горшков, сходных с сосудами группы 4, явно связана с памятниками, представляющими собой западные аналоги НТ культуры, хотя некоторое количество может принадлежать и безусловно ямным, в узком этнокультурном смысле этого термина.

К югу и востоку от НТ территории аналогии группе 4 имеются в северокавказской культуре вытянутых захоронений, где составляют, к примеру, до 40–50 % (при 12 % в НТ) всей посуды из погребальных памятников Кавминводского района (группа 1, по С.Н. Кореневскому [1990. С. 40–44]). В этой связи стоит отметить, что значительная доля сосудов группы 4 происходит из захоронений, где наряду с новотиторовскими присутствуют черты северокавказского или ямного ритуала (6 случаев находки их при вытянутых или скорченных на спине погребениях, принадлежащих к восточному, кочетовскому варианту культуры).

Очевидно, горшковидные сосуды следует рассматривать и как некое общеэпохальное явление, и как результат контактов населения Прикубанья со своими соседями, СК культурой прежде всего, а потому признать их малопригодными для выяснения вопросов генезиса НТ культуры.

Группа 5 – “столовые” сосуды с петельчатыми ручками (14 экз.).

Тип 5-1 – кружки с одной ручкой (7 экз.; рис. 42, 7–10), высотой 5,5–9,8 см, с диаметром устья 7,5–12,0 см. Характерная особенность – легкое возвышение ручки, прикрепленной одним прилепом к плечу, а другим – к венчику, над краем последнего. Ручки – округлого (Чапай, 26/10), уплощенного (рис. 42, 7, 9) сечения, и даже уплощенные с продольной профилировкой (рис. 42, 8), предвещающие формы позднейших катакомбных и батуриных ручек.

Изготовлены из желтой, красной охристой и темно-серой глины, в последнем случае – залощены (рис. 42, 9). Три кружки украшены прочерченным зигзагом (рис. 42, 9), прочерченными свисающими треугольниками (ПКОС, 37/17), рядами тычков (рис. 42, 10). Найдены в комплексах второго и третьего этапов.

Ближайшие аналогии типу 5-1 находятся в западных, приднестровских районах ямной КИО, в группе памятников, относимых к т. н. буджакской культуре, хотя там эти сосуды отличаются более крупными размерами и именуются кувшинами. Приднестровская серия количественно невелика и рассматривается как неоднородная (часть – как местные формы, часть, сходная с асковидными, – как заимствование от нижнедунайских культурных групп [Дергачев В.А., 1986. С. 52–54]).

В Предкавказье кружки, правда с несколько более низкими ручками, составляют вторую по численности после горшков категорию посуды (примерно треть всего фонда) северокавказской культуры вытянутых захоронений [Кореневский С.Н., 1990. С. 45].

В посленовотиторовское время кружки, идентичные новотиторовским и отличающиеся от них (рис. 42, 17–20), встречаются в ВП раннекатакомбной культуре, различные их модификации широко представлены в керамических комплексах маньчской и особенно калмыцкой катакомбных культур, в позднекатакомбных памятниках предгорий Кавказа.

Тип 5-2 – двуручные кубки высотой 8–14 см, с диаметром венчика 9–13 см (7 экз.; рис. 42, 11–14). Характерна та же, что у кружек, приподнятость ручек. Изготовлены из коричневой и бурой глины, два кубка залощены (рис. 42, 13, 14), три покрыты грубыми расчесами (рис. 42, 11, 12; Раздольная, 18/3). Кубок из Раздольной – единственный имеющий орнамент в виде прочерченных горизонтальных

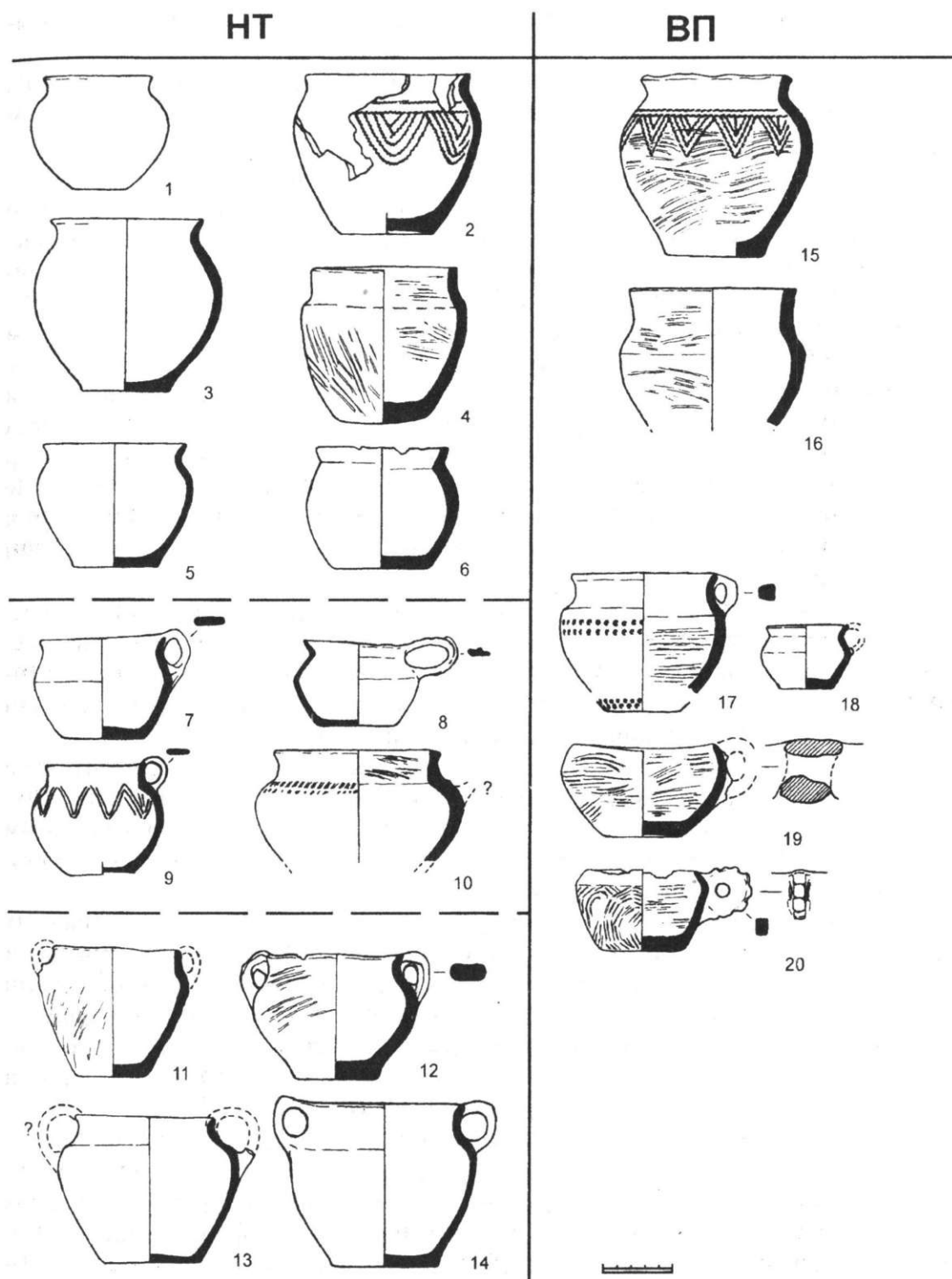

Рис. 42. Новотитовская керамика групп 4, 5 и некоторые параллели ей в посуде восточноприазовской катакомбной культуры

1-6 - тип 4-2; 7-10 - тип 5-1; 11-14 - тип 5-2; 15-20 - посуда восточноприазовской культуры.
 1 - Батуринская II 3/6; 2 - Брюховецкая II 4/1; 3 - Новокорсунская-85 1/2; 4 - Пластуновский I 2/18; 5, 6 - Днепровская I 3/2; 7 - Динской курган, погр. 24; 8 - Магистральный I 1/11; 9 - Лебеди I 2/61; 10 - Динской курган, погр. 14; 11 - Малаи I 9/11; 12 - Приазовская 6/4; 13 - Динской курган, погр. 10; 14 - Новотитовская -70 1/9; 15 - Приазовская 4/6; 16 - Малаи I 10/11; 17 - Динской курган, погр. 6; 18 - Малаи I 3/14; 19 - Пластуновский I 1/21; 20 - Пластуновский I 2/10

линий и свисающих от них треугольников. Этот же кубок и еще один имеют выделенные каннелюрами донца.

Группа 6 – горшковидные “столовые” сосуды, иногда именуемые “флягами”, с налепными ручками-выступами в районе плечиков, имеющие высоту 8,3–19,0 см и диаметр венчика 6,0–17,0 см (16 экз.; рис. 43).

Тип 6-1 – сосуды с вертикально проколотыми ручками (12 экз.; рис. 43, 1–6). Из черной, коричневой, желтоватой или красной пачкающейся глины, обычно тщательно заглажены, лишь в одном случае – с расчесами на поверхности (рис. 43, 4). Три не орнаментированы (рис. 43, 1, 2), четыре – с прочерченными свисающими треугольниками (рис. 43, 3, 6; Старонижестеблиевская–86, 3/18 и 4/6; Пролетарский, 1/2), два – с елочными композициями, выполненными штампом (рис. 43, 4; КРОС “166 га”, 2/9), один – с рядом насечек (рис. 43, 5), еще один – с треугольными вдавлениями по всей поверхности (ПКОС, 16/2). Выступы-ручки обычно подконические, реже трубчатые (2 случая; рис. 43, 4), а у одного сосуда (Пролетарский, 1/2), несмотря на вертикальный прокол, оформлены на манер горизонтальной ручки с вертикальным рифлением, напоминающим позднейшие ручки батуринских сосудов. Сосуд из Овального кургана (рис. 43, 1) отнесен к данному типу достаточно условно, морфологически он напоминает скорее чаши и миски типов 1-1 и 2.

Тип 6-2 – сосуды с горизонтально проколотыми ручками-ушками (4 экз.; рис. 43, 8–11). Из коричневой и красной глины, у одного (рис. 43, 10) – замытые расчесы на поверхности. Все украшены прочерченными свисающими заштрихованными треугольниками, в одном случае переходящими в зигзаг (рис. 43, 11). Один экземпляр имеет не 2, а 4 попарно сгруппированные ручки.

Типы 6-3 и 6-4 – такие же сосуды с вертикально (2 экз.) или горизонтально (2 экз.) проколотыми ушками, отличающиеся от предыдущих округлым или округло-уплощенным дном (рис. 45, 18–20). Сосуды типа 6-3 украшены прочерченным зигзагом (рис. 45, 18) или горизонтальными оттисками шнура (Роговская, 34/6), а сосуды типа 6-4 лишены орнамента.

Сосуды группы 6 имеют широкий круг аналогий в центральных и западных районах ямной КИО. Так же, как в случае с горшками группы 4, вопрос о их связи с собственно ямными (этнографически) или синхронными неямными аналогами НТ требует особого рассмотрения. Сходные формы представлены в имеющихся классификациях КТК керамики, однако здесь они немногочисленны, а сами комплексы, из которых они происходят, не являются достоверно катакомбными и несут отпечаток “ямной” традиции [Братченко С.Н., 1976. С. 41].

В Прикубанье близкие по форме сосуды ВП культуры (рис. 43, 13, 15) приобретают вместо ушек маленькие петлевидные ручки, число которых может колебаться от 2 до 4, или утрачивают ручки совсем (рис. 43, 14). Другим аналогом группе 6 в катакомбной керамике следует признать т. н. “амфорки” (рис. 43, 12), об этом говорит находка в финальном НТ захоронении сосуда переходной формы с 4 непроколотыми выступами (рис. 43, 7).

Сосуды группы 6 встречаются в погребениях всех трех этапов НТ культуры, при этом типы 6-1 и 6-2 связаны с собственно НТ комплексами, а 6-3 и 6-4 – с захоронениями, сочетающими в обряде новотиторовские и ямные признаки. Именно поэтому последние формы можно обозначить как синкретические, появляющиеся в результате контактов НТ и ямного населения (обмен, смешанные браки?), тем более что в чисто ямной керамике Прикубанья ручки не встречаются совсем (рис. 45, 1–15).

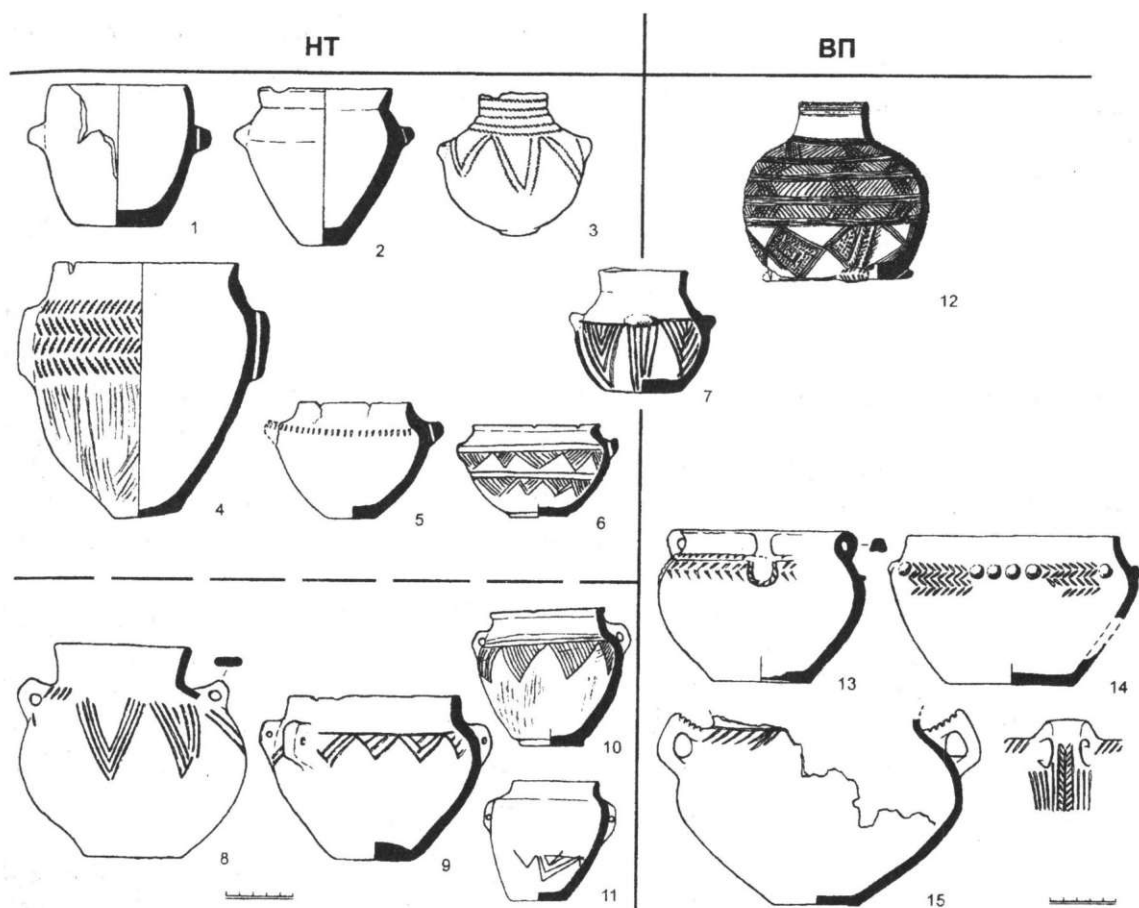

Рис. 43. Новотиторовская керамика группы 6 и некоторые параллели ей в посуде восточноприазовской катакомбной культуры

1–7 – тип 6–1; 8–11 – тип 6–2; 12–15 – посуда восточноприазовской культуры. 1 – Овальный, погр. 38; 2 – Батуринский I 10/13; 3 – Усть-Лабинская, кург. I (1903 г.); 4 – Анапская I 2/2; 5 – Брюховецкая II 6/15; 6 – Лебеди I 2/120; 7 – Останний I 1/50; 8 – ПКOC (1979 г.) 16/3; 9 – ПКOC (1980 г.) 37/14; 10 – Малаи I 9/24; 11 – Приазовская I 1/6; 12 – Степной 3/1; 13 – Лебеди VIII 1/9а; 14 – Лебеди II 3/8; 15 – Анапская I 12/6

Как уже говорилось, группы 1–6 относятся к “столовой” посуде, а следующие, 7 и 8, – к “кухонной” и “кухонно-тарной”. В отличие от “столовой”, количество целых форм здесь крайне мало (6 сосудов целых и 15 реконструируемых), кроме них имеется около 40 жаровен из стенок крупных сосудов и около 20 фрагментов, принадлежность которых с точностью до группы определить невозможно. В 60 % случаев эта посуда покрыта грубыми расчесами, тогда как среди “столовой” доля сосудов с расчесами не превышает 15 %.

Группа 7 – “кухонная” керамика горшковидных форм без ручек, высотой 18–25 см и диаметром венчика 14–20 см (8 экз.). Тесто – бурое, коричневое, желто-коричневое и лишь в одном случае – палево-оранжевое (рис. 44, 4); 6 сосудов покрыты грубыми расчесами по внешней поверхности или с двух сторон, причем здесь уже присутствует прием нанесения горизонтальных дуговидных расчесов по плечикам (рис. 44, 5), обычный для позднейшей катакомбной керамики (рис. 44, 19, 20; см. также ВП кружки на рис. 42, 19, 20).

Не исключено, что в дальнейшем по нюансам формы удастся разбить эту группу на отдельные типы: горшки с резко отогнутым (рис. 44, 6), плавно отогну-

тым (рис. 44, 5) и “манжетовидным”, оформленным под крышку, венчиком (рис. 44, 4). Последний сосуд пока уникален как по форме венчика, аналогичной встречающейся на реповидных и протореповидных (см. ниже) тарных сосудах, так и по волнистому орнаменту из отпечатков шнура.

Керамика группы 7 известна пока в комплексах второго и третьего этапов.

Группа 8 – “кухонно-тарные” и “тарные” сосуды высотой от 24 до 59 см, с диаметром венчика 24–40 и наибольшим диаметром 30–63 см (1 целый и 12 частично реконструируемых).

Тип 8-1 – крупные горшковидные сосуды, как правило, с плавным отгибом венчика, толщина которого не превышает толщины стенок (рис. 44, 7–10). Тесто серое, бурое, буро-коричневое, часть сосудов с гладкой поверхностью, часть покрыта теми же дуговидными расчесами (рис. 44, 9). Пять сосудов этого типа украшены по плечикам одним или несколькими рядами грубых рельефных ногтевых защипов (рис. 44, 8, 9; Динская – пер. Ставского, 1/13; Ново-Николаевский I, 1/СХLIX; Раздольная – СЗ окраина, 1/8) – приемом, сохраняющимся и в ВП культуре (рис. 44, 19).

Особняком стоит сосуд с высоким желобчатым венчиком, украшенный богатым узором из отпечатков гребенчатого штампа и насечек (рис. 44, 10), чрезвычайно близкий одной из форм раннекатакомбной керамики. Погребение, из которого он происходит, может быть отнесено к самому финалу НТ культуры (третий этап; возможно, даже постновотиторовское, т. е. синхронное ранним катакомбам, хотя и чисто новотиторовское по обряду).

Тип 8-1 известен в комплексах второго и третьего этапов.

Тип 8-2 – крупные и очень крупные “тарные” сосуды с раздутым туловом и резким отгибом утолщенного или “манжетовидного” венчика (рис. 44, 11–15). Тесто бурое и буро-коричневое, поверхность может быть желтовато- или розовато-коричневой, примеси – шамот и органика, отчего черепок часто бывает рыхлым, слоющимся. Практически все сосуды покрыты грубыми крупными расчесами, чаще всего и снаружи и внутри, орнаментация на них не отмечена. Иногда в комплексах с ними имеются фрагменты крупных сосудов с отпечатками грубого шнура (Крупской, 3/16), однако форма их не восстановлена. Имеется также обломок “манжетовидного” венчика, украшенного по верхнему краю полосой и зигзагом крупного шнура (Ново-Николаевский I, 1), но он происходит из насыпи, поэтому отнесение его к НТ культуре не совсем достоверно.

Сосуды типа 8-2 найдены в могилах всех трех этапов. Эта разновидность НТ керамики представляет особый интерес. С одной стороны, по форме тулова и устройству венчика некоторые экземпляры типа 8-2 могут быть сопоставлены с крупными “тарными” сосудами позднемайкопского, или МК-НС круга. Думаю, что находка сосуда в погребении у хут. Крупской (рис. 44, 11) повлияла в свое время на обозначение НТ культуры как “культуры с повозками и новосвободненской керамикой” [Николаева Н.А., 1980; Сафронов В.А., 1980]. С другой стороны, характерная раздутость тулова и особенно форма горизонтально отогнутых утолщенных венчиков определенно сближают тип 8-2 с классическими реповидными сосудами позднейших КТК культур Предкавказья, что, с учетом бесспорного хронологического приоритета НТ культуры, позволяет присвоить НТ таре наименование “протореп”, видеть в ней прямые прототипы тарной посуды КТК племен.

Интересна в связи с этим и находка близкого по форме и профилировке венчика сосуда в архаичном ямном погребении (Анапская, 7/19), скорее всего, более древнем, чем даже ранние новотиторовские (см. раздел о хронологии в гл. 5), од-

Рис. 44. Новотиторовская керамика групп 7, 8 и некоторые параллели ей в посуде ямной культуры Прикубанья и восточноприазовской катакомбной культуры

1-3 – посуда ямной культуры; 4-6 – группа 7; 7-18 – группа 8;

19-21 – посуда восточноприазовской культуры.

1 – Пролетарская I 3/19;

2 – Анапская I 7/19;

3 – Новокорсунская-85 2/23;

4 – Новокорсунская-85 1/3;

5 – Анапская I 7/7;

6 – Новокорсунская-85

2/об. 4; 7 – Старомышастов-

ская 2/6; 8 – Брюховецкая II

1/4; 9 – Пластуновский I 2/11;

10 – Новокорсунская-85

2/17; 11 – Крупской 3/16;

12 – Лебеди I 2/116;

13 – Олений 3/насыпь;

14 – Лебеди I 2/120;

15 – Батуринская II 1/6;

16 – Новотиторовская-70

1/12; 17 – Останний 2/15;

18 – Олений 2/25;

19 – Анапская I 8/3;

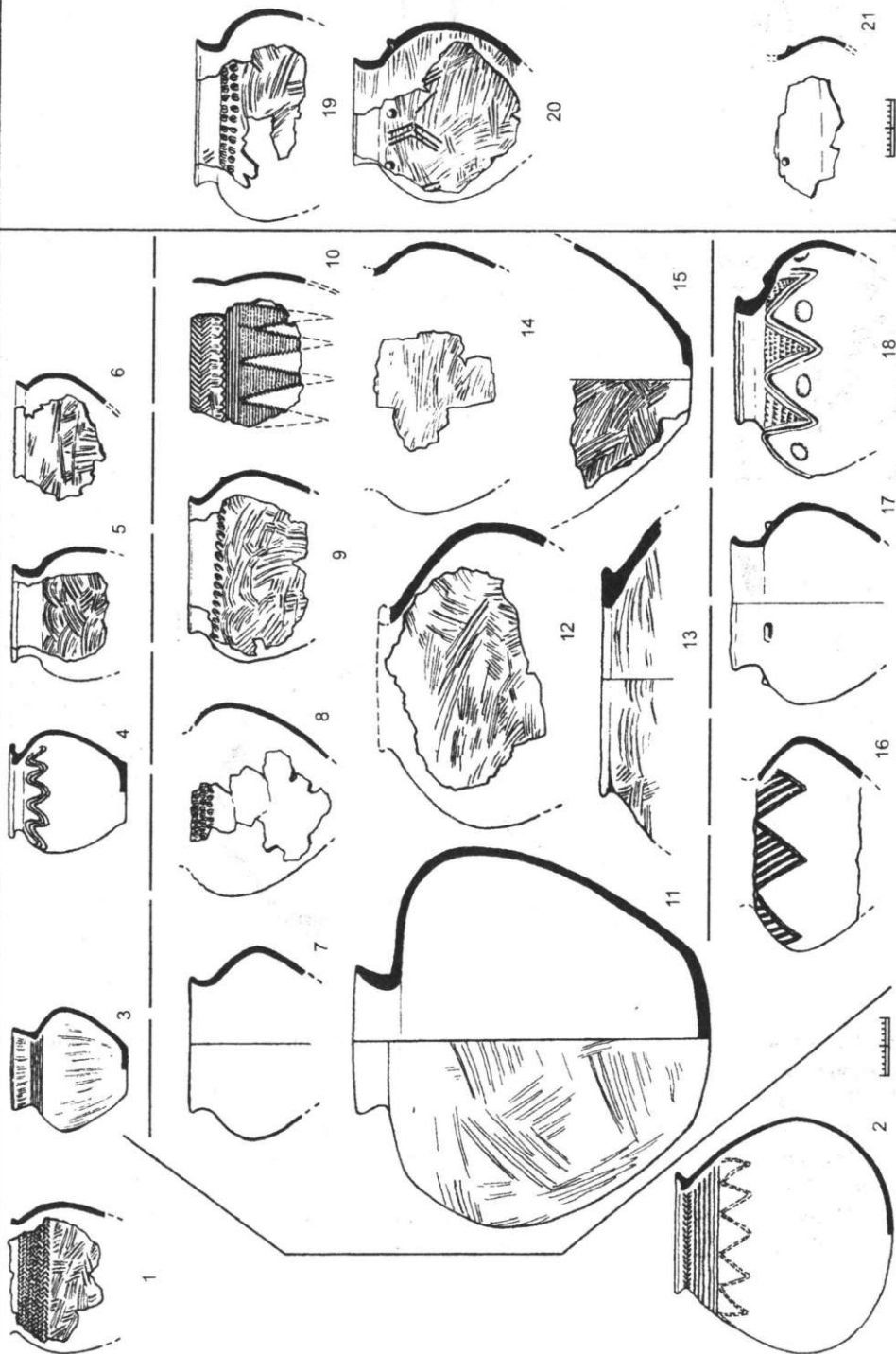
20 – Пластуновский I 2/20;

21 – Найдорф 3/2

ВП

НТ

Я

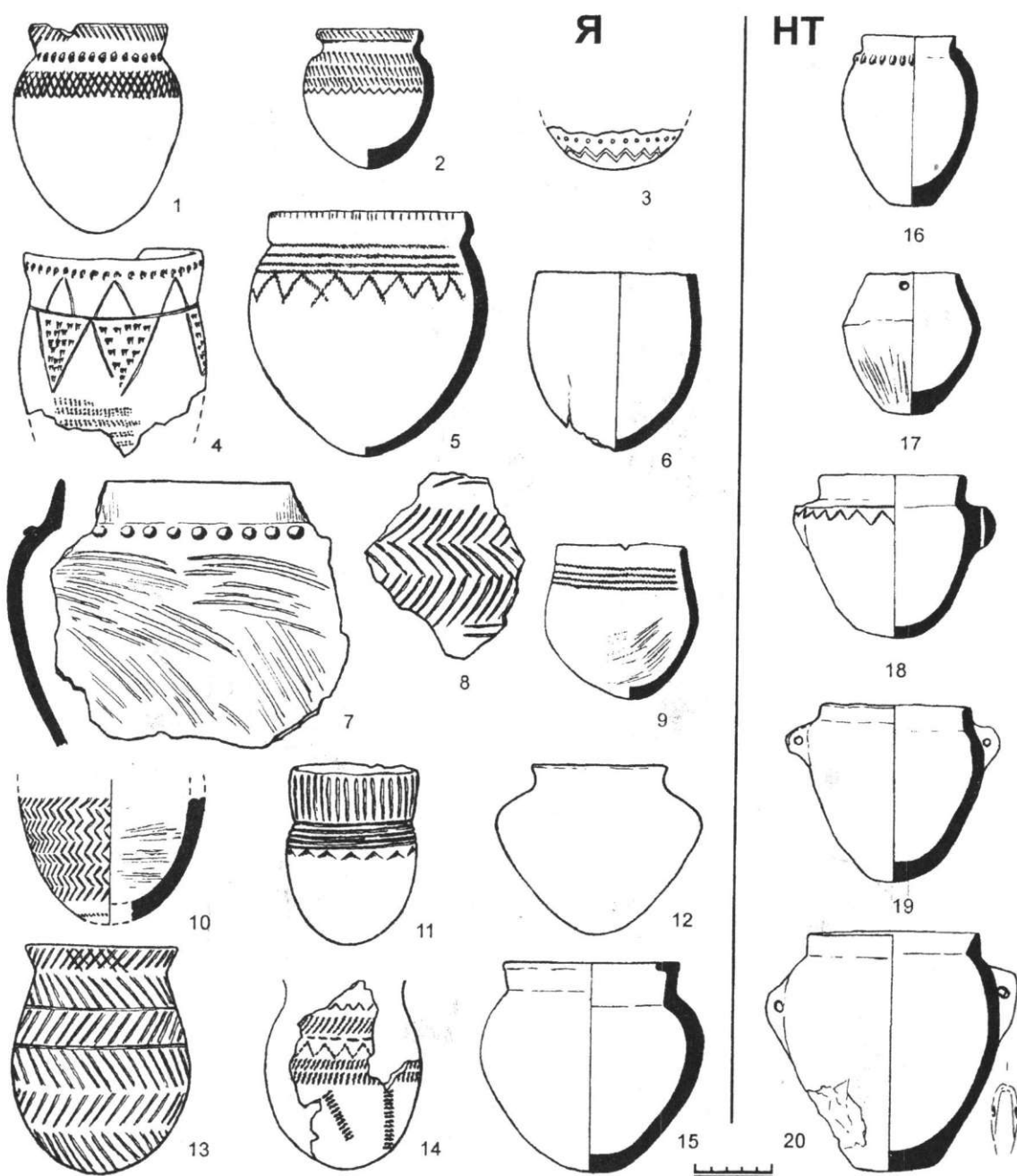

Рис. 45. Керамика ямных памятников Степного Прикубанья (1–15) и сосуды с ямными чертами из новотиторовских захоронений (16–20)

1 – Пашковский 3 могильник, погр. 1 (по К.Ф.Смирнову); 2 – Динской курган (насыпь, рядом с погр. 14); 3 – Лебеди VIII 1/3; 4 – Усть-Лабинская 10/1; 5 – Новокорсунская-85 1/5; 6 – Новокорсунская-85 1/насыпь; 7, 8 – Лосево 2/7 (ошибочно относят к 2/8); 9 – Новокорсунская-85 2/7; 10 – Динской курган, погр. 17; 11 – Кубанская 17/1; 12 – Каневская (раскопки Д.Я.Чуйко); 13 – Кубанская; 14 – Старомышастовская (из слоя поселения под курганом 1); 15 – Лебеди IV 8/17; 16 – Батуринская I 10/8; 17 – Пластуновский I 1/4; 18 – Царский, кург. 1; 19 – Лебеди I 7/7; 20 – Пластуновский I 2/9

нако пропорции его (раздутость нижней части; см. рис. 44, 2) также подразумевают определенные майкопские реминисценции, что не противоречит предполагаемой единой линии эволюции форм тарной керамики от МК-НС культуры через НТ до КТК общности.

Тип 8-3 – крупные сосуды, соответствующие по размерам кухонной и тарной посуде типов 8-1 и 8-2, но отличающиеся от них качественным темным, даже черным, лощением поверхности, наличием орнаментации и рельефных наlepных украшений (6 экз.). Представлены исключительно жаровнями, реконструкция форм возможна лишь в 3 случаях (рис. 44, 16–18). Судя по этим образцам, внутри типа в дальнейшем возможно выделение самостоятельных вариантов: с равномерным по толщине, хотя и резко отогнутым венчиком, сходным с венчиками типа 8-1 (рис. 44, 17); с утолщенным, резко отогнутым венчиком, напоминающим венчики “протореп” типа 8-2 (рис. 44, 18). Все три реконструируемых сосуда орнаментированы: один – прочерченными косозаштрихованными треугольниками (Новотиторовская, 1/12; погребение первого этапа), другой – прочерченными треугольниками, заполненными косыми тычками и обрамленными рельефным волнистым валиком и прочерченными кругами (Олений, 2/25; второй – третий этап), третий – наlepными подпрямоугольными выступами (Останний, 2/15; третий этап).

При всей немногочисленности таких сосудов, явная перекличка с керамикой типов 8-1 и 8-2 подтверждает их типичность для НТ культуры, а оригинальность делает интересными для сопоставлений. Очень близкие по размерам, пропорциям и наличию подпрямоугольных или сосцевидных наlepов сосуды встречаются, причем также в виде фрагментов-жаровен, в раннекатакомбных ВП памятниках Прикубанья (рис. 44, 21) и в синхронных им преддонецких катакомбах Нижнего Дона (например, Суходудеревский II, 4/15 [Житников В.Г., 1987*]). Более отдаленной, но вполне реальной аналогией им является и ведущая керамическая форма позднекатакомбной батуринской культуры – чернолощенные на светлой подкладке крупные горшки с ручками на плечиках, украшенные обычно свисающими прочерченными треугольниками и фигурными наleпами. Это в свою очередь позволяет предполагать продолжение и развитие традиции типа 8-3 у более позднего катакомбного населения этой и прилегающих территорий.

Особый интерес представляет узор в виде волнистого валика на сосуде из могильника Олений. В более раннем контексте аналогичные даже по технике, хотя и менее рельефные, волнистые и кольцевые валики распространены на лощеной посуде группы горных памятников, относимых одними исследователями к МК культуре ранней поры [Формозов А.А., 1965; Трифонов В.А., 1991], другими – к предмайкопскому времени или предмайкопской культуре [Гей А.Н., 1991б; Нехаев А.А., 1992; Кореневский С.Н., 1994]. Целая серия фрагментов сосудов с подобным узором имеется на предмайкопском поселении Мысхако 1 в г. Новороссийске (раскопки А.Н.Гей и Е.И.Савченко в 1990–1991 гг.). В более позднем хронологическом контексте известную параллель нашему сосуду представляют катакомбные реповидные сосуды с волнистыми расчлененными валиками, известные в основном по находкам в Нижнем Подонье и на Маныче (Большой Мишкин курган, погребение 2; Круглый курган в Ростове, погребение 3; Ростов-Западный, 5/6; Шахаевская 2, 1/8; Высочино VII, 3/6 и др. [Братченко С.Н., 1976. Рис. 41, 5; 42, 1; 43, 10; Федорова-Давыдова Э.А., 1983; Беспалый Е.И., 1982*]), а также одна из разновидностей культовой посуды из памятников эпохи средней бронзы Закавказья, близких к триалетской культуре [Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Цере-

тели А.Т., 1985. Табл. 24]. Хотя во всех приведенных примерах речь идет не об аналогиях, а скорее о параллелях, о вероятных репликах, вновь, как и в других случаях, совокупность этих параллелей приводит нас к последовательности: культуры МК блока – НТ культура – КТК КИО.

Курильницы, культовые сосуды. Находки курильниц в Прикубанье сравнительно немногочисленны, причем большая их часть происходит из ограниченного района в верховьях р. Челбас, т. е. из пограничья собственно Степного Прикубанья и Ставрополя. Здесь, в ранних КТК памятниках с ярко выраженной НТ традицией, в погребениях развитого этапа КТК общности, примыкающих к маньчжской культуре, и своеобразных вытянутых КТК захоронениях с СК традицией, встречаются курильницы с отделением на четырех отдельных ножках и на крестовидной подставке, с шнуровым, тесьмянным и штампованным узором (Дмитриевская; КРОС “616 га”, 4/4; Лосево, 2/4; Степной I, 4/12, 5/6; Хоперская, 4/5, 7/5 [Николаев Г.А., 1982*; Семенов А.И., 1980*; Скрипкин А.С., 1984*; Мельник В.И., 1988* и др.]). Второй микроареал – Закубанье (верховья Лабы) и Верхняя Кубань, где специфические курильницы на высокой четырехугольной подставке из соединенных ножек, реже – на обычной крестовидной, происходят из вытянутых позднекатакомбных погребений [Нечитайло А.Л., 1971; 1978], приходящих на смену поздней СК культуре [Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986]. И та и другая группы памятников относятся уже к посленовотиторовскому времени.

Из учтенных НТ памятников происходит лишь одна курильница (Пролетарский–86, 5/10 [Шевченко Н.Ф., 1987*]), найденная в погребении, которое по ряду признаков (стратиграфическое положение в кургане, слабоскорченное, почти вытянутое положение покойника на правом боку, присутствие бронзовых бус) должно относиться к третьему этапу – финалу НТ культуры. Курильница на четырех отдельных ножках, без внутреннего отделения, с двумя отверстиями в бортике и шнуровым узором на внешней и внутренней поверхностях.

Сообщения еще о двух находках курильниц в НТ захоронениях появились в самое последнее время (раскопки 1990 г. у станиц Брюховецкой и Новокорсунской [Тарабанов В.А., 1991. С. 7; Лимберис Н.Ю., 1992]). Даже эти ограниченные данные показывают, что ранние курильницы на отдельных ножках [Егоров В.Г., 1970. С. 156–165] или на кольцевых поддонах присутствуют в НТ культуре и, будучи характерной принадлежностью ряда культур КТК круга [Клейн Л.С., 1968*. С. 105–111], тем не менее появляются уже в погребальных комплексах докатакомбного времени, раньше, чем, скажем, катакомбная форма могилы. Об этом говорят и находки курильниц в памятниках т. н. “архаринского горизонта” Калмыкии (яркий пример – “Три брата”, 9/8 [Синицын И.В., 1948. С. 154. Рис. 20; Шилов В.П., 1984. С. 250]), имеющего множественные корреспонденции с поздними и финальными НТ памятниками.

Прямое отношение к этой теме имеет и вопрос о путях сложения формы культовых сосудов катакомбного круга в целом. Мне приходилось писать о семантической связи курильниц с некоторыми разновидностями моделей жилищ энеолитических и раннебронзовых культур юга Восточной Европы [Гей А.Н., 1985*. С. 177–178]. Находки последнего времени позволяют предполагать более сложный комплекс культовых представлений, в котором семантической группировке “могила с шалашом – жилище, могила с повозкой – повозка-жилище” соответствует предметно-символическая цепочка “сосуд – культовый сосуд – модель жилища – курильница – модель повозки”. Наличие таких связей, с моей точки зрения, проявляется в общности орнаментации курильниц, моделей повозок катакомбного

времени и т. н. амфор – орнаментации, как бы воспроизводящей легкие плетеные конструкции. Один из лучших образцов, подтверждающих такую связь, – амфоровидный сосуд из КТК погребения в верховьях р. Челбас (Степной, 3/1), орнаментацией, четырехугольной формой придонной части и наличием отверстий бесспорно связанный напрямую с глиняными катакомбными моделями повозок (рис. 43, 12). Нетрудно заметить, что близкие этой “амфорке” формы и орнаментальные схемы появляются уже среди керамики финальных НТ памятников (рис. 41, 15; 43, 6, 7), что подкрепляет тезис о формировании ритуальных представлений катакомбного населения Предкавказья и их материальных атрибутов еще в предшествующую эпоху, в среде носителей НТ культуры.

Завершая классификацию НТ керамики, необходимо отметить некоторые общие моменты. Вся посуда изготовлена от руки, без применения гончарного круга. Технологические рецепты варьируют, но некоторые закономерности очевидны. Основная искусственная примесь-отощитель в глиняном тесте – шамот, отмеченный не менее чем у 54 % сосудов. При специальном исследовании, проведенном И.А.Гей в лаборатории А.А.Бобринского, выяснилось, что достаточно часто применялись и органические добавки, помет животных в частности, что придает черепку рыхлость и пористость. Имеющиеся в некоторых случаях сведения о раковинной примеси требуют проверки, поскольку в ряде случаев за раковину принимают мелкотолченую пластинчатую белую кварцевую дресву. Впрочем, число таких сосудов невелико (14 % с дресвой и 14 % с “ракушкой”).

По характеру глины, обжигу, обработке поверхности НТ посуда достаточно разнообразна и делится на 4 варианта.

Вариант А – красные, оранжевые, желто-розовые сосуды с заглаженной, а в случае разрушения – с пачкающейся, поверхностью (имеются в группах и типах 1–2, 2, 3, 4–1, 5–1, 6–1, 6–2, 7).

Вариант Б – сосуды с темным лощением (в группах 2, 3, 5 и все сосуды типа 8–3).

Вариант В – серые, бурые, коричневые сосуды с гладкой поверхностью (широко представлены во всех группах, кроме 8).

Вариант Г – такие же сосуды, но с поверхностью, покрытой грубыми или замытыми расчесами (составляют до 15–20 % “столовой” и до 60 % “кухонно-тарной” керамики), нанесенными в некоторых случаях створками морских раковин (определение И.А.Гей).

Орнамент встречается в общей сложности на 28 % НТ сосудов, особенно часто на посуде первой и второй категорий (“столовой” и “кухонной”), где украшено 40–45 % сосудов (для сравнения, в ямной культуре Прикубанья – около 80 %, в ВП культуре – 25 %). Наиболее распространенные приемы нанесения узора – прочерчивание и процарапывание линий (50 % всех орнаментов), насечки, ногтевые вдавления, тычки (35 %), оттиски шнура (20 %). Для сравнения: в ямной посуде региона 65 % узоров нанесено гребенкой, гусеничкой, гладким штампом и насечками, 16 % – шнуром, 12 % – прочерчиванием; в посуде ВП памятников 45 % узоров – насечки, ногтевые вдавления, тычки, 45 % – рельефный орнамент (защипы, налепы, валики), около 15 % – прочерченные линии.

Характерной особенностью моделирования и украшения НТ сосудов разных групп (рис. 40, 21; 41, 1, 3, 4; 43, 6, 10) является использование горизонтальных каннелюр (4 % всей керамики и 16 % всех сосудов с орнаментом), причем это один из немногих случаев, когда прослеживается определенная временная изменчи-

вость признака: настоящие желобчатые каннелюры сменяются на поздних сосудах узкими бороздками и глубокими прочерченными линиями, отбивающими поддон и край венчика (рис. 41, б).

Отмеченное “чересполосное” сочетание морфологических групп и технологических вариантов создает впечатление пестроты набора, но вместе с тем позволяет объединять между собой экземпляры разных групп и типов. Оценивая набор НТ посуды, следует, тем не менее, признать, что с точки зрения технологии он не выглядит однородным, а в формировании его, скорее всего, могли принять участие носители нескольких традиций. Это обстоятельство необходимо учитывать при решении проблемы сложения НТ культуры в целом.

Металлические орудия

Находки бронзовых орудий в НТ культуре достаточно редки (всего в 39 погребениях). В большинстве случаев это захоронения взрослых; 4 раза в захоронениях детей и подростков найдены небольшие шилья, в 2 поздненовотиторовских детских погребениях – ножи. В 8 случаях в могилах присутствовали наборы из 2–4 различных орудий (нож + шило, нож + тесло, тесло + шило, 2 ножа + резец + шило, 2 ножа + тесло + шило). При этом наиболее полные наборы происходят из погребений первого этапа и комплексов смешанного ямно-новотиторовского облика, в поздних могилах присутствуют, как правило, одиночные орудия. Интересно, что в приходящей на смену НТ ВП катакомбной культуре эта тенденция сохраняется, находки бронзовых орудий представляют редчайшее исключение. Такая картина резко контрастирует с обилием бронзовых орудий в маньчской и элистинской катакомбных культурах, сравнительно многочисленными находками в СК культуре.

Проушные топоры. Ни разу не встречены в захоронениях. О наличии собственного производства и о типе НТ топоров можно судить по находке литейных форм в погребении мастера-литейщика (Лебеди I, 3/10), относящемся к концу первого этапа культуры [Гей А.Н., 1986]. Три непрокованные и необточенные отливки такого же типа, из которых одна абсолютно соответствует лебединским формам, найдены А.А.Нехаевым в насыпи кургана с разрушенным основным погребением эпохи ранней бронзы (Верхний, 6). Есть все основания связывать и эту находку, и этот тип топора с НТ культурой.

Сами топоры сопоставимы с топорами второй майкопской группы, известными прежде всего из НС и МК-НС комплексов, и отличаются от них наличием рельефных валиков-утолщений по краям втулки, как бы предвосхищающих приемы укрепления втулки топоров эпохи средней бронзы. Иными словами, они представляют собой переходный тип от майкопско-новосвободненских к катакомбным формам.

Полную аналогию НТ топорам и по форме, и по архаичной технологии (литье в открытую форму со стороны брюшка) представляют находки из раннекатакомбного захоронения у с. Пришиб, раскопанного С.Н.Братченко. Вместе с тем, эта аналогия указывает, с моей точки зрения, лишь на определенный временной диапазон существования данной формы (приблизительно от середины до последних веков III тыс. до н. э.) и не может использоваться для синхронизации ранних НТ и ранних КТК памятников. В пользу такой трактовки говорит и находка формы для отливки совершенно идентичных топоров на куро-аракском поселении Шортепе в Азербайджане [Нариманов И.Г., Джафаров Г.Ф., 1990. С. 9. Рис. 3, 1].

Тесла и долота. Трапецевидные плоские тесла найдены в 3 могилах первого этапа (Брюховецкая II, 3/3 – ямно-новотиторовское погребение; Старонижестеблиевская, 4/11 и Тимашевский курган, погребение 30 – памятники конца первого – начала второго этапа). Формочка для отливки тесла такого типа найдена в том же захоронении литейщика из Лебедей I. Такие короткие и широкие тесла являются древнейшими и встречаются в новосвободненских памятниках, ямных и позднэнеолитических погребениях степной полосы. Дальнейшее развитие формы – удлинение орудия, расширение лезвия по отношению к обушку – относится уже к катакомбному времени.

Долото известно в единственном экземпляре (Новокорсунская–85, 2/22 – третий этап?). Такая форма обычна для позднемаякопских, или майкопско-новосвободненских памятников.

Из других крупных орудий можно назвать “пробойник” в виде массивного стержня с тупыми концами и подпрямоугольным поперечным сечением и “резец” в виде закреплявшегося в рукояти тонкого длинного стержня с желобчатым профилем (Крупской, 3/14 и Первомайский, 2/2 – комплексы первого этапа).

Ножи. Известно 22 экземпляра из 20 погребений. Серия в целом состоит из общестепных типов с широкими хронологическими и территориальными рамками. Основная масса ножей относится к группам 3 и 4, по классификации С.Н.Кореневского, датируемым им серединой III – серединой II тысячелетия до н. э. и концом эпохи бронзы соответственно [Кореневский С.Н., 1978], или группе В, по А.М.Бианки [1991].

Вместе с тем, здесь возможны некоторые уточнения. Обе классификации составлены на основе вариаций общего абриса ножа и приблизительных пропорций лезвия. Общеизвестны трудности классификации ножей, связанные со стачиванием лезвий при заточке и использовании. В силу этого представляется целесообразным в основу классификации класть прежде всего форму черенка и оформление прилегающей части клинка (плечиков). Сочетания этих признаков в небольшой серии НТ ножей позволяют предполагать, что ножи с узким прямым черенком и плавно округленными плечиками являются наиболее архаичными (преимущественно первый этап; рис. 46, 15–18), с широким подтреугольным черенком и наметленным углом на плечиках – более поздними (второй – третий этапы; рис. 46, 4, 5, 7, 8), ножи с раскованным концом черенка и треугольным лезвием – поздней формой (третий этап; рис. 46, 6). Достоверность этого наблюдения требует дополнительной проверки на численно большей серии и, к сожалению, пока не предоставляет данных для синхронизации НТ памятников с памятниками других культур.

В единственном экземпляре найден нож с расширенным лезвием (Батуринская II, 3/11 – второй этап; рис. 46, 9), относящийся к группе 1 С.Н.Кореневского, известной по находкам в новосвободненских дольменах и позднемаячных (?) памятниках степной полосы [Кореневский С.Н., 1978. С. 46].

Единична и находка бесчеренового ножа группы А, по А.М.Бианки (Лебедей I, 8/15 – первый этап; рис. 46, 14). Еще в одном ямно-новотиторовском захоронении первого этапа (Брюховецкая II, 3/3) найден оригинальный клинок с уступчатыми плечиками (рис. 46, 15), который, скорее всего, должен рассматриваться как очень ранний прототип поздних катакомбных ножей с расширяющимся “пламевидным” концом лезвия группы 2 С.Н.Кореневского. Сами ножи группы 2 в НТ захоронениях не встречены ни разу, что важно для определения хронологических позиций обеих культур.

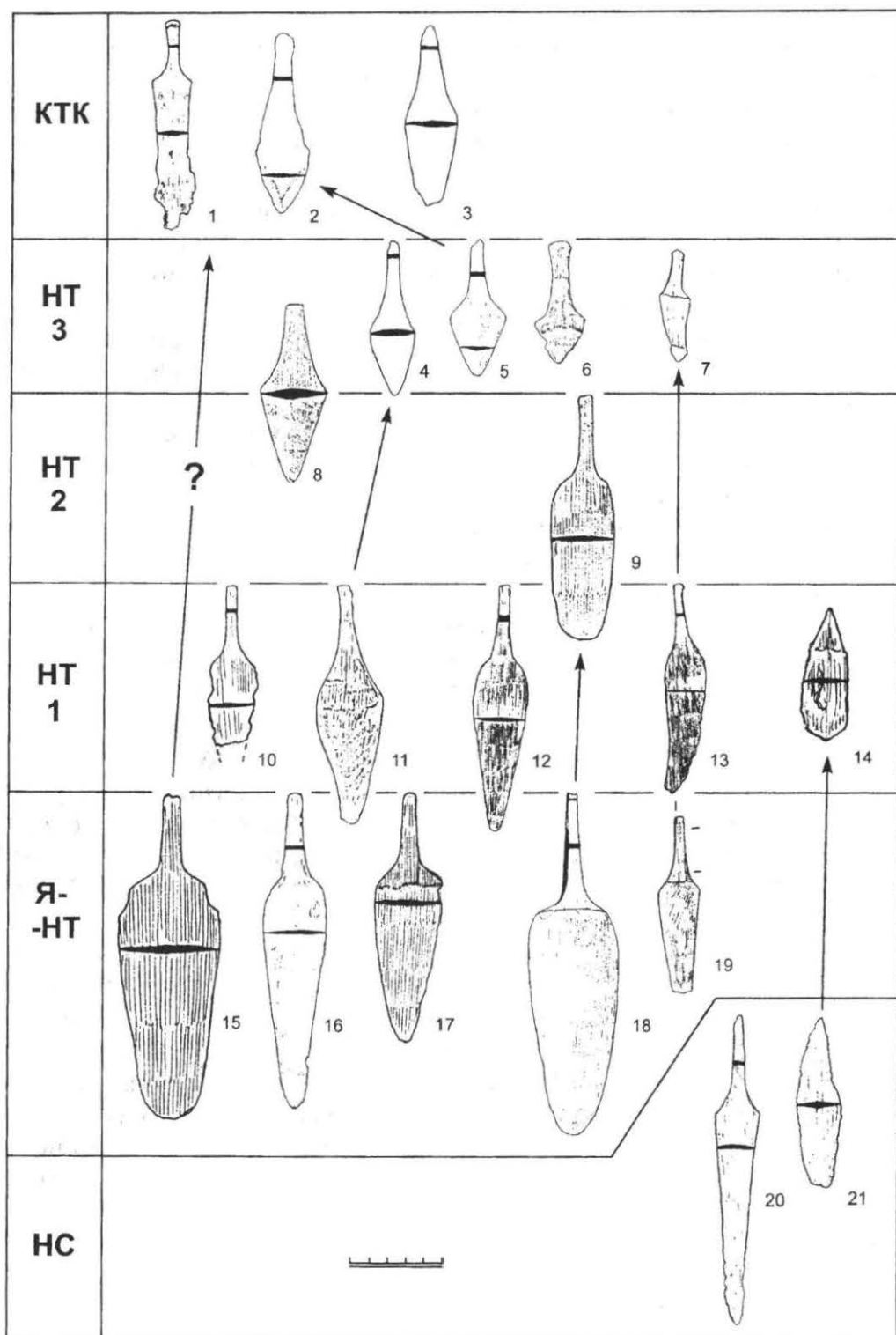

Рис. 46. Бронзовые ножи различных культурных групп Прикубанья

1-3 – катакомбные; 4-14 – новотиторовской культуры; 15-19 – из ямных и ямно-новотиторовских комплексов; 20-21 – степной новосвободненской культуры. 1 – Степной 5/6; 2 – Тимашевск 1/28; 3 – Батуриная I 3/7; 4 – Батуриная I 15/5; 5 – Тимашевск 1/20; 6 – Днепровская I 3/1; 7 – Днепровская I 3/2; 8 – Новокорсунская I 3; 9 – Батуриная II 3/11; 10 – Лебеди I 5/10; 11 – Брюховецкая I 5/9; 12, 13 – Тимашевск 1/30; 14 – Лебеди I 8/15; 15 – Брюховецкая II 3/3; 16 – Степной 4/14; 17 – Брюховецкая II 4/5; 18, 19 – Первомайский 1/2; 20 – Новокорсунская 2/19; 21 – Новокорсунская 2/12

Оригинальную немногочисленную серию, не привлекавшую пока внимания исследователей, составляют небольшие узкие ножи с резкими плечиками и наметенным изгибом лезвия (комплексы всех трех этапов; рис. 46, 7, 13 и, возможно, 19). Вероятно их функциональное своеобразие, поскольку дважды (Первомайский, 2/2 и Тимашевский курган, погребение 30) они входили в состав явно производственного набора бронзовых орудий наряду с обычными прямыми клинками. Близкие формы известны из захоронений ямного и раннекатакомбного времени на Донеччине [Смирнов А.М., 1991. С. 74, 76. Рис. 3, 4). Не исключено, что итогом развития именно этой формы стало появление искривленного ножа-“скальпеля” в элистинской катакомбной культуре [Шишлина Н.И., 1991. С. 125. Рис. 3, 2]. Думаю, что в дальнейшем их следует обособить в отдельную группу.

Шилья. Известны в количестве 22 экземпляров. Представлены в основном двумя разновидностями: небольшими шильями с равномерным профилем (рис. 15, 9) и более длинными, иногда изогнутыми шильями с упором. Сечение в обоих случаях подквадратное. Особые группы составляют шилья с выделенным черенком и округлым в сечении острием (Белевцы I, 2/10; Брюховецкая I, 5/10; Новокорсунская-85, 2/22), а также шилья-“микродолотца” с плоскораскованным рабочим концом (Батуринская I, 12/3; Брюховецкая I, 5/9; Малаи II, 1/15).

Оценивая комплекс металлических орудий НТ культуры в целом, можно сказать, что ряд типов идентичен известным на памятниках эпохи ранней бронзы Северного Кавказа и степной полосы, часть относится к типам с большой амплитудой бытования, но в тех случаях, когда можно говорить о путях эволюции типа, НТ металл может быть обозначен как транзитный, занимающий промежуточное положение между ранним (новосвободненским прежде всего) и поздним (катакомбным).

Кремневые изделия

Крайне немногочисленны и в большинстве своем миниатюрны, что, скорее всего, связано с отсутствием собственного кремня на территории распространения НТ. С этим же связано и разнообразие используемого сырья (черный, серый, коричневый, желтый и белесый кремль разных оттенков и качества). Встречаются грубо оббитые желваки, отщепы и сколы, маловыразительные скребки различных очертаний.

Наконечники стрел. Единственная разновидность кремневых изделий, имеющая типологически выдержанный стандарт. Все наконечники – подтреугольные, со слегка выпуклыми боковыми сторонами и небольшой выемкой в основании, все – очень мелких размеров (длина 1,0–1,4 см, самый крупный – 2 см; рис. 35, 6).

Известны в 14 погребениях, 13 из них принадлежали взрослым, а 1 – подростку (Пролетарский-86, 5/11). В 5 случаях археологами и в 1 антропологом пол погребенных определен как мужской. В 6 случаях найдено по 1 наконечнику, в 3 – по 2, в 2 – по 3, по одному разу найдены 4, 6 и 8 наконечников (Бураковский, 2/3; Тимашевский курган, погребение 20; Пролетарский-86, 5/11). Располагались они слева от таза (5 случаев), у головы – обычно также слева (4 случая), возле правого локтя (1 случай).

Интересно, что 7 из 14 погребений с наконечниками были совершены в вытянутом положении на спине, т. е. принадлежали к числу гибридных новоторовско-северокавказских, обычных для восточного, кочетовского варианта культуры.

Типологически НТ наконечники стоят ближе всего к катакомбным, хотя для последних характерно присутствие и более развитых форм, с глубокой выемкой в основании и длинными оттянутыми шипами.

Каменные орудия и изделия

Представлены пестами и наковальнями, терочниками, топорами, мотыгами и разнообразными абразивами.

Песты различных размеров, форм и степеней обработки встречаются как поодиночке, так и целыми наборами, как, например, в захоронении металлурга (Лебеди I, 3/10), где сочетание их с массивной брусковидной каменной наковальней указывает на использование пестов не только при дроблении руды, но и, вероятно, в качестве ударных орудий при ковке [Гей А.Н., 1986].

Плоские лепешкообразные и цилиндрические **терочники**, абсолютно идентичные терочникам из восточноприазовских катакомбных погребений, использовались для растирания охры. Не исключено, что это вторичное их использование, поскольку целые серии аналогичных предметов с разных территорий определяются специалистами по трасологии как наковаленки, использовавшиеся при ковке бронзовых изделий [Коробкова Г.Ф., 1993]. Наряду с терочниками для растирания охры применялись песчаниковые плитки и плоские сколы с крупных галек, обычно находимые в могилах рядом с комками и пятнами краски. Известны находки песчаниковых **выпрямителей** с желобком (Тимашевский курган, погребение 20 – третьего этапа) – формы, обычной для периодов как ранней, так и средней бронзы Причерноморья.

Единичны находки плоского клиновидного **топора** с намеченным боковыми выемками перехватом для крепления (Малаи II, 1/11 – основное погребение второго этапа) и **мотыг**, одна из которых была клиновидной с выделенным обушком (Малаи I, 9/25 – протокатакомба третьего этапа; рис. 17, 4), а вторая имела просверленное отверстие для рукояти (ПКОС, 14/1 – погребение конца первого этапа [Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980*]). Особый же интерес представляет небольшая серия проушных топоров.

Сверленные каменные топоры. Сравнительно редкая находка в НТ памятниках (11 экз.). Происходят преимущественно из захоронений взрослых (9 случаев), из которых два определены как принадлежащие мужчинам 35–45 лет, по понятиям и реалиям того времени – старшей возрастной группы. Единственная находка топора небольших размеров в парном детском захоронении относится к позднему, третьему этапу развития культуры (Днепровская I, 3/1). Во всех случаях топоры лежали возле плеча погребенных, независимо от их позы, в более архаичных захоронениях – у левого, в более поздних – у правого, причем так, будто деревянная рукоять проходила вдоль соответствующей руки покойника. На символический характер данной категории указывают материал (серпентинит, или змеевик, в подавляющем большинстве случаев), блестящая полировка и нефункциональная притупленность или сглаженность лезвий. Односторонняя сверлина всегда расширяется к спинке топора, что обеспечивало более жесткое его крепление на рукояти, в одном случае внутри сверлины сохранились остатки дерева и бронзовых клинышков (Батуринская I, 2/9). Пока не совсем ясно, является ли преднамеренным помещением в могилы сломанных топоров или экземпляров с признаками переиспользования (стесанные и сточенные лезвия). В некоторых случаях (Лебеди I, 3/10) подчеркнуто символический смысл такой поломки кажется весьма вероят-

ным, но вместе с тем, в культурных группах Северного и Северо-Западного Причерноморья, представляющих собой ближайшие аналоги НТ культуре Прикубанья, переиспользование сломанных топоров и их фрагментов в качестве заурядных растиральников, абразивов и даже выпрямителей (см., например: Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989) является достаточно распространенным.

Новотиторовские топоры образуют достаточно однородную группу с намечающейся внутренней эволюцией (рис. 47). Наибольшим своеобразием обладают топоры первого этапа, имеющие сильно вытянутую ладьевидную форму, круглое поперечное сечение обуха и овальное лезвийной части, слабо намеченное грибовидное утолщение обуха и один или несколько рельефных валиков на боковой поверхности, проходящих от одного конца сверлины до другого (рис. 47, 7, 8). Топоры второго и третьего этапов, сохраняя ладьевидные очертания, округленное сечение и валики на втулке, утрачивают изящество ранних форм и отличаются все более и более укороченными пропорциями. Абсолютно такие же топоры продолжают встречаться в катакомбных памятниках на довольно широкой территории, прежде всего в раннекатакомбных преддонецких, ранних донецких (типа Луганск, 3/3 и Аккермень, 8/7 [Братченко С.Н., 1976]) и раннеманычских (Саган I, 18/8) комплексах, хотя дериваты их встречаются и позднее, в частности, в позднекатакомбной батуринской культуре (ПКОС, 9/5).

Долгое время ладьевидные топоры “изящного стиля” считались производными от граненых топоров кабардино-пятигорского типа и датировались XV–XIII вв. до н. э. [Марковин В.И., 1960; Сафронов В.А., 1968]. Одним из факторов, способствовавших такой датировке, являлось их сходство с третьим топором Бородинского клада. Лишь бесспорные случаи нахождения их в комплексах III тысячелетия заставили пересмотреть вопрос о дате [Гаджиев М.Г., 1975; Гей А.Н., 1986. С. 23–24]. Передатировка получила признание, и вместо бородинских, топоры Прикубанья сопоставляются ныне с серпентинитовыми и лазуритовыми топорами из клада L Трои II, среди которых, кстати, также есть испорченные и разбитые экземпляры [Сафронов В.А., 1989; Трифонов В.А., 1991; Трейстер М.Ю., 1996]. Топоры Трои II (рис. 47, 12), наиболее распространенной датировкой которой были и остаются 2500–2400 гг. до н. э. [Milojčić V., 1949; Mellaart J., 1957. P. 87], представляют действительно ближайшую аналогию топорам первого и второго этапов новотиторовской культуры, у которых наиболее выражено рельефное оформление втулки, и на этом основании могут привлекаться для датировки рубежа первого и второго этапов (по богатству декора сходны с топорами первого этапа, по общим пропорциям – скорее второго). Но на этом сходство не заканчивается, а может быть дополнено и проверено целой системой параллелей.

Начнем с вопроса о вероятных прототипах или исходных формах топоров “изящного стиля” (терминология А.Я.Брюсова и М.П.Зиминой). В стратиграфически предшествующих новотиторовским новосвободненским комплексам Степного Прикубанья известна одна находка круглообушного каменного топора, кстати также сломанного (Батуринский II, 3/13; рис. 47, 9). Он отличается укороченным обухом, но в классических новосвободненских памятниках предгорий известна другая находка круглообушного каменного топора, по пропорциям и форме близкого к ладьевидным новотиторовским. В том же комплексе имеются и металлический топор аналогичной формы с инкрустированным круглыми вставками обухом, и обычный бронзовый “колун” 2 майкопской группы с елочным и жемчужным орнаментом на обухе (Клады, 3/5 [Резепкин А.Д., 1991. С. 175. Рис. 5]). Таким образом, вероятные прототипы ладьевидных новотиторовских топоров

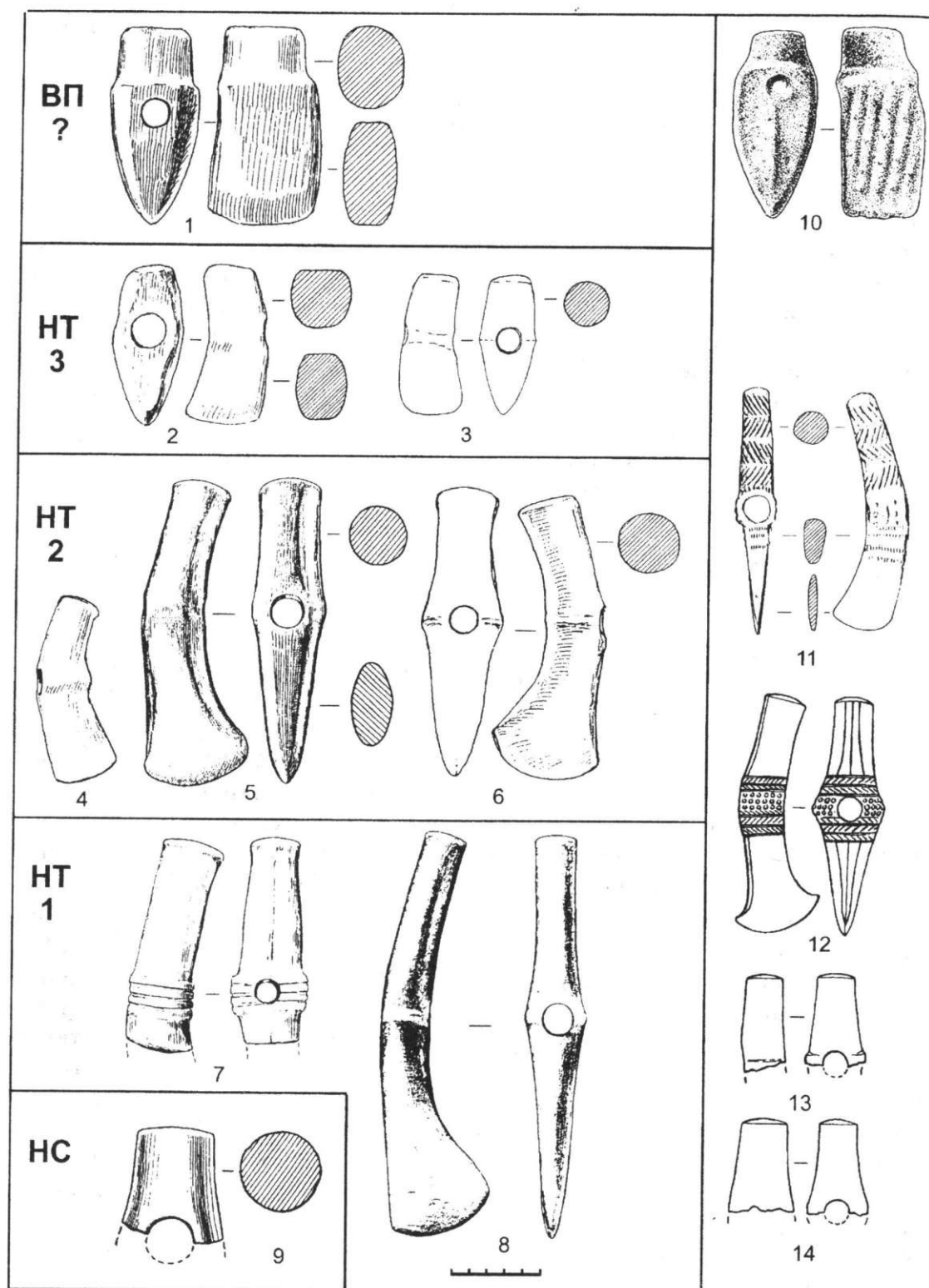

Рис. 47. Каменные полированные топоры новотиторовской культуры и некоторые параллели им в материалах других культур

1 – Приазовский I 7/2; 2 – Днепровская I 3/1; 3 – Старонижестеблиевская-88 2/9; 4 – Роговская-70 17/5; 5 – Старовеличковская (случайная находка из кургана); 6 – Батуринский I 2/9; 7 – Первомайский 2/2; 8 – Лебеди I 3/10; 9 – Батуринский II 3/13; 10 – Михайловское поселение; 11 – Сатурн 2/1 (бронзовый топор!); 12 – Троя II, клад L; 13, 14 – Гемс-тубе II (по М.Г.Гаджиеву)

известны уже в новосвободненской культуре (версии в камне и бронзе + инкрустированные узоры в виде золотых и серебряных кружков, явно перекликающиеся с “жемчужинами” на обычных бронзовых топорах).

В новотиторовской культуре бронзовые воспроизведения этой формы пока не известны, но в архаичном северокавказском захоронении из Закубанья, датруемом близким временем (соответствует второму – третьему этапам НТ), найден ладьевидный длиннообушный бронзовый топор с елочным и видоизмененным “жемчужным” орнаментом на обухе и втулке [Тарабанов В.А., 1990] (рис. 47, 12). С одной стороны, он близок каменным новотиторовским, с другой – тем же топорам Трои II и считающимся производными от последних ранним круглообушным металлическим топорам Анатолии, т. н. *shaft-hole axes*, часть которых (Аладжа-Уйюк, могила Е) украшена по втулке валикообразными полосами и гравированной сеткой [Stronach D.B., 1957. P. 118. Fig. 10].

Отсюда следует, что в середине – второй половине III тысячелетия до н. э. и на Кавказе, и в Анатолии, а может быть, и во всей Циркумпонтийской зоне, бытуют идентичные или близкие формы металлических и каменных топоров, сходство которых подчеркивается и явной перекличкой их орнаментации в границах всего этого региона. Вряд ли можно проследить динамику этого типа и решить вопрос о хронологических приоритетах одних образцов, найденных на Кавказе или в Анатолии, перед другими на имеющихся материалах. Во-первых, трудно определить, следует ли считать первичными металлические, а подражаниями каменные экземпляры (как это делается, в частности, для троянских топоров), или наоборот. Во-вторых, нет ясности в вопросе о хронологическом соотношении находок из разных районов между собой. Судя по общей хронологии культур и культурных групп, можно думать, что новосвободненские топоры (первая половина III тысячелетия до н. э.) являются наиболее ранними из всех и выступают в качестве прототипа для новотиторовских, северокавказских, а может быть, и для троянских, относящихся, бесспорно, к более позднему времени (середина – третья четверть III тысячелетия).

Что касается дальнейшей эволюции, то, судя по поздним новотиторовским и катакомбным образцам, она шла по линии утраты украшений на втулке, уменьшения абсолютных размеров, укорочения и утраты изгиба, приближения очертаний к подромбическим. Здесь можно говорить об утрате характерного “изящества” стиля и об определенном сближении с топорами, относящимися к принципиально иным (и по сути своей инокультурным) линиям развития топоров, – подромбическими, подтреугольными, булавообразными и колодкообразными их разновидностями, бытовавшими на северной периферии Циркумпонтийской зоны и в сопредельных странах. Для объяснения же случаев присутствия архаичных по виду ладьевидных форм в позднекатакомбных памятниках, в культуре многовазиковой керамики и в том же Бородинском кладе продуктивной представляется трактовка последнего как особого “династического” сакрального сокровища, связанного своим происхождением с Кавказом и длительное время (на протяжении нескольких столетий) передававшегося по наследству [Киселев С. В., 1965. С. 36–37; Мюллер-Карпе Г., 1987]. Перемещение его в Бессарабию, в свою очередь, хорошо соотносится и с наблюдениями Е.Н. Черных о “кочующем центре” символических представлений в пределах той же Циркумпонтийской зоны (сошлюсь здесь на его доклад “Основные этапы и проблемы развития древней металлургии Евразии” на юбилейной сессии, посвященной 70-летию ГАИМК, 25.04.1989).

Костяные орудия

Достаточно разнообразны, но редко образуют типологически выразительные серии. Встречаются изделия из плоских костей (лопатки и ребра животных, обычно овцы/козы) с заточенным краем, скорее всего выполнявшие функции землекопных орудий и применявшиеся при рытье могил и последующей шлифовке стенок некоторых из них (Малаи I, 9/25; рис. 17, 2, 3). Имеются разнообразные проколки и острия из расколотых костей с минимальной подработкой, ограничивающейся чаще всего заточкой самого острия. Интерес для сопоставлений с памятниками других эпох и культур представляют острия-колки и костяные трубки.

Острия-колки. Из расколотых вдоль трубчатых костей; острие заполировано в результате использования, на широком конце с обеих сторон сделаны нарезки (обычно по 2), скорее всего, для привязывания каких-то нитей (рис. 9, 7–18). Известны из 5 захоронений второго – третьего этапов (Верхний, 4/1; Лебеди I, 2/100; Олений, 1/21; ПКОС, 34/4; Приазовская–83, 1/7). Расположение в могиле во всех случаях одинаковое – слева от ног погребенного (во всех случаях – взросло-го). Встречены только наборами (не менее 12; 17; не менее 18; не менее 26; 36 целых и 14 фрагментированных). Производственное назначение не вызывает особых сомнений: высказывались предположения об использовании их в качестве колков для растягивания нитей ткацкой основы (?).

Аналогичные острия, причем тоже в наборах, известны в донецкой катакомбной культуре (Кубаева могила [Карагодин М.И., 1977]), на памятниках КМК и каменско-ливленцовой группы. К последним, или даже к срубно-сабашиновским, относят и захоронение с “колками” из Пелагеевки в Поингулье [Вангородская О.Г., 1987. С. 44–45]), что не совсем верно. Это погребение не имеет четко датированного инвентаря и по ряду признаков сближается с кругом памятников, представляющих собой западные аналоги НТ. На возможность длительного бытования данного типа орудий – начиная со второй половины III тысячелетия – указывает и находка “колка” в слое В1 куро-аракского поселения Квацхелеби [Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962]. Кстати сказать, в этом же, самом позднем куро-аракском слое данного памятника сосредоточен максимум разнообразных аналогий с НТ культурой.

Костяные трубки. Изделия в виде трубки, вырезанной из диафиза кости животного. Один конец срезан перпендикулярно оси орудия, другой – наискось. Поверхность и особенно скошенный конец обычно заполированы, скорее всего, в результате использования. Назначение их не определено.

В НТ культуре известна одна находка такого орудия в захоронении третьего этапа, совершенном в “протокатакомбе” (Останний, 1/160; рис. 27, 15), где трубка лежала на кузове повозки. На территории Степного Прикубанья аналогичные трубки встречены еще в 5 комплексах. Четыре из них относятся к раннекатакомбной ВП культуре (Батуриная II, 3/10; Карстовый, 1/5; Олений, 3/9; Пластуновский I, 2/35), а пятый точно не определен и может относиться и к НТ, и к ВП культуре (Магистральный, 1/24).

На сопредельных территориях аналогичные орудия достаточно обычны для ранних памятников катакомбных культур Предкавказья, калмыцкой или элистинской прежде всего. Находка из Останнего показывает, что этот характерный для раннекатакомбных памятников тип изделий появляется еще в НТ культуре.

Металлические украшения

Височные кольца. Одной из характернейших форм НТ украшений являются бронзовые или серебряные височные кольца, находимые примерно в каждом во-сьмом погребении. Из 820 погребений, использованных при подсчетах по этой категории украшений, они обнаружены в 101 (12,3 %). Всего найдено 214 экземпляров, из которых 158 (или 74 %) были достоверно серебряными, а 49 (23 %) – бронзовыми. Лишь в одном комплексе (Роговская, 18/1 [Анфимов Н.В., 1974*]) найдены 2 кольца из золота. По этим показателям очень близки к новотиторовским более поздние памятники ВП катакомбной культуры, где кольца представлены в 61 из 501 захоронения (12 %), причем из 90 экземпляров 65 (72 %) были серебряными и 22 (24,5 %) – бронзовыми.

Условия нахождения колец – *in situ* возле височных и затылочных костей черепа – недвусмысленно свидетельствуют, что они либо вплетались в волосы, либо служили украшением головного убора. Весьма распространенные случаи, когда кольца оказываются внутри черепа, скорее всего, не являются преднамеренными. Число колец у одного погребенного колеблется от 1 (42 погребения) до 6–10 (9 погребений), стандартный набор – 2 штуки, по одной у каждого виска (42 погребения). Следует думать, что в действительности число погребенных с кольцами было больше, они могли окисляться, перемещаться грызунами. в ряде случаев на височных костях погребенных фиксируются только пятна окислов бронзы. Теми же причинами или небрежностью расчистки объясняется и ряд находок только одного кольца, обычно верхнего, или находившегося у левого виска при наиболее распространенном положении костяков на правом боку.

На данный момент по материалам НТ выделяются 6 различных типов колец.

Тип 1 – “мелкие” кольца диаметром 0,5–0,8 см из тонкой (около 1 мм) проволоки, свернутые в полтора оборота. Известны пока лишь экземпляры, свернутые по часовой стрелке (рис. 48, 1–3).

Тип 2 – “крупные” кольца диаметром 1,0–1,5 см из толстой (2–4 мм) проволоки в полтора оборота, проволока на концах имеет ту же толщину или даже утоньшается. Одни свернуты по часовой стрелке (подтип А; рис. 48, 5, 7), другие – против (подтип Б; рис. 48, 6).

Тип 3 – “крупные” кольца диаметром 1,0–1,8 см из толстой (2–4 мм) проволоки в полтора оборота с расплюснутыми расширенными концами, реже с уплощенным или сегментовидным сечением всего прутка. Подтипы А и Б выделяются на том же основании, что и для типа 2 (рис. 48, 10–14).

Тип 4 – многовитковые, часто массивные кольца диаметром 1–2 см из толстой (3–5 мм) проволоки с расплюснутыми концами, свернутые обычно в два с половиной – три с половиной оборота, хотя известны экземпляры и в пять оборотов, напоминающие пронизи, длиной до 4,5 см (Новомышастовская, 10/2 [Ярковская Е.А., 1975*]; рис. 57, 2). Находки таких колец с приостренными концами единичны. Подтипы А и Б выделяются по тому же принципу (рис. 48, 15–17).

Тип 5 – кольца в полтора оборота, сходные по форме и размерам с типами 2 и 3, но изготовленные из перекрученной проволоки. Известны 2 находки, в обоих случаях свернуты против часовой стрелки (Новокорсунская–85, 2/1; Садовод, 1/8 [Кондрашов А.В., Тарабанов В.А., 1986*; Шаталин Ю.А., 1986*]; рис. 48, 19).

Тип 6 – кольца в один оборот с несомкнутыми, редко заходящими друг за друга приостренными концами, диаметром 2,0–2,5 см, иногда именуемые “калачевидными”. Одни имеют круглое сечение (подтип А; аналогичны изображенным

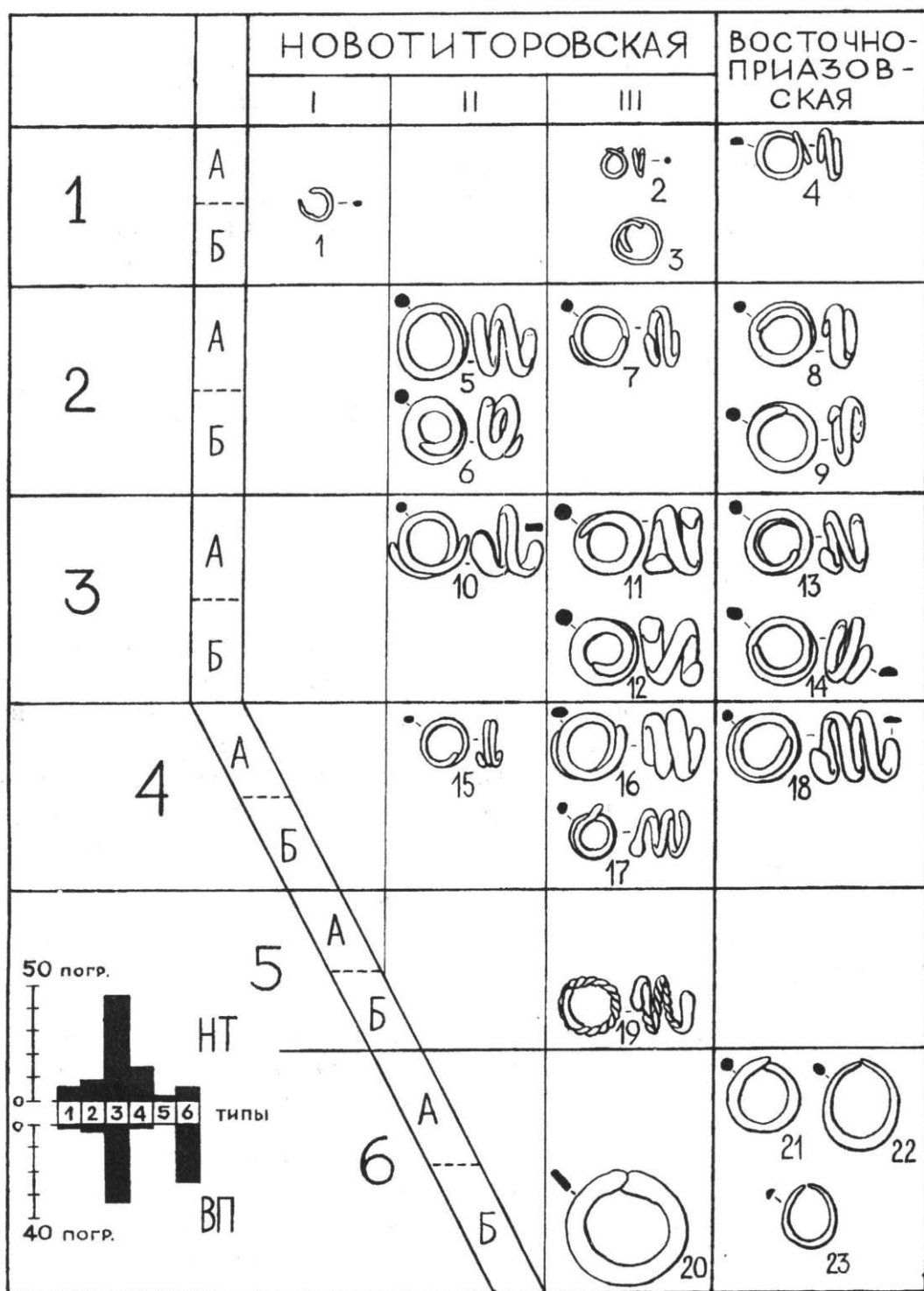

Рис. 48. Типы височных колец новотиторовской и восточноприазовской катакомбной культур и частота их встречаемости в погребениях обеих культур

1 – Пролетарская I 3/8; 2, 11, 12, 17 – Малаи II 1/18; 3 – Динской курган, погр. 27; 4 – Малаи I 12/69; 5 – Новокорсунская 5/6; 6 – Малаи II 1/14; 7 – Малаи I 6/65; 8 – Малаи I 10/6; 9, 21 – Приазовская I 1/10; 10 – Балка Текучка 2/7; 13 – Малаи I 15/10; 14 – Малаи II 1/17; 15 – Новокорсунская-85 2/9; 16 – Магистральный 1/8; 18 – Карстовый 1/13; 19 – Новокорсунская-85 2/1; 20 – Останний 1/100; 22 – Недоступный 1/10; 23 – Карстовый 1/15 (1, 3–5, 13, 15 – бронза, остальные – серебро)

на рис. 48, 21, 22), другие изготовлены из расплющенной проволоки или даже плоской металлической пластинки (подтип Б; рис. 48, 20).

Для памятников эпохи ранней – средней бронзы Предкавказья височные кольца в определенной степени могут играть роль хронологического показателя. Кольца типов 1 и 2 характерны для НТ памятников разных этапов культуры (17 находок в НТ и лишь 3 – в ВП комплексах). Кольца типа 3 имеют широкий диапазон бытования и характерны как для НТ, так и для ВП культуры (соответственно 79 и 33 комплекса). Кольца типов 4 и 5 встречены почти исключительно в поздних НТ памятниках третьего этапа (14 достоверных случаев против 4 находок в погребениях, сочетающих признаки второго и третьего этапов). Что касается “калачевидных” колец типа 6, то они связаны преимущественно с раннекатакомбными ВП памятниками (24 достоверных случая против 7 находок в комплексах, формально сходных с поздними новотиторовскими, которые могут в то же время отражать сохранение НТ традиции в ВП культуре). Этот тип является хронологически наиболее поздним, маркирующим начало ВП культуры, и в этом отношении может служить для определения хронологической позиции и культурной принадлежности невыразительных захоронений, не содержащих иных находок.

Говоря об истоках традиции использования височных колец, по крайней мере в погребальном обряде, следует сказать, что височные кольца являются достаточно характерным атрибутом более ранней, чем НТ, НС культуры, однако в прикубанских памятниках в подавляющем большинстве случаев (Днепровская I, 2/8; Лебеди IV, 8/53; Новотиторовская, 1/1; Старонижестеблиевская, 3/20 [Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983*; Скарбовенко В.А., 1981*; Нехаев А.А., 1982*; Анфимов И.Н., 1987*]) использовались золотые и серебряные кольца с несомкнутыми концами и надетой на них сердоликовой бусиной. Такие же кольца представлены в Новомышастовском “кладе” и богатом закубанском погребении из пос. Мостовского [Жупанин О.Ф., 1988*]. Внешне сходные с нашим типом 6, они отличаются от него отсутствием заостренных концов. Только однажды, в архаичном (но не древнее начала второго этапа) погребении, сочетающем древнеямные и НС черты (Крупской, 9/1 [Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979*]), найдено золотое кольцо нашего типа 2Б; в другом, абсолютно таком же, захоронении найдены 2 золотых височных кольца с несомкнутыми и приостренными концами, аналогичные кольцам типа 6А (Пластуновская, 2/6 [Нехаев А.А., 1978*])¹.

Суммируя эти данные, можно сказать, что традиция использования в костюме и сами типы височных колец в целом складываются в степной полосе Причерноморья ранее появления НТ культуры, причем НТ кольца представляют собой очередные этапы развития более древних типов. Не исключено, что многовитковые и калачевидные кольца типов 4 и 6, характерные для поздненовотиторовских и раннекатакомбных памятников Прикубанья, появляются уже в первой половине – середине III тысячелетия до н. э., однако в массовом количестве они начинают использоваться в погребальном костюме населения Предкавказья лишь на рубеже НТ и ВП культур.

¹ На других территориях также известны близкие формы украшений. Заслуживают упоминания находки височных колец типов 2, 4 в усатовских памятниках Северо-Западного Причерноморья, в значительной степени генетически родственных НС культуре Прикубанья. В связи с вероятным удревнением усатовской культуры [Рассамакин Ю.Я., 1988] эти находки могут оказаться более древними, чем аналогичные новотиторовские. Вопрос этот требует дополнительных изысканий.

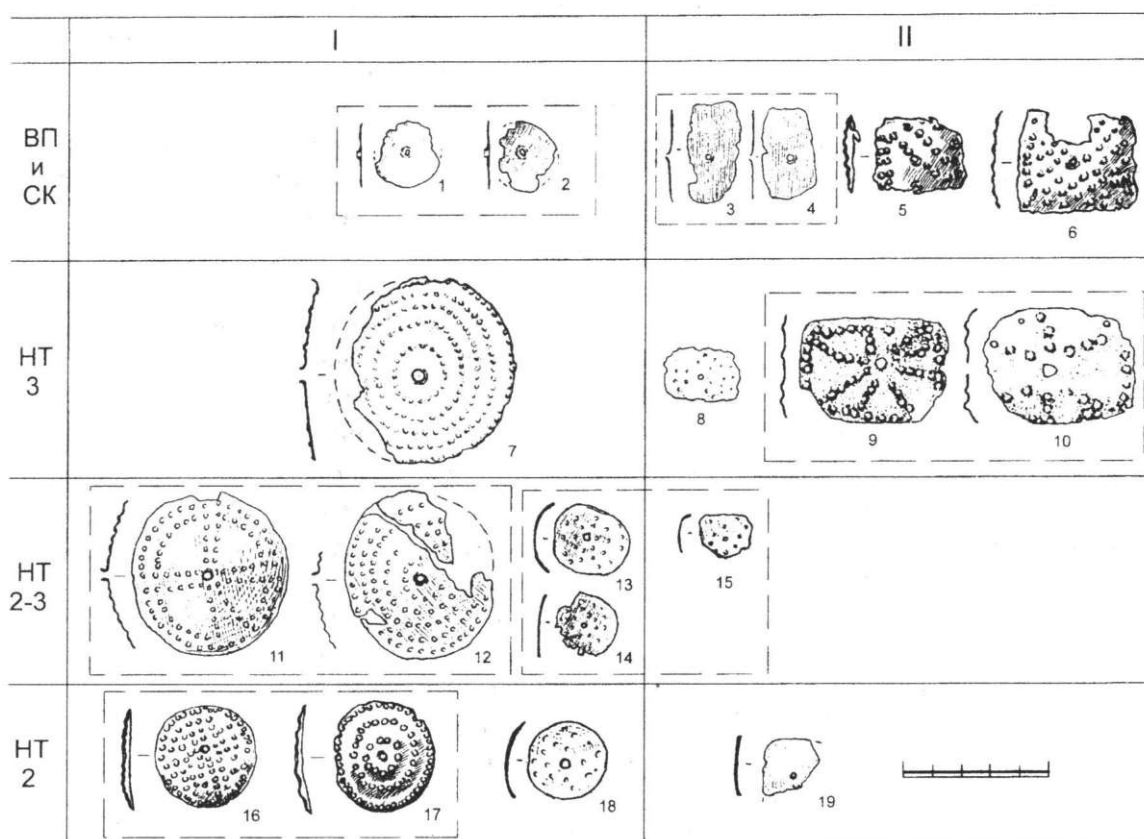

Рис. 49. Бронзовые штампованные бляхи новотиторовской (7–19), восточноприазовской катакомбной (1–5) и северокавказской (6) культур

1, 2 – Анапская I 7/5; 3, 4 – Анапская I 9/8; 5 – Пластуновский I 2/20; 6 – Большой Петропавловский 5/3; 7 – Новомышастовская 10/2; 8 – Брюховецкая I 3/18; 9, 10 – Магистральный 1/3; 11, 12 – Брюховецкая II 4/4; 13–15 – Новокорсунская-85 1/3; 16, 17 – Пластуновский I 2/19; 18 – Батуринская II 2/12; 19 – Брюховецкая II – 6/15

Вся эта внутренняя хронология, кажущаяся недостаточно значимой на первый взгляд, тем не менее представляет интерес для определения хронологической позиции НТ культуры в целом и ее связей с другими культурами эпохи бронзы на Кавказе.

Бронзовые бляхи. Найдены в 24 НТ захоронениях (всего 49 шт.). Обычно входят в состав наборов украшений наряду с бусами из раковин, зубов ископаемой рыбы, костяными и металлическими пронизями и подвесками, а также булавками. Известны 12 погребений, где бляхи найдены совместно с костяными молоточковидными, прямыми и изогнутыми стержневидными булавками, и 2 погребения, относящиеся к рубежу НТ и ВП культур, где бляхи сочетались с бронзовыми молоточковидными булавками (Анапская I, 7/5; Новомышастовская 10/2; рис. 57). В большинстве таких случаев бляхи располагались недалеко от головки булавки.

Обычное число блях – 2 (14 случаев), редки одиночные находки (2 случая) и наборы по 3–7 штук (5 случаев), причем внутри такого набора, как правило, выделялась опять же пара блях, связанных с булавкой. Как и сами булавки, бляхи встречаются в захоронениях детей, подростков, взрослых мужчин и женщин.

Все бляхи относятся к числу слабовыпуклых и могут быть разделены на два типа. К типу I относятся круглые, к типу II – подпрямоугольные и трапециевидные (рис. 49). И те и другие могут быть гладкими (рис. 49, 1–4, 19), а могут быть

украшены штампованным пуансонным орнаментом. На круглых бляхах он бывает бессистемным (рис. 49, 13, 14, 18), в виде концентрических окружностей (рис. 49, 7, 12, 17) и в виде перекрещивающихся рядов и радиально-лучевых фигур (рис. 49, 11, 16); на прямоугольных – бессистемным (рис. 49, 5, 6, 8) и в виде рядов и лучевых фигур (рис. 49, 9, 10).

Время существования блях в НТ культуре соответствует хронологическому диапазону бытования молоточковидных булавок; древнейшие их образцы относятся к концу первого этапа (3 случая), большинство же происходит из захоронений второго (8 случаев) и третьего (9 случаев) этапов. При этом оба типа блях существуют параллельно. Эволюция типов почти не прослеживается, можно лишь сугубо предположительно заметить, что в поздних захоронениях размеры и четкость рисунка в ряде случаев как будто увеличиваются, вероятно, несколько большее распространение получают радиально-лучевые композиции (рис. 49).

В качестве вероятного прототипа этой категории инвентаря, возможно, следует рассматривать слабовыпуклые бронзовые бляхи не с центральным, а со смещенным к краю отверстием, происходящие из НС погребения (Новокорсунская–80, 2/1). В последующее время они продолжают существовать в ВП культуре Прикубанья (4 комплекса – 9 шт.), где те же 2 типа блях сочетаются с костяными или бронзовыми булавками (Анапская I, 9/8; КРОС, 3/9; Пластуновский I, 2/20; Пролетарский–86, 4/31).

Существенными при анализе НТ блях представляются следующие моменты. Во-первых, принадлежность их к ранним разновидностям данной категории изделий; лишь однажды (ПКОС, 17/2) в комплексе рубежа НТ и ВП культур обнаружены бляхи с рельефным узором в виде креста и малых кружков-розеток, помещенных между его концами, обычным для высоких полусферических блях второго этапа северокавказской культуры, однако и в этом случае сами бляхи являлись еще слабовыпуклыми, т. е. достаточно ранними. Аналогичные новотиторовским бляхи, в том числе и трапециевидные, встречаются в позднейших погребениях и северокавказских комплексах, причем в последнем случае бытуют лишь до рубежа первого и второго этапов этой культуры [Гей А.Н., Корневский С.Н., 1989. С. 274].

Во-вторых, обилие, по сравнению с другими районами и культурными группами, находок прямоугольных блях типа II (21 штука из 9 НТ и 4 ВП комплексов), что заставляет считать Степное Прикубанье вероятным центром их изготовления и распространения. Замечу в скобках, что сам факт наличия такой разновидности рядом с круглыми заставляет скептически относиться к попыткам интерпретации блях как символического изображения светила и одновременно колеса повозки, сопряженного со столь же символическим “быком-булавкой” в своеобразную солнечную колесницу [Сердюкова И.Л., 1987].

В-третьих, совершенно очевидной является констатация непрерывности развития как самой традиции, так и типов металлических блях в НТ и сменяющей ее ВП культурах.

Украшения из кости и рога

Костяные и роговые булавки. Значительным разнообразием форм, а следовательно, и пригодностью для типологических и хронологических построений отличаются такие распространенные в новотиторовских памятниках изделия, как булавки. Отнесение их к категории украшений в достаточной степени услов-

но, поскольку булавки чаще всего входят в состав своеобразных наборов украшений-амулетов (булавки + различные бусы, пронизи, подвески + бронзовые бляхи + характерные пятна “флюоресцентной” охры, явно покрывавшей какие-то предметы из органических материалов). Вопрос об их назначении дискуссионен, но специфическая культовая нагрузка признается большинством исследователей [Кияшко В.Я., 1984; 1993]. Наиболее распространенными являются молоточковидные булавки (32 экз. из 21 НТ комплекса и 6 экз. из 6 раннекатакомбных погребений). Реже встречаются стержневидные или изогнутые, без выраженного навершия, или гвоздевидные с навершием-шляпкой (6 экз. из 5 поздновотиторовских или переходных от НТ к ВП комплексов и 3 экз. из раннекатакомбных погребений). В двух случаях найдены рогаткообразные булавки (Мингрельский I, 1/2 – в Закубанье, т. е. в погребении петропавловской группы; Батурицкий II, 3/4). В подавляющем большинстве случаев булавки встречены поодиночке, но есть и наборы от 2 (например, Лебеди I, 2/123) до 5–6 штук (Ивановская, II/17; Пластуновский I, 2/26). Расположение их в могиле достаточно единообразное – в большинстве случаев роговые (как, впрочем, и металлические, появляющиеся в самом финале НТ) булавки находились возле локтя или предплечья правой руки погребенных. Иные варианты, в том числе и нахождение их на поясе с левой стороны (Лебеди I, 2/123), единичны. Исключение составляют и немногочисленные, но выразительные случаи обнаружения булавок *in situ* в головах погребенных, возле темени (Малаи I, 9/13; Пластуновский I, 2/19), причем в наиболее ярком комплексе булавка была воткнута в дно могилы (Тимашевский курган, погребение 30); очевидно, это не случайность, а осмысленно особое позиционирование этих предметов. Не исключено, что с накоплением материалов различия в расположении булавок удастся связать с полом погребенного, что было бы важным для определения пола детских захоронений, содержавших булавки в инвентаре. По крайней мере, среди немногочисленных имеющих определения захоронения с булавками возле правой руки чаще определяются как женские, мужские костяки здесь всегда под вопросом, бесспорных мужчин нет. А упоминавшееся захоронение из Тимашевского кургана с булавкой у темени определено как достоверное мужское.

Вопрос о типологии, датировке и культурной принадлежности булавок, прежде всего молоточковидных их разновидностей, имеет длительную историю. Здесь не место излагать его в полном объеме. Достаточно сказать, что все попытки связывать молоточковидные булавки с какой-нибудь одной археологической культурой, будь то катакомбная (традиция, восходящая к работам В.А.Городцова), или древнеямная, или же ямно-майкопская [Латынин Б.А., 1967; Ковалева Л.Г., 1989], не выдержали проверки материалом. Сейчас можно констатировать, что обычай использования разнообразных костяных, роговых и металлических булавок (а точнее – “булавок”, поскольку функциональное назначение их повсеместно либо отличается от собственно булавочно-заколочной функции, либо не ограничивается ею) широко распространены в самых разных культурах Европы и Передней Азии. Даже такие характерные формы, как молоточковидные, встречаются в достаточно широком хронологическом и территориальном диапазоне, встречаясь в памятниках раннего и среднего периодов бронзового века степей. Наиболее характерны они для новотиторовской культуры и ее аналогов, а также раннекатакомбных культурных групп Причерноморья и Предкавказья, но вместе с тем присутствуют во множестве северокавказских, позднеямных и полтавкинских комплексов, а в качестве импортов отмечаются в финальных куро-аракских

памятниках Грузии [Джапаридзе О.М., 1988. Табл. XLIII], в фатьяновской культуре [Кожин П.М., 1965], в среднеэлладских слоях Лерны [Caskey J.N., 1935], в хатванских памятниках Венгрии [Kalicz N., 1968] и т. д.

Типология булавок разработана явно недостаточно и в значительной степени сводится к разделению булавок на группы прежде всего по пропорциям и общей форме [Сафронов В.А., 1973; Ковалева Л.Г., 1991], при отсутствии должного внимания к особенностям орнаментации. Что касается хронологической изменчивости, то исследователи признают более ранний возраст рогаткообразных булавок по сравнению с молоточковидными [Кияшко В.Я., 1976; 1989]. Среди последних в свою очередь выделяются более ранние булавки с прямым стержнем и широким навершием и более поздние с веретено- или сигарообразным стержнем и укороченным молоточком. В сфере орнаментации фиксируется переход от неорнаментированных образцов к булавкам с зональными, а затем и с геометрическими узорами [Сафронов В.А., 1973; 1974; 1975; неопубликованный доклад В.П.Шилова в ИА АН СССР 24.XI.84].

При верном в общих чертах определении направления изменений, возможности такого динамичного материала, каким являются булавки, во всех имеющихся схемах далеко не исчерпаны. Одни авторы (В.А.Сафронов) используют сверхточные мерные признаки и пропорции, что вряд ли оправдано при анализе продукции явно неспециализированного производства, где на форму изделий влияет, кроме всего прочего, характер используемого сырья (кость/рог); другие оперируют мельчайшими деталями оформления навершия (Л.Г.Ковалева). А вот орнаментация – признак существенный, достаточно унифицированный и к тому же свойственный не только молоточковидным, но и ряду иных форм (стержневидным, гвоздевидным, изогнутым или посоховидным), – привлекается в излишне схематичном или обобщенном виде.

Думаю, что в основу классификации продукции неспециализированного, “деремесленного” производства должны закладываться признаки очевидные, легко распознаваемые и мастером, и потребителем, и современным исследователем. Именно этим требованиям отвечают общая форма булавки и орнаментальная композиция. При работе с булавками из степного Предкавказья было выделено 6 вариантов формы (рис. 51а):

- 1) с цилиндрическим стержнем и правильной молоточковидной головкой;
- 2) с цилиндрическим стержнем и неправильными, как бы деградированными, выступами молоточка;
- 3) с веретенообразным стержнем и правильным молоточком;
- 4) с веретенообразным стержнем и деградированным молоточком;
- 5) гвоздевидные (прямые или изогнутые, с головкой в виде шляпки и обычно двумя косыми отверстиями в ней);
- 6) стержневидные (прямые или слабоизогнутые с одним отверстием у верхнего тупого конца).

Орнаментация этих булавок может быть сгруппирована в 12 вариантов, или орнаментальных композиций:

- а) без орнамента;
- б) зональный узор из горизонтальных полос-линий;
- в) зональный узор из заштрихованных полос;
- г) узор из заштрихованных треугольников;
- д) узор в виде вертикального зигзага из заштрихованных полос;
- е) узор в виде горизонтального зигзага из заштрихованных полос;

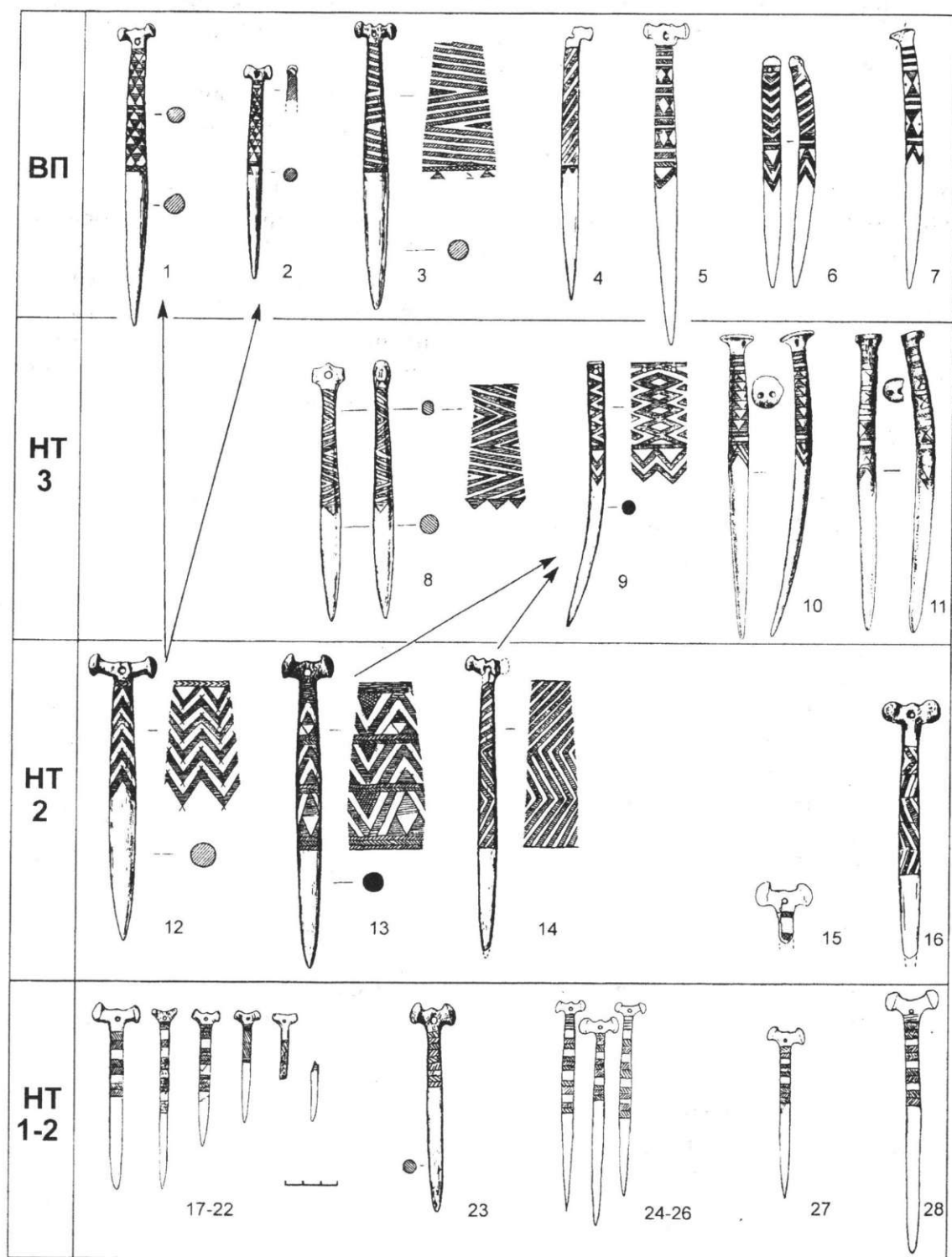

Рис. 50. Костяные (роговые) булавки новотиторовской и восточноприазовской катакомбной культур
Стрелками показаны случаи прямой стратиграфии. 1 – Пластуновский I 2/20; 2 – Пластуновский I 2/31; 3 – Пластуновский I 1/28; 4 – Брюховецкая I 1/6; 5 – Приазовская I 4/1; 6 – Балка Текучка 2/9; 7 – Анапская I 9/9; 8 – Малаи II 1/18; 9 – Лебеди I 2/123; 10, 11 – Магистральный I/8; 12 – Пластуновский I 2/19; 13 – Лебеди I 2/121; 14 – Лебеди I 2/99; 15 – Брюховецкая II 4/1; 16 – Динской курган, погр. 27; 17–22 – Ивановская II/объект 17; 23 – Лебеди I 3/7; 24–26 – Новокорсунская-85 I/3; 27 – Тимашевский курган I/30; 28 – Батуринская II 2/12

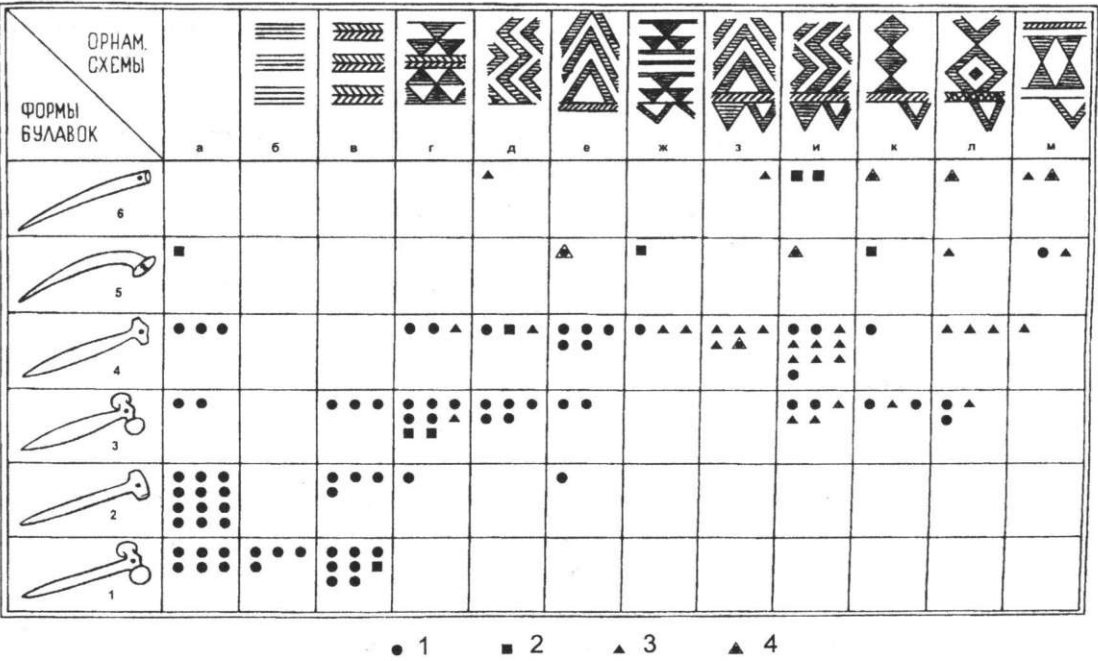

Рис. 51а. Таблица взаимовстречаемости форм и орнаментальных схем на костяных булавках Предкавказья

Условные обозначения: 1 – новотиторовские и ямные комплексы; 2 – северокавказские комплексы; 3 – катакомбные комплексы (в катакомбах); 4 – катакомбные комплексы (в ямах)

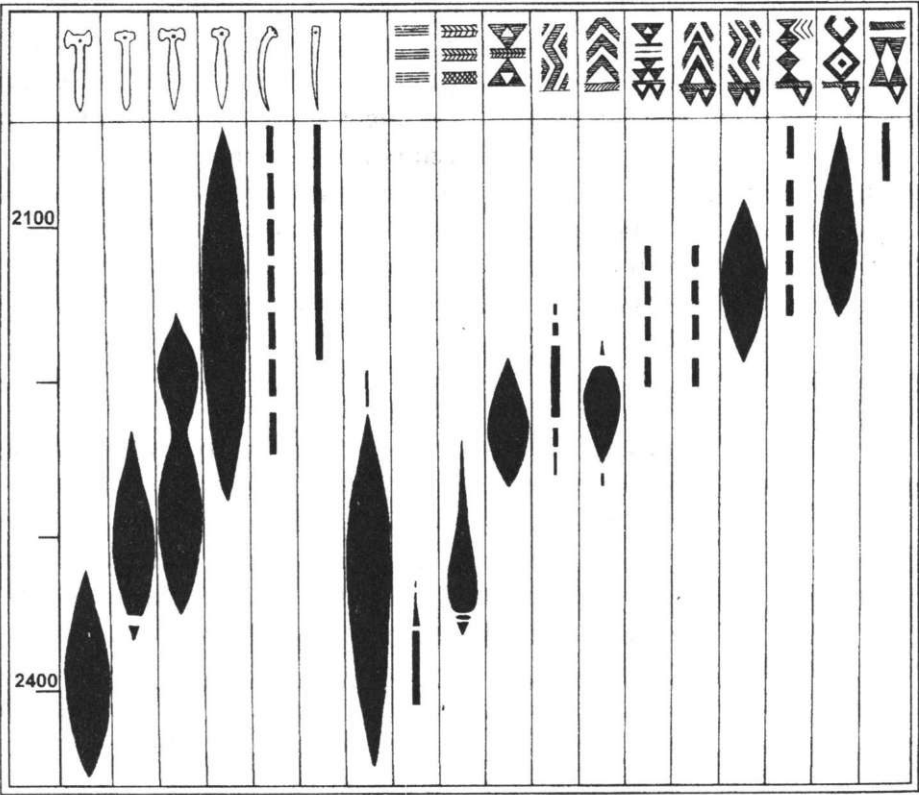

Рис. 51б. Приблизительные диапазоны бытования форм и орнаментальных схем на костяных булавах Предкавказья

ж) узор из заштрихованных треугольников, сходный с вариантом “г”, но подчеркнутый снизу пояском зигзага или заштрихованных треугольников вершинами вниз или вверх;

з) узор в виде горизонтального зигзага, сходный с вариантом “е”, но подчеркнутый пояском зигзага или треугольников;

и) узор в виде вертикального зигзага, сходный с вариантом “д”, но подчеркнутый пояском зигзага или треугольников;

к) узор из заштрихованных ромбов (обычно подчеркнутый пояском зигзага или треугольников);

л) узор из ромбов с точкой в центре (обычно подчеркнутый пояском зигзага или треугольников);

м) узор “песочные часы” (обычно подчеркнутый пояском зигзага или треугольников).¹

В такой системе каждая булавка может быть обозначена через сочетание варианта формы и варианта орнаментальной композиции (например, булавка типа 2в, 5л и т. д.). Если свести данные о сочетаниях вариантов форм и орнаментов в таблицу и упорядочить полученную матрицу по степени близости столбцов и строк между собой (рис. 51а), то станет очевидной некая закономерность. Сочетания определенных форм с определенными узорами выстроятся как бы в последовательность, хронологический смысл которой достаточно прозрачен. Об этом говорит концентрация в одной части таблицы булавок из новотиторовских и ямных, а в противоположном ее конце – из катакомбных комплексов. В итоге изменение форм булавок выглядит как последовательная смена вариантов от 1 к 6 и орнаментов от а до м, с очевидным частичным сосуществованием смежных вариантов в обоих случаях. Вместо общей последовательности “неорнаментированные – с зональными узорами – с геометрическими узорами” мы получаем достаточно дробную схему, демонстрирующую последовательность смены различных вариантов узора, что важно для соотнесения в дальнейшем между собой нестратифицированных комплексов с булавками, с одной стороны, и различных культурных групп, у которых бытовали подобные булавки, – с другой.

Данные нашей таблицы могут быть трансформированы (путем сравнения распределения находок в колонках и строках между собой) в более наглядную схему, демонстрирующую вероятное последовательное распределение выделенных вариантов форм и узоров на временной шкале, а также вероятность их частичного сосуществования друг с другом (рис. 51б). Проставленные в этом варианте таблицы датировки имеют предварительный, ориентировочный характер и напрямую вытекают из датировки НТ культуры в целом, о чем еще пойдет речь в главе 5. Они не должны восприниматься как аксиома. Вместе с тем, направление эволюции форм и орнаментов булавок сомнений не вызывает, и с большой долей определенности можно говорить о последовательной смене молоточковидных булавок с цилиндрическим стержнем такими же булавками с сигаровидным стержнем, а их, в свою очередь, производными от молоточковидных (на это недвусмысленно указывает общность орнаментальных схем) гвоздевидными и стержневидными. В том же, что касается орнаментации, прослеживается постепенный

¹ Варианты “к”, “л” и “м” включают образцы и с пояском под узором, и без такового, что выглядит не совсем логично по сравнению с разделением вариантов “г” и “ж”, “е” и “з”, “д” и “и”. В дальнейшем такое подразделение, конечно, можно будет произвести. Пока же находки булавок с ромбическими схемами орнамента и без пояса слишком малочисленны для выделения в отдельный вариант.

переход от неорнаментированных или орнаментированных зональными узорами образцов к булавам с “треугольными” или зигзаговыми композициями, затем – с такими же композициями, подчеркнутыми особым пояском из свисающих треугольничков или зигзага, и, наконец, с ромбическими композициями и схемой “песочные часы”. Подтверждается такая последовательность и реальными стратиграфическими ситуациями, когда различные типы булавок присутствовали в одновременных погребениях одного кургана (Лебеди I, 2; Пластуновский I, 1 и 2; рис. 50).

Подводя итоги рассмотрения булавок, можно сказать, что для наиболее архаичных НТ памятников, относимых нами к первому этапу культуры, находки булавок практически не известны. Древнейшие образцы молоточковидных булавок (типы 1–2 а, б, в) встречаются в комплексах самого конца первого и переходной поры от первого ко второму этапу, датируемых по самым различным признакам временем около середины III тысячелетия до н. э. [Гей А. Н., 1986. С. 27–29]. Для памятников второго этапа наиболее характерными являются молоточковидные булавки типов 3–4 г, д, е. На третьем этапе рядом с молоточковидными появляются гвозде- и стержневидные типов 4–6 ж, з, и, к, л, м, причем последние, равно как и наиболее поздние варианты орнаментации, скорее всего тяготеют к финалу третьего этапа и времени перехода от НТ к ВП культуре. Эти же типы практически в неизменном виде продолжают встречаться и в самой раннекатакомбной восточноприазовской культуре Прикубанья, и в тесно связанных с ней раннекатакомбных, т. н. преддонецких, памятниках других территорий Предкавказья и Причерноморья (рис. 50, 1–7).

Интересно соотношение рассмотренных типов булавок с иными их разновидностями. Как уже говорилось, в Прикубанье известно несколько находок булавок-рогатов. Такие “рогатки” с уплощенным линзовидным сечением найдены в типичном ямном погребении (Новотиторовская–80, 1/11) в Прикубанье и в погребении петропавловской группы (Мингрельский I, 1/2) в Закубанье. Первое из них является более архаичным, чем основная масса НТ комплексов, второе, имевшее восточную ориентировку, может быть сопоставлено с концом первого или рубежом первого и второго новотиторовских этапов. Третья находка (Батуринский II, 3/4) происходит из бесспорного комплекса второго этапа НТ, но сама “рогатка” здесь выглядит иначе, имеет четкое круглое сечение стержня и отростков и во многом напоминает уже те молоточковидные булавки, у которых выступы молоточка располагаются под углом, на манер маленьких рожек. Эти находки дают возможность не только предполагать направление эволюции самих “рогатов” (от плоских к имеющим круглое сечение и отчасти сходным с молоточковидными), но и показывают хронологическое смыкание, а скорее всего, и частичное сосуществование рогатых и молоточковидных булавок, при определенном хронологическом приоритете первых. Интересна для сравнения с более древними образцами и одна из самых архаичных новотиторовских булавок типа 1в из Тимашевского кургана (рис. 50, 27), найденная в захоронении конца (?) первого этапа. Имеющееся на ее стержне второе сквозное отверстие небольшого диаметра и по расположению на предмете, и по размеру вызывает в памяти т. н. булавки-“крючки” из кости или меди, находимые в относимых к финалу энеолита – началу ранней бронзы памятниках нижнемихайловско-новосвободненского типа различных районов Причерноморья.

Другой узел завязывается вокруг булавок поздних типов. Уже в позднейших комплексах третьего этапа, а также в памятниках, которые обозначаются как

постновотиторовские (иначе говоря, имеющие облик типично новотиторовских, но синхронные древнейшим катакомбам), появляются первые металлические булавки, выполненные в технике литья по восковой модели в соответствии с традициями бронзолитейного производства северокавказской культуры вытянутых погребений. Среди них присутствуют и молоточковидные, и посоховидные, сходные с изогнутыми гвозде- и стержневидными булавками из кости и рога. И те и другие по всем особенностям формы аналогичны роговым образцам. Сам же факт их появления начиная с рубежа новотиторовской и восточноприазовской катакомбной культур, и не ранее того, равно как и заметное запаздывание в распространении таких булавок в памятниках иных районов степей (например, в Калмыкии) по сравнению с Прикубаньем [Гей А.Н., 1987], недвусмысленно свидетельствует об их вторичности, производности от костяных и роговых прототипов (а не наоборот). Особенно же важно то, что некоторые молоточковидные металлические булавки из этой серии представляют собой ближайшую аналогию известным булавам из Сачхере, причем найдены они в комплексах именно финала третьего этапа или даже постновотиторовского времени (Новомышастовская, 10/2).

Рассмотренные материалы позволяют следующим образом охарактеризовать эволюцию форм и разновидностей “булавок” энеолита – бронзового века в целом. Традиция изготовления и использования “булавок” характерна для ряда степных скотоводческих культур. Корни ее уходят в конец IV тысячелетия до н. э. (нижнемихайловско-новосвободненские памятники), хотя утверждать именно степное происхождение древнейших образцов булавок (“крючков”, лопаткообразных, стреловидных, рогатковидных) не приходится – они имеют широкие соответствия в культурах Ближнего Востока, Балкан и даже Западной Европы. При очевидном разнообразии типов “булавок” этого и последующего времени, имеются определенные основания рассматривать весь их массив как более или менее единую (функционально единую?) категорию, в частности предполагать сложение молоточковидных булавок на базе предшествующих типов. В дальнейшем, с развитием металлургии, происходит массовое замещение роговых и костяных булавок бронзовыми. В частности, в конце III тысячелетия до н. э. появляются бронзовые молоточковидные булавки северокавказских типов и булавки типа Сачхере. Нет никаких оснований рассматривать последние в качестве прототипа степных молоточковидных булавок из кости и рога, как это делают Н.А.Николаева и В.А.Сафронов [1975]. Как и во многих других случаях, в угоду априорной сверхкороткой хронологии материал здесь буквально перевернут ими с ног на голову. Реальное соотношение новотиторовских (и предкавказских в целом) булавок с закавказскими является диаметрально противоположным и, соответственно, диктует иное расположение культур на временной шкале относительно друг друга, заставляет предполагать общий хронологический приоритет новотиторовских древностей по отношению к т. н. курганным культурам Закавказья, объединяемым в типы Марткопи–Бедени–Сачхере, к чему мы вернемся в последней главе.

Костяные кольца. Изготовлены из поперечных срезов трубчатой кости животного и тщательно зашлифованы. В Степном Прикубанье известны 4 находки в НТ захоронениях второго – третьего этапов (Белевцы I, 2/9; Новокорсунская–85, 2/22¹; Лебеди I, 1/120; Степной I, 4/10) и 4 – в КТК комплексах, в том числе на

¹ Кольцо изготовлено из крупного позвонка рыбы.

раннем (Белевцы I, 1/6, 3/6) и развитием (Незаметный, 1/5) этапах ВП культуры и даже в позднекатакомбной батуринской культуре (Анапская I, 7/4).

На других территориях кольца известны в позднемных памятниках Поволжья (Могута, "совхоз Свердлова"), в донецких катакомбах Подонья и синхронных катакомбных памятниках Поднепровья (Кастырский V, 5/6 и VII, 2/5; Соколово VI, 1/8), в скорченных и вытянутых "ингульских" КТК комплексах Северного Приазовья (Аккермень I, 9/3) и Поднепровья (Никополь, 3/18), а также в культуре многоваликовой керамики [Турецкий М.А., 1992; Житников В.Г., 1987*; Ковалева И.Ф., Марина З. П., 1980; В'язьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т., 1960; Кривцова-Гракова О.А., 1962; Вангородская О.Г., 1987].

Таким образом, и этот тип является общим для НТ и более поздних КТК культур. Единство традиции подчеркивается в данном случае и общими для большинства упомянутых памятников правилами ношения костяных колец-перстней – на пальце левой, реже правой руки.

Прослеживается и тенденция изменения типа колец со временем: НТ кольца отличаются большей массивностью, округленно-пятиугольным сечением (рис. 7, 10), катакомбные в большинстве своем имеют уплощенно-подтреугольное или сегментовидное сечение. На поздних образцах (Михайловка III; погребение КМК из Губинихи [Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л., 1962. Табл. XXV, 6; Ковалева И.Ф., 1988. С. 24. Рис. 6–9]) появляется и гравированный орнамент.

Циновки, ткани

Находки остатков циновок и тканей обычны для памятников многих культур степной бронзы. В НТ культуре, как уже говорилось, те и другие использовались для оформления погребального сооружения (подстилки на дне могилы, застилание несплошных перекрытий, пеленание покойника), а также погребальных повозок (застилание платформы кузова). Отличительной и яркой особенностью НТ памятников является широкое использование раскрашенных циновок, с преимущественно декоративными узорами. К настоящему моменту в Степном Прикубанье известно не менее 64 НТ захоронений с орнаментированными циновками, относящихся ко всем трем этапам культуры, что намного превосходит общее число похожих находок на остальной территории степной полосы. При этом в 47 захоронениях раскрашенные циновки использовались в перекрытии могилы, в 23 – в качестве подстилки, а в 7 случаях – на кузове повозки.

Сами циновки, судя по отпечаткам, представлены двумя видами. Одни – грубые рубчатые, "рогожного" плетения, другие – из гладких, довольно широких (до 1 см) параллельных волокон, скрепленных поперечными "строчками" из более тонких волокон или нитей, отстоящих друг от друга на 4–10 см.

Узор на циновки нанесен в 47 случаях красной (охристой или "флюоресцентной"), в 25 случаях черной (сажистой) и в 21 – белой (известковистой) красками. Лишь однажды обнаружена желтая (Новотиторовская–70, 1/8). В 15 случаях отмечено сочетание двух или всех трех красок, в ряде погребений циновки из перекрытия и с дна могилы расписаны разными цветами.

О характере композиции росписи в большинстве случаев приходится судить по сохранившимся участкам циновок на краю или уступе могилы (средняя часть их над погребальной камерой истлевает бесследно). Ведущий мотив, присутству-

ющий в подавляющем большинстве случаев, – параллельные полосы или перекрестный узор “в клетку” – предопределялся самой фактурой материала, для получения его окрашивалась часть волокон утка или основы, которые чередовались или пересекались с неокрашенными или окрашенными в другой цвет. При этом узор мог состоять из тонких или широких (рис. 30) сплошных полос (в 12 случаях – черных, в 9 – красных, в 4 – белых), хотя более характерным (около 60 % случаев) является построение его из своеобразных “орденских лент”, каждая из которых состоит, в свою очередь, из нескольких (от 2 до 11, обычно – 3–4) окрашенных полосок (рис. 2, 2; 22; 23, 1). Обычно такие “орденские ленты” исполнены красной краской (на 16 цинковках они параллельные, а на 13 образуют клетку), и лишь дважды – черной.

Реже встречаются такие композиции, как кайма по периметру цинковки (в 8 случаях черная, по 2 случая белой и красной; рис. 30; 53), белые косые диагональные кресты, иногда с дополнительной поперечной линией (5 случаев; рис. 24, 1; 33), концентрические и спирально-меандровые композиции красной краской (3 случая), красный или черный зигзаг (2 случая; рис. 5, 1). Единичны более сложные орнаментальные схемы, выполненные черной (Приазовский–73, 1/20; Раздольная, 18/4) и белой (Останний, 2/15) красками. Уникальна сюжетная роспись, изображающая рало, фигуры быка, человека и птицы (Батуринская II, 3/11 [Шарафутдинова Э.С., 1983]). Не исключено, что на цинковки были нанесены и охристые изображения стоп, обнаруженные на перекрытии могилы (Раздольная, 18/12) или на дне, непосредственно под ногами погребенного (Старонижестеблиевская–88, 2/8).

Аналогии раскрашенным цинковкам НТ памятников известны здесь же, в Прикубанье, как в более древних, так и в более поздних памятниках других культур. Так, цинковки, раскрашенные черными или черными и красными полосами, дважды встречены в погребениях степной группы новосвободненской культуры (Старонижестеблиевская–88, 5/4; Тимашевский курган, погребение 15) и в архаичном ямном захоронении (Кореновский VII, 1/11). Абсолютно аналогичные новотиторовским цинковки с черной каймой, красными и белыми полосами и “орденскими лентами” продолжают встречаться в комплексах ВП катакомбной культуры – как в могилах, так и на повозках (Карстовый, 1/6, 10). Близкие орнаментальные композиции сохраняются в позднекатакомбной батуринской культуре, хотя здесь присутствуют и более сложные схемы – в виде вписанных ромбов, звезд или бегущей спирали (Брюховецкая II, 6/12, 14; Верхний, 1/5; Олений, 1/20; Тимашевский курган, погребение 28).

Все это свидетельствует о том, что истоки традиции украшения цинковок и их использования в погребальном ритуале, скорее всего, возникают здесь же, в Приазовье и Предкавказье, еще в доновотиторовское время, широкое распространение этот обычай получает у НТ населения, а в дальнейшем сохраняется у его потомков и преемников вплоть до конца эпохи средней бронзы. Особого внимания заслуживает и бесспорное сходство некоторых композиций (косой крест с дополнительной перекладиной – иначе Ж-образная фигура, зигзаг), а также стилистических особенностей трактовки фигур животных, с аналогичными орнаментальными схемами и изобразительными мотивами в росписях каменных ящиков Побужья и Поингуля, относимых, с известной степенью условности, к кеми-обинской культуре (Баратовка, 1/8; Велико-Зиминово; Веселые Терны, 1/3; Ковалевка I, 4/1 [Шилов Ю.А., 1988. С. 10. Рис. 3, 3, 4; Тощев Г.Н., 1987; Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978. С. 28–29]).

За пределами НТ территории отдельные находки раскрашенных циновок известны в Северо-Западном Причерноморье. На перекрытии одного из "ямных" захоронений Побужья найдена подстилка из темно-лиловой ткани с узором в виде параллельных черных полос, состоящих из четырех узких линий, в другой могиле на циновку нанесены белые полосы (Ковалевка, 4/5 и 14/12 [Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978. С. 33, 38]). Циновки с черной каймой, в одном случае дополнявшейся узором из параллельных волнистых линий, известны из буджакских захоронений на территории Одесской обл. и в Молдавии (Холмское, 1/7; Балабанешты, 1/12 и 2/1 [Гудкова А.В., Черняков И.Т., 1981. С. 38; Агульников С.М., Бейлекчи В.С., 1987. С. 76, 84]). Узор из вписанных ромбов, составленных из параллельных красных полосок, обнаружен на костях ног в ямном погребении на Нижнем Дону (Новочеркасская ГРЭС, 7/7). В этом случае краска осела на кости при разложении ткани или кожи "сапог" [Мелентьев А.Н., 1966]. Характерно, что практически все эти комплексы содержат целый ряд признаков, позволяющих напрямую сопоставлять их с НТ памятниками. Все захоронения, кроме новочеркасского, совершены в "шалашах", холмское погребение сопровождалось остатками повозки; совпадают и другие детали. Закономерной в этом контексте выглядит и несомненная близость приемов раскраски циновок.

Наряду с циновками в памятниках новотиторовской культуры известны находки остатков тканей или ковров репсового плетения (Батуринская II, 1/7 [Бочкарев В.С., 1981*. С. 70]), что предполагает существование каких-то ткацких станков.

Одежда, традиционный костюм

На многие сотни раскопанных НТ погребений и тысячи погребений синхронных и близких по времени культур степной полосы имеется не один десяток интересных наблюдений, позволяющих ставить вопрос о реконструкции форм одежды. Они рассеяны по отчетам и до сих пор не обобщены, хотя одежда является достаточно важной частью традиционной "этнографической" культуры, информативной и для вопросов этногенеза, и для характеристики образа жизни.

Существует несколько возможностей для реконструкции видов одеяний. Обобщенное представление о них дают наблюдения над расположением украшений и очертаниями пятен органического тлена вокруг костяков в могилах. Единичные яркие случаи хорошей сохранности отдельных деталей костюма уточняют такие обобщенные данные, облегчают их интерпретацию.

Украшения, преимущественно костяные бусы и пронизи, реже подвески из зубов оленя, а в поздних погребениях бусы из камня (Новомышастовская, 3/16), раковин, капсул зубов ископаемой рыбы, бронзовые бусы, обоймицы и бляхи, встречаются, как правило, в небольших количествах (2–6–10 экз.). Распространенное толкование таких находок, сгруппированных у запястий или щиколоток погребенного, как остатков наборных браслетов не выдерживает критики: неудобство ношения на данных участках тела нитки-связки из нескольких мелких, не соединенных между собой украшений достаточно очевидно. Логичнее в таких случаях предполагать, что бусы или подвески были нашиты на обшлага одежды (обычная апотропеическая функция украшений на тех участках платья, где имеются отверстия). Сводная, или аккумулятивная схема расположения украшений в разных захоронениях (рис. 52, А) показывает, что чаще всего они концентрируются в районе запястий (на концах рукавов?), причем для костяных бус предпоч-

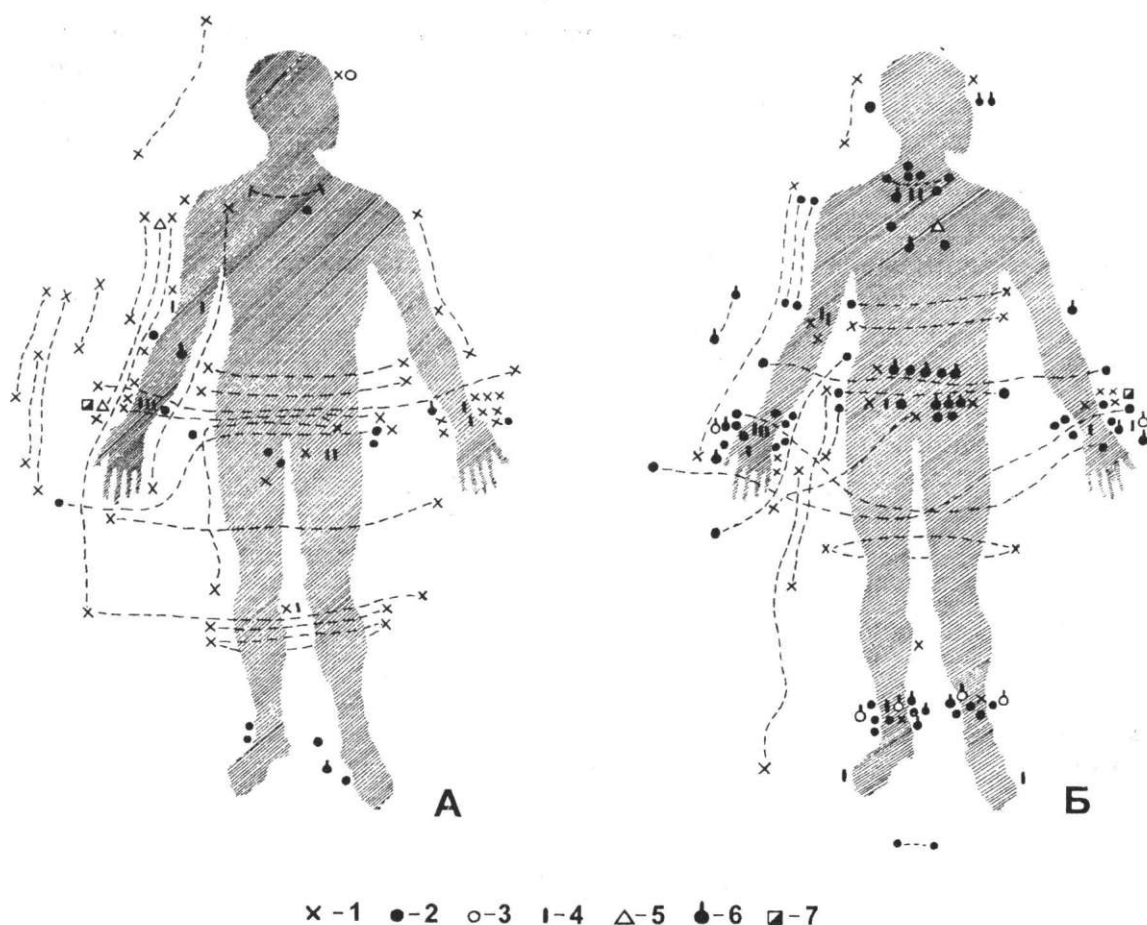

Рис. 52. Аккумулятивные схемы размещения украшений в погребениях новотиторовской (А) и восточноприазовской (Б) культур

1 – костяные бусы; 2 – бронзовые бусы; 3 – бронзовые обоймицы; 4 – бусы из зубов оленя или ископаемой рыбы; 5 – каменные бусы; 6 – бронзовые жгутиковые подвески и медальоны; 7 – бронзовые бляхи

тительным является левое запястье. Сравнительно часто украшения расположены и в районе пояса – тазовых костей. Находки у головы (Малаи II, 1/11), шеи (ожерелье из зубов ископаемой рыбы и зубов оленя – Новокорсунская-85, 1/3) и щиколоток (Пролетарский-86, 5/10; Раздольная, 18/2) единичны. В тех случаях, когда костяные бусы составляют целые низки, они могут пересекать ноги в районе колен, обрисовывая как бы подол длинной рубахи (Раздольная, 18/13 – взрослый; Малаи I, 9/23 – ребенок; рис. 14, 4). Могут располагаться на манер пояса, иногда как бы свисая от пояса вниз (Первомайский, 1/7), могут проходить вдоль правой или левой руки (на рукаве? Днепровская I, 3/1; Олений I, 3/8), могут лежать отдельной связкой справа от лица или тела погребенного (Лебеди I, 2/100; ПКОС, 15/2, 17/1; Пластуновский I, 1/26; рис. 6, 1). Менее понятны случаи, когда низка бус пересекает одновременно и пояс, и обе руки (Олений I, 2/35; Останний, 1/140; Пластуновский I, 1/11; рис. 24, 2), или пересекает бедренные кости и поднимается вверх с внешней стороны правой руки (Новокорсунская-85, 1/10), поскольку в этом случае руки оказываются как бы внутри предполагаемого одеяния или под ним. По-видимому, в некоторых случаях речь может идти не об украшениях на одежде, а о расшивке некоего погребального покрова или, что кажется более вероятным, о размещении вдоль правой руки каких-то расшитых

предметов, определенно перекликающихся с находимыми в этом же месте булавами и сопровождающими эти булавки связками украшений.

Сравнение распределения украшений и конкретных их видов в НТ и КТК комплексах Прикубанья (рис. 52, А и Б) демонстрирует принципиальную близость погребального костюма или набора украшений в обеих культурах, с той разницей, что общее число украшений в катакомбных памятниках возрастает, прежде всего за счет расширения ассортимента металлических украшений северокавказских типов. Одновременно более распространенными становятся шейные и нагрудные украшения (условно – “ожерелья”) и расшивка одежды в районе щиколоток, указывающая достаточно определенно на использование длинных штанов. В НТ комплексах таких свидетельств на примере размещения украшений нет. Тем более интересно, что в целом ряде захоронений (Анапская I, 7/10; Лебеди I, 2/100; Ивановская–71, Б/6; Новокорсунская–85, 1/4) при расчистке вокруг ног костяка фиксировались пятна светло-коричневого, желто-коричневого или желтого плотного тлена, по фактуре напоминающего кожу, очертания которых более всего походили на очертания именно одежды типа штанов (рис. 6, 1; 13, 2; 32, 4). Если это наблюдение правильно, то есть все основания, во-первых, утверждать знакомство с этой разновидностью одежды уже в НТ культуре, а следовательно, и значительное сходство НТ и КТК костюмов между собой, и, во-вторых, формирование основных составляющих изготовленного из кожи скотоводческого, т. н. “скифского”, костюма, известного по изображениям I тысячелетия до н. э., уже в эпоху ранней и средней бронзы Предкавказья и Причерноморья.

Еще одна интересная деталь погребального (и не только?) костюма прослеживается почти исключительно по следам характерной окраски. Это охристые ленточки или венчики, идущие вокруг головы. Экземпляр из Останнего, 1/140 имеет наилучшую сохранность (рис. 24, 2, 3), однако полосы охры вокруг головы погребенных зафиксированы в целом ряде случаев, как в том же Останнем (2/15; рис. 33), так и в других могильниках (Белевцы I, 2/9; Найдорф, 2/4; Малаи I, 9/15, 9/21; рис. 16, 1, 4). Традиция головных повязок, венчиков и лент распространена чрезвычайно широко. Ранние ее примеры отмечены в Хвалынском могильнике [Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. С. 59], поздние – в современном православном обряде. В интересующее нас время аналогичные случаи встречаются и в ямной, и, особенно, в КТК культурах. Отмечу только очевидное отличие таких лент от крупных охристых фигурных изображений, наносившихся на черепа (или на головы покойников?) в захоронениях ямной культуры [Тесленко Д.Л., 1996]. Возможно, при дальнейшем анализе случаев нахождения погребенных с головными повязками следует учитывать и особый знаковый статус этого атрибута в иранской традиции, где он считается признаком знати вообще, царского сословия в частности и жречества в особенности [Грантовский Э.А., 1960; Кочиев К.К., 1991].

Повозки

В последние годы колесный транспорт эпохи бронзы привлекает к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей с самых разных точек зрения. Происхождение и последующее распространение этой категории материальной культуры интересны сами по себе – из-за очевидной связи с проблемами становления различных форм производящего хозяйства (развитого организованного земледелия и подвижных форм скотоводства), из-за вероятной сопря-

женности этого технического нововведения с процессами социального развития, наконец, из-за своего влияния на подвижность населения, на миграционные процессы. Однако наряду с этими очевидными причинами одним из факторов, стимулирующих повышенный интерес к данной проблематике, выступает широко распространенное мнение об особой роли индоевропейцев, или даже отдельных их групп, таких, как иранская или индоарийская, к процессам происхождения и распространения и колеса, и повозок, и колесниц [Кузьмина Е.Е., 1974; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983 и др.].

Вопрос о возможном центре (или центрах) появления этих важных технических новшеств и путях их дальнейшего распространения, волнующий не одно поколение исследователей [Childe V.G., 1951; 1954; Piggott S., 1968a; 1968b; Häusler A., 1982; Кожин П.М., 1985; Чередниченко Н.Н., 1991 и др.], вряд ли может быть разрешен без детального сравнения конструктивных особенностей колесных средств разных археологических культур, а значит, без детальных и достоверных реконструкций самих этих средств. Резкое увеличение объема источников, в частности массовые находки в подкурганных захоронениях разных культур эпохи ранней и средней бронзы степной полосы Юго-Восточной Европы и Кавказа – таких, как новосвободненская, кеми-обинская, новотиторовская, старосельская, ямная, буджакская, северокавказская, раннекатакомбная восточноприазовская (иначе – предднецкая), а также манычская, донецкая, калмыцкая (иначе элистинская) и ингульская катакомбные, – для которых сейчас насчитывают от 248 [Избицер Е.В., 1993] до 257 (подсчеты автора) случаев находок самих повозок и их деталей, создали реальную базу и для реконструкций, и для сопоставлений.

Работы по реконструкции были предприняты по материалам из “ямных” (в действительности старосельских. – А.Г.) и раннекатакомбных захоронений с территории Украины. В первом случае восстановлен облик четырехколесных повозок с полукруглым верхом-кибиткой высотой до 60 см (! – А.Г.) [Мельник А.А., Сердюкова И.Л., 1988], во втором – четырехколесной одноместной (! – А.Г.) повозки с высокими торцевыми бортами [Черных Л.А., 1991] и боевой колесницы на сплошных дисковидных колесах [Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж., 1989; 1991]. Хрестоматийной стала выполненная С.А.Румянцевым еще в 60-е годы по материалам катакомбного погребения западноманычской культуры (Кудинов, 2/6) реконструкция тяжелой повозки с цельнодеревянными массивными бортами-дрогами.

Работа по реконструкции повозок новотиторовской культуры Прикубанья была проделана и автором данной статьи, итог ее опубликован [Гей А.Н., 1991а. С. 64. Рис. 6]. Многим коллегам, судя по устным отзывам, она показалась чрезмерно усложненной, а попросту говоря – не вполне достоверной. Одного этого достаточно для того, чтобы подробнее остановиться на материалах, положенных в основу реконструкции, объяснить некоторые принципиальные моменты. Кроме того, многие конструктивные особенности, свойственные новотиторовским повозкам, систематически проявляются в повозках других территорий и других степных культур и групп (присутствуют они и во всех перечисленных выше находках), но остаются либо не замеченными исследователями, либо интерпретируются, по мнению автора, не совсем верно, а иногда и просто ошибочно.

Это, в свою очередь, приводит к накоплению неточных и некорректных заключений в исследованиях более высокого уровня. Вот почему вопрос об устройстве и внешнем облике повозок новотиторовской культуры представляет особый интерес.

Всего в Прикубанье к настоящему моменту раскопано более 120 погребальных комплексов с повозками или их деталями, 115 из них так или иначе связаны с новотиторовской культурой – это либо чисто новотиторовские комплексы, либо захоронения с сочетанием новотиторовских, ямных и северокавказских черт, отражающие тесные связи и даже взаимоассимиляцию этих культурных групп. Таким образом, прикубанские повозки составляют чуть меньше половины всех степных находок повозок эпохи ранней и средней бронзы. Для реконструкции общего вида особый интерес представляют 19 захоронений, сопровождавшихся повозками в собранном виде, 25 с кузовами разной степени сохранности и снятыми с осей колесами и 18 сопровождавшихся кузовами без колес (в прочих представлены отдельные детали, колеса, дышла и т. д.). Наилучшие по степени сохранности и полноте прослеженных деталей повозки открыты в подкурганных погребениях Новотиторовская, 1/8 (или 1/9, по полевой нумерации) и 1/12 [Козенкова В.И., 1971*], Роговская, 8/3 [Анфимов Н.В., 1974*], Брюховецкая II, 6/15 [Боцкарев В.С., 1982*], Лебеди I, 2/116, Останний, 1/150 и 1/160 (раскопки Северо-Кавказской экспедиции в 1980 и 1985 гг.), Старонижестеблиевская, 1/28 [Анфимов И.Н., 1987]. Во всех этих комплексах остатки повозок сходны по конструкции и отличаются только второстепенными деталями. Вместе с тем, все эти находки как бы дополняют друг друга, т. к. в одних случаях лучше сохранились одни узлы, в других, соответственно, другие. Все они так или иначе учтены при работе над реконструкцией новотиторовской повозки, но основная информация, позволявшая связать воедино разрозненные данные и наблюдения, получена все же на курганном могильнике Останний.

Расчистка повозок здесь велась в несколько этапов, с фиксацией разных уровней, что позволило с большой точностью проследить принципиальную схему конструкции и устройство основных узлов. Прежде чем перейти к их описанию, отмечу особенности сохранности дерева и мягких органических материалов в курганах Прикубанья. В подавляющем большинстве случаев здесь отмечается полное их истление. По мере разложения объемные предметы (куски дерева, слои камыша и др.) деформируются в соответствии с усадкой грунта, а также сплющиваются под тяжестью земли до полной утраты объемности, превращаются в плоские, хотя и многоцветные отпечатки, быстро тускнеющие при высыхании. Расчистка и фиксация их требует определенных навыков. Одно из правил – постоянная готовность к тому, что под одним уровнем отпечатков может оказаться другой, третий и т. д. (отделенные друг от друга слоем земли от нескольких миллиметров до десятков сантиметров). Не только плохой сохранностью, но и игнорированием этого правила, очевидно, можно объяснять чрезмерно упрощенную конструкцию кузовов в целом ряде случаев. Второе правило, важное для реконструкции, – это необходимость четкого понимания того, что расчищенный отпечаток соответствует нижней поверхности, нижнему уровню сплюснутого предмета. Если отпечаток плоский, можно говорить, что низ предмета тоже был плоским, если вогнутый, то предмет или деталь могли быть округлыми и т. д. Лежавшие непосредственно друг на друге детали проецируются на уровень нижней поверхности нижней детали и могут слиться и остаться нераспознанными. То же происходит и с несоприкасающимися деталями, находившимися друг над другом, если повозка засыпалась небрежно, с сохранением пустот, не заполненных землей. При частичном наложении деревянных деталей друг на друга (прежде всего в местах пересечения их) и при застилании их тканями, циновками, камышом участки этих перекрытий и верхних деталей проседают в пустоты, образующиеся при истлении

нижележащих деталей. В лучшем случае они продавливаются вниз на манер желоба или канавки, обрисовывая контуры нижних конструкций, в худшем такое проседание приводит к необъяснимым разрывам и обрывам отпечатка. Знание этих особенностей и тщательная, вдумчивая разборка следов деревянных конструкций тем не менее позволяют получить зачастую более полную информацию, чем в случаях с сохранностью остатков самого дерева.

Поскольку определение истинной толщины деревянных деталей по отпечаткам в большинстве случаев невозможно, трудно определить их поперечное сечение. По косвенным данным, речь о которых пойдет ниже, похоже, что основу конструкции кузова составляли брусья шириной 6–10 и толщиной 6–7 см. Использование более тонких досок не документируется, хотя и не исключается. В дальнейшем при обозначении всех деталей используется несколько условный термин “брусья”. Кроме того, для номинации деталей кузова используются обычные при описании колесных транспортных средств термины “дрога” (нижняя опорная продольная связь кузова), “грядка” (продольная связь кузова), “нахлестка” (поперечная связь кузова, обычно опирающаяся на продольные).

Останний, курган 1, погребение 150. Основное погребение второго этапа новотиторовской культуры, как мы уже говорили, сопровождалось двумя повозками, установленными у края могильной ямы до начала рытья могилы (частично засыпаны выкидом из нее, что предотвратило проседание деревянных деталей при истлевании и обеспечило хорошую сохранность). Одна из повозок (южная) была разобрана – колеса ее сняты с осей и положены плашмя возле кузова (рис. 22). Вторая (северная) поставлена в собранном виде (рис. 22; 53). Вся конструкция ее может быть разделена на платформу кузова, собственно кузов, или “ящик” кузова со встроенными в него неподвижными осями, ходовую часть (колеса) и запряжное устройство (дышло).

При расчистке первоначально зафиксирован тонкий слой прерывистого коричневого тлена, напоминающего остатки какого-то мягкого материала (ткани?), залегавший на площади 1,5 x 1,0 м над платформой кузова (отделен от нее прослойкой земли в 7–18 см). Вертикальная прослойка такого же материала прослеживалась и над северным бортом кузова (высота до 47 см). Связь этих прослоек с самим кузовом достаточно проблематична, поскольку никаких следов опорных деревянных конструкций здесь не обнаружено. Не исключено, что образование этих прослоек связано с особенностями процесса засыпания всего захоронения и строительства перекрывающей его насыпи.

Ниже расчищена платформа кузова площадью 260 x 220 см, застеленная толстой плетеной камышовой циновкой (или матом) Т-образных очертаний. Циновка полностью закрывала всю центральную и южную части кузова, не закрытым оставался лишь северный его конец, условно названный “местом возницы” (рис. 53, *верхний горизонт расчистки*). Перекрестное плетение хорошо прослеживалось в центральной части циновки, выступы ее состояли преимущественно из параллельных волокон. Сама циновка раскрашена, по краям ее проходила черная сажистая кайма, а на выступах видны отдельные параллельные “ленты”, каждая из которых состояла из 3–4 узких полосок яркой красной краски (отдельные окрашенные волокна). Сверху на циновке прослежены своеобразные прямоугольные “полотнища” из камыша и плотного материала, напоминающего кожу, окрашенные в белый цвет. Под камышовым “полотнищем” возле северного края циновки лежало несколько обломков костей животного. Северный край циновки задирался вверх на высоту до 20 см над общим уровнем платформы, поскольку опи-

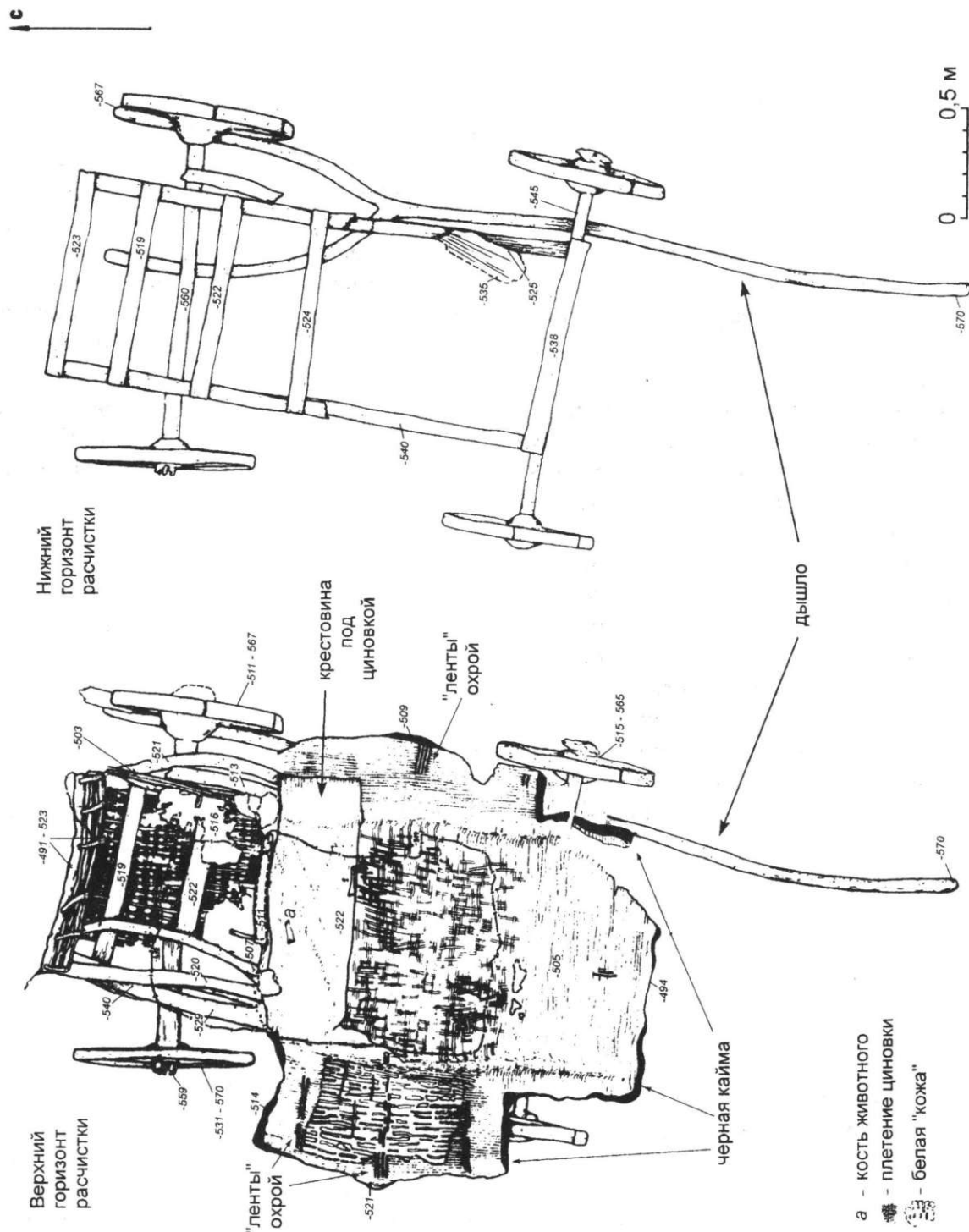

Рис. 53. Конструкция повозок новотиторовской культуры

Верхний и нижний горизонты расчистки повозки I из погребения 150 кургана I могильника Останний

рался на своеобразную “балюстраду”, ограничивавшую “место возницы”. Пространство между концами Т-образной циновки не было пустым, здесь прослежены слабые следы от стеблей камыша или тонких прутьев, вместе с которыми весь южный край циновки и платформы получал как бы плавно округленные очертания. Под западным и восточным выступами циновки открыты следы деревянных брусьев, выступавших далеко вбок за пределы кузова (их длина не менее 220 см, тогда как ширина ящика кузова всего 100 см). Внешние концы их, судя по остаткам древесного тлена, были соединены короткими брусками длиной по 110 см. Встроенные в верхнюю часть ящика кузова, эти брусья и служили основой платформы и опорой для циновки.

Ящик кузова изготовлен из брусьев шириной от 5 до 10 см и имеет сложную решетчатую конструкцию размером 220 x 100 см. Нижний его ярус состоял из двух продольных брусьев-дрог шириной по 10 см, скрепленных поперечными брусьями-осями, на концы которых, выступающие за пределы конструкции, собственно, и надевались дисковидные колеса. Расстояние между осями составляло 170 см. Дроги уложены поверх осей, опираются на них. Сверху дроз, непосредственно над южной осью, прослежена еще одна поперечная связь, или нахлестка. Над этой рамой, прямо над дровами, проходили еще два продольных бруса-грядки, скрепленные, в свою очередь, несколькими поперечными перекладинами, или нахлестками (прослежены 4 такие нахлестки в северной половине кузова, уложенные на грядки сверху с промежутками в 15–30 см; рис. 53, *нижний горизонт расчистки*). Поверх этих нахлесток, также в северной части кузова, были уложены продольные прутья (около 25 шт. толщиной до 1,2 см), образывавшие как бы дно кузова. Слабые следы таких же прутьев прослеживались и в южной части, в районе южной оси и сконечности кузова. Хотя они и не составляли единого целого с северным участком, есть основания полагать, что настил из прутьев первоначально проходил по всей длине кузова, как это было зафиксировано у некоторых других повозок (Лебеди I, 2/116; рис. 5, 2).

Отсутствие настила из прутьев в средней части конструкции кузова не позволяет с уверенностью определить соотношение уровней этого настила и ряда поперечных нахлесток, в частности крестовины, прослеженной в центральной части кузова непосредственно под циновкой. Однако аналогии с повозкой из погребения 160 этого же кургана приводят к мысли, что поверх уровня прутьев имелась еще одна пара продольных грядок, на которые уже и опирались нахлестки крестовины и длинные поперечные брусья, выступавшие за края кузова и служившие опорой для широкой платформы, застеленной Т-образной циновкой. В любом случае ясно, что крестовина и основание платформы составляли верхний уровень ящика кузова в центральной и южной его частях. Они как бы просвечивали сквозь циновку, и при истлевании дерева именно в оставшиеся от них полости вдавился слой верхней циновки (рис. 53, *верхний горизонт расчистки*). Способ скрепления дроз, грядок и нахлесток между собой (при помощи вертикальных столбиков или колышков) на данной повозке прослеживался недостаточно хорошо и только в северном ее конце, однако сохранившаяся высота (расстояние от нижних дроз до верхних нахлесток) повсеместно составляла 30–35 см, что указывает на существование таких вертикальных связей по всему периметру кузова.

Самым сложным устройством отличался северный конец кузова, условно названный нами “местом возницы”. Он имел вид прямоугольной площадки (100 x 90 см) с дном из упомянутых прутьев, ограниченной по периметру вертикальной балюстрадой, выступающей выше уровня верхних грядок (рис. 55, 3, 4). Верти-

кальные колышки балюстрады частично являлись продолжением колышков, скреплявших продольные и поперечные брусья самой конструкции кузова, но между конструктивно важными столбиками здесь были вставлены и дополнительные “балясины”. В северном борту хорошо заметно, что вертикальные колышки (толщиной 2–3 см) были вставлены в гнезда в нижней нахлестке, проходили насквозь верхнюю нахлестку и поддерживали перильца “балюстрады” (рис. 55, 3, 4). Ширина последних – 4 см. Аналогичное скрепление прослеживалось и с трех других сторон, с той разницей, что здесь прослеженные “балясины” соединяли перильца и нахлестки верхнего уровня. На северном же борту, прямо на перильцах, имелись еще 3 полукружия из дугообразных полос древесного тлена, имевшие, скорее всего, не функциональное, а декоративное назначение. Перильца были “обтянуты” плотным белым тленом с фактурой кожи, таким же тленом было выстелено изнутри и все “место возницы”.

Колеса, как уже говорилось, были надеты на концы неподвижных осей. Все они сплошные, трехчастные, с выступающими с обеих сторон средней доски ступицами. При истлевании колеса были деформированы по вертикали под тяжестью грунта и потому имеют вид овалов размерами около 70–78 x 35–44 см. Длина такого овала близка первоначальному диаметру колеса. Ступицы имели диаметр 25 см и выступали на 5–13 см. После истлевания дерева на месте колесных дисков остались пустоты, позволяющие утверждать, что толщина самих колес равнялась как минимум 5–6 см. С внешней стороны ЮВ колеса прослежен проходящий через ось и перпендикулярный ей стержень длиной 15 см, представляющий собой чеку. Ширина колеи повозки составляла 150–160 см.

Под повозкой, засыпанное слоем выкида из могильной ямы, лежало дышло в виде толстой, округлой в сечении (диаметр 5–6 см) рогатины длиной 380 см (стержень – 260 см, раздвоенный конец – 120 см).

Останний, курган 1, погребение 160. Впускное захоронение третьего этапа новотиторовской культуры сопровождалось повозкой, установленной в собранном виде на широком уступе с восточной стороны от погребальной ямы-камеры.

Конструктивно эта повозка крайне близка, почти тождественна, описанной выше. Первоначально расчищена платформа кузова, застеленная Т-образной циновкой размером 220 x 160 см (рис. 54, *верхний горизонт расчистки*), с отдельными пятнами светло-белого тлена на ней. В центральной части камышовой циновки (серо-коричневый тлен) прослеживалось поперечное переплетение волокон. Слой тлена здесь вдавлен в пустоты от истлевших брусьев и крестовины верхнего яруса деревянной части конструкции. Боковые выступы циновки имели фактуру камышового тлена более темной, почти черной, окраски. В западном и восточном выступах преобладало продольное (по линии С–Ю), а в южном – поперечное (З–В) направление волокон. На западном и восточном выступах видна раскраска циновки параллельными полосами красной охры (шириной 1–2 см, отстоят друг от друга на 10–11 см). По периметру циновки во многих местах видны следы каймы черного цвета (краска?). С южного выступа вниз свисает “фартук” из белого тлена с поперечным (З–В) направлением волокон. Выступы Т-образной циновки были как бы соединены между собой сегментовидными участками камышового (?) белого тлена, более разреженного, чем сама циновка, причем волокна здесь имели как бы радиальное направление по отношению к центру циновки. С учетом этих сегментов вся циновка имеет округленные очертания. Боковые выступы циновки залежали практически горизонтально (слои тлена изогнуты при деформации всей конструкции в процессе истлевания и проседания деревянных

деталей) и, судя по всему, опирались на длинные продольные грядки и длинные же, выступавшие по бокам ящика кузова поперечные нахлестки верхнего уровня конструкции.

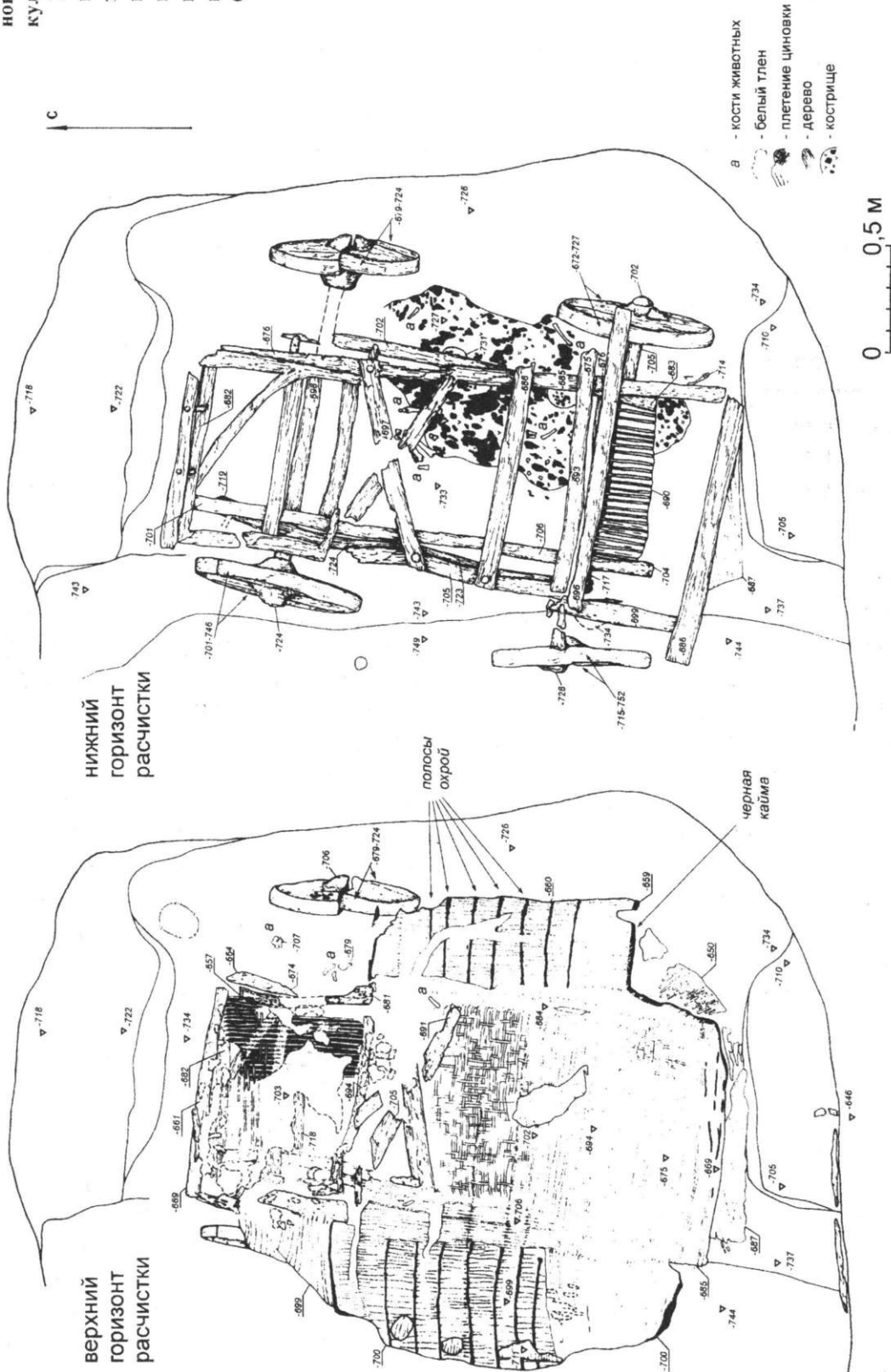
Кузов, или ящик кузова, изготовлен из брусьев шириной от 4 до 16 см (для большинства деталей – 6–8 см) и представляет собой, как и в предыдущем случае, сложную решетчатую конструкцию из нескольких уровней продольных дрог, или грядок, и поперечных нахлесток, скрепленных между собой вертикальными колышками или столбиками. При этом размеры кузова были неодинаковыми на разных уровнях. Нижняя рама образована двумя продольными дорогами длиной 190 см, уложенными непосредственно на оси и, очевидно, жестко соединенными с ними. Дополнительно она укреплена широкой (16 см) поперечной нахлесткой на южном торце кузова и еще одной нахлесткой, положенной на дорожки непосредственно над северной осью. Таким образом, размеры рамы – 160 x 100 см, а северные концы дрог выступают за ее край еще на 30–35 см.

В 20 см над нижней рамой залегали грядки и нахлестки среднего уровня. Размеры средней рамы несколько больше, чем нижней (205 x 100 см), за счет выступа более длинных продольных грядок с северного конца. В северной половине они скреплены тремя поперечными нахлестками (по краю, над осью и в 25 см к югу от нее), в центре – крестовиной, в южной половине – двумя нахлестками (одна по краю, который здесь находится точно над южной осью, другая – в 40 см к северу от нее).

В местах соединения грядок и нахлесток проходят вертикальные круглые колышки диаметром 3 см, соединяющие среднюю и нижнюю рамы, а также грядки и нахлестки, между собой (рис. 54, *нижний горизонт расчистки*). Кроме того, в северном конце кузова был устроен дополнительный раскос из бруса шириной 4 см, соединявшего северный и восточный борта. Поверх нахлесток и раскоса среднего уровня было положено до 20 тонких продольных прутьев, образовавших дно кузова. Они хорошо прослеживались и в северном, и в южном концах кузова. Не совсем объяснимо отсутствие их следов в центральной части. Правда, под повозкой на уступе расчищено большое кострище, но достоверных следов обожженности на деталях повозки не замечено. Поверх прутьев настлан толстый слой белой и желтой “кожи”.

Верхний горизонт кузова залегал на 6–7 см выше среднего и отличался большими размерами за счет большей длины грядок и некоторых поперечных нахлесток. Длина грядок здесь – 240–245 см, причем выступают они над средними только по южному краю. Концы их соединены короткими нахлестками, а в средней части (отступая от концов на 65–70 см) на них положены две нахлестки длиной 220 см, далеко выступающие вбок за пределы ящика кузова. В свою очередь концы этих нахлесток также соединены брусьями между собой. Вся эта конструкция образует крестовидную платформу размером 240 x 220 см, западный, восточный и южный выступы которой и служат опорой для Т-образной циновки. Способ крепления верхней рамы к средней не прослежен. Нельзя полностью исключить возможность того, что они соединялись также при помощи вертикальных кольев. Однако то, что расстояние между верхним и средним уровнями было по крайней мере втрое меньшим, чем между средним и нижним, позволяет думать, что верхние грядки опирались непосредственно на поперечные нахлестки среднего уровня. Это, в свою очередь, служит веским доводом в пользу того, что в основе кузова использовались именно брусья, а не плоские доски, и показывает вероятную толщину таких брусьев (те же 6–7 см).

Рис. 54. Конструкция повозок новотиторовской культуры
Верхний и нижний горизонты расчистки из поковки 160 погребения 160 кургана I могильника Останний

В северном конце кузова на уровне верхней рамы была устроена площадка (70 x 100 см), огороженная такими же вертикальными перильцами с балясинками, как и у повозки из погребения 150 ("место возницы"). И здесь перильца были обиты или обтянуты слоем белой "кожи". Внутри площадки поверх слоя "кожи" прослеживался слой серого камышового тлена с поперечным (З-В) направлением волокон. Не исключено, что перильца были укреплены дополнительными досками, стоявшими на ребре. Намек на это угадывался в устройстве северного борта.

Колеса – сплошные, трехчастные, с выступающими ступицами в средней доске. Как и в предыдущем случае, они надеты на концы неподвижных осей, деформированы при истлевании и приобрели вид овалов размером 67–88 x 43–63 см (длина такого овала примерно соответствует первоначальному диаметру колеса). Ступицы диаметром 18–22 см выступали не менее чем на 4–8 см. Толщина колес – 5–6 см. Диаметр обточенных концов осей и отверстий для оси в колесах – также 5–6 см. Расстояние между осями равнялось 140 см, ширина колеи – 155 см.

При расчистке ящика кузова между нахлестками нижнего и среднего уровней возле западного борта была обнаружена засунутая туда вдоль борта круглая в сечении жердь диаметром 5 см. По аналогии с погребением 150, можно думать, что это обломок дышла, которое не помещалось целиком в могиле. К югу от повозки к стенке верхней части могилы была прислонена почти вертикально прямоугольная рама из двух вертикальных досок (длиной 45–50 см), соединенных двумя или тремя поперечными горизонтальными досками (длиной 90–110 см). Аналогичный случай отмечен и в раннекатакомбном захоронении соседнего с Останним могильника Карстовый (1/13; раскопки 1986 г.). Здесь, в яме с уступом, к стенке была прислонена такая же рама размером 180 x 50 см. Похоже, что в обоих случаях это остатки ярма архаического рамчатого типа [Кожин П.М., 1985. С. 178. Рис.], сходного с тем, которое известно по гипсовой отливке, сделанной в известном погребении из Трех Братьев в Калмыкии (сведения о нем получены из неопубликованной монографии В.П.Шилова "Древние скотоводы Калмыцких степей", хранящейся в отделе бронзового века ИА РАН).

Суммируя данные, полученные при расчистке останненских повозок, и сравнивая их с другими хорошо сохранившимися экземплярами кузовов повозок, мы получаем возможность говорить о крупной, отнюдь не одноместной, повозке достаточно сложного устройства – со сплошными дисковидными колесами на неподвижных, встроенных прямо в кузов осях, со сложным решетчатым кузовом, лишенным вертикальных бортов (многоуровневые кузова с вертикальными штифтами-столбиками помимо наших раскопок встречались неоднократно, особенно подробно они зафиксированы в Новотиторовской–70, 1/9 и 1/12 [Козенкова В.И., 1971*]), верхний уровень которого представлял собой широкую платформу с выступами (рис. 53–55). Эта последняя деталь особенно важна и интересна. Кроме останненских повозок (не только из кургана 1, но и из кургана 2), боковые выступы платформы прослежены в наших раскопках на новотиторовских повозках из Лебедей I (2/116) и Малаев I (9/25; рис. 55, 2), а также на раннекатакомбных повозках из могильника Карстовый (1/6 и 1/10). Наличие их устанавливается и по чертежам новотиторовских повозок в комплексах Роговская, 8/3 [Анфимов Н.В., 1974*], Батуринская II, 1/6 [Бочкарев В.С., 1981*], Раздольная, 18/6 [Нехаев А.А., 1982*], Старонижестеблиевская, 1/28 [Анфимов И.Н., 1987*], Динская – переулочек Ставского, 1/10 [Чернопицкий М.П., 1988*], Новокорсунская–90, 1/5 [Лимберис Н.Ю., 1991*], хотя они и не были замечены или специально оговорены про-

Рис. 55. Конструкция повозок новотиторовской культуры

1 – Лебеди I 2/116, нижний горизонт расчистки

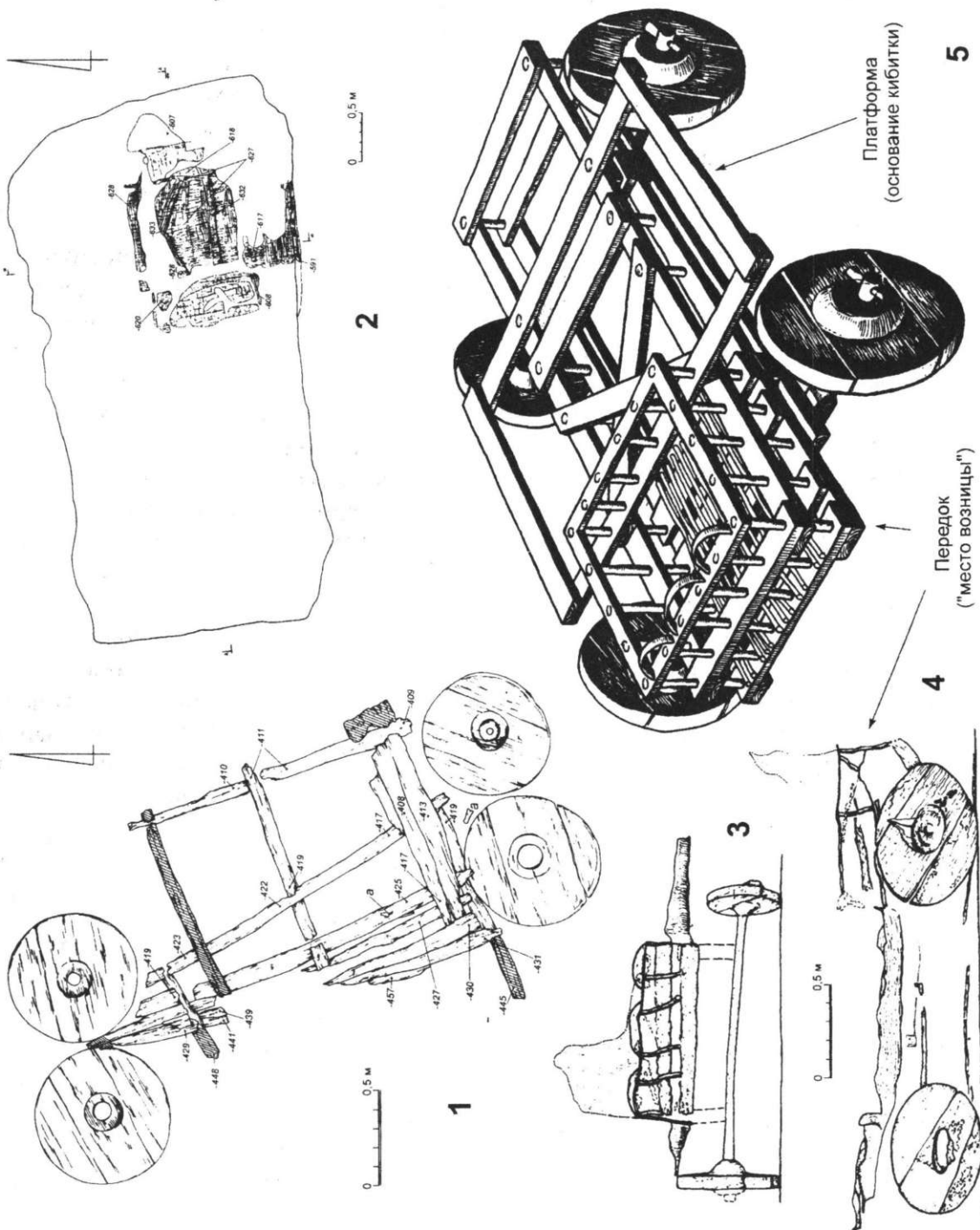
повозки (а – кости животных; колеса, а также заштрихованные плахи и брусья показаны и на чертеже верхнего горизонта расчистки – см. чертеж данного погребения на рис. 5, 2); 2 – Малаи I 9/25,

верхний горизонт расчистки повозки (платформа кузова и Т-образная цинковка, под которой просматривается косая крестовина); 3 – Останний I/150, вид с севера или

спереди на повозку 1;

4 – то же, вид с востока (как она была видна в восточном фазе центрально-восточной бровки после отваливания пласта земли);

5 – реконструкция повозки (без цинковки-настила и кибитки)

водившими раскопки исследователями. В пользу предлагаемого варианта реконструкции говорит и смысловое “инженерное” истолкование принципов устройства повозки в целом и отдельных ее узлов. Чем может объясняться создание объемного решетчатого ящика кузова с несколькими горизонтальными уровнями дрог и настилок, разнесенными на разную высоту и скрепленными при помощи вертикальных колышков-столбиков? Никак не стремлением оформить вертикальные борта, как это обычно трактуется исследователями, поскольку сверху кузов замкнут горизонтальным настилом, покрытым циновкой (это бесспорный факт, прослеженный на многих десятках повозок и не зависящий от наших представлений о ширине платформы кузова).

Единственное, с моей точки зрения, объяснение состоит в стремлении древних конструкторов приподнять платформу выше уровня осей, на которые опираются нижние дроги, и, очевидно, выше верхнего края колес. В свою очередь, такое стремление не имеет смысла в случае, если верхняя платформа имеет такую же ширину, как основание кузова, в случае же, когда платформа имеет большие размеры (ширину, прежде всего, как это и прослежено в действительности), оно является вполне оправданным; это делается для того, чтобы ободья колес не задевали платформу.

Смысл создания именно решетчатой конструкции с раскосами и крестовиной достаточно ясен. Конструкция кузова должна быть одновременно и прочной, и по возможности легкой. Но и тут существует деталь, облегчающая понимание устройства и назначения кузова в целом. Если по всему периметру конструкции решетчатость обеспечивается за счет вертикальных колышков, то над одной из осей (у повозок с Останнего – над южной) колышки отсутствуют, а в промежутки между продольными дорогами нижнего, среднего и верхнего ярусов вставлены концы досок или брусьев поперечных нахлесток (поэтому здесь и прослежено до 4–5 нахлесток одна над другой). Способ их скрепления с дорогами не прослежен (на шипах?), но важно то, что здесь средние и верхние дроги опираются не на столбики, а именно на концы нахлесток. Объяснить это можно только тем, что именно на данный участок кузова, расположенный как раз под серединой широкой платформы и крестообразной циновки, приходилась наибольшая нагрузка (столбики, как бы прочно они ни крепились в отверстиях дрог, естественно, не давали такой надежной опоры, как подкладка из толстых досок или даже брусьев). Отсюда вывод, что именно на широкой платформе размещался основной груз и именно в этой части повозки логичнее всего видеть основание для фургона или кибитки того типа, который известен по многочисленным моделям позднейшего, уже как такового, времени.

В связи с этим интересны как совпадение пропорций основания моделей кибиток и реальных новотиторовских платформ, так и наличие на глиняных моделях многочисленных отверстий в нижней части и дне. Весьма вероятно, что с помощью этих отверстий глиняные модели кибитки крепились к деревянной модели кузова, дополняемой несохраняющимися деревянными или сохраняющимися глиняными колесами. При несимметричных или непарных отверстиях они могли просто привязываться, в некоторых же случаях (Чограй VIII, 3/3 [Андреева М.В., 1984]) через отверстия могли пропускаться деревянные стержни модели кузова. Вполне логичным поэтому является предположение, что большинство известных глиняных моделей изображает не всю повозку, а именно верхнюю ее часть, саму кибитку, отсутствующую (скорее всего, преднамеренно демонтированную) у реальных повозок, устанавливавшихся в погребениях.

Расположение рассмотренного выше опорного узла – под платформой на одной из осей – позволяет предполагать, что именно на эту часть повозки и устанавливали навес-кибитку, иными словами, она не могла являться передком, истинный передок находился в районе т. н. “места возницы” (у останненских повозок это северный конец). Внутреннее устройство кибитки-жилища и вероятность соотношения трехчастности циновки настила с особенностями размещения в ней обитателей такого дома на колесах представляют собой особую тему и рассматриваются в другой работе [Гей А.Н., 1999б].

Запряжка такой повозки состояла из пары быков или волов, припрягавшихся с помощью упоминавшегося выше рамчатого прямоугольного ярма к дышлу, имевшему вид рогатины длиной до 4 м. Раздвоенный конец дышла крепился непосредственно к раме кузова (возможно, к встроенной в него передней оси), скорее всего, при помощи вставлявшихся в специальные отверстия стержней, напоминающих чеки у колес или вертикальные столбики самого кузова. Такое крепление, как оказалось, способно породить толки о возможности существования поворотного устройства [Мельник А.А., Сердюкова И.Л., 1988. С. 122. Рис. 3], что в корне неверно. Даже у позднейших катакомбных повозок следов наличия поворотного устройства не обнаружено ни разу, а упоминаемая в этой связи катакомбная повозка из Лолы, 4/8 [Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. С. 13–15] прежде всего крайне плохо документирована. На мысль о существовании у нее поворотного устройства исследователей навело наличие под кузовом колеса, лежавшего горизонтально, – вещь, достаточно обычная сама по себе, но совершенно немыслимая в виде поворотного устройства.

Анализ всей серии повозок эпохи ранней и средней бронзы из курганов Причерноморья и Предкавказья показывает, что практически во всех случаях хорошей и удовлетворительной сохранности в захоронениях различных культурных групп представлены именно такие тяжелые, вероятно жилые, повозки, чрезвычайно близкие по своим конструктивным и размерным параметрам. Имеющиеся различия, как справедливо указывает Е.В.Избицер, сводятся, главным образом, к вариациям форм дышла, ярма и диаметров колес [Избицер Е.В., 1993. С. 20–21]. Сюда же можно добавить и некоторую трансформацию самого кузова у более поздних катакомбных повозок: прочность конструкции у них обеспечивалась крестовиной из двух диагональных брусьев, соединяющих углы рамы, тогда как в новотиторовских образцах крестовина располагалась в средней части кузова и крепилась к продольным дровам верхнего уровня.

В остальном конструкции НТ и КТК повозок сходны, у последних известны даже широкие крестообразные платформы, застеленные циновками или камышом (не интерпретированный раскопщиками случай – Сагван I, 9/6 [Зельдина В.Я., 1979*]). Важно подчеркнуть, что такие же кузова с абсолютно такими же деталями представлены в старосельских, буджакских, кеми-обинских памятниках Северного Причерноморья, где они в целом ряде случаев и по разным причинам не опознаются и не идентифицируются исследователями как остатки повозок. Назову лишь некоторые примеры.

В публикации “ямного” погребения 14 кургана у с. Етулия в Молдавии указывается, что на дне ямы, недалеко от углов, обнаружены отпечатки трех колес и остатки четвертого, прислоненного к стене. Костяк же взрослого лежал якобы на тонком деревянном настиле и подстилке в вытянутом положении головой на восток, лицом вниз, при этом костяк был сплюснут и вдавлен в дно могилы бревнами рухнувшего перекрытия [Серова Н.Л., 1981. С. 67]. Даже по опубликован-

ным чертежам видно, что погребенный лежит на деревянной раме размерами около 2 x 1 м, в составе которой прослеживаются и продольные, и поперечные брусья. Костяк же сдвинут в восточную половину могилы таким образом, что, очевидно, никак не мог поместиться в ней, будучи вытянутым.

Размеры рамы, расположение колес и костяка указывают на то, что захоронение совершено на кузове повозки, установленной в могилу в собранном виде. Погребенный же, судя по тому же чертежу, захоронен в сидячем или полусидячем положении, хотя и с почти не согнутыми ногами. Естественно, при истлевании повозки и обвале перекрытия его останки причудливо спроецировались на дно ямы и даже “вдавлились” в него, чего не бывает с обычными вытянутыми захоронениями – при любой массивности перекрытий.

Совершенно очевидно, что данный комплекс представляет ближайшую аналогию типично новотиторовским формам обряда (сочетание ямы с уступом, сидячего положения, целой повозки, циновки на перекрытии и т.д.), что лишний раз подчеркивает сходство буджакской и новотиторовской культур.

Аналогичным образом обстоит дело и с т. н. “носилками” или “погребальными ложами” из погребений 6, 7 и 15 кургана у с. Бычок [Агульников С.М., 1985]. Деревянная конструкция из погребения 6 и по размерам (2,1 x 1,1 м), и по размещению продольных и поперечных досок, и по наличию косой крестовины “над остальным сооружением” (ср. с обычным ее расположением в верхнем уровне) безошибочно определяется как кузов повозки обычного для “культур погребений с повозками” типа. Отсутствие следов скрепления досок или брусьев между собой, при общей отличной сохранности дерева, особо подчеркиваемое одним из исследователей [Яровой Е. В., 1985. С. 55], представляется не таким уж бесспорным, коль скоро в публикации говорится только о досках [Агульников С.М., 1985. С. 46], а в работе Е.В.Яровой – о досках и жердях, к тому же он сам допускает существование непрослеженных досок в аналогичной конструкции из погребения 15 [Яровой Е.В., 1985. С. 54]. В любом случае речь идет либо о самом кузове, либо о его детальной имитации. Более грубой имитацией является, вероятно, конструкция из погребения 15, и скорее всего чисто символической имитацией – небольшая по размерам конструкция из погребения 7. Таким образом, курган у с. Бычок должен включаться в число памятников с остатками повозок эпохи ранней бронзы в Северном Причерноморье; более того – он демонстрирует именно интересующий нас тип кузовов.

Хотя все три захоронения здесь совершены в скорченном на спине положении и потому формально включаются не в буджакский, а в более архаичный днестровский тип ямных памятников Молдавии [Дергачев В.А., 1986], такие черты, как наличие “подушек” под головой, кольев в углах ям, каменного завала на перекрытии, бронзового тесла “новосвободненских” пропорций, находят множественные аналогии именно в новотиторовских памятниках Прикубанья и архаринских Калмыкии.

Бесспорно опознается как кузов повозки и деревянная рама с раскосами вместо крестовины из “ямного” (в действительности также буджакского) погребения 1/7 у с. Холмское в Одесской обл. Курьезом выглядит интерпретация ее как “саней” [Новицкий Е.Ю., 1985], предложенная несмотря на находку в этой же могиле четырех дисковидных колес (!).

Замечательный образец собранного на шипах “ложа” – а в действительности кузова с двумя (?) косыми крестовинами в центральной части, настилом из продольных прутьев и кожи – происходит из каменного ящика, относимого, с неко-

торой долей условности, к кеми-обинской культуре (курган у с. Моисеевка на Ингульце [Андросов А.В., Мельник А.А., 1991]).

Подобные случаи еще и еще раз демонстрируют очевидную близость конструктивных особенностей повозок (как, впрочем, и самих культурных типов), выявляемых в различных и территориально достаточно удаленных друг от друга районах причерноморских степей. Показывают они и явную ошибочность упоминавшихся выше реконструкций самих повозок, выполненных по единичным образцам из Лукьяновки, Каменки Днепровской, Кудинова и т. д. Думаю, что пока в распоряжении исследователей нет никаких данных для вывода о разнообразии конструкций причерноморских повозок, который делает С.Н.Ляшко [1990]. Скорее наоборот, – все имеющиеся материалы пока говорят о консерватизме, сохранении в Причерноморье и Предкавказье на всем протяжении раннего и среднего периодов эпохи бронзы единой, крайне мало изменявшейся со временем конструкции тяжелой четырехколесной повозки без поворотного устройства, с решетчатым наборным кузовом, дисковидными колесами и, как это видно по наиболее сохранившимся или наименее демонтированным образцам, зачастую с широкой платформой, служившей основанием для кибитки-жилища. Само собой разумеется, что речь идет только об известных нам образцах, происходящих из погребальных памятников. Не исключено, что в хозяйстве и быту древнего населения действительно могли применяться различные колесные транспортные средства, однако никакими положительными данными о них наука не располагает. Что же касается упоминавшегося выше случая находки катакомбной колесницы [Черденченко Н.Н., Пустовалов С.Ж., 1989; 1991], явно противоречащего нашим заключениям, то, по глубочайшему моему убеждению, он не может считаться вполне бесспорным. Во-первых, документация, по крайней мере та, что опубликована, выглядит чрезмерно схематичной и явно недостаточной для предлагаемых решений (отсутствуют разрезы, нет отдельной фиксации горизонтов расчистки, нет данных о бортах, оси и ее креплении, о дышле, хотя все это представлено на реконструкциях). Во-вторых, число сохранившихся колес, как было показано в главе 3, бывает самым различным и не может служить аргументом в пользу наличия именно двуколки. В-третьих, и это имеет принципиальное значение, для выводов такого масштаба, выводов, напрямую подводящих к переоценке представлений об уровне развития степных обществ конца III – начала II тысячелетия до н. э. (а все эти выводы авторами публикации с непонятной поспешностью изложены тут же), единичного и недостаточно очевидного наблюдения бесспорно мало. Здесь нужна серия сходных или дополняющих друг друга наблюдений. Пока же, повторю, практически все более или менее вразумительные и поддающиеся интерпретации и реконструкции находки, условно говоря, ямного и катакомбного времени дают представление о тяжелой четырехколесной повозке без поворотного устройства, основным предназначением которой являлось; судя по всему, служить передвижным жилищем скотовода.

Особый интерес представляет вопрос о возможных прототипах, или древнейших образцах такой повозки. В настоящий момент известно два случая, когда дисковидные колеса были встречены при погребениях нижнемихайловско-новосвободненского типа (или степной группы новосвободненской культуры). Одна такая находка происходит из Новокорсунской–85, 2/18 в Прикубанье [Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988], вторая – из могильника Колдыри I (14/7) на Нижнем Дону [Беспалый Е.И., 1984*]. Обе находки, с учетом их архаизма, Е.В.Избицер отнесла ко второй четверти III тысячелетия, не решившись отделить их от

прочих ранних НТ повозок [Избицер Е.В., 1993], однако уже в публикации комплекс из Новокурсунской был совершенно справедливо назван древнейшим из известных в Восточной Европе [Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988]. Действительно, нижнемихайловско-новосвободненская культура в целом является исходной для формирующейся с ее участием позднемайкопской культуры (новосвободненский этап майкопской культуры), а в степных районах повсеместно предшествует в стратиграфических колонках ямным и новотиторским памятникам, иными словами, тяготеет скорее к концу IV – первой четверти III тысячелетия до н. э., причем начало ее пока не датируется из-за отсутствия данных о соотношении с ранним, или “чистым”, майкопом. Зарождение традиции захоронений с повозками, получившей такое распространение в НТ культуре, уже в нижнемихайловско-новосвободненской среде выглядит интересным и важным само по себе. Однако в обеих ранних находках детали повозок представлены только колесами. Колеса близки новотиторским по устройству и размеру, но их недостаточно для вывода о сходстве самих повозок в этих культурах. И здесь исключительное значение, с моей точки зрения, приобретает еще одна находка сложного “ложа”, сделанная на территории Украины. Речь идет о постмариупольском погребении 6/16 из Новоалександровского I могильника в Днепровском Надпорожье, в котором вытянутый костяк был перекрыт деревянной конструкцией [Ковалева И.Ф., 1991], имеющей множественные параллели и в деталях, и в размерах с кузовами НТ повозок. Приводимая в публикации интерпретация (“сырцовая гробница”, воспроизводящая “тип легкого каркасного наземного жилища, сходного со среднеазиатской кибиткой” или “воспроизводящая кузов повозки” [Там же. С. 37]), равно как и предложенная реконструкция, кажутся абсолютно ошибочными. Одна из причин этого – некритическое следование отвергнутой нами реконструкции А.А.Мельника и И.Л.Сердюковой, стремление отыскать дуги от крыши кибитки там, где их нет. Судя по приводимым разрезам, плашки, обозначенные как “дуги”, лежали горизонтально поверх костяка, некоторый изгиб их вполне объясним условиями разложения объемных конструкций, о которых мы говорили в начале данного раздела. Что касается горизонтальных продольных жердей, между которыми были якобы зажаты концы дуг “полога”, то здесь, скорее всего, следует видеть остатки именно вертикальных столбиков, соединявших продольные дроги разных уровней кузова. В целом захоронение выглядит не как “арочная сырцовая гробница”, а как погребение, перекрытое кузовом вполне реальной повозки, заложенной в свою очередь сверху земляными блоками. И сходство конструкции с новотиторскими кузовами не вызывает у меня ни малейших сомнений.

Сам новоалександровский комплекс по характерному сосуду, близкому сосуду из Балки Квитяной, датируется И.Ф.Ковалевой временем около середины IV тысячелетия до н. э. [Там же. С. 36], что представляется некоторым преувеличением. И не только потому, что реальность среднестоговской культуры и всех фаз ее (квитянская здесь не исключение) активно и, кажется, не без оснований оспаривается в литературе, причем постмариупольские памятники с “квитянской” посудой синхронизируются с Триполем CI–CII [Рассамакин Ю.Я., 1996]. Важно и то, что сосуд из данного комплекса не является точной репликойavitянской керамики, а имеет признаки (профилировка венчика), роднящие его с тарными сосудами (ранними предшественниками реповидных сосудов катакомбного времени), известными, в частности, по древнеямным погребениям первой половины III тысячелетия до н. э. (Анапская I, 7/12 в Прикубанье; рис. 44, 2). Поэтому датировка новоалександровского комплекса в районе рубежа IV–III – первой чет-

верти III тысячелетия выглядит более предпочтительной. Но и в этом случае он все-таки остается одной из самых ранних в Европе находок остатков колесного транспортного средства.

Для проводимых нами сопоставлений факт открытия наиболее раннего образца кузова в погребении “постмариупольской” этнокультурной линии выглядит достаточно естественно в свете теснейшего симбиоза этого культурного образования с расположенной несколько южнее нижнемихайловско-новосвободненской общностью. Переплетение и взаимодействие двух этих культурных традиций долгое время препятствовали даже отнесению сильноскорченных нижнемихайловских и вытянутых “постмариупольских” захоронений к разным культурам [Телегин Д.Я., 1971; Шапошникова О.Г., 1985б и др.]. Ситуация с Новоалександровским курганом ни в коем случае не свидетельствует о более раннем появлении колесного транспорта у племен лесостепи и северной степной зоны, а скорее является буквальным повторением ситуации с комплексами литейщиков “постмариупольской” культуры, которые также являются одними из самых, если не самыми архаичными в Европе и на Кавказе, тогда как производственный комплекс и инструментарий этих литейщиков имеет все признаки копирования достижений именно кавказской и даже закавказской металлургии [Ковалева И.Ф., 1978], что невозможно без участия все той же нижнемихайловско-новосвободненской среды. В пользу именно такого решения говорит и то, что ближайшие аналогии “сырцово-вой” гробницы Новоалександровского кургана имеются не в Сузах D или на Алтын-депе [Ковалева И.Ф., 1991], а в самых ранних майкопско-новосвободненских погребениях Прикубанья (хут. Коржевский, 2/13, 14 [Сафронов В.А., 1979*]).

Таким образом, имеющиеся на данный момент, хотя и немногочисленные, материалы позволяют достаточно определенно говорить прежде всего о зарождении самого обряда захоронений с повозками уже в нижнемихайловско-новосвободненской и «постмариупольской» культурах, относимых к позднему энеолиту – ранней поре бронзового века. Не менее важны и данные, свидетельствующие в пользу вероятной принципиальной близости конструкций повозок “постмариупольской” и нижнемихайловско-новосвободненской общностей (последняя четверть IV – первая четверть III тысячелетия до н. э.), всех территориальных групп и культур захоронений с повозками (третья и вторая четверти III тысячелетия до н. э.), памятников раннего и развитого этапов катакомбной общности (последняя четверть III – первые века II тысячелетия до н. э.). Добавлю, что вся эта достаточно протяженная во времени свита культур носит признаки генетического родства, а в ряде случаев и прямой генетической преемственности более поздних звеньев от более древних.

* * *

Завершая далеко не полный обзор отдельных категорий и типов предметов и изделий новотиторовской культуры, отметим некоторые общие моменты. Во-первых, материальный комплекс этой археологической культуры достаточно органически выглядит на фоне других культурных образований степных скотоводов бронзового века. Подавляющее большинство типов и категорий инвентаря, идет ли речь о керамике, орудиях, транспортных средствах, одежде и т. д., имеет прототипы в культурах и памятниках степного Причерноморья предшествующего времени, равно как и свои продолжения в культурах последующего времени. Более того, анализ материального комплекса со значительной степенью вероятно-

сти приводит к констатации особенно заметных признаков сходства материальной культуры новотиторовского населения с культурами и культурными группами предшествующего времени, относящимися к так называемой азово-черноморской группе, нижнемихайловско-новосвободненской в первую очередь. Что касается синхронных культур и групп, то следует признать преимущественное сходство новотиторовских памятников прежде всего с теми приморскими культурными группами древнейшей культурно-исторической области, в которых также достаточно обычными являются захоронения в своеобразной позе вполоборота на бок и известны находки повозок при погребениях. К их числу относятся старосельские и буджакские памятники на северо-западе, часть степных “кеми-обинцев” в Крыму и особые неямные культурные типы Нижнего Дона и Калмыкии. “Ортодоксальные” же ямники волго-днепровского культурного течения, хотя число параллелей с ними достаточно велико, что связано прежде всего с общепопалхальной “культурной амальгамой”, проявляющейся в наличии множества общих широко распространенных типов изделий, имеют собственные культурные традиции. Показательна в этом отношении шамотная керамическая традиция новотиторовской культуры, отличающая ее от ямной (и ряда других синхронных культурных групп), но плавно перерастающая в катакомбную керамическую традицию.

И еще один момент, напрямую не связанный с типологией изделий, следует отметить при разборе инвентаря новотиторовских захоронений. Точно так же, как в случае с коллективными захоронениями, распределение отдельных категорий и типов предметов и изделий по памятникам оказывается далеко не равномерным. Выделяются памятники, для которых особенно характерны находки булавок (Лебеди I, Пластуновский I), тогда как рядом существуют идентичные и синхронные могильники без булавок. Имеются могильники, где сконцентрированы находки одинаково расписанных циновок и глиняных лепешек (Останний). Имеются могильники, где неоднократно в разных комплексах отмечены находки костяных колец (Белевцы I) и т. д. Интересно и то, что в ряде случаев такие особенности распространяются не только на новотиторовские, но и на более поздние катакомбные захоронения этих и подобных им памятников. Нет особых сомнений в том, что эти случаи следует объяснять не туманными предположениями о наличии над курганами неких знаков, сигнализировавших разновременным группам населения разных культур о наличии в данной насыпи захоронений определенного вида, например захоронений с повозками [Избицер Е.В., 1993. С. 19], а принадлежностью таких могильников конкретным родовым и семейным группам, сохранявшим как отдельные яркие культурные признаки, отличавшие их от соседних групп, так и устную традицию, передававшую из поколения в поколение правила использования отдельных курганов и целых могильников. Особенно важно для определения культурной преемственности, в частности на рубеже новотиторовской и раннекатакомбной культур, наличие семейных и родовых групп, перешедших из одной культуры в другую или прошедших сквозь несколько культур, традиционно определявшихся как принципиально разнородные.

ГЛАВА 5

НОВОТИТОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ЗОНЫ

Место новотиторовской культуры в контексте памятников энеолита – бронзового века Северо-Западного Предкавказья (локальная стратиграфия и хронология)

Изучение последовательности захоронений различных культур и культурных типов по материалам многочисленных стратифицированных курганов Прикубанья позволяет нарисовать на данный момент довольно четкую картину [Трифонов В.А., 1983б; 1991; Гей А.Н., 1985а]. Древнейшие курганы здесь появляются в середине – второй половине IV тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько ранее¹. Сооружение их связано с т. н. “энеолитическими” захоронениями, инвентарь которых указывает на их архаизм в системе степных древностей, но зачастую недостаточно выразителен для отнесения к определенным культурным группам. Тем не менее, наиболее выразительное подкурганное кладбище из 5 захоронений, раскопанное Ю.А.Шаталиным в 1982 г. у ст. Старонижестеблиевской [Шаталин Ю.А., 1983*], содержит богатые наборы инвентаря, характерного для групповых могильников мариупольского типа в Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье (здесь найдены гешировые и перламутровые бусы, подвески из зубов оленя и их костяные имитации, украшения из глоточных зубов рыб, нашивные пластинки из клыка кабана с отверстиями по углам и иного типа, с нарезками по краю, кремневые орудия на пластинах и т. д.), причем, судя по присутствию костяных пластинок с нарезками даже не самых поздних типов, отнюдь не заключительной фазы развития культуры мариупольского типа [Гей А.Н., 1985б; Телегин Д.Я., 1991]. Хотя в этом случае, как, впрочем, и в целом ряде других, связь кладбища с курганной насыпью документирована недостаточно четко, обряд захоронений (скорченное на боку или спине положение костяков, правильные прямоугольные, довольно широкие могильные ямы) сопоставим с наиболее архаичными курганными памятниками степной полосы в целом (тип Бережновки), близкими им по времени могильниками хвалынской общности (прежде всего Нальчикским как территориально наиболее близким), недавно открытыми архаичными подкурганными комплексами Центрального Предкавказья [Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987], что позволяет включать Восточное Приазовье в ареал формирования древнейшей курганной культуры и ранних звеньев древнеямной КИО. Отдельные ранние подкурганные захоронения Прикубанья имеют в инвентаре черты, позволяющие сближать их с памятниками хвалынско-среднестоговской общности. Несмотря на отсутствие прямых стратиграфических указаний, можно

¹ Здесь и далее все датировки приводятся в соответствии с хронологической системой, построенной на основании некалиброванных радиоуглеродных дат.

предполагать, что майкопские комплексы (имеются в виду классические майкопские памятники типа Майкопского кургана, т. е. без явных признаков смешения майкопской и новосвободненской традиций) появляются в степях Северо-Западного Предкавказья несколько позднее, в последней четверти IV тысячелетия до н. э. [Андреева М.В., 1977]. Перечисленные памятники весьма немногочисленны и характеризуют начальные стадии формирования подвижных скотоводческих культур.

Гораздо более многочисленными являются памятники чистой степной НС культуры (название, быть может, не совсем удачное, но отражающее и культурное единство их с классическими новосвободненскими памятниками предгорий, и внешние различия погребальных памятников двух этих зон), имеющие много точек соприкосновения с т. н. “энеолитическими доямными” (термин, особенно широко распространенный в работах украинских археологов, начинающих ямную культуру со слоя 2 Михайловского поселения [Шапошникова О.Г., 1985а. С. 351], который, с моей точки зрения, соответствует развитому ее этапу), распространенными в самых широких пределах от Нижнего Подунавья до Нижнего Подонья и часто присоединяемыми к числу кеми-обинских, типа нижнего слоя той же Михайловки, широчанско-баратовским и т. д. [Телегин Д.Я., 1971; Шапошникова О.Г., 1985б. С. 320–335]. Несмотря на ограниченность наших данных о характере материальной культуры населения, оставившего эти памятники (набор типов погребального инвентаря у них крайне невелик; как правило, в могилу ставили только чернолощенные плоскодонные кубки), есть основания утверждать, что она имеет определенные соответствия в ранней куро-аракской культуре Закавказья и вместе с ней составляет значительное явление в рамках общих процессов достаточно внезапного сложения и распространения в пределах Циркумпонтийской зоны культур с чернолощенной керамикой.

Эти новосвободненские памятники составляют компактное, четко ограниченное культурное образование, резко отличное от упоминавшегося классического майкопа, но вступающее с ним во взаимодействие, что приводит в дальнейшем к сложению синкретических майкопско-новосвободненских памятников (близкое понимание структуры МК культуры отражено в работах А.Д.Резепкина [1982], В.А.Трифорова [1987] и автора [Гей А.Н., 1991б]), широко известных и обычно называемых позднемайкопскими или относящимися к новосвободненскому этапу майкопской культуры [Мунчаев Р.М., 1975; Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984; Чеченов И.М., 1984 и др.].

НС и синкретические МК-НС погребения открыты по крайней мере в 35 курганах Восточного Приазовья, причем если первых известно около 80, то вторых – всего около 10. Вероятная датировка НС памятников, что видно уже из приведенных соответствий, – конец IV – первая треть III тысячелетия до н. э., а синкретических – с учетом усатовских параллелей [Збенович В.Г., 1987] – возможно, и несколько более поздняя, в рамках второй четверти III тысячелетия (речь идет не о традиционной хронологии триполья, а о сопоставимой с другими регионами схеме, составленной с учетом радиоуглеродных и археомагнитных датировок [Гей А.Н., 1985б; Телегин Д.Я., 1982; Телегин Д.Я., 1987]).

В контакте с новосвободненскими находятся и памятники ямной культуры Степного Прикубанья, значительная часть которых имеет вид достаточно архаичных в системе древнеямной КИО. Захоронения совершены в скорченном положении на спине, с приподнятыми или распавшимися ромбом коленями, ориентировка обычно головой к востоку или СВ (рис. 56); об архаичном облике кругло-

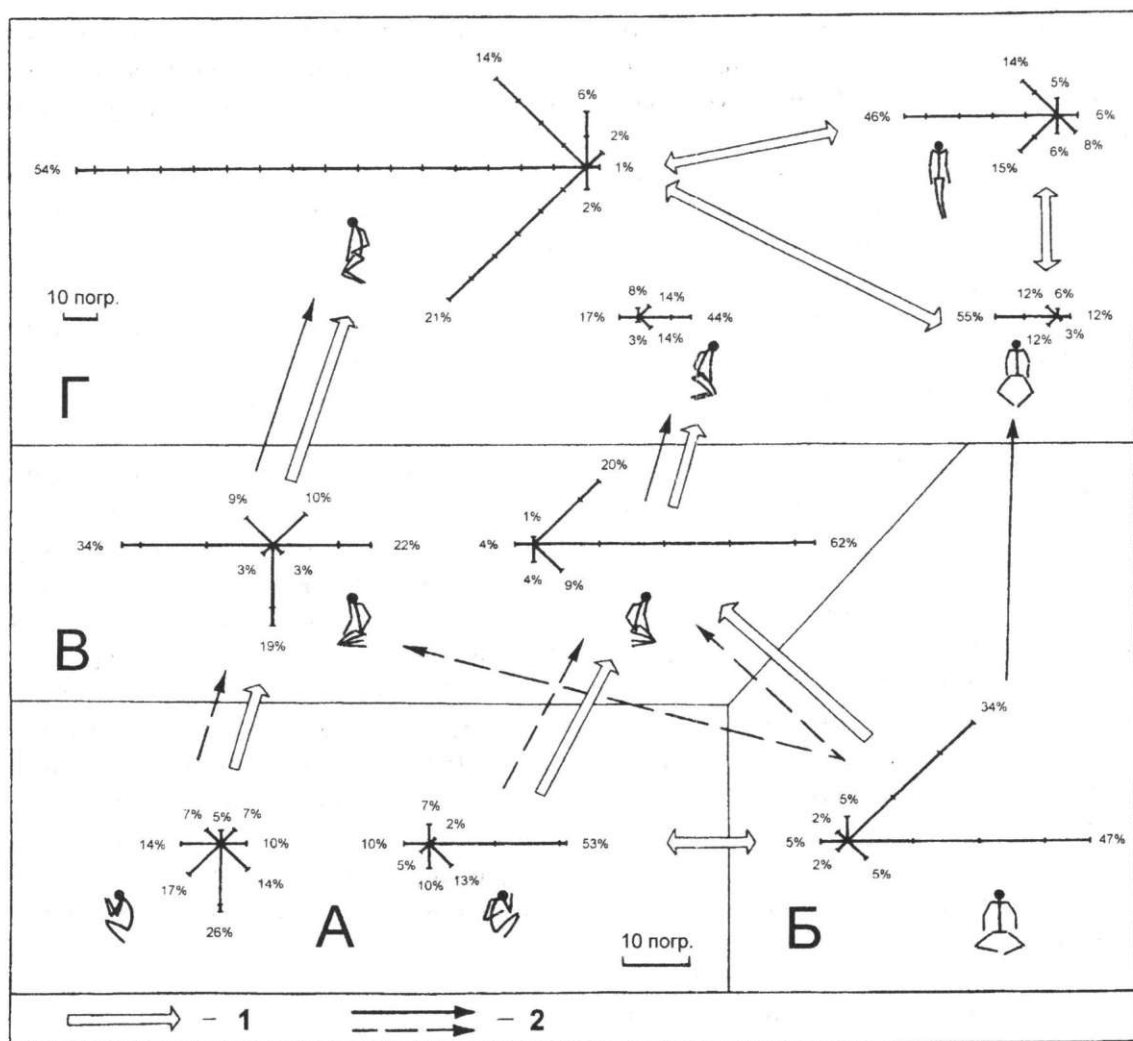

Рис. 56. Схема формирования и видоизменения погребального обряда новотиторовской культуры (позы погребенных и графики ориентировки их по сторонам света)

А – степные новосвободненские или нижнемихайловско-новосвободненские памятники; Б – ямные памятники Прикубанья; В – ранне-новотиторовские памятники (1-го этапа и переходные от 1-го ко 2-му этапам); Г – памятники 2-го и 3-го этапов новотиторовской культуры.

Условные обозначения: 1 – связи и взаимовлияния по ориентировкам; 2 – связи и взаимовлияния по позам

донной посуды с зональными узорами, нанесенными гребенчатым, гусеничным или гладким штампами, уже говорилось выше. Характерные поздние типы и признаки – такие, как плоскодонные формы сосудов, костяные булавки, бронзовые бляхи и другие, обычные для позднеямных памятников соседних территорий, – практически отсутствуют. Известен целый ряд случаев, когда ямные захоронения являлись безусловно впускными или стратиграфически более поздними по отношению к новосвободненским и майкопско-новосвободненским (Найдорф, 2/4, 5; Первомайский, 4/4–7; КРОС “166 га”, 1/7, 8; Пластуновский I, 1/8, 13, 29 и 2/9, 17)¹.

Известны также и случаи обратной стратиграфии (Новокорсунская–85, 2/26 и 2/12, 18, 19, 21, 25), которые, правда, документированы недостаточно четко. Тем

¹ В отчете по курганный группе “166 га” недвусмысленная стратиграфическая ситуация истолкована явно ошибочно [Семенов А.И., 1980*].

не менее, на хронологическую близость и непосредственные контакты носителей древнеямной и майкопско-новосвободненской культур определенно указывает интереснейший случай находки в одной могиле сосудов обеих этих культур (Пролетарский-86, 4/26).

Общее количество ямных захоронений немногим превышает новосвободненскую серию и составляет примерно 110. При самом осторожном подходе датировать эту культурно-стратиграфическую группу можно в пределах первой половины III тысячелетия до н. э. и никак не позднее его середины, включая ее, с некоторой долей условности, в состав ямной КИО на правах самостоятельного культурно-территориального варианта развитого этапа этой общности, в пользу чего говорит своеобразие форм и приемов орнаментации ямной керамики Прикубанья.

Захоронения интересующей нас НТ культуры практически без исключений всегда являются впускными при погребениях всех перечисленных последовательно сменявших друг друга культур и культурных групп. Известно не менее 17 курганов, в которых НТ захоронения были впускными при более ранних НС (Анапская I, 2; Батуринский II, 3; Олений, 1 и 2 и др.), и не менее 10 курганов, где они перекрывали ямные захоронения охарактеризованного выше типа (Батуринский I, 10; Найдорф, 4; Новокорсунская-85, 1 и 2; Олений, 3; ПКОС, 35 и др.).

Единичные упоминания случаев обратной стратиграфической последовательности (Тимашевский курган [Каминский В.Н., 1985; 1993]) объясняются, скорее всего, ошибочной трактовкой стратиграфических наблюдений при раскопках сильно поврежденных насыпей. Таким образом, вряд ли приходится сомневаться в общей последовательности смены стратиграфических и культурно-хронологических групп: новосвободненская и майкопско-новосвободненская – прикубанский вариант развитого этапа ямной КИО – НТ культура, хотя подобная схема и является чересчур прямолинейной.

Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев НС и ямные погребения перекрыты могилами развитого и позднего этапов НТ культуры, с костяками, скорченными на правом боку и ориентированными головой к западу. Гораздо меньше случаев (Лебеди IV, 8; Пролетарский-85, 3; Пластуновский I, 1 и 2), когда впускными при них выступали комплексы раннего НТ этапа, причем и в этих случаях НТ захоронения не выглядят самыми ранними, тяготея скорее к рубежу первого и второго этапов культуры; в этом смысле показательна находка молоточковидных булавок в одном из таких комплексов (Пластуновский I, 1/26). Кроме того, в обряде и инвентаре НС и НТ памятников присутствует ряд общих черт и признаков, позволяющих сближать по времени конец одной и начало другой из этих культур.

Имеются в НТ памятниках и следы влияний или импорты ямной культуры, наподобие рассмотренных выше круглодонных сосудов с ручками типов 6-3 и 6-4, правда, уже не развитого, а скорее позднего ее этапа. Подобные факты свидетельствуют о возможности частичного сосуществования и разнопорядкового взаимодействия перечисленных культурных групп. Отмечу также, что число памятников, которые могут быть отнесены к кругу НТ культуры, по крайней мере в несколько раз превосходит серии всех предшествующих культур (877 НТ захоронений в 285 курганах, по состоянию на конец 1990 г.).

На смену НТ комплексам в стратиграфических колонках курганов Прикубанья приходят древнейшие катакомбные захоронения ВП культуры, справедливо относимой к числу наиболее ранних катакомбных образований вообще [Никола-

Таблица 3. Радиоуглеродные даты новотитовских памятников

Код	Дата	Материал	Памятник	Культура
ЛЕ-2962	2320±40 BC	дерево	Останний 2/12	НТ-II
ЛЕ-2963	2490±40 BC	дерево	Останний 1/160	НТ-III
ЛЕ-23115	445±85 BP!	кость	Олений 2/25	НТ-III
ЛЕ-23116	1840±160 BC	кость	Олений 2/30	МК-НС
ЛЕ-23117	2070±60 BC	кость	Олений 2/19	Я

ева Н.А., Сафронов В.А., 1981] и входящей в состав более крупного культурно-территориального явления, обозначаемого термином “памятники преддонецкого горизонта”.

Количество недвусмысленных стратиграфических наблюдений исчисляется здесь многими десятками, а случаи обратной стратиграфии отсутствуют напрочь. Следует особо подчеркнуть, что нередкие случаи, когда захоронения по общему для НТ и ВП культур обряду в простых ямах и ямах с уступами оказываются все-таки впускными при характерных Т-образных катакомбах ВП типа, при наличии достаточного количества культурно и типологически выразительных находок определяются не как НТ, а именно как ВП в культурном и хронологическом планах. Находки из этих поздних ям всегда тождественны находкам в катакомбах и никогда – собственно НТ инвентарю. Иными словами, наличие таких случаев свидетельствует лишь о сохранении НТ традиций в катакомбную эпоху, а не о синхронности этих культурных типов. Число собственно КТК памятников достигает примерно 850 погребений (в 300 курганах).

Катакомбные памятники степной части Северо-Западного Предкавказья проходят в своем развитии 3 этапа: ранняя фаза ВП культуры, в целом совпадающая с преддонецким горизонтом; поздняя фаза этой же ВП культуры, хронологически совпадающая со временем расцвета всей КТК КИО, временем существования донецкой, маньчской и калмыцкой (восточноманьчской) культур; наконец – позднекатакомбное время, представленное оригинальной батуриной катакомбной культурой, имеющей ряд соответствий среди поздних маньчских и калмыцких материалов и в целом завершающей свое существование в эпоху распространения в степях памятников, сближаемых с культурой многоваликовой керамики. Ориентировочная датировка всего катакомбного периода в Восточном Приазовье – XXII–XVII вв. до н.э.

Таким образом, общий анализ стратиграфической ситуации в регионе позволяет охарактеризовать период существования НТ культуры как “промежуток от майкопа до катакомбной культуры” [Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1983], с тем достаточно существенным уточнением, что под майкопом следует понимать прежде всего чистые НС памятники, практически не вступившие или еще не вступившие во взаимодействие с собственно майкопом.

Что касается абсолютных дат, то из предложенных ранее определений этого периода – XXIII–XVIII (или даже XXIII–XVI) вв. до н. э. [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. С. 67; Сафронов В.А., 1989. С. 215] и XXVII–XXII вв. до н. э. [Трифонов В.А., 1983б] – последнее представляется гораздо более реальным. Это связано с находящим все большее подтверждение удревнением всего майкопско-новосвободненского культурного блока [Мунчаев Р.М., 1994] и с такой же общей

передатировкой начала и ранних звеньев КТК КИО, причем достаточно существенным здесь является накопление радиоуглеродных определений для раннекакомбинных памятников [Гей А.Н., 1985*; Арапов С.В., 1991].

Серьезнейшим аргументом в пользу отнесения всей НТ культуры ко времени ранее последней четверти III тысячелетия до н. э. является сопоставление наборов и типов металлических изделий и украшений этой культуры и памятников Центрального Кавказа и Закавказья, о чем пойдет речь ниже. Пока же напомним, что приводившиеся типологические параллели (в частности, топоры Трои II) определенно указывают на существование НТ памятников в середине и третьей четверти III тысячелетия до н. э.

В известной степени подтверждением ранней датировки выступают и радиоуглеродные даты, полученные для НТ памятников. Всего по материалам Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР получено 5 дат (табл. 3).

Три из этих дат, полученные по костным образцам из могильника Олений, – бесспорно дефектные. Единственным объяснением здесь может явиться сложный химизм разложения и замещения костного вещества в зоне сверхмощных черноземов и болотных почв Нижнего Прикубанья. Реальными остаются даты Останнего могильника, показывающие, что начало НТ культуры следует относить ко времени ранее середины III тысячелетия до н. э., а конец ее – ко времени ранее конца этого тысячелетия.

Новотиторовская культура и памятники предшествующего времени (генетический аспект, проблема сложения культуры)

Вопрос о сложении НТ культуры достаточно сложен, определенные заключения могут быть сделаны при сопоставлении ее с памятниками предшествующего времени, представленными, как показано выше, захоронениями чисто степной НС культуры и развитого этапа ямной КИО. Характерно, что два этих культурных образования являются доминирующими в предшествующее время и в районах, примыкающих к будущей НТ территории, – НС культура в Закубанье и предгорьях, ее аналоги в приморской полосе Северного Причерноморья в целом, ямная в Нижнем Подонье и Калмыкии, – создавая тот фон, на котором и происходила кристаллизация новой общности.

В одной из предшествующих работ [Гей А.Н., 1991а. С. 67] отмечалась неясность с вопросом о сложении НТ культуры. Последующий анализ погребальных обрядов НТ и ее предшественников (именно обрядовая сфера, а не инвентарь, в том числе и керамический, является определяющей для решения вопросов родства и генетических связей культур между собой) позволил выявить целый ряд сходжений, весьма важных с этой точки зрения.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что погребальная обрядность НТ населения включает в себя целый ряд существенных признаков погребальных ритуалов ямного и НС населения, иногда механически сочетая, иногда творчески перерабатывая их. Сходство с первыми проявляется, в частности, в использовании довольно просторных прямоугольных ям, в слабой и средней степени скорченности костяков, при отклонении туловища на спину, в существенной доле на раннем этапе НТ культуры восточной и северо-восточной ориентировок (рис. 56, Б, В), в ограниченности и недостаточной выразительности сопровождающего инвентаря.

Сходство с НС обрядом выглядит более системным и не ограничивается только тяготением к положению покойника на боку и отдельными находками НТ захоронений с руками, направленными к лицу и голове погребенного (кстати, довольно немногочисленными; акцентирование этого момента и выделение его в особый тип 2 погребального обряда КДК Н.А.Николаевой и В.А.Сафроновым объясняется только тем, что они не сумели отделить друг от друга разнотипные комплексы, фактически включив в КДК все НС комплексы степной полосы [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. С. 60]). Оказалось, что НС погребения в степи достаточно отчетливо распадаются на две группы: левобочные захоронения с ориентировкой в восточном секторе и правобочные с преобладанием южной, ЮЗ и западной ориентировок (рис. 56, А). Такая картина полностью совпадает с раскладом типов НТ захоронений и в целом, и, особенно, на раннем этапе (НТ-I). Не исключено, что отход от обычной для всего МК-НС культурного блока южной ориентировки в среде еще доновотиторовских НС памятников уже является результатом контактов с ямным населением и знакомства с ямными ритуалами. Поэтому преобладание на раннем этапе НТ культуры левобочных захоронений, ориентированных к востоку, в сочетании с меньшим числом правобочных, ориентированных на юг или запад, вполне логично может быть объяснено смешением двух различных ритуальных норм – новосвободненской и ямной (рис. 56, А, Б, В).

Стоит добавить, что среди атрибутируемых по контексту или инвентарю НС захоронений Степного Прикубанья нередки случаи отхода от традиционной сильноскорченной позы с согнутыми в локтях руками и присутствия слабоскорченных захоронений с руками, сложенными поперек живота или даже направленными к коленям, как у новотиторовцев, использования прямоугольных, а не овальных, как обычно, ям с конструкциями из кольев по углам (Пластуновский I, 1/33), известны даже находки захоронения с колесами от повозки (Новокорсунская-85. 2/18 [Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988]) и чашечки, сходной с нашим типом 1-1, из другого НС погребения того же кургана (Новокорсунская-85. 2/25).

Сравнение облика материальной культуры – при всех имеющихся различиях – также свидетельствует о значительной роли НС традиции в формировании НТ культуры. Постмайкопский характер НТ металлообработки [Гей А.Н., 1986] сам по себе не очень показателен в силу надкультурного характера этой производственной сферы в бронзовом веке, однако точки соприкосновения обнаруживаются, кроме того, и в керамических материалах (традиции чернолощеной керамики, рецептура красной пачкающейся посуды, преобладание форм тарной керамики, устанавливаемая на примере НТ типа 8-2, вероятная передача именно через МК-НС среду такого характерного для предмайкопских памятников вида орнамента, как рельефный волнистый валик, отмеченный в НТ типе 8-3). Перечень аналогов в обряде и инвентаре может быть расширен за счет таких показателей, как кольцевая планировка кладбищ, известная в МК-НС памятниках Закубанья (Общественный Лиман II, 1 [Сорокина И.А., Орловская Л.Б., 1986*; 1993]), традиция жертвенников из черепов и костей конечностей мелкого рогатого скота, отдельные формы сосудов, вроде упоминавшейся уже чашечки типа 1-1, сходные формы головных уборов, восстанавливаемых по характерным красным “ленточкам” на черепках (в НС культуре представлены в Пластуновском I, 1/34).

Вполне закономерен поэтому вывод, что в формировании НТ культуры значительная роль принадлежала именно степным НС памятникам, собственно “степной филиации НС культуры”, которую, тем не менее, надо четко отличать,

по крайней мере хронологически, от НТ культуры и которая является “филиацией” только в плане культурной близости к НС памятникам предгорий, но не вытекает из них ни хронологически, ни генетически (скорее наоборот, предгорные памятники формируются на основе или при ощутимом участии степных, и потому заслуживают названия «филиации»). Эта степная НС культура испытала определенное влияние ямной культуры раннего и развитого ее этапов, что привело к образованию синкретических форм (в том числе керамических, таких, как круглодонные темнолощенные кубки или бомбовидные тарные сосуды) еще в доновотиторовское время.

Эта смешанная культурная среда, предполагающая сосуществование, тесные контакты и даже смешение населения обеих культурных групп, и явилась основой будущей единой НТ культуры. Последняя является генетически гетерогенной и служит хорошей иллюстрацией продуктивности консолидационных (а не одних только дивергентных) процессов в ходе этнокультурогенеза. Участие НС культуры в процессе обрисованной синкретизации выглядит более значительным и важным, косвенным подтверждением чему служат и предварительные данные о близости антропологических типов отдельных погребенных в памятниках НС и НТ культур (заключение Г.П.Романовой о сходстве черепов из Лебедей I, 2/112 и гробницы Псыбе [Тешев М.К., 1982]). Интересна также характеристика НС черепов из могильника Клады, отмечающая их общую принадлежность к средиземноморскому типу, значительную длину черепной коробки и “чрезвычайно высокие и необычайно сильно выступающие носовые кости” [Шевченко А.В., 1983. С. 84]. Именно эти признаки присутствуют у большинства хорошо сохранившихся НТ черепов.

В одной из предыдущих работ мною было высказано предположение о том, что исторической подосновой новосвободненско-ямного симбиоза, положившего начало образованию НТ культуры, явилось обособление внутри МК-НС массива с комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством группы населения, перешедшей к подвижной скотоводческой, чисто степной модели хозяйства и в силу этого вступившей в тесный контакт с древнеямными племенами [Гей А.Н., 1989]. Последующий анализ МК-НС блока культур, показавший достаточно сложную внутреннюю его структуру, тот факт, что чистая НС группа (до контактов с МК) сама по себе является скорее степной и имеет некавказское происхождение [Резепкин А.Д., 1989; Гей А.Н., 1991б], вносит заметные коррективы в предложенную схему. Положение о выходе из предгорий в степные районы Прикубанья и Нижнего Подонья сохраняет силу применительно к смешанным МК-НС памятникам, что же касается генетически и хронологически предшествующих им чистых НС памятников, то они могли попасть в Прикубанье иным путем и иметь собственную историю и подоплеку взаимоотношений с ямными группами. Роль же именно этой фракции МК-НС блока в генезисе НТ населения ощущается, как показал анализ погребальной обрядности, наиболее отчетливо.

Пока нельзя утверждать, что слагаемые НТ культуры ограничиваются двумя названными компонентами (ямным и новосвободненским). Некоторые ее элементы несводимы к этим корням, а определить, привнесены ли они со стороны в уже готовую культуру, являются ли плодом самостоятельного культуротворчества, или же свидетельствуют о существовании пока не опознанного третьего компонента культуры – не исключено, что также пришлое, – пока не удастся. К числу таких элементов можно отнести, например, традицию каннелированной посуды. Распознавание миграций в археологии, как это было убедительно продемон-

стрировано В.С.Титовым [1982], – дело достаточно сложное. Вместе с тем, наличие весьма далеких связей и общность развития многих явлений и даже типов материальной культуры в Циркумпонтийской зоне не подлежат сомнению.

Новотиторовская культура в системе синхронных и родственных ей культурных образований

Непосредственно соседствовали с НТ позднеямная культура Подонья – Приманычья – Калмыкии в Северо-Западном Предкавказье и северокавказская культура (вытянутых погребений) в Закубанье. Синхронность их устанавливается прежде всего по наличию отдельных типично ямных округлодонных сосудов и бронзовых северокавказских украшений (молоточковидных булавок, каплевидных подвесок, бус и др.) в комплексах второго и особенно третьего этапов НТ культуры. Об этом же свидетельствует наличие на северо-восточной и восточной периферии НТ культуры (в кирпичско-кочетовском ее территориальном варианте) смешанных комплексов, в которых, наряду с типичным новотиторовским оформлением могил и инвентарем, захоронения совершались в скорченном на спине и вытянутом положении, а в коллективных захоронениях наблюдалось сочетание этих поз и классического НТ канона (скорченно на боку с отклонением на спину). Похоже, что, несмотря на достаточно определенное территориальное размежевание, население всех трех культур находилось в достаточно тесном контакте и могло практиковать смешанные экзогамные браки.

Определенная локализация ядра НТ культуры в Приазовье, при постепенном размывании ее признаков по мере удаления от него, не исключает вхождения этой культуры в состав более крупной общности. Памятники, по многим параметрам идентичные, а по многим сходные с новотиторовскими, исследованы во многих районах степной полосы Северного Причерноморья. Наиболее близкие аналогии встречаются как бы отдельными сгущениями в низовьях Дона (группы сидячих и скорченных на боку захоронений в ямах с уступами, впервые обособленные от ямной культуры В.Я.Кияшко [1974], которые я называю койсугскими: так называемая старосельская группа или культура на Нижнем Днепре [Шилов Ю. А., 1982]; буджакская культура в Северо-Западном Причерноморье [Клейн Л.С., 1975; Черняков И.Т., 1979; Дергачев В.А., 1986]). Более отдаленную аналогию представляют некоторые памятники Степного Крыма, упоминавшиеся в литературе как кеми-обинские [Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. С. 122, 124, 191, 192, 201, 202, 324], но в действительности заметно отличающиеся от памятников кеми-обинской культуры предгорий Крыма.

Очень вероятно, что этот список может быть расширен за счет весьма больших серий погребений в скорченном на боку положении из различных районов степной полосы Северного Причерноморья, обычно включаемых в число древнеямных. Культурная специфика их вскрыта пока явно недостаточно, хотя антропологические исследования определенно указывают на заметное отличие антропологических типов погребенных этих обрядовых групп от представленного в скорченных на спине собственно древнеямных захоронениях [Круц С.И., 1987].

Насколько можно судить, именно с перечисленными культурными группами связано подавляющее большинство находок повозок в степной полосе, хотя общее число и доля таких погребений здесь заметно уступает тем, что отмечены в НТ памятниках Прикубанья. Несмотря на ряд различий, много общего отмеча-

ется и в керамических традициях НТ, койсугских, старосельских и буджакских памятников, о чем говорилось в разделе, посвященном НТ керамике.

Оценивая эти параллели, следует выделить несколько принципиальных моментов. Прежде всего, означенные образования приурочены к традиционным зонам зимников степных скотоводов (приморские районы, низовья крупных рек, плавни и т. д.), чем уже заметно отличаются от собственно ямных памятников, распространенных на широких пространствах открытых степей. Этническая специфика идет здесь рука об руку с хозяйственной: перечисленные аналоги НТ культуры представляются менее подвижными, именно полукочевыми, скотоводами, практикующими в ограниченных масштабах земледелие в качестве вспомогательного хозяйственного уклада и имеющими относительно небольшой радиус сезонных кочевий. Устойчивое на протяжении ряда столетий доминирование их в климатически наиболее благоприятных районах Северного Причерноморья позволяет предполагать наличие в этих зонах большей плотности населения и достаточную его консолидированность, позволявшие прочно удерживать эти земли в условиях конкуренции с теми же ямными племенами.

Второй момент – хронологический. Представляется весьма вероятным, что наиболее ранние комплексы очерченной общности культур с повозками группируются в первую очередь в Прикубанье (памятники первого этапа НТ культуры) и на Нижнем Дону (четвертая и шестая обрядовые группы койсугских памятников), т. е. там, где фиксируется присутствие вероятных предковых форм – МК, НС, МК-НС памятников. Интересно в этом плане и упоминавшееся неточное сопоставление близких к НТ комплексов Степного Крыма с кеми-обинской культурой, которая в свою очередь имеет ряд параллелей и соответствий с НС культурой [Щепинский А.А., 1975; Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974], что заставляет думать о возможности формирования этих памятников на основе, близкородственной ведущему субстрату НТ культуры.

В полосе от Дуная до Северного Приазовья НТ аналоги выглядят более поздними. Здесь не выделяется консолидированных групп памятников, сходных с памятниками первого НТ этапа; максимум аналогий в буджакской и старосельской группах приходится на памятники второго и третьего НТ этапов. Показателен в этом плане пример с характерными буджакскими чашами на кольцевом поддоне типа 4, по В.А.Дергачеву [1986. С. 47. Рис. 10]. Ближайшие соответствия этой яркой форме имеются в наших группах 2 и 6, однако сам способ оформления поддона – глубокой линией, а не каннелюрами, – позволяет сближать буджакские чаши прежде всего с поздними экземплярами этих групп). Эти наблюдения, как и довольно поздняя (хотя и небесспорная) общая датировка буджакских памятников в рамках конца III – начала II тысячелетия до н. э. [Там же. С. 85–86], позволяют предполагать участие в их формировании, или по крайней мере влияние на этот процесс, НТ культуры и ее аналогов в Приазовье и Крыму, а не наоборот. Впрочем, наличие в керамическом комплексе более архаичного днестровского варианта ямной культуры Молдавии характерных кубковых форм (тип 1 у В.А.Дергачева), определенно перекликающихся с темнолощенными кубками степной НС культуры, оставляет возможность участия в генезисе буджакских памятников некоей местной группы, близкородственной НС и МК-НС группам степного Предкавказья (вспомним еще раз о существовании определенных соответствий в МК-НС и позднетрипольской культурах). Реальность такой местной подосновы для буджакской культуры стала еще более очевидной после выделения в конце 80-х гг. особого культурного типа, названного хаджидерским [Петренко В.Г., 1989] и

представляющего, по сути, западное ответвление многократно упоминавшейся степной НС культуры¹.

Однако и при этом варианте нет ни малейших оснований относить ранние памятники круга культур с повозками на Украине и в Молдавии ко времени, предшествующему раннему НТ этапу. Совершенно безосновательными поэтому являются идеи о переселении “носителей днепро-кубанской культуры” с запада в Предкавказье [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983; Сафронов В.А., 1989] или переживании в Прикубанье консервативных позднестаросельских памятников, о чем говорит Ю.А.Шилов [1982], опираясь, по-видимому, на первичную неточную датировку Новотиторовских курганов [Козенкова В.И., 1973]. Если какие-то передвижения и влияния внутри массива с повозками и имели место, то направление их было, скорее всего, диаметрально противоположным – с юго-востока на северо-запад.

Таковы, в самых общих чертах, контуры более обширной общности, в состав которой входила НТ культура. Отличия ее памятников от древнеямных достаточно велики, и суть различий двух этих крупных общностей, существовавших на протяжении многих столетий бок о бок и в тесном взаимодействии друг с другом, восходит к разным генетическим корням их населения, что заставляет настаивать на четком разграничении их впредь.

Отдельные территориальные группы и варианты памятников, содержащих погребения с повозками, в ходе дальнейшего изучения, очевидно, приобретут статус самостоятельных археологических культур, объединяемых вместе с НТ в рамках обширной культурно-исторической (а генетически достаточно однородной) общности культур с повозками, имевшей длительную и сложную историю (рис. 58).

Новотиторовская культура и культуры последующего времени. Исторические судьбы НТ культуры

При рассмотрении локальной стратиграфии уже говорилось, что на смену НТ памятникам в Прикубанье приходит раннекатакомбная ВП культура (входящая в т. н. “преддонецкий горизонт”), однако, сравнивая эти образования, приходится констатировать столь тесные их связи и сходство, что нет уверенности, можно ли вообще проводить здесь грань между культурами, если понимать под последними не механический набор элементов и признаков, а динамичные системы.

Разница между НТ и ВП памятниками – прежде всего хронологическая. Основной инновацией в сфере собственно культуры является изменение одного из параметров погребальной обрядности, а именно – переход от захоронений в ямах с уступами различных конфигураций (в том числе и таких, которые мы обозначили как “протокатакомбы”) к захоронениям в собственно катакомбах. Что касается сходных и общих черт этих культур, то они составляют обширный список, включающий обрядовые характеристики (слабоскорченная на боку поза погребенных с протянутыми к коленям руками, западная ориентировка, наличие сидячих и полусидячих захоронений, использование в ритуале повозок, жаровен, жертвенников из голов и ножек животных – чаще всего овец или коз, форма могиль-

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность Е.В.Яровому за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью его докторской диссертации, где содержится наиболее полная на данный момент характеристика хаджидерского типа.

ного сооружения, а точнее – постепенное ее изменение от классических ям с уступом через “протокатакомбу” к характерным ранним катакомбам с прямоугольной камерой и ступеньками в шахте), аналогии в сфере материальной культуры (близость, а местами и полная идентичность, керамического набора, отмечавшаяся выше при анализе большинства групп НТ посуды; преемственность традиций металлообработки, ярко выступающая при сопоставлении тех же захоронений мастеров-литейщиков НТ и КТК культур; сходство устройства и элементов традиционного костюма и связанных с ним украшений, изменения которых не выходят за рамки эволюции типов, т. е. носят в основном хронологический характер).

Упоминалось выше и то, что среди КТК памятников Восточного Приазовья сохраняются случаи захоронения в ямах и ямах с уступами, при отсутствии выразительного инвентаря практически неотличимые от новотиторовских, что указывает на переживание прежних форм обряда. На непрерывное использование некоторых курганных групп или отдельных курганов одними и теми же коллективами на протяжении существования поздней НТ и ранней ВП культур может указывать наличие в разных захоронениях одного и того же кладбища незначительных на первый взгляд, но выразительных деталей, вроде использования культовых глиняных лепешек-хлебцев или манеры носить в составе головного убора два разнотипных височных кольца, как это отмечено в Останнем. Несмотря на отсутствие квалифицированных заключений, есть основания полагать, что антропологический тип раннекатакомбного населения Восточного Приазовья крайне близок новотиторовскому.

Все это, с моей точки зрения, весьма недвусмысленно свидетельствует о прямой и непосредственной преемственности НТ и ВП катакомбной культур, о том, что они, по сути, представляют лишь разные стадии развития одного массива населения, одной популяции, одного этноса.

Необходимо подчеркнуть, что подобный вывод правомерен не только для собственно НТ территории, но может быть распространен с некоторыми оговорками на территорию Нижнего Дона и Приманычья, где в формировании преддонецких и манычских катакомбных памятников безусловно принимали участие памятники койсугского типа, максимально близкие новотиторовским, а также на Калмыкию, где в аналогичном процессе важную роль сыграли памятники т. н. архаринского горизонта, соответствующие поздним и финальным новотиторовским (рис. 58).

Интересная и, на мой взгляд, важная деталь: если в середине III тысячелетия до н. э. погребения мастеров, захоронения с повозками, богатыми наборами металлических орудий и инсигниями высокого рангового положения концентрируются в пределах НТ ареала в Прикубанье, то в конце этого тысячелетия наблюдается постепенное исчезновение этих характеристик у катакомбников Прикубанья, а основные находки такого типа распространяются на сопредельных довольно обширных территориях Нижнего Дона, Приманычья, Калмыкии и Ставрополя. Подобная картина поразительно напоминает известное в культурологии и лингвистике явление относительно быстрой смены традиций в центре массива и длительного переживания их на периферии [Трубачев О.Н., 1980]. Все это может, очевидно, указывать на то, что в процессе становления раннекатакомбного мира центр (или один из центров) этнокультурного процесса приходился именно на Прикубанье и НТ группировку, тогда как обширные пространства степей Северо-Западного и Центрального Предкавказья играли до определенной степени роль периферии, воспринимавшей культурные импульсы из этого центра. Характер

этих импульсов (культурное влияние в результате разнопорядковых контактов или же прямые подвижки населения), разумеется, требует анализа и уточнения.

Дальнейшая судьба других родственных НТ культуре образований изучена явно недостаточно. Если для старосельской группы можно предполагать прямое включение ее в процесс формирования катакомбных культур и населения Северного Причерноморья [Евдокимов Г.Л., 1979], то с буджакской культурой дело обстоит не столь явно. На смену ей в Северо-Западном Причерноморье приходят катакомбные памятники, близкие к ингульским, относящиеся к совершенно иной культурной традиции и имеющие совершенно иное происхождение [Гей А.Н., 1985б], стоящие особняком во всей катакомбной общности. Изучение исторических судеб буджакской культуры представляет значительный интерес в силу крайнего западного ее положения внутри всего ареала культур с повозками и безусловной причастности к контактам мира степных скотоводов и культур Балкано-Дунайского региона, понимание которых важно для дальнейшего исследования проблем взаимодействия причерноморских и европейских культур и ранней истории индоевропейцев.

Новотиторовская культура и культура ранних курганов Закавказья

Особый сюжет представляют собой связи и отношения НТ культуры с культурами бронзового века Закавказья. Один из аспектов этой проблемы – хронологический – связан с приведением в соответствие существующих шкал степных, закавказских и ближневосточных культур, между которыми наблюдается определенная несогласованность. Другой касается этнокультурных контактов и влияний в связи со сложением курганных культур Закавказья приблизительно в середине – второй половине III тысячелетия до н. э. Здесь много неясного, т. к. одни исследователи предполагают прямую эволюционную линию от куро-аракской культуры вплоть до триалетской, другие не видят оснований для вывода о столь прямолинейном развитии, одни выстраивают четкую хронологическую последовательность культурных типов (поздний куро-аракс – Сачхере – Марткопи – Бедени – Триалети), другие синхронизируют соседствующие звенья этой цепочки между собой и присоединяют их то к более ранним, то к более поздним культурам; с разницей в несколько столетий датируются и сами ранние курганы (сводку мнений см.: Дедабришвили Ш.Ш., 1970. С. 16–19; Гогодзе Э.М., 1972; Пицхелаури К.Н., 1987. С. 21–25).

Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют сделать ряд вполне определенных заключений. Для оценки хронологической позиции НТ культуры на фоне закавказской шкалы в первую очередь важны наблюдения над типологией металлических орудий и украшений, часть которых представляет собой прямые импорты или подражания, а часть – широко распространенные формы, бытующие в целом ряде культур Кавказа и Предкавказья.

Самый общий анализ уровня развития металлургии и морфологии крупных орудий (топоров, тесел, долот) показывает, что орудия НТ культуры в целом близки новосвободненским, тогда как металл сачхерских, марткопских и беденских памятников должен сближаться с более поздним, типа Привольненского клада. Замечу в этой связи, что принципиальная близость металлокомплексов сачхерских, марткопских и алазано-беденских памятников Грузии, вкупе с четкой их территориальной локализацией и разграничением между собой, является важным

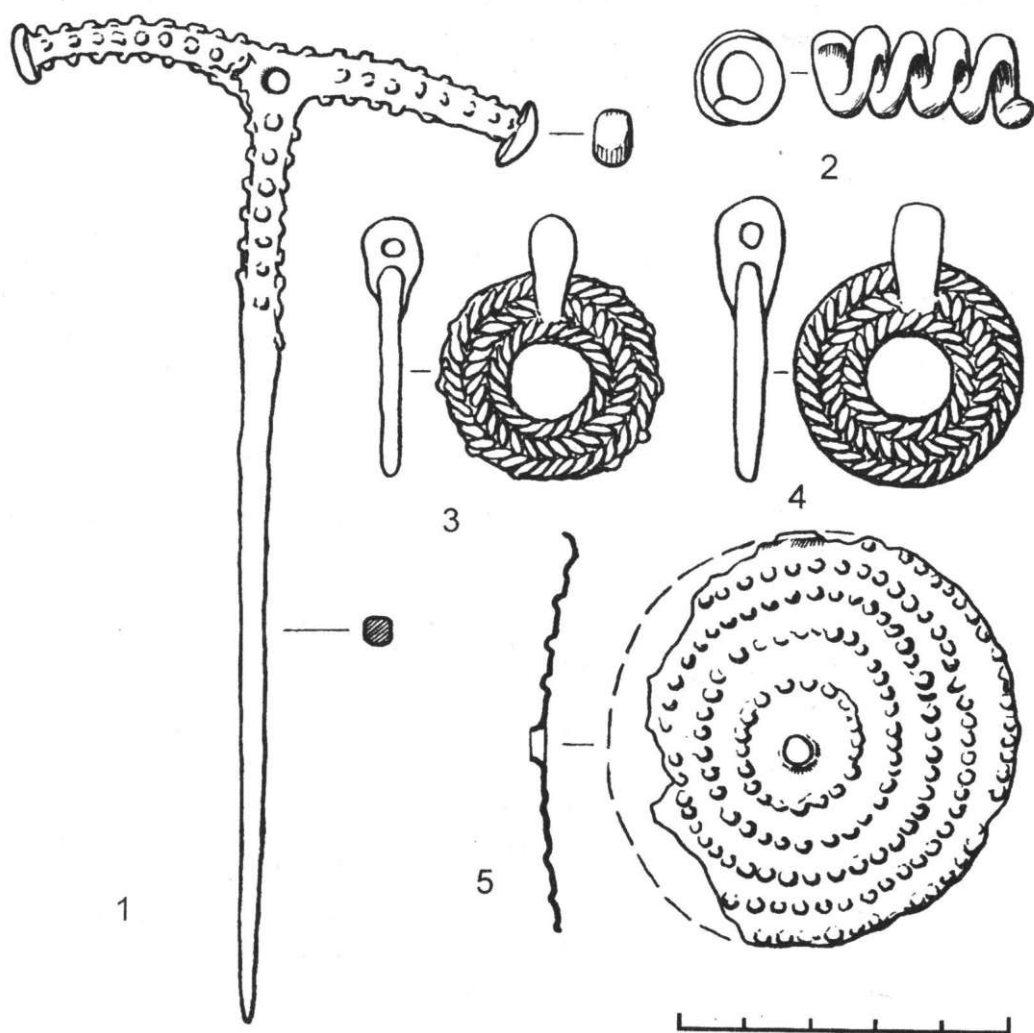

Рис. 57. Набор вещей из финально-новотиторовского погребения

Новомышастовская, курган 10, погребение 2 (раскопки Е.В.Ярковой, 1975 г.). 1, 3–5 – бронза; 2 – серебро

доводом в пользу того, чтобы видеть в них не последовательные хронологические ступени единого культурного течения, а близкие по времени и даже синхронные локальные группы памятников. Появляющиеся в них бронзовые вислообушные и трубчатообушные топоры представляют собой более развитую форму, чем новотиторовские, и сопоставимы с катакомбными, причем не самыми ранними.

Кроме того, в памятниках финальной поры куро-аракской культуры (Квацхелеби В, Твлепиас-Цкаро, Хизанаант-Гора Б, Амиранис-Гора и др.) получают широкое распространение Т-образные бронзовые булавки, височные подвески-“завитки”, в том числе многовитковые и с несомкнутыми концами, т. е. типов 4 и 6, по нашей классификации, встречаются характерные каплевидные северокавказские подвески [Ростунов В.Л., Хашегульгов В.М., 1985]. В Бедени и кургане XL древней группы курганов Триалети найдены бронзовые бляхи с пуансоном (обозначенные, правда, как “пластинки от панциря” [Гобеджишвили Г.Ф., 1971; Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974], – т. е. вещи, широко представленные в предгорных и степных памятниках Северного Кавказа, в НТ культуре в частности.

В Прикубанье Т-образная бронзовая булавка, крупная бляха с пуансонным орнаментом и кольца типа 4 найдены в выразительном комплексе финальной поры НТ культуры (рис. 57); характерные серебряные и бронзовые многовитковые кольца типа 4 и крупные бляхи вообще появляются только в могилах третьего, как мы видели, этапа, а каплевидные подвески и кольца с несомкнутыми концами типа 6 распространяются уже в постновотиторское время в раннекатакомбных памятниках. Важно подчеркнуть, что только в керамике третьего этапа НТ культуры, и особенно в посуде из могил, датируемых рубежом НТ и ВП культур, могут быть отмечены определенные реплики форм и орнаментов алазано-беденской и раннетриалетской посуды и керамики кабардино-балкарских памятников, содержащих к тому же т. н. "ракетообразные" булавки, сопоставимые, в свою очередь, также с некоторыми булавками Бедени (могильник Лечинкай [Батчаев В.М., 1984. С. 140. Рис.19]). Наконец, несколько более поздними, чем упомянутые выше недефектные даты поздних НТ комплексов, оказываются радиокарбонные даты беденских курганов Цнори (2155 и 2170 гг. до н. э. [Дедабришвили Ш.Ш., 1979]; см. также целиком подтверждающую это положение подборку дат в: Джапаридзе О.М., 1994. С. 91–92)).

Таким образом, имеются веские основания считать НТ культуру в целом более ранней, чем сачхерские, марткопские, беденские и даже поздние куро-аракские памятники Закавказья. Лишь поздняя фаза ее существования и раннекатакомбные памятники ВП культуры могут быть синхронизированы с перечисленными культурными группами. Думаю, что появление ранних курганов Грузии по времени совпадает с процессом становления ранних звеньев катакомбной общности к северу от Кавказского хребта¹.

Такое положение позволяет согласовать между собой обоснованную выше датировку НТ культуры XXVII – XXII вв. до н. э. и наиболее распространенную датировку ранних курганов Грузии последней четвертью – концом III тысячелетия до н. э. и предостерегает от попыток удревнять эти курганы до середины III тысячелетия.

Полученные выводы позволяют внести коррективы и в саму картину формирования культуры или культур ранних курганов в Закавказье. Исследователи неоднократно отмечали участие групп степных скотоводов в сложении последних, вплоть до прямого включения их в состав социальной верхушки раннетриалетского общества [Гогодзе Э.М., 1972; Черных Е.Н., 1988], что логически обосновывается такими факторами, как кризис земледельческого в своей основе хозяйства куро-аракской культуры, усиление и обособление в ней собственно скотоводческого уклада, появление ранее почти не встречавшейся специфически степной формы погребальных сооружений – курганов – и параллельно с ними погребальных комплексов, выдающихся по своим размерам и богатству. Однако обозначить конкретные группы или культуры, продвижение которых в Закавказье могло привести к этим результатам, до сих пор не удавалось.

В настоящее время становится ясно, что наряду с рассмотренными выше параллелями в инвентаре, использованными для решения проблемы синхронизации, существует еще и целый ряд обрядовых показателей, общих для НТ культуры и ранних курганов Закавказья. Таковы использование повозок – кстати, типологи-

¹ Новые подтверждения этому получены при раскопках курганов в Чечено-Ингушетии, где посткуроаракская и марткопи-беденская керамика обнаружена в захоронениях с признаками позднейших новотиторских и предкавказских катакомбных [Бурков С.Б., 1990].

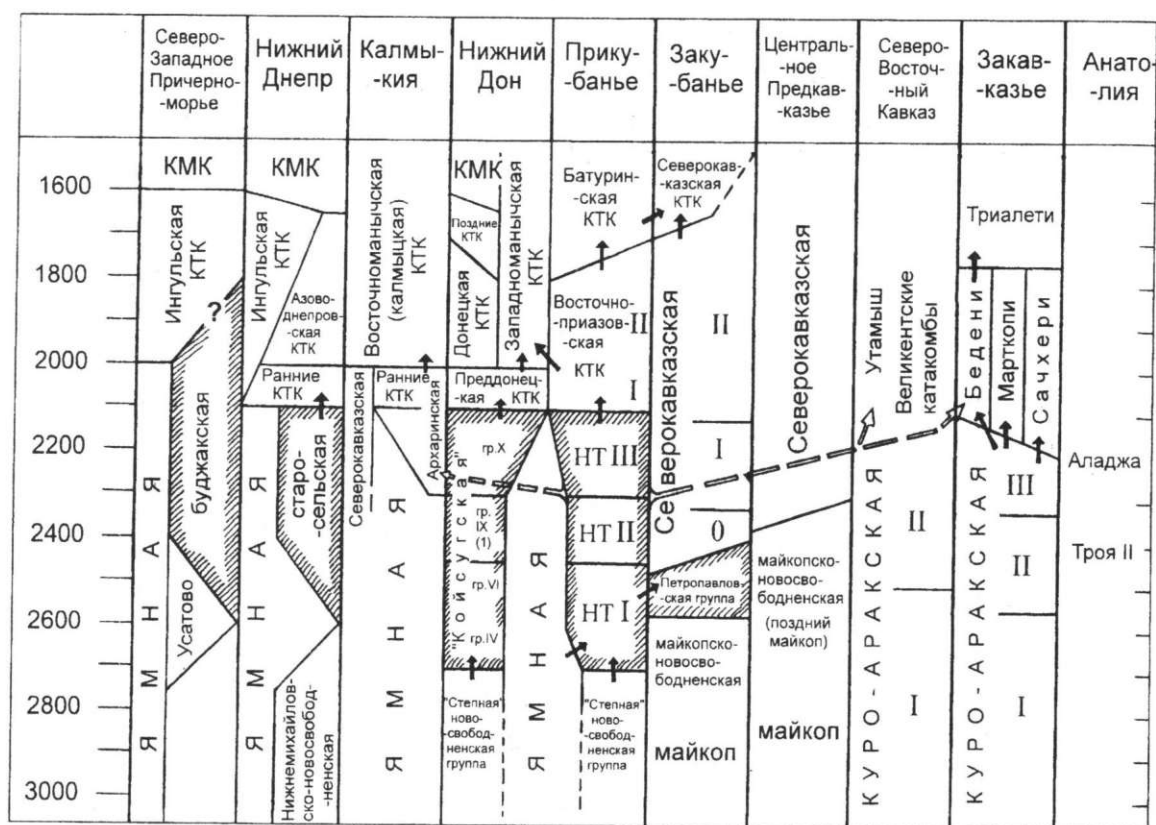

Рис. 58. Новотиторовская культура в системе археологических культур эпохи ранней и средней бронзы. Синхронистическая таблица

Штриховкой выделены отдельные образования блока культур погребений с повозками

чески сходных – в погребальном обряде (Бедени, ранняя группа Триалети, Цно-ри [Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974; Гобеджишвили Г.Ф., 1971; Дедабришвили Ш.Ш., 1979]); наличие сидячих, вытянутых на спине, частично или полностью кремированных костяков (Самгорский курган, Мели-геле, Хаченагет, предполагаемое расширение практики кремации в Триалети [Дедабришвили Ш.Ш., 1970]), что совершенно несвойственно для обряда предшествующих грунтовых куро-аракских могильников; использование обширных ям с угловыми ступеньками и вертикальными конструкциями из бревен по углам или периметру могилы, циновок, кожаных подстилок; широкое распространение западной ориентировки; устройство жертвенников из черепов и конечностей животных; использование наборов сверленных астрагалов и т. д.

Такое комплексное сходство позволяет считать, что именно часть носителей НТ культуры или некоего очень близкого ей образования в районе XXIV–XXII вв. до н. э. могла перейти Главный Кавказский хребет и сыграть роль внешнего фактора в генезисе культуры ранних курганов. Именно в процессе подобной инфильтрации и вероятных завоеваний такой чисто обрядовой и магический атрибут погребального обряда, каким являлась повозка в слабодифференцированном НТ обществе, мог приобрести смысл социально значимого символа и атрибута погребений знати в культурах Закавказья.

Естественно, эти процессы не следует рассматривать как единовременное вторжение. Взаимосвязи и взаимовлияния культур Северного и Южного Кавказа, безусловно, имели долгую историю. Наиболее ранние курганы Грузии, Тет-

рицкаро и Тквиави, например [Макалатия С.И., 1943; Гобеджишвили Г.Ф., 1978], носят явные следы еще НС и МК-НС влияния.

Различными могли быть и пути проникновения степных скотоводов в Закавказье. Определенные реплики НТ культуры – правда, относящиеся к несколько более позднему времени (синхронизируемые, в основном по типам металлических орудий и украшений, уже с беденской культурой, развитым этапом СК культуры вытянутых захоронений и ранним этапом ВП культуры), – известны в Приморском Дагестане (Утамыш, отчасти Великентские катакомбы [Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980; Гаджиев М.Г., 1987]), что может свидетельствовать о вероятных движениях через Дербентский проход. Однако факт группировки ранних курганов Грузии напротив центрального участка Главного Кавказского хребта и отмеченное выше появление среди комплексов третьего этапа НТ культуры захоронений с наборами предметов, характерных прежде всего для курганных памятников Кабардино-Балкарии, заставляет считать, что одним из основных путей проникновения НТ влияний и групп в Закавказье являлись все же перевальные пути Центрального Кавказа.

Подводя итоги, можно сказать, что НТ культура в самом общем виде может быть охарактеризована как переходное звено от МК-НС массива к раннекатакомбным памятникам. Такой взгляд позволяет согласовать и новые данные о хронологии майкопа и традиционные представления о сходстве многих элементов НС и КТК культур, приводившие к выводу о непосредственной генетической их связи [Артамонов М. И., 1937; 1949; Фисенко В.А., 1966] или даже к неоправданной синхронизации новосвободненских и катакомбных памятников [Попова Т.Б., 1963; Братченко С.Н., 1976]. Можно обозначить НТ культуру и как протокатакомбную культуру ямного времени. При чисто формальном подходе ее не так-то просто отделить от прочих культур, входивших в состав древнеямной КИО, хотя генетически, этнографически и исторически она представляет собой совершенно особенное образование, входящее в культурный круг или даже особую культурно-историческую общность “культур погребений с повозками”. Эта общность связана с особой группой приморских полукочевых племен III тысячелетия до н. э., существовавшей в тесном контакте, а местами и чересполосно, с населением собственно древнеямной в этнографическом смысле общности, а на позднем этапе своего развития – и с племенами северокавказской культуры.

Весьма вероятны контакты НТ культуры с Закавказьем и даже перемещение туда части покинувшего территорию Приазовья НТ населения в конце III тысячелетия до н. э., что наложило определенный отпечаток на процесс формирования культуры ранних курганов Закавказья, алазано-беденской в первую очередь.

Множественные параллели в составе и облике НТ культуры, образе жизни “новотиторцев” с культурными реалиями, реконструируемыми языкознанием для определенных стадий развития индоевропейского массива, позволяют с большой степенью достоверности относить носителей НТ культуры к одной из групп древних индоевропейцев. Детализация этого достаточно общего определения, уточнение, с какой именно индоевропейской группой или ветвью может соотноситься сама НТ культура, а с какими – прочие “культуры захоронений с повозками”, кажется делом вполне реальным, но требует дополнительных изысканий, т. к. при существующем уровне развития знаний эта проблема допускает несколько взаимоисключающих решений.

Библиография

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев.
- Агульников С.М., 1985. Охранные раскопки курганов у с. Бычок // Археологические исследования в Молдавии в 1981 году. Кишинев.
- Агульников С.М., Бейлекчи В.С., 1987. Археологические исследования на Верхне-Пугаченковском массиве // Молдавское Поднепростровье в первобытную эпоху. Кишинев.
- Агульников С.М., Савва Е.Н., 1986. Курганы эпохи энеолита – бронзы у пгт Тараклия // Археологические исследования в Молдавии в 1982 г. Кишинев.
- Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
- Андреева М.В., 1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. № 1.
- Андреева М.В., 1984. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // СА. № 4.
- Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.
- Андреева М.В., Дервиз П.Г., 1989. Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 196.
- Андросов А.В., Мельник А.А., 1991. Курганы раннего бронзового века Криворожья с зооморфными конструкциями // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Анфимов И.Н., 1987. Повозки эпохи бронзы из раскопок курганов у станицы Старонижестеблиевской // Древности Кубани: М-лы семинара. Краснодар.
- Арапов С.В., 1991. К вопросу о формировании предкавказской катакомбной культуры // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Артамонов М.И., 1937. Раскопки курганов в долине р. Маныча // СА. Вып. 4.
- Артамонов М.И., 1949. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. Вып. 11.
- Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 2 и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т. 1.
- Бианки А.М., 1991. Эюд о "кинжалах" // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.
- Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А., 1991. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983. Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей. Л.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Бурков С.Б., 1990. Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. науч. конф. Запорожье.
- Вангородская О.Г., 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- В'язьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т., 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу "Аккермень" // АП УРСР. Київ. Т. VIII.
- Гаджиев М.Г., 1975. К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1987. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палео-металлических культур Евразии. Тбилиси.
- Гей А.Н., 1983. Раскопки курганов на р. Понуре // АО 1981 г.
- Гей А.Н., 1985а. Развитие представлений об энеолите и раннем бронзовом веке Западного Предкавказья в свете работ на новостройках Краснодарского края // Археологические исследования на новостройках и перспективы их интенсификации: Тез. докл. конф. Л.
- Гей А.Н., 1985б. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (О роли племен мариупольской провинции в сложении степных скотоводческих культур эпохи бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гей А.Н., 1986. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа. М.
- Гей А.Н., 1987. Костяные булавки эпохи бронзы в Предкавказье (динамика форм и некоторые вопросы хронологии) // Древности Кубани. Краснодар.

- Гей А.Н., 1989. Хозяйственные структуры и этнические процессы у племен энеолита – бронзового века Северо-Западного Предкавказья (к постановке проблемы) // Первая Кубанская археолог. конф.: Тез. докл. Краснодар.
- Гей А.Н., 1990. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы (по погребальным памятникам Прикубанья) // КСИА. Вып. 201.
- Гей А.Н., 1991а. Новотиторская культура (предварительная характеристика) // СА. №1.
- Гей А.Н., 1991б. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспектах // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: Тез. докл. междунар. симпозиума. Л.
- Гей А.Н., 1991в. Височные кольца новотиторской и раннекатакомбной культур Степного Правобережья Кубани (динамика форм и некоторые аспекты датировки) // Древности Кубани. Краснодар.
- Гей А.Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотиторской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества. М.
- Гей А.Н., 1994. Проблема формирования новотитаровской культуры в Степном Прикубанье // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Гей А.Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; М.
- Гей А.Н., 1999а. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. № 1.
- Гей А.Н., 1999б. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.
- Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.
- Гей А.Н., Корневский С.Н., 1989. Два погребения с трапециевидными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Древности Ставрополя. М.
- Генинг В.В., 1986. Погребальный обряд населения Степного Поднепровья в эпоху энеолита – бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1971. Беденские курганы // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1978. Селище Тетри-Цкаро. Тбилиси (на груз. яз.).
- Гогадзе Э.М., 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси (на груз. яз.).
- Грантовский Э.А., 1960. Индо-иранские касты у скифов // Доклады XXV Международного конгресса востоковедов. М.
- Гудкова А.В., Черняков И.Т., 1981. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Дворянинов В.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А., 1981. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1970. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси. (Тр. Кахетской археолог. экспедиции. Т. 2).
- Дергачов В.О., 1978. Пізнєотріпільські могилиники Данку в Молдавії // Археологія. Вип. 28. Київ.
- Дергачев В.А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Дергачев В.А., Борзисяк И.А., Манзура И.В., 1989. Рошканские курганы. Кишинев.
- Державин В.Л., 1989. Погребения бронзового века из курганов у хут. Веселая Роша (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.
- Джавахишвили А.И., Глonti Л.И., 1962. Археологические раскопки, произведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепия-Кохи). Урбниси. Т. I. Вып. I. Тбилиси (на груз. яз.).
- Джеспаридзе О.М., 1994. Триалетская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. (Сер. «Археология»).
- Джеспаридзе О.М., 1998. К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э. (раннекурганская культура). Тбилиси (на груз. яз.).
- Джеспаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1985. Памятники Месхети эпохи средней бронзы. Тбилиси.
- Динков А.Б., 1988. Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье // СА. № 1.
- Днепровский К.А., 1988. Обрядовые группы захоронений финальной ранней бронзы в Чернышевском I курганном могильнике // Древний и средневековый Восток. М. Ч. II.

- Добрынина Е.Б., Васильев И.Б. и др., 1976. Работы новостроечного отряда Куйбышевского педагогического института // АО 1975 г.
- Евдокимов Г.Л., 1979. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Егоров В.Г., 1970. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси.
- Збенович В.Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Збенович В.Г., 1987. Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Избицер Е.В., 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Каминский В.Н., 1985. Раскопки кургана эпохи бронзы в г. Тимашевске на Кубани // Всесоюзн. археолог. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке": Тез. докл. Баку.
- Каминский В.Н., 1993. Майкопские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Понтийско-Кавказские исследования. Краснодар. I.
- Карагодин М.И., 1977. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) // СА. № 2.
- Катинчаров Р.В., 1987. Ранний бронзовый век Фракии и его культурные связи и взаимоотношения с соседними областями // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Киселев С.В., 1965. Бронзовый век СССР // МИА. № 130.
- Кияшко А.В., 1989. К вопросу о трансформации погребального обряда в эпоху ранней и средней бронзы на территории Предкавказья // Первая Кубанская археолог. конф.: Тез. докл. Краснодар.
- Кияшко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д.
- Кияшко В.Я., 1976. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Совещание по проблемам неолита и бронзового века Поволжья и Приуралья: Тез. докл. Куйбышев.
- Кияшко В.Я., 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Кияшко В.Я., 1984. Семантика молоточковидных булавок // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Кияшко В.Я., 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Изв. РОМК. Ростов н/Д.
- Кияшко В.Я., 1993. Амулеты раннего бронзового века на территории Нижнего Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов. Вып. 11.
- Кияшко В.Я., Кияшко А.В., 1992. К вопросу о связях племен Подонья-Приазовья и Кавказа в бронзовом веке // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д.
- Клейн Л.С., 1968. Происхождение донецкой катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Клейн Л.С., 1970. К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур // СА. № 1.
- Клейн Л.С., 1975. Рес. на сб.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // СА. № 1.
- Ковалева И.Ф., 1978. Погребения энеолитических литейщиков из Присамарья // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: Тез. докл. конф. Ужгород.
- Ковалева И.Ф., 1988. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., 1991. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. II.
- Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А., 1977. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганы древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Марина З.П., 1980. Раскопки курганов эпохи бронзы в нижнем Присамарье // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Ковалева Л.Г., 1989. Некоторые аспекты изучения молоточковидных булавок // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
- Ковалева Л.Г., 1991. Молоточковидные булавки Северного Причерноморья (опыт классификации) // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон.

- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев.
- Кожин П.М., 1965. На западной границе фатьяновской культуры // Новое в советской археологии (МИА. № 130).
- Кожин П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.
- Козенкова В.И., 1973. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. Вып. 134.
- Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193.
- Корневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2.
- Корневский С.Н., 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. № 1.
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Корневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.
- Корневский С.Н., 1994. Общие черты предмайкопского периода в Предкавказье // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Корневский С.Н., Наглер А.О., 1987. Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.
- Кормилицын Д.В., 1998. Парные погребения ямной и полтавкинской культур лесостепного Поволжья // М-лы XXX Урало-Поволжской археолог. конф. молодых ученых. Самара.
- Коробкова Г.Ф., 1993. Техничко-технологический аспект в изучении производств майкопской культуры // Вторая Кубанская археолог. конф.: Тез. докл. Краснодар.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Кочиев К.К., 1991. Об одном предмете ритуального облачения осетинских жрецов // Первая междунар. науч. конф. "Осетиноведение: история и современность": Тез. докл. Владикавказ.
- Кривоцова-Гракова О.А., 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.
- Круц С.И., 1984. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев.
- Круц С.И., 1987. Палеоантропология Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Кузьмина Е.Е., 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. № 4.
- Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. М. Т. 1.
- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л., 1962. Михайлівське поселення. Київ.
- Латынин Б.А., 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. Вып. 9.
- Лимберис Н.Ю., 1992. Раскопки курганов у ст. Новокорсунской // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Ляшко С.Н., 1990. Колесный транспорт Северного Причерноморья в III – первой половине II тыс. до н. э. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. всесоюзн. семинара. Запорожье.
- Макалатия С.И., 1943. Археологические раскопки курганных погребений в селе Тквиави. Тбилиси.
- Марина З.П., 1978. Периодизация и хронология погребений ямной культуры в междуречье Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск.
- Марина З.П., 1980. Левобережный вариант древнеямной культурно-исторической общности // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (2-е тыс. до н. э.) // МИА. № 93.
- Марковин В.И., 1994. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.
- Мелентьев А.Н., 1966. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. Вып. 106.
- Мельник А.А., Сердюкова И.Л., 1988. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
- Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.
- Минаева Т.М., 1965. Курган эпохи бронзы у с. Старо-Михайловка // Новое в советской археологии (МИА. № 130).

- Моргунов Ю.Ю., Семенов А.И., 1977. Раскопки курганов в г. Волгодонске // АО 1976 г.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. (Сер. «Археология»).
- Мюллер-Карпе Г., 1987. Циркумпонтийские отношения в эпоху ранней и средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Нариманов И.Г., Джафаров Г.Ф., 1990. О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана // СА. № 1.
- Нехаев А.А., 1983. Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д.
- Нехаев А.А., 1987. Закубанье и степь в эпоху раннего металла // Древности Кубани: М-лы семинара. Краснодар.
- Нехаев А.А., 1989. Работы Адыгейской археологической экспедиции в 1985–1987 гг. // Первая Кубанская археол. конф.: Тез. докл. Краснодар.
- Нехаев А.А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб. 1.
- Нечитайло А.Л., 1971. Катакомбные погребения эпохи бронзы в окрестностях города Черкесска // М-лы по изучению Ставропольского края. Ставрополь. Вып. 12–13.
- Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.
- Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1995. Особливий тип кераміки в характеристиці взаємовідносин Кавказьких та степових племен // Археологія. № 4. Київ.
- Николаева Н.А., 1980. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тез. докл. конф. Оренбург.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1975. Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. Вып. 142.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1981. Древнейшая катакомбная культура Северо-Западного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение Днепро-Кубанской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья: Сб. Орджоникидзе.
- Николова А.В., 1992. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Новицкий Е.Ю., 1985. Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское // СА. № 2. ОАК за 1903. СПб., 1906.
- Отрощенко В.В., Моця О.П., 1989. Обряд кремації у стародавнього населення території України (V тис. до н. е. – I тис. н. е.) // Археологія. № 2. Київ.
- Петренко В.Г., 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья: Тез. докл. науч.-практ. сем. Реми.
- Пицхелаури К.Н., 1987. Центральное Закавказье в конце 3-го – начале 2-го тыс. до н. э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В., Дорофеев В.В., 1991. Работы Кировоградской экспедиции // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Препринт. Київ. Вип. 2.
- Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М.
- Пустовалов С.Ж., 1990. Багатокамерні поховання та деякі питання соціальної структури катакомбної спільності // Археологія. № 3. Київ.
- Рассамакин Ю.Я., 1988. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
- Рассамакин Ю.Я., 1992. Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Рассамакин Ю.Я., 1996. Проблемы хронологии и периодизации некоторых “среднестоговских” памятников // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): М-лы конф. Донецк. Ч. 1.
- Резепкин А.Д., 1982. Проблемы развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпозиума, посвящ. 60-летию образования СССР. Ереван.

- Резепкин А.Д., 1989. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1985. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Рыков П.С., 1933. Погребения в шалашах // ИГАИМК. № 100.
- Рысин М.Б., 1996. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.
- Савва Е.Н., 1988. Исследование кургана у г. Тирасполя // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. Кишинев.
- Самар В.А., 1992. Курган эпохи энеолита – бронзы вблизи Михайловского поселения // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. III.
- Сафронов В.А., 1968. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л. Вып. I.
- Сафронов В.А., 1973. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // КСИА. Вып. 134.
- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. научно-методич. совета по охране памятников культуры М-ва культуры СССР. М. Вып. VII.
- Сафронов В.А., 1980. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
- Сафронов В.А., 1983. Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
- Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Сердюкова И.Л., 1987. К вопросу о смысловой интерпретации молоточковидных булавок // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. конф. Омск.
- Серова Н.Л., 1981. Исследование кургана у с. Етулия // Археологические исследования в Молдавии (1974–1976 гг.). Кишинев.
- Синицын И.В., 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. Вып. X.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э., 1987. Древности Восточного Маньчжурии. Элиста.
- Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж.
- Смирнов А.М., 1989. Катакомбы эпохи степной бронзы и энеолитические подбои // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. семинара. Донецк.
- Смирнов А.М., 1991. Раннекатакомбные погребения на Северском Донце // М-лы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Смирнов Ю.А., Узанов А.А., 1978. Нижнесальские курганы // АО 1977 г.
- Сорокина И.А., 1985. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. № 3.
- Сорокина И.А., Орловская Л.Б., 1993. Погребения майкопского времени Общественного II могильника в Степном Закубанье // Вестник шелкового пути. Археологические источники. М. Вып. I.
- Спицын А.А., 1899. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. XI. Вып. I–II.
- Субботин Л.В., 1980. Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семеновской экспедиции) // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев.
- Тарабанов В.А., 1990. Раскопки курганов эпохи бронзы у пос. Черноморский Северского района // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Тарабанов В.А., 1991. Раскопки курганов на правом берегу Кубани // КАБ. Вып. I.
- Тасич Н., 1987. Междоусобные связи южно-русских степей и югославского Подунавья в энеолите // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- Телегин Д.Я., 1971. Енеолітичні стели та пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. Вип. 4. Київ.
- Телегин Д.Я., 1982. Датування археологічних пам'яток на Україні методами точних наук // Вісник АН УРСР. № 11.
- Телегин Д.Я., 1987. Трипольская и ямная культуры: Вопросы хронологии и синхронизации культур медного века юга Украины // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

- Телегин Д. Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев.
- Тесленко Д. Л., 1996. Ритуальные раскраски черепа в погребениях ямной культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): М-лы конф. Донецк.
- Тешев М. К., 1982. Гробница Псыбе – новый памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М.
- Титов В. С., 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.
- Тоцев Г. Н., 1987. Охранные раскопки в с. Велико-Зиминово // АО 1986 г.
- Трейстер М. Ю., 1996. Троянскиеклады (атрибуции, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: Каталог выставки. М.
- Трифонов В. А., 1982. О смене обрядовых групп погребений в Степном Прикубанье (энеолит – средняя бронза) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюзн. симпозиума. Ереван.
- Трифонов В. А., 1983а. Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге // КСИА. Вып. 176.
- Трифонов В. А., 1983б. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Трифонов В. А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
- Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трубачев О. Н., 1980. Этимология славянских языков // Вестник АН СССР. № 12.
- Турецкий М. А., 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1983. Раскопки курганный группы Шахаевская 2 на р. Маныче // Древности Дона. М.
- Фисенко В. А., 1966. О происхождении и хронологии катакомбной культуры: Учеб. пособие по курсу истории СССР. Саратов.
- Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Хлопин И. Н., 1989. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. № 3.
- Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П., 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинев.
- Чередниченко Н. Н., 1991. О роли колесного транспорта в хозяйстве и погребальном обряде степных племен в эпоху бронзы // Древняя история населения Украины. Киев.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж., 1989. К вопросу о колесницах и колесничих в обществе катакомбной культуры // СА. № 4.
- Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж., 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры: По материалам раскопок в Нижнем Поднепровье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. семинара. Донецк.
- Черненко Е. В., 1980. Раскопки курганов в междуречье Сулы и Супоя // АО 1979 г.
- Черноплицкий М. П., 1988. Первый Кошарский курган и некоторые общие проблемы становления монументальной архитектуры // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов.
- Черных Е. Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М.
- Черных Е. Н., 1992. Раскопки Адыгейской археологической экспедиции в 1989–1990 годах // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.
- Черных Л. А., 1991. Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Черняков И. Т., 1979. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Чеченов И. М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2-й // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т. 1.
- Чмыхов Н. А., 1990. О времени появления катакомбного погребального обряда на Украине // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. науч. конф. Запорожье.
- Шапошникова О. Г., 1985а. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1.
- Шапошникова О. Г., 1985б. Памятники нижнемихайловского типа // Там же.

- Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н., 1977. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингуля. Киев.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев.
- Шарафутдинова Э.С., 1983. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА. Вып. 176.
- Шевченко А.В., 1983. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
- Шилов В.П., 1984. Стратиграфическое соотношение “жертвенного места” и погребения 8 кургана 9 группы Три брата I в Калмыкии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Шилов Ю. А., 1982. Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Шилов Ю.А., 1988. “Грот быка” по материалам древнейших курганов // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
- Шилов Ю.А., 1990. Космические тайны курганов. М.
- Шишлина Н.И., 1991. Погребение эпохи бронзы в Калмыцкой степи: О социальной дифференциации населения Калмыцкой степи в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста.
- Щепинський А.А., 1973. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. Вип. 9. Київ.
- Щепинский А.А., 1975. Энеолит Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н. э. Симферополь.
- Эрдниева У.Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста.
- Юсип А.И., Лопатин В.А., 1989. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. № 3.
- Яровой Е.В., 1983. Курганы эпохи ранней бронзы у с. Яблони // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев.
- Яровой Е.В., 1984. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута (по материалам раскопок курганов у с. Корпач) // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев.
- Яровой Е.В., 1985. О некоторых деревянных конструкциях в ямных погребениях у с. Бычок // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. Кишинев.
- Caskey J.N., 1935. Excavations at Lerne // Hesperia, XIV.
- Childe V.G., 1951. The First Waggon and Carts from the Tigris to Severn // PPS for 1950. Vol. XVII.
- Childe V.G., 1954. The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographische-Archäologische Forschungen. 2. Berlin.
- Häusler A., 1982. Zur Geschichte von Rad und Wagen in den Steppen Eurasiens // Das Altertum. Bd. 28. № 1. Berlin.
- Kalicz N., 1968. Die Frühbronzezeit in nord-ost Ungarn: Abriss der Geschichte des 19.–16. Jahrhunderts v. u. Z. // Archeologia Hungarica. Bd. 45.
- Mellaart J., 1957. Anatolian chronology in the Early and Middle Bronze Age // Anatolian Studies. Vol. 7.
- Milojčić V., 1949. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin.
- Piggott S., 1968a. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. XXXIV.
- Piggott S., 1968b. The Beginnings of Wheeled Transport // Scientific American. Vol. 219. № 1.

Архивные материалы

- Анфимов И.Н., 1984. Отчет об археологических раскопках в Красноармейском районе Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10099.
- Анфимов И.Н., 1987. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12478.
- Анфимов И.Н., 1989. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза “Рассвет” Калининского района Краснодарского края в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12585–12589.
- Анфимов И.В., б/г. Материал АЭ ст. Сергиевской Кореновского района // Архив КГИИМЗ. № 266.
- Анфимов И.В., 1974. Отчет о раскопках курганов близ ст. Роговской (Тимашевский р-н, Краснодарский край), производившихся в 1970–1971 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6123.

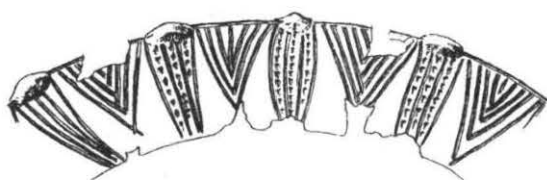
- Баков Г., 1971. Отчет об археологической экспедиции 1971 года в ст. Ивановской Красноармейского района Краснодарского края // Архив КГИАМЗ. № 431.
- Беспальный Е.И., 1982. Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8714.
- Беспальный Е.И., 1984. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9887.
- Бочкарев В.С., 1979. Отчет Прикубанской экспедиции о раскопках курганной группы Брюховецкая I в Краснодарском крае в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7417.
- Бочкарев В.С., 1981. Отчет о работе Новокорсунского и 2-го Батуринского отрядов Кубанской экспедиции за 1980 г. в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 8243.
- Бочкарев В.С., 1982. Отчет Брюховецкого отряда Кубанской экспедиции за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8846.
- Бочкарев В.С., 1985. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Динском районе Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10830.
- Бочкарев В.С., 1986. Отчет Кубанской археологической экспедиции о раскопках курганной группы Белевцы I в Динском районе Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10934.
- Бочкарев В.С., 1987. Отчет о работе Динского отряда Кубанской экспедиции в Динском районе Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12399.
- Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Избицер Е.В., Чернопицкий М.П., Смирнов А.М., 1984. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Приморско-Ахтарском р-не Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9594.
- Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983. Отчет Кубанской экспедиции 1982 г. о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9605.
- Гей А.Н., 1980. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11597.
- Гей А.Н., 1981. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1979–1980 гг. (раскопки курганов 2–14 могильника Лебеди I) // Архив ИА РАН. Р-1. № 10857.
- Гей А.Н., 1983. Отчет о работе Курганинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9856.
- Гей А.Н., 1985. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (О роли племен мариупольской провинции в сложении степных скотоводческих культур эпохи бронзы): Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2343.
- Гей А.Н., 1990. Отчет о работе Пластуновского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14977–14982.
- Гей А.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А., 1988. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14236–14242.
- Гей А.Н., Сатеев О.И., 1987. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12005.
- Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И., 1985. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9722.
- Гиджрати Н.И., 1981. Отчет старшего научного сотрудника, начальника отряда СКАЭ НИСа СОГУ Гиджрати Н.И. за 1980 год // Архив КГИАМЗ. № 299, 300.
- Гиджрати Н.И., Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1978. Отчет о раскопках курганов у ст. Темижбекской и у с. Найденовка Кавказского района Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6534.
- Дмитриев А.В., 1980. Отчет о раскопках в пос. Мысхако близ г. Новороссийска (могильник и поселение) в Краснодарском крае в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10758.
- Дроздова А.В., 1989. Отчет о раскопках кургана "Магистральный" в зоне строительства Понуро-Калининской ОС 2-й очереди в Калининском районе Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12883–12884.
- Ждановский А.М., 1974. Отчет о раскопках кургана близ ст. Ивановской в 1974 г. // Архив КГИАМЗ. № 432.
- Железчиков Б.Ф., 1982. Отчет об археологических исследованиях курганов в Калининском районе Краснодарского края в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8692.
- Житников В.Г., 1987. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского гос. университета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11373.

- Жупанин О.Ф., 1988. Отчет о проведении раскопок кургана в зоне строительства временного поселения строителей Краснодарской АЭС в Мостовском районе Краснодарского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12356.
- Жупанин О.Ф., 1990. Отчет о проведении археологических исследований курганного могильника Кореновский VII в зоне реконструкции участка автодороги Новороссийск - Павловская // Архив ИА РАН. Р-1. № 14144-14146.
- Зельдина В.Я., 1979. Раскопки Сагванских могильников. Отчет о работах в 1978 году. Т. II // Архив ИА РАН. Р-2. № 8102.
- Каминский В.Н., 1985. Отчет о раскопках кургана в г. Тимашевске Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10598.
- Кияшко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2143.
- Клейн Л.С., 1968. Происхождение донецкой катакомбной культуры: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2022, 2023.
- Козенкова В.И., 1971. Отчет о работе Ново-Титаровского отряда Краснодарской экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4247.
- Кондрашов А.В., Тарабанов В.А., 1986. Отчет о раскопках двух курганов в ст. Новокорсунской Тимашевского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10891.
- Лесков А.М., Балинский И.М., Днепровский К.А., Ксенофонтова И.В., Лапушнян В.Л., Носкова Л.М., Христановский В.А., 1982. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока в 1981 г. в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 8848.
- Лимберис Н.Ю., 1989. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы, 2-й очереди, в Калининском р-не Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12828.
- Лимберис Н.Ю., 1991. Отчет Краснодарской экспедиции о раскопках курганов в ст. Новокорсунской Тимашевского р-на Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15098-15100.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979а. Исследование курганов на х. Павлоградском и Чапаевском Калининского района Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7482.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979б. Исследование курганов в Красноармейском районе Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7501.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского гос. университета им. К.Л.Хетагурова (СОГУ) в Краснодарском крае в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7863-7866.
- Мельник В.И., 1988. Отчет о раскопках Тихорецкого отряда СКАЭ в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12795-12798.
- Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1983. Отчет о работах в 1982 г. (Понурский отряд) // Архив ИА РАН. Р-1. № 9788.
- Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Дис. ... докт. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2010.
- Нехаев А.А., 1978. Отчет о полевых исследованиях совместной археологической экспедиции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника и Краснодарского краевого совета ВООПИК в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6849.
- Нехаев А.А., 1979. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7329.
- Нехаев А.А., 1980. Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7551.
- Нехаев А.А., 1982. Раскопки курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9708.
- Николаев Г.А., 1982. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8051.
- Паромов Я.М., 1989. Отчет о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14139-14141.
- Пьянков А.В., 1986. Отчет о раскопках двух курганов у ст. Новотиторовской Динского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10950.
- Пятых Г.Г., 1978. Отчет о раскопках кургана у ст. Ивановской Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6856.
- Пятых Г.Г., 1982. Отчет о раскопках Северо-Кавказской экспедиции в Краснодарском крае в 1981 г. (могильник "Царский курган") // Архив ИА РАН. Р-1. № 9852.

- Рябова В.Я., б/з. Отчет о раскопках могильника Лебеди II // Архив СКАЭ РАН.
- Савченко Е.И., 1985. Отчет о работах Мингрельского отряда в 1984 г. // Архив СКАЭ РАН.
- Савченко Е.И., 1990. Отчет о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14285, 14286, 14304, 14305.
- Сафронов В.А., 1973. Отчет о раскопках курганов у ст. Роговской Тимашевского района Краснодарского края в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5755.
- Сафронов В.А., 1979. Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7500.
- Семенов А.И., 1980. Отчет о работе Темижбекского отряда Северокавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского Гос. университета в 1979 г. Раскопки курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Кавказском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11279.
- Скарбовенко В.А., 1981. Отчет о раскопках курганных могильников в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы на землях колхоза "Заря" в Калининском р-не Краснодарского края (1980) // Архив ИА РАН. Р-1. № 8744.
- Скрипкин А.С., 1982. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы в Краснодарском крае в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8765.
- Скрипкин А.С., 1984. Отчет о раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9246.
- Сорокина И.А., Орловская Л.Б., 1986. Отчет о работах Мингрельского отряда Северо-Кавказской экспедиции в Абинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11148.
- Тарабанов В.А., 1974. Материал АЭ станицы Новомышастовской Динского района // Архив КГИ-АМЗ. № 263.
- Тарабанов В.А., 1975. Отчет о раскопках кургана в ст. Ивановской в 1975 г. // Архив КГИАМЗ. № 433.
- Тарабанов В.А., 1978. Исследование кургана, расположенного в 5 км восточнее пос. Пашковский, попадающего в зону реконструкции автомобильной дороги Краснодар - Крототкин // Архив ИА РАН. Р-1. № 6819.
- Тарабанов В.А., 1984. Отчет о раскопках курганов в колхозе им. XXII партсъезда Кореновского района Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9878.
- Турецкий М.А., 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда): Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2501.
- Ульянова О.А., 1986. Отчет о работах Мингрельского отряда в 1985 г. // Архив СКАЭ РАН.
- Ульянова О.А., Сатеев О.И., Гей А.Н., 1986. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11628.
- Чернопицкий М.П., 1988. Отчет об археологических исследованиях в станице Динская Краснодарского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12354.
- Черных Е.Н., 1991. Отчет о работах Адыгейской археологической экспедиции Адыгейского областного краеведческого музея в Белореченском районе Краснодарского края и в Теучежском районе ААО в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15002-15003.
- Шаталин Ю.А., 1982. Отчет о раскопках кургана на землях совхоза "Красноармейский" Красноармейского района Краснодарского края в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8768.
- Шаталин Ю.А., 1983. Отчет о раскопках кургана на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9511.
- Шаталин Ю.А., 1986. Отчет о раскопках курганов в пос. Садовод (г. Тимашевск) Тимашевского р-на Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10429.
- Шевченко Н.Ф., 1985. Отчет о раскопках курганов у хут. Пролетарский Кореновского р-на Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10541.
- Шевченко Н.Ф., 1987. Отчет о раскопках курганов у х. Пролетарского Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11359.
- Ярковая Е.А., 1973а. Материал АЭ плодосовхоз "Новотитаровский", пос. Найдорф (станция Новотитаровская Динского р-на), 1973 г. // Архив КГИАМЗ. № 273, 274.
- Ярковая Е.А., 1973б. Материалы АЭ станицы Ново-Титаровской Динского р-на // Архив КГИАМЗ. Б/н.
- Ярковая Е.А., 1973в. Материал АЭ, совхоз "Приазовский" Приморско-Ахтарского района // Архив КГИАМЗ. № 265.
- Ярковая Е.А., 1973г. Дневники и чертежи // Отдел фондов КГИАМЗ. Б/н.
- Ярковая Е.А., 1975. Материалы АЭ станицы Новомышастовской, Ангелинский Ерик, колхоз "Россия" Красноармейского района // Архив КГИАМЗ. № 265.

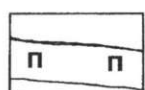
Список сокращений

- ААО – Адыгейская автономная область.
 АО – Археологические открытия. М.
 АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
 АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.
 АЭ – археологическая экспедиция.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
 ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
 КАБ – Кубанский археологический бюллетень. Краснодар.
 КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 МИА – Материалы по археологии СССР. М.; Л.
 РА – Российская археология. М.
 РОМК – Ростовский областной музей краеведения.
 СА – Советская археология. М.
 СКАЭ – Северо-Кавказская археологическая экспедиция.
 PPS – Proceedings of the Prehistoric Society. London; Cambridge.

Условные обозначения

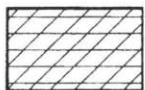
для профилей бровок

Пахотный слой

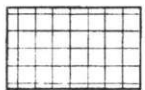
Серый суглинок

Коричневый суглинок

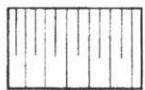
Серо-коричневый суглинок

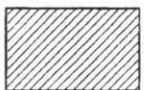
Чернозем, темный суглинок

Поздние перекопы

Погребенная почва и предматерик

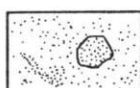
Материковые выкиды

для планов курганов

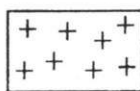

Материковые выкиды

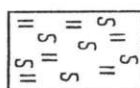
для планов погребений

Охра, красная краска

Мел, известь

Зола и прокал

Древесный уголь

Костный тлен

Белый и белесый тлен

Черный органический тлен

Коричневый органический тлен

Дерево, древесный тлен

Узоры белой краской по темному фону

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИЗУЧЕНИЯ НОВОТИТОРОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ	7
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ НОВОТИТОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	25
Курганный могильник Лебеди I	26
Курганный могильник Малаи I	45
Курганный могильник Останний	66
Этапы НТ культуры	99
Локальные варианты НТ культуры	106
ГЛАВА 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НОВОТИТОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	112
Курганный “архитектура”	112
Планировка подкурганных кладбищ, размещение погребений	113
Формы могильных сооружений и их эволюция	115
Виды погребений, поза погребенных	124
Детали обряда	127
ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ТИПОЛОГИЯ ИНВЕНТАРЯ	133
Глиняная посуда	134
Металлические орудия	150
Кремневые изделия	153
Каменные орудия и изделия	154
Костяные орудия	158
Металлические украшения	159
Украшения из кости и рога	163
Циновки, ткани	171
Одежда, традиционный костюм	173
Повозки	175
ГЛАВА 5. НОВОТИТОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ЗОНЫ	193
Место новотиторовской культуры в контексте памятников энеолита – бронзового века Северо-Западного Предкавказья (локальная стратиграфия и хронология)	193
Новотиторовская культура и памятники предшествующего времени (генетический аспект, проблема сложения культуры)	198
Новотиторовская культура в системе синхронных и родственных ей культурных образований	201
Новотиторовская культура и культуры последующего времени. Исторические судьбы НТ культуры	203
Новотиторовская культура и культура ранних курганов Закавказья	205
Библиография	210
Архивные материалы	217
Список сокращений	221
Условные обозначения	222

Александр Николаевич Гей
НОВОТИТОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА
Научное издание

Утверждено в печать
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редактор Е. Е. Сырнева
Макетирование: Н. В. Лопатин

Подписано к печати 18.02.2000
Формат 60х90 1/8. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 19,5. Уч.-изд.л. 28,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

ЛР № 065741 от 13 марта 1998 г.

Типография ГПИБ
101000 Москва, Старосадский пер., 9

